Эр 1 / 471

Шис Г. К.
Сибирь, союзники
и Колчак. т. 1 ч. 1

33584/

Г.К. ГИНСЪ
G. Guins

СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ и КОЛЧАКЪ

Siberia, Allies and Koltchak

I

1921 ПЕКИНЪ

Изд. Общества Возрожденія Россіи въ г. ХАРБИНѢ

[illegible]

ЭР1 — 471

Г. К. ГИНСЪ.

(George K. Guins)

323.2(57)„1918/20

СИБИРЬ, СОЮЗНИКИ И КОЛЧАКЪ.

Поворотный моментъ русской исторіи.

1918-1920 г. г.

(Впечатлѣнія и мысли члена Омскаго Правительства).

ТОМЪ I.

Часть I.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 33584/8°
СФ. № 462

Большевизмъ. Областныя правительства. Директорія. Верховный Правитель. Союзники. Заговорщики. Побѣдители. Неизбѣжный конецъ.

ПЕКИНЪ.
Типо-литографія Русской Духовной Миссіи.
1921 годъ.

All rights reserved.

Авторское право

закрѣплено во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Издатель „Общество Возрожденія“ въ г. Харбинѣ.

Верховный Правитель
Адмиралъ А. В. Колчакъ.

Предисловіе.

7 февраля въ Иркутскѣ національный вождь—адмиралъ Колчакъ былъ разстрѣлянъ безъ суда и до окончанія допроса. Адмиралъ встрѣтилъ смерть мужественно, съ глубокимъ презрѣніемъ къ убійцамъ.

Въ теченіе года имя адмирала произносилось въ глубинѣ Россіи съ благоговѣніемъ. Его ждали, какъ избавителя. Его имя — это имя цѣлаго движенія, цѣлой эпохи русской революціи.

Адмиралъ Колчакъ—одна изъ наиболѣе яркихъ фигуръ нашего военнаго міра. Онъ былъ хорошо извѣстенъ заграницей еще во время великой войны, заслужилъ славу одного изъ наиболѣе храбрыхъ и способныхъ морскихъ офицеровъ и пользовался большимъ авторитетомъ.

Въ 1900 г. онъ былъ приглашенъ участвовать въ опаснѣйшей экспедиціи барона Толя, снаряженной Академіей Наукъ въ Ледовитый океанъ для изслѣдованія полярныхъ сибирскихъ морей.

Въ 1912 году адмиралъ вторично отправляется въ Ледовитый океанъ, въ качествѣ уже самостоятельнаго начальника новой экспедиціи для розысковъ партіи барона Толя.

Уже найдены дневники Толя, но упорно продолжаетъ онъ опасное плаваніе въ этомъ морѣ смерти и льдовъ. Только окончательно убѣдившись въ гибели партіи барона Толя, онъ возвращается обратно. За эту безмѣрно отважную экспедицію Академія Наукъ поднесла ему впослѣдствіи рѣдкую награду—большую Константиновскую золотую медаль, которую, кромѣ него, имѣютъ только три путешественника.

Назначенный начальникомъ новой экспедиціи къ устьямъ Лены, адмиралъ въ Иркутскѣ узнаетъ объ объявленіи русско-японской

войны и отправляется на театръ военныхъ дѣйствій въ распоряженіе адмирала Макарова. Въ Портъ-Артурѣ онъ командуетъ миноносцемъ, совершившимъ рядъ смѣлыхъ нападеній на сильнѣйшую эскадру противника, а послѣдніе два съ половиной мѣсяца осады командуетъ батареей морскихъ орудій на сухопутномъ фронтѣ крѣпости. За Портъ-Артуръ онъ получилъ золотое оружіе. Уважая храбрость, японцы ему, одному изъ немногихъ, оставили въ плѣну оружіе, а потомъ, не дождавшись конца войны, предоставили свободу.

Затѣмъ Колчакъ привлекается къ разработкѣ большой морской программы и помогаетъ защищать эту программу во время разсмотрѣнія бюджета въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Во время войны съ Германіей Колчакъ отличается сначала въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ маленькій русскій флотъ отстаиваетъ побережье отъ нападеній крупныхъ морскихъ силъ Германіи, а затѣмъ, въ должности командующаго черноморскимъ флотомъ, онъ обезпечиваетъ господство Россіи въ Черномъ морѣ.

Близкіе къ адмиралу люди разсказываютъ много интересныхъ случаевъ изъ его жизни, въ которыхъ проявились особенности характера адмирала. Наиболѣе извѣстны его смотръ черноморскаго флота, которому онъ, немедленно по прибытіи въ Севастополь, приказалъ выйти въ море, въ походъ, и эффектная сцена, когда адмиралъ бросилъ въ волны свое георгіевское оружіе, спасая его отъ матросовъ-большевиковъ.

Адмиралъ присутствовалъ на засѣданіи Всероссійскаго Правительства, подъ предсѣдательствомъ Керенскаго, когда тотъ послалъ записку генералу Корнилову не быть особенно откровеннымъ, въ виду присутствія нѣкоторыхъ лицъ (намекалось на Чернова). Впослѣдствіи адмиралъ, считая военныя силы Россіи разрушенными, предпочелъ выѣхать изъ Россіи и отправился въ Америку съ оффиціальнымъ отвѣтнымъ визитомъ американскимъ морякамъ.

До послѣдняго времени адмиралъ больше всего ненавидѣлъ „керенщину“, и, можетъ быть, изъ ненависти къ ней допустилъ противоположную крайность, излишнюю „военщину“.

Передъ сверженіемъ большевиковъ въ Сибири, адмиралъ просилъ англичанъ принять его на службу, для участія въ войнѣ съ Германіей. Онъ получилъ предложеніе отправиться въ Месопотамію, но, по просьбѣ Россійскаго посланника въ Пекинѣ, возвратился съ дороги и принялъ участіе въ организаціи военныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ.. Послѣ избранія Директоріи, онъ направился къ Деникину черезъ Сибирь, но въ Омскѣ его просили остаться. Директорія, желая привлечь популярнаго адмирала въ составъ правительства, предложила ему постъ министра по военнымъ и морскимъ дѣламъ.

Жаждавшіе твердой власти общественные круги уже замышляли въ это время сверженіе Директоріи и остановили свой выборъ на адмиралѣ, намѣтивъ его въ качествѣ диктатора. Адмиралъ ничего объ этомъ не зналъ, и сталъ „верховнымъ правителемъ“ неожиданно, до послѣдняго дня не зная о павшемъ на него жребіи.

Какъ человѣкъ, адмиралъ подкупалъ своей искренностью, честностью и прямотой. Онъ, будучи скроменъ и строгъ къ себѣ, отличался добротой и отзывчивостью къ другимъ. Чистота его души находила выраженіе въ его обворожительной улыбкѣ, дѣлавшей обычно строгое лицо адмирала дѣтски—привлекательнымъ.

Адмиралъ былъ лишенъ свойствъ неограниченнаго властителя. Войскамъ, желавшимъ видѣть того, за кого они сражаются, онъ сказалъ такъ: „Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдатъ, какъ и вы“.

Адмиралъ былъ человѣкомъ кабинетнымъ, замкнутымъ. Проводить время за книгою было его любимымъ занятіемъ. Очень часто онъ становился угрюмымъ, неразговорчивымъ, а когда говорилъ, то терялъ равновѣсіе духа, обнаруживалъ крайнюю запальчиность и отсутствіе душевнаго равновѣсія. По онъ легко привязывался къ людямъ, которые были постоянно возлѣ него, и говорилъ съ ними охотно и откровенно. Умный, образованный человѣкъ, онъ блисталъ въ задушевныхъ бесѣдахъ остроуміемъ и разнообразными знаніями, и могъ, нисколько не стремясь къ тому, очаровать своего собесѣдника.

Тѣ, кто зналъ всѣ непріятности, всѣ интриги, окружавшія адмирала, могли только сочувствовать ему и страдать за него. Но тѣ, кто не зналъ всей обстановки работы Верховнаго Правителя, выносили часто глубокое разочарованіе и даже раздраженіе изъ-за несдержанности и неуравновѣшенности его характера.

Что-то глубоко трагическое чувствовалось и въ наружности и въ характерѣ человѣка, который былъ выдвинутъ судьбой на первое мѣсто въ антибольшевистской Россіи. Но, какъ бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика въ настоящее время не только не можетъ быть отдѣлена, но цѣликомъ должна поглощаться характеристикой того политическаго движенія, которое онъ возглавлялъ.

Не личнымъ свойствамъ адмирала надо приписывать побѣды перваго періода его дѣятельности и пораженія второго. Одновременно съ сибирскимъ рухнулъ и южно-русскій фронтъ генерала Деникина. Очевидно, въ самомъ фундаментѣ антибольшевистскаго государства была гниль, самыя стѣны его были непрочны, самый планъ постройки былъ неудаченъ.

Адмиралъ сдѣлалъ все, что могъ, и прошелъ крестный путь. Исторія бережно сохранитъ его имя, и потомство будетъ чтить его память.

Революція въ Россіи еще не завершилась. Пораженіе Колчака не значитъ, что большевизмъ долго продержится, но фактъ остается фактомъ: адмиралъ Колчакъ погибъ, и возглавлявшееся имъ движеніе окончилось полнымъ крахомъ. Естественный вопросъ: что же можетъ быть противопоставлено большевизму? заставляетъ произвести оцѣнку развернувшихся въ Сибири событій.

Не только потомство, но и современники съ недоумѣніемъ остановятся передъ страннымъ явленіемъ катастрофическаго исчезновенія власти, которая, казалось, имѣла всѣ шансы на успѣхъ.

Каковъ былъ первоначальный характеръ переворота въ Сибири? Почему Сибирское Правительство преобразовалось въ Россійское? Кто былъ главнымъ виновникомъ преобразованія? По-

чему произвшло сверженіе Директоріи? Роль чеховъ, союзниковъ сибирской общественности. Характеристика Омска, атаманщины, военныхъ и гражданскихъ властей; недостатки правительственнаго механизма и правительственной политики,—все это должно быть описано съ возможно большей подробностью и тщательностью, и только тогда выяснится, что сдѣлали и что могли сдѣлать адмиралъ Колчакъ и Россійское Правительство. На эти вопросы и пытается отвѣтить эта книга.

Мы, современники и участники событій, не можемъ быть судьями, но мы вправѣ и обязаны подѣлиться впечатлѣніями о томъ, что пока незамѣтно прошло для культурныхъ націй. Послѣ тяжелой войны онѣ цѣликомъ погрузились въ сладкія переживанія мира и безсознательно жестокаго эгоизма, но онѣ живо почувствуютъ въ будущемъ міровое значеніе русской революціи. Можетъ быть, весь міръ переживетъ такія же, если не большія, потрясенія, какія выпали на долю Россіи, можетъ быть, и въ другихъ государствахъ будутъ происходить гражданскія войны, подобныя той, которая терзаетъ Россію,—пусть же пережитые Россіей уроки не пропадутъ даромъ. *Надо знать ошибки прошлаго, чтобы не повторить ихъ въ будущемъ.*

Мы не можемъ быть судьями, но мы не можемъ малодушно и виновато молчать, когда преданъ и убитъ тотъ, кто любилъ только Россію и ничего не хотѣлъ для себя, и когда цѣликомъ опорочиваютъ всю дѣятельность правительства, которое, быть можетъ, заблуждалось или дѣйствовало неумѣло, но ставило себѣ задачи благоразумныя и честныя, отвѣчавшія національнымъ стремленіямъ и интересамъ.

Адмиралъ Колчакъ связалъ свое имя съ идеей, во имя которой велась гражданская война—идеей *единой великой Россіи.* Его непорочная репутація служила залогомъ честности движенія, и подъ его знамя встали всѣ противники большевизма. Можетъ быть, въ самой идеѣ этого объединенія противобольшевистскихъ силъ таилась гибель движенія? Но эта идея поддерживалась большинствомъ, она воодушевляла, и, по мнѣнію всѣхъ сторонниковъ

ея, только два человѣка могли воплотить эту идею: адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ.

Движеніе не могло измѣниться отъ того, первый или второй былъ Верховнымъ Правителемъ.

Они дѣйствовали единодушно, но другія силы оказались могущественнѣе ихъ.

Адмиралъ Колчакъ былъ выразителемъ тѣхъ политическихъ теченій, которыя вошли въ русло *союзнической оріентаціи.* Нанесено ли пораженіе этой оріентаціи? Была ли она ошибкой движенія? Адмиралъ не могъ ей измѣнить по личнымъ убѣжденіямъ, и вся почти русская антибольшевистская общественность была на сторонѣ союзниковъ, разсматривая борьбу съ большевиками, какъ продолженіе антигерманской войны.

Адмиралъ стоялъ за Учредительное Собраніе, и онъ, несомнѣнно, созвалъ бы его и передалъ ему власть.

Не было ли ошибкой откладываніе острыхъ вопросовъ до отдаленнаго неизвѣстнаго момента Учредительнаго Собранія, когда земледѣльческая Россія требовала отвѣтовъ сейчасъ же? И здѣсь адмиралъ былъ выразителемъ лишь общаго единодушнаго убѣжденія въ неполномочности временнаго правительства рѣшать основные вопросы устройства государственной жизни. Основныя идеи, лозунги и даже методъ дѣйствій были даны, такимъ образомъ, не адмираломъ, а эпохой. Судить за нихъ адмирала никто не вправѣ, выполненіе же зависѣло не отъ вождя.

Общепризнанный геній Наполеона не спасъ его арміи ни въ Россіи ни въ битвѣ при Ватерлоо, и геній безсиленъ тамъ, гдѣ общія условія дѣлаютъ невозможной побѣду.

Перелистывая страницы непродолжительной, но бурной исторіи гражданской войны Сибири съ большевизмомъ, мы найдемъ много ошибокъ адмирала и въ подборѣ лицъ и въ способахъ дѣйствій, но надо знать обстановку и условія работы, чтобы судить, можно ли было поступать иначе.

На югѣ Россіи было больше и людей и культурныхъ средствъ, но и тамъ антибольшевистскія силы, понесли серьезное пора-

женіе—очевидно, причины пораженія лежатъ глубоко, и поверхностныя наблюденія ихъ не откроютъ.

Будущая Россія оцѣнитъ благородство адмирала Колчака и воздвигнетъ ему памятникъ благодарности, но и намъ, современникамъ, стыдно не отдать должнаго свѣтлой памяти мужественнаго и самоотверженнаго Правителя. Мы должны оградить его имя отъ несправедливыхъ, клеветническихъ обвиненій. Онъ былъ не „врагомъ народа", а его слугой, но, если ему не суждено было сдѣлать для народа то, къ чему россійское правительство искренне и упорно стремилось, то это не его вина. Онъ хотѣлъ улучшить благосостояніе народной массы, но это оказалось невозможнымъ въ условіяхъ непрекращавшейся войны и разрушеннаго транспорта.

Адмиралъ Колчакъ погибъ за чужіе грѣхи, и культурный міръ долженъ понять, что предательство по отношенію къ адмиралу—великое злодѣяніе не только передъ Россіей, которая лишилась одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, но и передъ достоинствомъ націй, флаги которыхъ красовались въ столицѣ антибольшевистскаго движенія—Омскѣ, и которыя приняли подъ свое покровительство адмирала, и, наконецъ, передъ исторіей, ибо для нея останется много неизвѣстныхъ фактовъ и мыслей, о которыхъ могъ бы повѣдать только адмиралъ Колчакъ. Лишь небольшая часть этого богатаго матеріала заключается въ полныхъ захватывающаго интереса показаніяхъ адмирала въ Иркутскѣ.

Скорбный образъ адмирала Колчака, съ его проницательными и печальными глазами и мученическими линіями лица, будетъ долго памятенъ.

Какъ постоянный укоръ, будетъ онъ преслѣдовать и тѣхъ, кто взялъ на себя неблагодарную роль предателей, и тѣхъ, чья вина привела гражданскую войну къ ея тяжелому финалу.

Тѣхъ же, кто любитъ Россію, этотъ образъ заставитъ склонить голову и мучительно вспомнить о неизмѣримой глубинѣ бѣдствій, переживаемыхъ великимъ государствомъ.

Судьба сдѣлала меня не только свидѣтелемъ, но и близкимъ участникомъ происходившей въ Сибири съ 1918 по 1920 г. г. двухлѣтней политической борьбы.

Революція 1917 г. застала меня въ должности старшаго юрисконсульта всѣхъ продовольственныхъ организацій при министерствѣ земледѣлія въ Петроградѣ. Я былъ въ то же время приватъ-доцентомъ Петроградскаго Университета по кафедрѣ гражданскаго права и преподавателемъ системы римскаго права въ Психо-неврологическомъ Институтѣ. Какъ служба, такъ и личныя склонности ставили меня далеко отъ политики, и я мечталъ посвятить свои силы всецѣло академическимъ работамъ.

Въ январѣ 1918 года, видя безотрадную обстановку Петрограда, я покинулъ его и перебрался въ Омскъ, гдѣ былъ избранъ и. д. экстраординарнаго профессора гражданскаго права въ Политехническомъ Институтѣ. Меня связывала съ Сибирью прежняя служба въ Переселенческомъ Управленіи, я любилъ Сибирь, вѣрилъ въ ея будущее и былъ твердо убѣжденъ, что крѣпкое сибирское крестьянство быстро освободится отъ большевистскаго ярма.

Планы мои не удались.

Переворотъ произошелъ неожиданно. Всякій, кто могъ, долженъ былъ помочь новой власти. Вмѣсто скромной профессорской дѣятельности, меня захватилъ водоворотъ политики.

Два года были не пережиты, а выстраданы.

Работы не было, была только борьба. Во всемъ чувствовалась переходная эпоха, ломалась психологія, мѣнялись взгляды.

То близкій, то болѣе отдаленный участникъ, я такъ же, какъ и другіе, тщетно боролся съ силою политическаго водоворота и тщетно вѣрилъ въ силы другихъ.

Страдая общимъ для всѣхъ омскихъ дѣятелей грѣхомъ,—неподготовленностью къ широкой государственной работѣ, я не обладалъ ни даромъ предвидѣнія ни силой настойчивости, предполагающей увѣренность въ своихъ силахъ.

Остановить революцію, повернуть жизнь на новый путь не удалось.

Революція побѣждала. Въ арміи, въ чиновничествѣ, въ политическихъ партіяхъ—вездѣ проявилась мощная сила революціи. Все и мы всѣ, участники борьбы, казались жалкими и безсильными.

Но сейчасъ, оглядываясь на прошлое, я чувствую, что мы *должны* съ полной откровенностью и безжалостностью къ самимъ себѣ разсказать о томъ, что видѣли и познали, потому что, дѣлая это, чувствуешь, какъ во мракѣ скорби о прошломъ загорается огонь надежды на будущее, и освѣщаются *новые пути*.

Часть I.

Сибирское Правительство.

Глава I.

Большевизмъ въ началѣ 1918 года.

Со второй половины 1917 года начинается бѣгство изъ голоднаго Петрограда въ хлѣбныя мѣста. Оно особенно усилилось послѣ октябрьскаго переворота. Надъ Петроградомъ нависла грозная туча. Каждый интеллигентъ чувствовалъ себя „буржуемъ“, котораго окружаютъ подозрѣніе и злоба. Бѣжали на Кавказъ и въ Сибирь,—туда, гдѣ казалось безопаснѣе и сытнѣе.

Преобладающее большинство русской интеллигенціи, не привыкшее въ царскій періодъ къ свободной политической жизни, довольно наивно относилось къ происходившимъ со времени революціи событіямъ, не подозрѣвая ихъ глубокаго соціальнаго содержанія. Побѣда большевизма казалась случайной и кратковременной. О „большевикахъ“ представленіе было самое смутное. Соціалъ-демократы, которые хотятъ „большаго“, чѣмъ „меньшевики“-вотъ обычное представленіе о тѣхъ, кто уже три года правитъ огромною Россіей. Желаніе „большаго“, т. е. стремленіе осуществить соціализмъ, казалось настолько нереальнымъ, что даже въ средѣ партійныхъ политиковъ находилось мало лицъ, которыя относились съ достаточною серьезностью къ изученію методовъ большевистской работы и пріемовъ борьбы съ нею.

Этимъ объясняется неожиданность для большинства русской интеллигенціи успѣха большевистской революціи.

Большевики и меньшевики.

Краткая справка изъ исторіи соціалъ-демократической партіи въ Россіи не безполезна и теперь, когда мы изучили „большевизмъ“ на практикѣ. Эта справка создаетъ фонъ общему повѣствованію.

Расколъ соціалъ-демократіи на „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“ произошелъ въ 1903 году на второмъ съѣздѣ партіи. Названіе большевиковъ произошло не отъ размѣра ихъ политиче-

скихъ требованій, а отъ слова „большинство", которое получила резолюція Ленина.

Разногласія большинства и меньшинства сказались очень рѣзко и, чѣмъ дальше, тѣмъ становились глубже. „Меньшевики" оставались правовѣрными послѣдователями марксизма, вѣровавшими въ неуклонность экономическаго прогресса и параллельное нарастаніе революціоннаго сознанія пролетаріата. Они, согласно ученію К. Маркса, не собирались насильственно перестраивать современный капиталистическій строй, а хотѣли быть только акушеромъ, для содѣйствія *своевременному* появленію на свѣтъ уже созрѣвшаго новаго строя. Ученіе марксизма диктуетъ такую революціонную выдержку, что крайніе наши революціонеры считали его коснымъ консерватизмомъ.

Большинство русскихъ соціаль-демократовъ оказалось состоящимъ изъ крайнихъ. Его тактическая программа была революціоннымъ заговоромъ. Вотъ ея характерныя особенности.

1. Стремленіе къ „централизму" организаціи. „*Руководящіе органы отнюдь не должны строиться на началахъ избранія ихъ*" широкими слоями пролетаріата, они должны составляться изъ сознательныхъ революціонныхъ вождей, которые будутъ *управлять движеніемъ*, а не итти за массой, выжидая, когда она сознаетъ свои интересы.

2. Большевики считаютъ необходимымъ, чтобы въ моментъ революціи, не считаясь съ политическимъ ея характеромъ, ихъ вожди стремились достичь власти, въ интересахъ полнаго демократическаго переворота и осуществленія „диктатуры пролетаріата и крестьянства".

3. Большевики считаютъ необходимымъ включить въ свою тактику *грубыя и вредныя дѣйствія*, которыя могли бы воспламенить массу, возбудивъ въ ней революціонный энтузіазмъ.

4. Для привлеченія на сторону пролетаріата мелко-буржуазной, чуждой соціализму крестьянской массы, предоставить ей свободное расхищеніе и распредѣленіе всѣхъ помѣщичьихъ земель. Тактическая резолюція большевиковъ на третьемъ съѣздѣ гласила по этому вопросу буквально слѣдующее: „оказывать самую широкую поддержку всѣмъ революціоннымъ мѣропріятіямъ крестьянства, способнымъ улучшить его положеніе, *вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель*".

5. Резолюціи большевиковъ по вопросу о партизанскихъ выступленіяхъ заключали въ себѣ, еще въ 1906 г., признаніе ихъ

необходимости „для боевого воспитанія и военнаго обученія боевыхъ дружинъ“. Они допускаютъ экспропріацію капиталовъ, разрушеніе и порчу казенныхъ зданій, желѣзныхъ дорогъ и другихъ сооруженій, казенныхъ и частныхъ, и ставятъ своею цѣлью „разрушеніе правительственнаго, полицейскаго и военнаго аппаратовъ.“

6. Отступая отъ классовой идеологіи марксистовъ, большевики считали въ 1906 г. необходимымъ организовать „совѣты“, но не какъ органы исключительно рабочаго пролетаріата и не для одной только борьбы за свои интересы, а какъ основныя ячейки новой власти, состоящія изъ представителей всей революціонной демократіи, „особенно крестьянъ, солдатъ и матросовъ“. Большевики при этомъ подчеркивали, что при расширеніи дѣятельности и сферы вліянія совѣтовъ рабочихъ депутатовъ должно быть отмѣчаемо, что совѣты, если они не опираются на революціонную армію и не свергаютъ правительственныхъ властей (т. е. не превращаются во временныя революціонныя правительства), неизбѣжно осуждены на паденіе.

Таковы были черты большевизма, какъ онѣ опредѣлились еще въ 1905 — 1906 г. г., во время первой русской революціи. Всѣ резолюціи большевиковъ печатались тогда въ подпольномъ журналѣ „Искра“ и далеко не были извѣстны широкимъ кругамъ, которые, не будучи знакомы съ грандіозностью разрушительныхъ плановъ революціи и съ безнравственностью ея тактики, относились довольно безучастно къ ея развитію.

Большевики и департаментъ полиціи.

Роковую роль въ развитіи большевизма сыгралъ, между прочимъ, департаментъ полиціи. Изъ опубликованныхъ послѣ переворота 1917 г. документовъ видно, что департаментъ предложилъ всѣмъ розыскнымъ учрежденіямъ „безотлагательно внушить подвѣдомственнымъ имъ секретнымъ сотрудникамъ, чтобы они, участвуя въ разнаго рода партійныхъ совѣщаніяхъ, неуклонно и настойчиво проводили и убѣдительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организаціоннаго сліянія, а въ особенности объединенія большевиковъ съ меньшевиками“. (Циркуляръ № 190, 791).

Выполняя эту инструкцію, наемные правительственные провокаторы и въ ихъ числѣ депутатъ Государственной Думы IV созыва Малиновскій, прошедшій, при содѣйствіи полиціи, отъ мо-

сковскихъ рабочихъ, дѣятельно агитировали въ пользу большевиковъ, ослабляя вліяніе и безъ того не сильнаго меньшинства соціалъ-демократической партіи, въ которомъ были разумные, трезвые дѣятели. Такъ, напримѣръ, Малиновскій, принадлежность котораго къ провокаторамъ доказалъ Бурцевъ, раскололъ въ Государственной Думѣ соціалъ-демократическую фракцію и увлекъ въ большевизмъ почти всѣхъ депутатовъ-рабочихъ, а затѣмъ, незадолго до войны, скрылся заграницу.

Царское правительство не понимало, что дѣлало. Мудрые политики поступали иначе. На Уралѣ, въ одномъ изъ крупныхъ горнозаводскихъ округовъ, искусственно насаждался меньшевизмъ, и удары большевистской революціи оказались тамъ гораздо менѣе тяжкими.

Большевики и Германія.

На Ленинѣ и Троцкомъ повисли пломбы отъ того вагона, въ которомъ они проѣзжали Германію, пользуясь любезностью враждебнаго Россіи государства въ тотъ моментъ, когда все русское населеніе пылало ненавистью къ виновникамъ міровой бойни.

Печать государственной измѣны отталкивала всѣхъ, кто честно мыслилъ, отъ вождей большевизма и ихъ послѣдователей, и никто не выражалъ сомнѣнія въ истинности тѣхъ обвиненій, которыя повсюду открыто раздавались по адресу большевиковъ,— обвиненій въ полученіи ими денегъ отъ германскаго Имперскаго банка, о существованіи въ Смольномъ комиссіи офицеровъ нѣмецкаго генеральнаго штаба, о выполненіи большевиками всѣхъ требованій Берлина.

Въ 1918 году Американское правительственное бюро печати опубликовало сенсаціонныя разоблаченія. Все, что раньше передавалось, какъ слухъ, стало обосновано документально. Въ Смольномъ дѣйствительно были нѣмецкіе офицеры. „Соглашеніе“ о совмѣстныхъ работахъ начинается слѣдующими словами: „Согласно договору, заключенному въ Кронштадтѣ 6 іюля мѣсяца сего года (1917) между представителями нашего генеральнаго штаба и руководителями русской революціонной арміи и демократіи: Ленинымъ, Троцкимъ, Раскольниковымъ и Дыбенко, отдѣленіе нашего Генеральнаго Штаба, оперирующее въ Финляндіи, назначаетъ въ Петроградъ офицеровъ, которые будутъ состоять въ распоряженіи освѣдомительнаго отдѣла штаба“.

Изъ „соглашенія“ проистекало все остальное: переводъ денегъ большевикамъ, выдача нѣмецкимъ офицерамъ въ Россіи подлож-

Манифестація въ честь большевиковъ во Владивостокѣ.

ныхъ паспортовъ для поѣздки въ Англію и Францію, убійство русскихъ патріотовъ, уничтоженіе польскихъ легіоновъ и т. д.

Большевики не опровергали этихъ обвиненій, они защищались со свойственной имъ циничностью: „цѣль оправдываетъ средства".

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ разоблаченій, Американское бюро печати сдѣлало выводъ, который многими уже забытъ. „Всѣхъ находящихся въ рукахъ правительства Соединенныхъ Штатовъ доказательствъ совершенно достаточно, чтобы уничтожить въ умѣ каждаго человѣка послѣдній остатокъ вѣры въ искренность большевистскихъ вождей и въ ихъ способность сдѣлать что-нибудь хорошее для Россіи". (На русскомъ языкѣ эти разоблаченія были напечатаны во Владивостокѣ, въ типографіи Приморской Областной Земской Управы въ 1918 г.)

Большевики застигаютъ русскую интеллигенцію врасплохъ.

Революція 1917 г. происходила по программѣ, разработанной больше, чѣмъ за десять лѣтъ до этого. За время революціонной передышки вожди коммунизма Ленинъ и Троцкій готовились къ проведенію своей программы въ жизнь, а умѣренная русская демократія, насильственно устраненная отъ политической жизни, утѣшалась однѣми теоріями и книжностью.

Естественно, что большевизмъ съ его безсердечною, но практичною, для достиженія цѣли, демагогіей легко заразилъ массы, поднялъ на поверхность самыя темныя силы. Все, что было морально болѣе устойчиваго, съ омерзѣніемъ отвернулось отъ тѣхъ пріемовъ и методовъ, которые употреблялъ большевизмъ, и отъ тѣхъ людей, которыхъ онъ выдвинулъ на мѣста комиссаровъ.

„Централизмъ", стоявшій въ основѣ тактической программы большевиковъ, удался имъ не сразу. Достаточнаго количества дисциплинированныхъ и подготовленныхъ комиссаровъ сразу не нашлось, и первый періодъ исторіи совѣтской федеративной республики ознаменовался децентрализаціей власти.

Въ Сибири совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ приняли большевистскій характеръ только къ концу декабря 1917 г. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ октябрьскаго переворота большевизмъ въ Сибири не давалъ себя знать.

Въ началѣ 1918 г. земства и думы почти повсемѣстно были разогнаны. Въ Томскѣ была распущена, послѣ двухъ дней существованія, Сибирская Областная Дума. Правительственныя уч-

рожденія стали перестраиваться. Большевизмъ началъ пускать корни.

Когда въ январѣ 1918 г. я переѣхалъ изъ Петрограда въ Омскъ, разсчитывая, что Сибирь переживетъ большевизмъ и скорѣе и легче, я нашелъ, что не ошибся.

Большевизмъ держался въ Сибири только на поверхности. Огромное море сибирскаго крестьянства нисколько не было имъ задѣто. Безсиліе большевиковъ чувствовалось во всемъ, но больше всего въ ихъ административной безпомощности.

Большевистскіе комиссары.

Во главѣ всего управленія Западной Сибирью стояли Косыревъ и Лобковъ. Первый, какъ передавали, одинъ изъ воспитанниковъ Горькаго, изъ пріюта на островѣ Капри, но это едва ли не легенда. Косыревъ—типичный демагогъ, малоинтеллигентный солдатъ, который охотно прибѣгалъ къ такъ называемой „argumentatio baculina“. Помимо угрозъ, онъ находилъ мало аргументовъ. Мнѣ пришлось видѣть его на открытіи народнаго университета. Онъ предупреждалъ аудиторію объ опасности увлеченія буржуазною наукою, напримѣръ, „какимъ-нибудь Желѣзновымъ“. Изъ этого видно было, что правитель Западной Сибири никогда не читалъ Желѣзнова, профессора-марксиста, подвергавшагося преслѣдованіямъ въ царское время за соціалъ-демократическое направленіе. Внѣшность Косырева производила отталкивающее впечатлѣніе. Очень маленькое лицо съ выдающимися скулами и злыми блестящими глазками производило впечатлѣніе ламброзовскаго типа. Когда изъ устъ его раздалась угроза: „буржуазія еще хрипитъ, но мы ее скоро совсѣмъ задушимъ“, руки его сжались въ кулаки, лицо вытянулось,—казалось, въ этого человѣка вселился вампиръ. Впечатлѣніе было жуткое.

Ближайшимъ сотрудникомъ Косырева былъ Лобковъ, еврей, сынъ омскаго мѣстнаго лавочника, всего лишь двадцати лѣтъ отъ роду, съ большимъ темпераментомъ, но, конечно, безъ всякаго опыта и знаній.

Видную роль игралъ еще комиссаръ юстиціи Вороновскій, онъ же предсѣдатель революціоннаго трибунала. Этого дѣятеля я зналъ лучше другихъ, такъ какъ участвовалъ въ товарищескомъ судѣ кооператоровъ, постановившемъ исключить Вороновскаго за клеветническіе доносы и корыстолюбіе. Ему было около двадцати пяти лѣтъ.

Большевики торжествуютъ.

Другіе комиссары не отличались даже качествами первыхъ трехъ, они лишены были и темперамента.

Наиболѣе образованнымъ сотрудникомъ омскаго совдепа былъ присяжный повѣренный Поповъ, которому выпало впослѣдствіи на долю стать виднымъ участникомъ слѣдственной комиссіи, допрашивавшей адмирала Колчака въ Иркутскѣ передъ разстрѣломъ его въ февралѣ 1920 г.

Нѣсколько чиновниковъ изъ обиженныхъ и обойденныхъ дополняли картину. Таковъ былъ составъ людей, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе всею Западною Сибирью. Каковы же должны были быть правители отдѣльныхъ областей и уѣздовъ? Скудость интеллигентныхъ силъ въ Россіи вообще извѣстна, большевики же въ тотъ періодъ оттолкнули отъ себя всю интеллигенцію.

Между тѣмъ, періодъ разрушенія не могъ длиться слишкомъ долго. Центральная совѣтская власть начала издавать декреты, коренным образомъ измѣнявшіе прежній строй и требовавшіе большой сознательности и творчества на мѣстахъ.

Народный Судъ.

Вся юстиція, согласно декрету народныхъ комиссаровъ, возложена была на выборныя судебныя коллегіи, причемъ рѣшеніямъ ихъ, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, присвоена была сила окончательныхъ. Апелляція совершенно отмѣнялась.

Такой порядокъ возможенъ лишь при большой опытности и вдумчивости судей и при наличіи гарантій, что выборы судей будутъ обставлены условіями, обезпечивающими компетентность избираемыхъ лицъ. Но такихъ гарантій и условій не было установлено.

Усмотрѣнію судей открывался самый широкій просторъ. Декретъ предоставилъ имъ руководствоваться судебными уставами 1864 г. „постольку, поскольку таковые не противорѣчатъ правосознанію трудящихся классовъ“. „Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ рѣшеніяхъ и приговорахъ должны быть указаны мотивы отмѣны судомъ устарѣлыхъ или буржуазныхъ законовъ“. (ст. 8 декр. „О судѣ“). Такая же свобода предоставлена суду и въ отношеніяхъ нормъ матеріальнаго права (ст. 36). И это новшество предполагаетъ тоже основательную подготовку судей, но такъ какъ фактически ея у выборныхъ судей могло и не быть, то

декретъ предоставилъ суду и сторонамъ право широкаго привлеченія въ судебное присутствіе свѣдущихъ лицъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Несомнѣннымъ прогрессомъ въ этомъ декретѣ, съ точки зрѣнія неимущихъ классовъ, слѣдуетъ признать предоставленіе въ процессѣ активной роли судьямъ.

Такъ, напримѣръ, ст. 14 декрета гласитъ, что „относительно доказательствъ судъ не стѣсненъ никакими формальными соображеніями, и отъ него зависитъ, по обстоятельствамъ дѣла, допустить тѣ или иныя доказательства.“ Ст. 36 разрѣшаетъ въ интересахъ справедливости отвергать всякую ссылку на давностные и другіе сроки. Слѣдуетъ отмѣтить и стремленіе къ ускоренію процесса. Но это достигается упраздненіемъ всѣхъ формальныхъ отводовъ, встрѣчныхъ исковъ, привлеченія третьихъ лицъ и т. п. (ст. 12). Однако, эти тонкости судебнаго процесса существовали не для запутыванія дѣлъ, а для обезпеченія интересовъ отвѣтчика и удобства разсмотрѣнія спорныхъ дѣлъ, и столь рѣшительное и упрощенное ихъ уничтоженіе свидѣтельствовало либо о недостаточномъ пониманіи авторами декрета политики процессуальнаго права, либо о неспособности найти законодательныя улучшенія. Извѣстный критикъ существующей системы права, съ точки зрѣнія соціализма, австрійскій профессоръ Антонъ Менгеръ не шелъ такъ далеко въ осужденіи началъ современнаго процесса и рекомендовалъ соціалистическому государству не отмѣну, а измѣненіе законовъ въ смыслѣ большаго обезпеченія мало свѣдущаго и неопытнаго въ процессѣ лица отъ злоупотребленій другой стороны.

Въ дѣло предварительнаго слѣдствія декретъ тоже вносилъ существенныя новшества. Оно поручалось декретомъ особой *выборной коллегіи* изъ трехъ лицъ, въ обязанность которыхъ входитъ и составленіе обвинительнаго акта.

Если принять во вниманіе, что въ Россіи не хватало слѣдователей и при системѣ единоличнаго слѣдствія, то можно себѣ представить, въ какой степени осуществима идея коллегіальнаго слѣдствія, и насколько должно было тормазиться уголовное судопроизводство при такой коллегіальной системѣ слѣдствія и обвиненія.

Наконецъ, интереснымъ нововведеніемъ декрета о судѣ было созданіе коллегіи правозаступниковъ при совѣтахъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ изъ числа лицъ, опять-таки избираемыхъ послѣдними. Только изъ коллегіи могъ быть приглашенъ защит-

никъ и самимъ обвиняемымъ. Но, „кромѣ указанныхъ обвинителей и защитниковъ, могутъ принять участіе въ судебныхъ преніяхъ одинъ обвинитель и одинъ защитникъ *изъ присутствующихъ на засѣданіи*“ (ст. 28). Въ этомъ нововведеніи декрета оригинально осуществляется идея непосредственнаго участія въ судѣ самого народа.

Общая оцѣнка декрета должна быть такова: онъ не плохъ только въ странѣ очень высокаго правосознанія и хорошо обезпеченной богатыми кадрами юристовъ. Нужно ли говорить, что этого не было...

Совнархозъ.

Организація народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ возложена была совѣтомъ народныхъ комиссаровъ на такъ называемый „Совнархозъ“ (совѣтъ народнаго хозяйства). Ему предоставлено вырабатывать общія нормы и планъ регулированія экономической жизни, согласовать и объединять дѣятельность центральныхъ и мѣстныхъ регулирующихъ учрежденій, устанавливать конфискацію, реквизицію, секвестръ, принудительное синдицированіе.

На мѣстахъ были организованы районные (областные) „совнархозы“. Кто же входилъ въ составъ столь важныхъ органовъ хозяйственнаго управленія? Представители профессіональныхъ союзовъ, фабрично-заводскихъ и земельныхъ комитетовъ, представители совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, и не болѣе трети общаго числа отводилось представителямъ административшаго и коммерческаго управленія предпріятій.

Дѣятельность Совнархоза въ Москвѣ давала себя чувствовать многочисленными, но однообразными постановленіями, національзировавшими всѣ отрасли промышленности и создававшими центральные органы управленія ими. Въ короткое время появилось множество „центровъ“: „центрочай,“ „центромыло“, „центроткань“, „центронитка“, „центротукъ“ и т. д. Начались учеты, развивалась статистика, но во всемъ этомъ, кромѣ бюрократизаціи, ничего не было. Мѣстные органы, составленные изъ невѣжественныхъ людей, лишены были способности наладить промышленную жизнь, а въ центральныхъ развивалась такая канцелярщина, какой не видывало петроградское чиновничество его худшихъ временъ. Эти факты удостовѣрены и статистикою паденія производительности и большевистскою прессою періодовъ успѣха

Колчака и Деникина, рѣшившеюся въ то время открыть „маленькіе дефекты“ совѣтскаго строя.

Въ газетѣ „Нашъ вѣкъ“, отъ 4 апрѣля 1918 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „Закрытіе фабрикъ и заводовъ“ приводятся слѣдующія данныя:

„Акц. Общество Кулотинской мануфактуры сообщаетъ обществу фабрикантовъ и заводчиковъ, что, вслѣдствіе отсутствія минеральнаго топлива и масла, необходимаго при обработкѣ джута, оно вынуждено закрыть фабрику и объявить расчетъ рабочимъ. Вслѣдствіе недостатка сырья и другихъ матеріаловъ, закрытъ механическій заводъ С. И. Растеряева.

„Тревожныя свѣдѣнія получены Обществомъ о положеніи промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ. Совершенно прекратились работы почти въ $^5/_6$ всего числа рудниковъ. Въ Таганрогѣ прекращены работы на 9-ти наиболѣе крупныхъ заводахъ и фабрикахъ, съ общимъ количествомъ 60.000 рабочихъ.

„Во Владикавказѣ стоятъ всѣ заводы, вплоть до желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ Екатеринодарѣ закрыты всѣ предпріятія, работающія нефтью, въ виду того, что подача нефти изъ Грознаго и изъ Майкопа прекращена. Закрытъ и крупнѣйшій на Сѣверномъ Кавказѣ заводъ для выдѣлки снарядовъ въ Екатеринодарѣ. Въ Армавирѣ закрыты всѣ мельницы и маслобойные заводы“.

Тамъ же цитируется оффиціозъ петроградской коммуны „Петроградская Правда“, который констатируетъ, что „планы различныхъ секцій совѣта народнаго хозяйства сѣвернаго района, широко разработанные и переустраивающіе народное хозяйство на новыхъ началахъ, грозятъ остаться только на бумагѣ: Нѣтъ мѣста оптимизму. Отъ иллюзій надо освободиться!“

„Положеніе съ топливомъ, какъ съ жидкимъ, такъ и съ твердымъ“, указываетъ газета, „сугубо печально. Неясны перспективы съ донецкимъ углемъ. Коксовая половина Донецкаго бассейна совершенно отрѣзана; она въ рукахъ Украйно-Австріи. Съ нефтью не лучше. Привозъ бакинской нефти оборвался.“

Хлѣбный паекъ въ Петроградѣ доведенъ былъ въ это время до одной восьмой фунта на человѣка. Выдавалась тоненькая плитка плохого темнаго хлѣба съ примѣсью, напоминающая по размѣру кусочекъ шеколада.

Отношенія къ деревнѣ.

Весною 1918 г. уже начались походы городскихъ совѣтовъ на деревню. Описаніе ихъ даютъ и буржуазныя и пролетарскія

изданія. Обычная картина этихъ походовъ такова. Реквизиціонный отрядъ требуетъ выдачи продовольственныхъ запасовъ. Ему отказываютъ. Отрядъ начинаетъ насильственную реквизицію. Крестьяне бьютъ въ набатъ и нападаютъ всею деревнею на тридцать, сорокъ человѣкъ отряда.

Передъ нами брошюра Сосновскаго „Весь хлѣбъ—всему народу“, изданіе Всероссійскаго центральнаго комитета Совѣтовъ (Москва, 1919 г.).

Въ этой брошюрѣ описывается дѣятельность продовольственнаго рабочаго отряда. Описаніе очень интересно. Оно взято изъ жизни. Авторъ называетъ и мѣсто дѣйствія: село Куликово Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи.

„Большую тамъ силу“, говоритъ онъ, „кулаки забрали. Бѣдняки пикнутъ не смѣютъ. Отправили туда изъ г. Усмани небольшой отрядъ“.

Звонить не давай. *)

„Первым делом отряд направился к церкви, окружилъ ее и запер колокольню. А то у кулаков привычка завелась. Когда хотят всю кулацкую братию собрать на какую-нибудь подлость, так сейчас бегут на колокольню и бьют в набат, поднимают суматоху и народ съ толку сбиваютъ. Вот, зная ихъ повадку, местные бедняки и посоветовали отряду: не давайте имъ звонить.

Прежде чем по амбарам пойти за хлебом, стали ребята искать по избам у кулаков: где у них оружие. Потому что кулаки запаслись оружием и, чуть что, грозят беднякам расправой. Имея толстый карман, кулаки скупали у фронтовиков оружие, а те по глупости и по нужде продавали.

Так вот, в селе Куликове в избах кулаков нашли десять винтовок, бомбы и револьверы. Отобрали, конечно.

Теперь можно за хлебом пойти. В одном только селе Куликове в течении 12 часов продовольственный отряд нашел слѣдующее количество *излишков* продовольствия: ржи 4073 пуда, овса 1006 пуд., проса 428 пуд., муки 188 пуд. Всего в селе Куликове излишков оказалось у нескольких кулаков 5695 пудов. В том же селе десятки дворов не имеют ни пуда хлеба и просят из уезда, чтобы им привезли муки. Вот какая бывает несправедливость“.

*) Сохраняется орфографія подлинника.

Продовольственные походы.

Въ той же книжкѣ приводится хроника продовольственныхъ походовъ на деревню. Вотъ выдержки изъ этой хроники:

„*Егорьевск.* Организованный местным Совдепом поход в деревню за хлебом дает блестящие результаты. В некоторых селеніях уезда обнаружены колоссальные запасы припрятаннаго продовольствия. В одной из деревушек Горской волости обнаружена и реквизирована тысяча пудов муки, зарытой кулаками в землю. При приближеніи отряда во многих селах кулаки пытаются вызвать безпорядки, но крестьянская беднота, знающая намеренія отряда, оказывает ему всяческое содействие и радушный прием, способствуя производству обысков. Хлеб немедленно распредѣляется между неимущими жителями деревни.

„*Кромы* Орловской губернии. Исполнительным Комитетом постановлено принять самыя энергичныя мѣры к полученію хлеба из волостей, в которых имеется излишек, употребив, главным образом, моральное воздействие, прибегая лишь в крайних случаях к вооруженной силе".

Какъ бы сознавая, что всѣ эти сообщенія мало утѣшительны, авторъ въ концѣ книжки прибавляетъ:

„Разумеется, помимо насильственнаго отбирания хлеба, Советская Власть принимает все меры, чтобы снабдить деревню всеми предметами первой необходимости по твердым ценам. Для этого обращены в собственность Республики все мануфактурные и многие другие фабрики. Все товары поступают теперь на учет государства и государством распределяются. Полной свободы торговли нет и не будет".

Декретъ о землѣ.

Казалось бы, добрыя отношенія деревни съ совѣтской властью были обезпечены ея земельнымъ закономъ, который казался большевикамъ настолько важнымъ, что они отмѣтили не только день, но и часъ его принятія—26 октября 1917 г., 2 часа ночи.

Основныя его положенія таковы:

„Право частной собственности на землю отмѣняется навсегда; земля не можетъ быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема въ аренду, либо въ залогъ, ни какимъ-либо другимъ способомъ отчуждаема. Вся земля, государственная, удѣльная, кабинетская, монастырская, церковная, посессіонная, майоратная, частно-

владѣльческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояніе и переходитъ въ пользованіе всѣхъ трудящихся на ней.

За пострадавшими отъ имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ существованія“ (ст. 1).

„Право пользованія землею получаютъ всѣ граждане (безъ различія пола) Россійскаго государства, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать. Наемный трудъ не допускается (ст. 6).

„Землепользованіе должно быть уравнительнымъ, т. е. земля распредѣляется между трудящимися, смотря по мѣстнымъ условіямъ, по трудовой или потребительной нормѣ. Формы пользованія землей должны быть совершенно свободны—надѣльная, хуторская, общественнная, артельная, какъ рѣшено будетъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ и поселкахъ“ (ст. 7).

Результаты декрета о землѣ.

Въ газетѣ М. Горькаго „Новая Жизнь“ отъ 31 декабря 1917 г. помѣщена была бесѣда съ народнымъ комиссаромъ земледѣлія Калегаевымъ относительно хода осуществленія декрета.

„Декретъ о землѣ,“ признается народный комиссаръ, „не является строго разработаннымъ и продуманнымъ закономъ. Это скорѣе лозунги, брошенные въ массу. И нельзя отрицать, что въ результатѣ этого декрета процессъ передачи земли земельнымъ комитетамъ прошелъ далеко не планомѣрно и не безболѣзненно.“

„Помѣщичьяго землевладѣнія и класса помѣщиковъ уже не существуетъ. Можно говорить только о бывшихъ помѣщикахъ. Вся помѣщичья земля безусловно находится въ рукахъ крестьянъ. Мало того: помѣщичьи усадьбы и инвентарь также перешли къ крестьянамъ, причемъ нерѣдки случаи, когда помѣщичьи дома разбирались по бревнамъ и распредѣлялись между крестьянами. Помѣщики часто просили разрѣшить имъ вывезти хотя бы бѣлье, но и это не всегда разрѣшалось. Вообще, захватъ земель нерѣдко сопровождался эксцессами, причемъ, какъ общее правило, можно отмѣтить слѣдующее: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ захватъ земель былъ самочинно осуществленъ земельными комитетами еще до октябрьскаго переворота, эксцессовъ почти не наблюдалось; и наоборотъ: тамъ, гдѣ частная собственность сохранилась въ неприкосновен-

ности, переходъ ея къ крестьянству ознаменовался большими эксцессами. Во всякомъ случаѣ, передача земли земельнымъ комитетамъ — совершившійся фактъ, вырвать землю отъ крестьянъ теперь уже ни при какихъ условіяхъ невозможно.“

На вопросъ о томъ, какъ отразится аграрный переворотъ на весенних сельско-хозяйственныхъ работахъ, Калегаевъ даетъ такой отвѣтъ: „Сокращенія запашекъ безусловно быть не можетъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о крайне бережномъ отношеніи крестьянъ къ захватываемому помѣщичьему инвентарю. Конечно, сейчасъ трудно предсказать, какъ будутъ производиться сельско-хозяйственныя работы: будетъ ли земля обрабатываться индивидуально, силами отдѣльныхъ семей, или же цѣлыми обществами. По всей вѣроятности, въ разныхъ мѣстахъ этотъ вопросъ будетъ рѣшаться по разному. Что касается наемнаго труда, то для семействъ, въ которыхъ много ртовъ и мало рабочихъ рукъ, сдѣлано исключеніе, и имъ разрѣшено пользоваться наемнымъ трудомъ“.

По поводу заявленія Спиридоновой на второмъ крестьянскомъ съѣздѣ, что „къ веснѣ будетъ уже осуществлена соціализація земли,“ Калегаевъ, улыбаясь, сказалъ: „Это, конечно, только радужныя надежды.“

Большевизмъ и сибирское крестьянство.

Изъ интервью съ Калегаевымъ видно, что въ Европейской Россіи, для которой декретъ о землѣ имѣлъ жизненное значеніе, большевизмъ къ концу 1917 г. еще не завязалъ никакихъ связей съ деревнею, а изъ предыдущаго видно, что въ послѣдующее время эти отношенія стали складываться неблагопріятно на почвѣ продовольственной политики.

Въ Сибири земельный вопросъ представлялся совершенно инымъ. Здѣсь предоставленіе земли всѣмъ желающимъ означало, за самыми незначительными исключеніями, расхищеніе не частновладѣльческихъ, а казенныхъ участковъ, участковъ, предназначенныхъ для переселенцевъ, или же показательныхъ хозяйствъ. Коренное населеніе Сибири относилось къ земельному вопросу равнодушно, и аграрная демагогія не говорила ему ничего. Но зато сибирское крестьянство не испытало и какого-либо гнета новаго режима. Ему стало житься спокойнѣе. Начальство перестало тревожить, налоговъ никто не взыскивалъ, солдатъ никто не призывалъ. Вернувшіеся съ войны фронтовики, нахватавшіеся разныхъ ученій и политики, немного мутили деревню, но сибирскія разстоянія и холода

охраняли ее и отъ мѣстныхъ и отъ центральныхъ заправилъ. Продовольственные отряды еще не проникли въ Сибирь, т. к. состояніе транспорта не позволяло вывезти изъ нея и тѣ запасы, которые были заготовлены еще раньше. Что же касается твердыхъ цѣнъ и монополій, то деревня познакомилась съ ними уже въ первый періодъ революціи и отвѣчала на нихъ уменьшеніемъ подвоза.

Больше ощущали соціалистическую систему новаго режима окрестныя деревни крупныхъ городовъ. Въ Омскѣ, напримѣръ, центрѣ хлѣбнаго, мясного и маслянаго рынка, сталъ ощущаться весною 1918 г. недостатокъ муки и особенно мяса и масла. Объяснялось это тѣмъ, что мѣстный совдепъ, стремясь осуществить націонализацію торговли, производилъ реквизицію всѣхъ привозившихся товаровъ и убилъ базарную торговлю. Крестьяне начали чувствовать здѣсь впервые тяжесть слишкомъ послѣдовательной регламентаціи. Но, повторяю, это коснулось лишь районовъ, близко примыкающихъ къ городамъ.

Старожилы и новоселы.

Были, однако, и среди сибирскаго крестьянства такіе элементы, для которыхъ большевизмъ оказался легко воспринимаемою заразою. Это—не устроившіеся или плохо устроившіеся переселенцы.

Для Сибири разслоеніе крестьянства на „старожиловъ“, къ которымъ обычно относятся и переселенцы, устроившіеся лѣтъ 10-15 тому назадъ, и „новоселовъ“, еще не пустившихъ корней въ сибирскую землю, почти равносильно классовому дѣленію. Первые—бары, маленькіе помѣщики, фермеры, живущіе нерѣдко въ каменныхъ домахъ съ крашеными полами. Вторые—пролетаріатъ, частью безземельный, частью безлошадный, ютящійся въ землянкахъ, пробивающійся батрачествомъ.

Въ нѣкоторыхъ районахъ, напримѣръ, Алтайскомъ, гдѣ земельнаго фонда для переселенцевъ не хватало, и куда все-таки инстинктивно стремился переселенецъ, чутьемъ угадывая богатства земли и нѣдръ, сосредоточилось передъ войной и во время ея много такихъ „неблагополучныхъ“ новоселовъ, и среди нихъ большевизмъ, какъ психологія ненависти и злобы ко всякому превосходству въ положеніи, свилъ прочное гнѣздо. Въ другихъ болѣе восточныхъ районахъ, напримѣръ, между Красноярскомъ и Иркутскомъ, большевизму покровительствовала природа. Суровая зима, тощая земля, упрямая неподатливость тайги дѣлали условія жизни и борь-

бы за существованіе крайне тяжелыми, и новоселы теряли здѣсь обычное благодушіе русскаго крестьянина и становились жестокими и озлобленными.

Впрочемъ, переселеніе въ чужіе края и связанная съ нимъ борьба за существованіе вообще вліяютъ на характеръ, и въ сибирякахъ проявляются суровость и эгоизмъ.

Большевизмъ въ городѣ.

Городская масса относилась къ большевизму иначе. Націонализація домовъ, опись лошадей, обыски, конфискація цѣнностей — все это вооружало противъ большевиковъ состоятельные слои городского населенія. Мѣщанство въ Сибири такъ же, какъ и крестьяне-старожилы, привыкло къ спокойной „хорошей“ жизни, хлѣбосольству, выпивкѣ, достатку.

Теперь столъ сталъ скуднѣе, вина вовсе исчезли, водка еще съ начала войны продавалась изъ-подъ полы, а самогонка процвѣтала только въ деревнѣ. Что же касается достатка, то слѣды его приходилось скрывать, во избѣжаніе соблазна для „товарищей“. Во всѣ богатые дома вселены были близкіе власти люди, но они пугали менѣе, чѣмъ законныя конфискаціи, которыя производились на основаніи декрета „о золотѣ“, распубликованнаго въ газетѣ „Правда“ (№ 9, 16 янв. 1918 г).

Согласно этому декрету, „всѣ издѣлія изъ золота вѣсомъ болѣе 16 золотниковъ и все золото въ сыромъ видѣ, находится ли это въ рукахъ частныхъ лицъ и учрежденій или въ магазинахъ, ювелирныхъ и иныхъ мастерскихъ, или въ банковскихъ сейфахъ, переходитъ въ собственность государства, съ уплатою владѣльцамъ по цѣнѣ 32 рубля за золотникъ“ (ст. 5).

Къ этому присоединилось въ высшей степени предосудительное съ этической точки зрѣнія поощреніе доносовъ. „Не представленные въ теченіе мѣсяца предметы“, говоритъ статья 6-я того же декрета, „конфискуются при обнаруженіи безъ вознагражденія владѣльцу, но съ выдачею трети вознагражденія тѣмъ лицамъ, которые укажутъ государству подлежащіе конфискаціи предметы“.

Послѣ этого всѣ цѣнности стали закапываться, столовое серебро замѣнилось деревянными и оловянными ложками, а, главное, люди стали смотрѣть другъ на друга глазами недовѣрія — „не подсмотритъ ли, не донесетъ ли“.

Городской плебсъ.

Если о сибирскомъ крестьянствѣ въ массѣ можно сказать, что оно оставалось чуждымъ большевизму, то о кругахъ городского населенія будетъ правильно противоположное. Городъ всегда представлялъ болѣе благодарный матеріалъ для революціи. Сосредоточенное въ одномъ мѣстѣ, болѣе воспріимчивое населеніе, при наличности агитаціонныхъ средствъ и демагогіи, легко поднять противъ власти и капитализма. Большевизмъ, съ его деморализующими пріемами и покровительствомъ низкимъ инстинктамъ толпы, не могъ, конечно, не прійтись по душѣ городской черни. Грабежи при реквизиціяхъ и конфискаціяхъ и просто на улицахъ, и среди бѣла дня и среди мрака ночи, захватъ дворцовъ, вселеніе въ барскія квартиры, комиссарство—этотъ діавольскій соблазнъ власти и наживы—не могли не большевизировать городовъ. Сибирскіе города были даже болѣе податливы заразѣ, съ одной стороны, изъ-за обилія въ нихъ ссыльно-каторжнаго политическаго люда, который заполнялъ многія земскія, городскія и кооперативныя учрежденія и поставлялъ большевиствующіе „верхи“, съ другой стороны, потому, что низшіе слои городского населенія очень рѣдко встрѣчали внимательное къ себѣ отношеніе со стороны городской буржуазіи, такой же замкнутой, черствой и неотзывчивой, какъ и другіе сибиряки, по характеру типичные „колонисты“.

Законы о наслѣдствѣ и семьѣ.

Планъ проведенія въ жизнь соціализма былъ продуманъ большевиками всесторонне, и законодательство ихъ быстро провело мѣры, которыя должны были снести до основанія весь буржуазный строй.

Послѣ націонализаціи банковъ, предпріятій, земли, жилищъ, послѣдовало запрещеніе всякихъ вообще сдѣлокъ съ недвижимостью въ городахъ („какія бы то ни было сдѣлки по продажѣ, залогу и т. п. всѣхъ недвижимостей и земель въ городахъ“).

Въ маѣ 1918 г. послѣдовалъ декретъ объ отмѣнѣ наслѣдованія (Извѣстія Ц. И. К., № 87).

„Отнынѣ“, говоритъ газета „Свобода Россіи“ (№ 33, 24 мая 1918 г.), „всякій россійскій гражданинъ, проживающій въ „оазисѣ“ россійской соціалистической республики, долженъ знать, что, если послѣ всѣхъ конфискацій и контрибуцій, взыскиваемыхъ и налагаемыхъ различными органами совѣтской власти, у него останется еще какое-нибудь движимое или недвижимое имущество, то это

имущество послѣ его смерти будетъ объявлено достояніемъ означенной совѣтской федеративной республики".

Изъ этого общаго правила сдѣлано лишь нѣсколько изъятій. Такъ, если послѣ умершаго остались нуждающіеся (т. е. не имѣющіе прожиточнаго минимума), нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линіи, полнородные и неполнородные братья или супругъ, то, впредь до изданія декрета о всеобщемъ соціальномъ обезпеченіи, они будутъ получать содержаніе изъ оставшагося послѣ него имущества. Размѣръ этого содержанія не фиксированъ, однако, въ законѣ: онъ долженъ опредѣлять-ся особыми учрежденіями, вѣдающими дѣлами соціальнаго обезпеченія и состоящими при совѣтахъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Далѣе, если имущество умершаго не превышаетъ 10-ти тысячъ рублей, въ частности, состоитъ изъ усадьбы, домашней обстановки и средствъ производства трудового хозяйства въ городѣ или деревнѣ, то оно поступаетъ въ непосредственное управленіе и распоряженіе имѣющихся на лицо супруга и перечисленныхъ выше ближайшихъ родственниковъ.

Наслѣдованіе—институтъ, покоящійся не только на фундаментѣ собственности, но и на семейныхъ началахъ. Коммунизмъ стремится разрушить и то и другое. Неправедливо, говорятъ коммунисты, что лучшіе экземпляры женскаго пола достаются богатѣямъ и недоступны большинству. Отсюда логически вытекаетъ новый рѣшительный шагъ: „національзація женщинъ".

Однако, слухи о подобномъ декретѣ и его проведеніи въ жизнь остались безъ документальнаго подтвержденія. Въ Омскѣ былъ полученъ лишь декретъ о расторженіи браковъ (Собраніе Узак. № 10, ст. 152). Упрощенность порядка расторженія брака по этому декрету достигаетъ высшей степени.

„Бракъ расторгается по просьбѣ о томъ супруговъ *или хотя бы одного супруга*" (ст. 1).

„Убѣдившись въ томъ, что просьба о расторженіи брака исходитъ дѣйствительно отъ обоихъ супруговъ или одного изъ нихъ, судья единолично постановляетъ опредѣленіе о расторженіи брака, въ чемъ и выдаетъ супругамъ свидѣтельство" (ст. 6).

Если принять во вниманіе и легкость вступленія въ бракъ по совѣтскому закону (Собран. Узак. № 11 ст. 160), не ограничивающему притомъ послѣдовательное вступленіе въ новый бракъ никакимъ числомъ (дѣйствовавшій въ Россіи законъ допускалъ лишь троекратное вступленіе въ бракъ), то можно утверждать, что семейному началу совѣтскіе законы нанесли все же большой ударъ.

Однако, бытовые устои расшатываются не такъ легко, и законы, направленные въ сторону перевоспитанія буржуазной психологіи, имѣли худшую судьбу, чѣмъ всякія національзаціи. Послѣднія только разрушали, ничего не созидая. Первые даже не разрушали, а просто оставались на бумагѣ.

Соціализмъ изъ-подъ палки.

Изъ всѣхъ декретовъ совѣтской власти видно, что законодатель не вѣрилъ въ сознательность населенія и издавалъ для него устрашающихъ скорпіоновъ.

Важнѣйшій декретъ о землѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что совѣтскія власти не довѣряютъ способности ихъ граждапъ проникнуться уваженіемъ къ общественному достоянію. Онъ проектируетъ поэтому созданіе арміи земельныхъ комиссаровъ, „для контроля и наблюденія за тѣмъ, чтобы все внесенное въ опись не было обезцѣнено, попорчено, продано или передано кому-либо“ (Инструкція земельнымъ комиссарамъ, ст. 12).

Декретъ „о борьбѣ со спекуляціей“ (Собр. Узак. рабоч. и кр. прав. № 3), устанавливающій драконовскія мѣры воздѣйствія противъ людей, которые, пользуясь тяжелымъ положеніемъ другихъ, стремятся извлечь для себя максимальную прибыль, свидѣтельствуетъ, что совѣтская власть не вѣритъ въ готовность „реальнаго“ человѣка соціалистическаго государства пожертвовать своими интересами на пользу общую. Если принять во вниманіе, что революція демократизировала спекуляцію и изъ залъ биржи перевела ее къ Сухаревой башнѣ, то подозрительное отношеніе совѣтскаго законодательства къ гражданской сознательности населенія пріобрѣтаетъ еще болѣе показательное значеніе.

Тѣмъ же отношеніемъ къ населенію проникнуто все продовольственное законодательство Совѣтской Россіи. Конфискаціи, реквизиціи, секвестръ, твердыя цѣны, карательные отряды—вотъ система продовольственной политики совѣтской власти, начиная съ положенія 27 октября 1917 г. о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ продовольственномъ дѣлѣ (Собр. Узак. раб. и кр. прав. № I, ст. 7).

Декретъ объ отмѣнѣ наслѣдованія, предоставляющій завѣщать лишь имущество стоимостью до 10-ти тысячъ рублей, дополняется запретомъ дареній при жизни иначе, какъ по нотаріальному акту. Очевидно, законодатель, не довѣряя соціалистической ревности гражданъ, боится обходовъ законовъ о наслѣдованіи.

Точно также декретъ 14 декабря 1917 г. о запрещеніи всякихъ сдѣлокъ съ недвижимостью въ городахъ проникнутъ недовѣріемъ къ сознательности гражданъ соціалистической Россіи, и для лицъ, продолжающихъ продажу и покупку недвижимыхъ имуществъ и земли и не подчиняющихся постановленію, установлены денежныя взысканія вплоть до конфискаціи имущества.

Угрожая за нежеланіе соціализироваться, большевики стремились разрушительнымъ путемъ воздѣйствовать на косность невѣжественной мысли и дать ей революціонное направленіе. Этотъ методъ особенно усердно примѣнялся въ отношеніи религіи.

Походъ на церковь.

Мирное сожительство съ совдепомъ только однажды нарушилось въ Омскѣ. Это было въ тѣ дни, когда большевики объявили войну церкви. Архіерея, почтеннаго старика, арестовали и въ холодную ночь буквально волокли въ арестантскую, откуда выпустили, замѣтивъ опасное возбужденіе массъ. Казачій Никольскій Соборъ осаждался и обстрѣливался, когда предполагалось провести секуляризацію церковныхъ цѣнностей. Слѣды пуль остались свидѣтельствомъ тѣхъ методовъ, которыми большевики старались поколебать уваженіе къ святынямъ. Въ пасхальную ночь, во время крестнаго хода, изъ озорства производилась стрѣльба, пугавшая молившихся и нарушавшая торжественность службы.

Ничто, кажется, не повредило такъ большевикамъ въ глазахъ населенія, какъ именно эти кощунственныя выходки, которыя въ глазахъ вѣрующей и консервативной массы казались истинно „бѣсовскимъ навожденіемъ“.

Эту черту большевизма и это отношеніе къ нему пророчески вѣрно предвидѣлъ Достоевскій.

Брестскій миръ.

Русскій народъ еще не дорось до патріотизма. Высокое чувство любви къ отечеству дается культурой и національными бѣдствіями. Перваго народъ былъ лишенъ виною не только своихъ правителей, но и всей своей исторіи. Второго онъ еще не почувствовалъ ко времени большевиковъ. Въ маленькой странѣ патріотизмъ элементарнѣе и понятнѣе народу; въ огромной, необъятной, какъ Россія,—онъ непостижимъ, онъ кажется отвлеченнымъ. Русскій народъ состоитъ изъ массы мѣстныхъ или національныхъ патрі-

отовъ: сибиряковъ, уральцевъ, украинцевъ и т. д.; всероссійскіе патріоты—это горсточка людей изъ интеллигенціи и служилаго класса, абсолютно значительная, но относительно теряющаяся въ морѣ общаго населенія.

Вотъ почему для большевиковъ прошло безнаказаннымъ и ихъ „соглашеніе“ съ нѣмцами во время войны и даже Брестскій миръ. Что могло быть позорнѣе и тягостнѣе для Россіи? Отторженіе огромной территоріи на Западѣ и Югѣ (Украйна и часть Кавказа), принятіе обязательствъ по возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ Германіи во время войны, притомъ безъ разложенія этого обязательства на тѣ части территоріи, которыя отходили отъ Россіи, установленіе такихъ условій ввоза и вывоза, которыя должны были совершенно разрушить русскую промышленность, разоруженіе арміи и флота.

Казалось, и самый темный умъ могъ понять, что этотъ миръ былъ, въ сущности, продажею Россіи, но всероссійскій съѣздъ совѣтовъ ратифицировалъ Брестскій договоръ, расписавшись подъ преступнымъ актомъ.

Грандіозность гражданской войны въ Россіи — не плодъ реакціи, а послѣдствіе . непризнанія Брестскаго договора, который раскололъ страну на два не только непримиримыхъ внутренне, но и разнородныхъ по внѣшней оріентаціи лагеря. Брестскій миръ заставилъ тѣхъ, кто желалъ спасти страну отъ столь откровенно созданнаго нѣмецкаго ига, обратиться къ помощи Антанты.

Пораженіе Германіи разрушило Брестскій миръ, а революція въ Германіи окончательно добила ее, сдѣлавъ неспособной для агрессивной политики. Большевики объявили Брестскій миръ образцомъ своей геніально предусмотрительной тактики. Они добились „передышки,“ а Брестскій миръ оказался жалкимъ клочкомъ бумаги.

Они правы: не Брестскій договоръ, а „соціализмъ“ и „дьявольщина“ подымутъ народъ противъ коммунизма, но именно Брестскій миръ будетъ стоять на первомъ мѣстѣ въ обвинительномъ актѣ исторіи противъ „народныхъ комиссаровъ.“ Этимъ актомъ положено начало разрушенію и моральному паденію Россіи.

„Бѣсы.“

Почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ напечатанъ впервые одинъ изъ лучшихъ романовъ Ф. М. Достоевскаго — „Бѣсы.“

Но никогда еще глубина содержанія этого талантливаго произведенія, пророческая проникновенность его автора въ психологію русскихъ революціонеровъ, его жестокая и бичующая правда не чувствовались съ такою осязаемостью, какъ сейчасъ.

Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, „свѣтлая личность“ получила, наконецъ, такъ долго жданную возможность

„Порѣшить въ концѣ боярство,
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать навѣки мщенью
Церкви, браки и семейства—
Міра стараго злодѣйство.“

Такъ какъ осталась прежняя программа („Бѣсы“, стр. 341), то „свѣтлой личности“ приходится примѣнять и прежніе методы борьбы, т. е. „дѣлать убійства, скандалы и мерзости“—„для систематическаго потрясенія основъ, для систематическаго разложенія общества и всѣхъ началъ; для того, чтобы всѣхъ обезкуражить и изъ всего сдѣлать кашу, и расшатавшееся такимъ образомъ общество, болѣзненное и раскисшее, циническое и невѣрующее, но съ безконечной жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самосохраненія—вдругъ взять въ свои руки“ (стр. 644).

Успѣхъ этихъ методовъ борьбы обезпеченъ. „Россія есть теперь, по преимуществу, то мѣсто въ цѣломъ мірѣ, гдѣ, что угодно, можетъ произойти безъ малѣйшаго отпору“ (стр. 359).

Ну, кто могъ повѣрить, что дѣйствительно все, рѣшительно все произойдетъ въ Россіи безъ малѣйшаго отпору?

Этимъ не исчерпываются вѣщія слова Достоевскаго. Онъ хорошо зналъ русскихъ людей, зналъ душу народа и психологію интеллигента, и онъ безъ ошибки опредѣлилъ, кто будетъ производить революцію.

На первомъ мѣстѣ стоятъ люди, которыхъ соблазняетъ „мундиръ,“ чины, должности, высокое званіе секретарей, тайныхъ соглядатаевъ, казначеевъ, предсѣдателей (читай „комиссаровъ“) и ихъ товарищей.

Затѣмъ слѣдующая сила—сентиментальность. „Соціализмъ у насъ распространяется преимущественно изъ сентиментальности.“

„Затѣмъ слѣдуютъ чистые м о ш е н н и к и; ну, эти, пожалуй, хорошій народъ; иной разъ выгодны очень.“

„Наконецъ, самая главная сила — это стыдъ собственнаго мнѣнія. Вотъ это такъ сила!“

— Да вѣдь это все сволочь! съ удивленіемъ восклицаетъ Ставрогинъ, когда неукротимый агитаторъ, вселитель „бѣсовъ“ въ мирныхъ обывателей, Верховенскій такъ правдиво охарактеризовалъ составъ своей революціонной арміи (стр. 373-374); но Верховенскій не гнушается „сволочи“:

— Матеріалъ! Пригодятся и эти.

Однако, онъ сознаетъ, что для „сволочи“ нужно особое обращеніе. Поэтому онъ одобряетъ систему, при которой „каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Всѣ рабы и въ рабствѣ всѣ равны. Въ крайнемъ случаѣ—клевета и убійство, а главное—равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ—не надо высшихъ способностей. Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе,чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями; рабы должны быть равны“ (стр. 404-405).

Итакъ—пониженіе уровня культуры и низведеніе всѣхъ на положеніе равныхъ между собою рабовъ, подчиненныхъ деспотической революціонной власти.

„Безъ деспотизма не бывало ни свободы ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство“ (стр. 405).

Роковая судьба ожидаетъ сокровища вѣками накоплявшейся культуры. Когда восторжествуетъ скотское равенство и свобода бунтующихъ рабовъ, тогда „подлый рабъ“, „вонючій и развратный лакей“, „первый взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и ... пищеваренія“ (стр. 329).

Обличительный романъ Достоевскаго бичуетъ всю русскую интеллигенцію. Но кто больше всѣхъ воплотилъ въ себѣ носителей „бѣсовъ“? Читатель сумѣетъ отвѣтить на это самъ.

Но читатель спроситъ: кто же спасетъ Россію? Достоевскій предвидѣлъ и этотъ вопросъ, и онъ далъ на него два отвѣта. Одинъ—предположеніе паразитическаго русскаго либерала (стр. 35).

—Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ разрѣшить его безъ нѣмцевъ.

Другой отвѣтъ взятъ изъ евангелія: „Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло... И вышли жители смотрѣть случившееся; и, пришедши

къ Іисусу, нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Іисусовыхъ, одѣтаго и въ здравомъ умѣ".

Большевики—разрушители.

Когда Достоевскій писалъ своихъ вѣщихъ „Бѣсовъ", онъ зналъ только русскихъ революціонеровъ. Но Ленинъ усиленно подчеркиваетъ, что большевики ставятъ своей задачей международную разрушительную работу. Онъ излагаетъ эти стремленія въ книгѣ „Государство и революція" (Птр., 1918 г.), написанной на крейсерѣ „Аврора", когда ея авторъ скрывался отъ Керенскаго, и не законченной, въ виду того, что послѣ октябрьской революціи авторъ предпочелъ практическіе опыты соціальнаго переустройства теоретическимъ изслѣдованіямъ о немъ.

„Ходъ событій", говоритъ Ленинъ, „вынуждаетъ революцію *концентрировать всѣ силы разрушенія* противъ государственной власти, вынуждаетъ поставить задачей не улучшеніе государственной машины, а *разрушеніе, уничтоженіе ея*". (стр. 31).

„Государство", объясняетъ дальше Ленинъ, цитируя Энгельса, „есть не что иное, какъ машина для подавленія одного класса другимъ, и въ демократической республикѣ ничуть не меньше, чѣмъ въ монархіи" (стр. 75).

Ленинъ предупреждаетъ, что иллюзій не должно быть: „диктатура пролетаріата даетъ рядъ изъятій изъ свободы по отношенію къ угнетателямъ, эксплоататорамъ, капиталистамъ. Ихъ мы должны подавить, чтобы освободить человѣчество отъ наемнаго рабства, ихъ сопротивленіе надо сломить силой; ясно, что тамъ, гдѣ есть подавленіе, есть насиліе,—нѣтъ свободы, нѣтъ демократіи" (стр. 83).

Это подавленіе силой Ленинъ считаетъ необходимымъ и въ отношеніи рабочихъ, „глубоко развращенныхъ капитализмомъ" (стр. 96).

„Народъ подавитъ эксплоататоровъ можетъ и при очень простой машинѣ, почти что безъ машины, простой *организаціей вооруженныхъ массъ*, вродѣ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" (стр. 85).

„Учетъ и контроль—вотъ главное, что требуется для наложенія, для правильнаго функціонированія *первой фазы* коммунистическаго общества". *Всѣ* граждане превращаются здѣсь въ служащихъ по найму у государства, каковымъ являются воору-

женные рабочіе...Все общество будетъ одной конторой и одною фабрикою, съ равенствомъ труда и равенствомъ платы" (стр. 95).

Я сомнѣваюсь, чтобы эти слова Ленина нуждались въ какомъ-нибудь комментаріи. Вопросъ идетъ лишь о томъ, насколько можетъ увлечь человѣчество такъ соблазнительно изображаемое Ленинымъ „равенство нищеты". Но Ленинъ утѣшаетъ читателя, что къ этому „равенству" скоро привыкнутъ.

Когда, говоритъ онъ, всѣ научатся управлять и будутъ на самомъ дѣлѣ управлять самостоятельно общественнымъ производствомъ, самостоятельно осуществлять учетъ и контроль тунеядцевъ, баричей, мошенниковъ и тому подобныхъ „хранителей традицій капитализма"—тогда уклоненіе отъ этого всенароднаго учета и контроля неизбѣжно сдѣлается такимъ неимовѣрно труднымъ, такимъ рѣдчайшимъ исключеніемъ, будетъ сопровождаться, вѣроятно, такимъ быстрымъ и серьезнымъ наказаніемъ (ибо вооруженные рабочіе—люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить съ собой они едва ли позволятъ),—что необходимость соблюдать несложныя основныя правила всякаго человѣческаго общежитія очень скоро станетъ *привычкой*" (Стр. 96).

Англія и Америка на очереди.

Всѣ ли государства требуютъ столь жестокаго разрушенія? Не составляютъ ли исключенія великія демократіи? Ленинъ отвѣчаетъ на эти вопросы рѣшительнымъ отрицаніемъ.

„Теперь", говоритъ онъ, „въ эпоху великой имперіалистической войны, Англія и Америка, крупнѣйшіе и послѣдніе во всемъ мірѣ представители англосаксонской „свободы", въ смыслѣ отсутствія военщины и бюрократизма, скатились вполнѣ въ общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военныхъ учрежденій, все себѣ подчиняющихъ, все собою подавляющихъ. Теперь и въ Англіи и въ Америкѣ предварительнымъ условіемъ всякой дѣйствительно народной революціи является ломка, разрушеніе „готовой" (доведенной тамъ въ 1914—1917 г. г. до „европейскаго" общеимперіалистическаго совершенства) государственной машины" (Стр. 36).

"Бѣсы" Россіи стремятся разрушить весь міръ.

„Большевизмъ" и „коммунизмъ."

(Изъ психологіи русской революціи).

Изъ предыдущаго видно, что „большевизмъ" въ русской революціи долженъ былъ оказаться явленіемъ несравненно болѣе

широкимъ, чѣмъ „коммунизмъ“. Коммунизмъ чуждъ и непонятенъ огромной массѣ населенія, между тѣмъ какъ большевизмъ, какъ психологическое явленіе, какъ *настроеніе* революціонности, могъ захватить огромную массу городского и сельскаго населенія.

Временное Россійское правительство, съ первыхъ дней революціи и вплоть до октябрьскаго переворота 1917 г., систематически подготовляло успѣхъ „большевизма“. Попавши сразу въ плѣнъ Петроградскаго совдепа, не нашедши въ себѣ смѣлости расправиться съ вожаками большевизма по тѣмъ методамъ, которые примѣняютъ послѣдніе, оно съ непростительною неосторожностью разрушало всю административную организацію царскаго періода, оставляя, вмѣсто нея, либо пустое мѣсто, либо неподготовленныхъ, неопытныхъ людей. Въ то же время происходило разложеніе арміи армейскими комитетами, митингами, братаньемъ, а главное, упорной пропагандою мира. Большевики сознательно направили усилія своей преступной демагогіи въ солдатскую массу и достигли вѣрнаго успѣха. Вкусившіе прелесть безнаказанной разнузданности, освободившіеся отъ чувства дисциплины и долга по отношенію къ родинѣ, солдаты превратились въ распространителей идей „большевизма“, такъ, какъ они его могли понять. Разумѣется, не „коммунизмъ“ проповѣдывали они въ деревняхъ, куда вернулись съ фронта, а систему безначальности и самоуправства. Такъ поняли они сущность совѣтскаго строя. Долой войну, долой налоги, долой начальство, долой вообще всѣ обязанности! Вотъ идеологія большевиковъ первой формаціи.

Послѣ октябрьскаго переворота, число адептовъ большевизма значительно увеличилось. Кромѣ пропаганды безначалія съ фронта, большевизмъ принесъ въ деревню лозунги: „захватывай землю“, „грабь награбленное.“ Былъ ли это коммунизмъ? Конечно, нѣтъ. Опять тѣ же хищные революціонные инстинкты, то же отрѣшеніе отъ правовой сдерживающей психологіи въ пользу безудержнаго разгула.

Нечего говорить о городскихъ массахъ. Правда, здѣсь, среди сознательной части рабочихъ, могло быть искреннее увлеченіе идеями коммунизма, но преобладающимъ было, однако, все же хищничество дѣлежа и захвата.

Представимъ себѣ, что „большевизмъ“ проникъ въ Америку. Пролетаріатъ Соединенныхъ Штатовъ могъ бы, разумѣется, выдѣлить изъ своей среды сознательныхъ коммунистовъ. Но ихъ было бы недостаточно для разрушенія капиталистическаго строя и буржазнаго государства. Американскіе коммунисты привлекли

бы, быть можетъ, на помощь *негровъ*. Эти послѣдніе, конечно, не были бы уже „коммунистами", но они оказались бы не менѣе „доброкачественными" большевиками, чѣмъ кронштадтскіе матросы и сельская бѣднота.

Коммунизмъ въ Китаѣ былъ бы совершенно безпочвеннымъ, но онъ породилъ бы милліоны „большевиковъ" изъ хунхузовъ, рикшъ и кули, которые охотно обрушились бы прежде всего противъ иностранныхъ концессіонеровъ, а потомъ противъ своихъ генералъ-губернаторовъ и полицейскихъ, усмиряющихъ гражданъ китайской республики кнутами и бамбуками.

Что могло быть противопоставлено „большевизму", въ этомъ широкомъ смыслѣ? Если бы русская интеллигенція не была такъ оторвана отъ народа, если бы между нею и крестьянствомъ или городскимъ населеніемъ существовала большая связь и взаимное пониманіе, большевизмъ можно было бы парализовать. Но этого не было. Самоуправленія земскія и городскія были всегда цензовыми и по составу и по духу. Новыя демократическія, послѣреволюціонныя, не успѣли привиться. Къ тому же они были наполнены тѣми же чуждыми народу интеллигентами, только изъ лѣвыхъ партій. Это мало мѣняло дѣло. Учрежденія эти не стали ближе къ народу только отъ того, что они представляли лѣвыя политическія теченія, и октябрьская революція безжалостно и безслѣдно смела всѣ земства, не вызвавъ никакого сожалѣнія въ крестьянствѣ.

Судъ? Онъ нуженъ народу. Но судъ въ деревнѣ былъ въ высшей степени неудовлетворительнымъ, и революція противопоставила ему самосудъ. А судъ въ городѣ отличался либо медлительностью производства (окружный судъ), либо торопливостью и недостаточною чуткостью (мировой судъ, построенный на идеѣ судебнаго невмѣшательства въ процессъ). Во всемъ старый строй оказался отставшимъ и грѣшнымъ. Населенію нечего было любить. Заразившись духомъ революціонности, оно охотнѣе всего поддавалось настроенію „большевизма". Революціонный городъ и безразличное ко всему „интеллигентскому" крестьянство, устраивавшее свою жизнь и не жалѣвшее о разрушеніяхъ въ городахъ, обезпечивали побѣду большевизма.

Кто оставался въ сторонѣ отъ этого побѣднаго шествія большевиковъ? Крупная буржуазія изъ классовыхъ интересовъ, но ея—капля въ морѣ; офицерство, угнетенное и озлобленное безжалостными преслѣдованіями и звѣрскими расправами,—но оно было разсѣяно и неорганизовано; наконецъ, интеллигенція, жаждавшая

правового государства и демократическихъ началъ управленія, возмущенная насиліями и издѣвательствомъ надъ человѣческою личностью и надъ свободами,—но она не находила никакого сочувствія въ населеніи, которое не воспользовалось „свободами", потому что интеллигентскія свободы печати, слова, совѣсти ему не нужны.

Противъ большевизма боролись еще и всѣ тѣ, кто видѣлъ въ немъ, нѣсколько преувеличенно, созданіе нѣмецкой интриги, но совершенно правильно—союзника нѣмцевъ въ дѣлѣ пораженія Россіи. Брестскій миръ вызывалъ краску стыда за позоръ великаго государства, но и это было чуждо некультурному народу. Что понималъ онъ въ задачахъ Великой Россіи и ея международномъ положеніи? Война была народной по размаху, но не по сознанію.

Но, если „большевизмъ" не встрѣчалъ противодѣйствія, какъ система, и даже имѣлъ успѣхъ, какъ „настроеніе", то лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не разстроилъ въ конецъ народнаго хозяйства. Лишь только городъ сталъ голодать, деревня обираться, желѣзная дорога останавливаться, а ложь обѣщаннаго мира обнаруживаться,—стали крѣпнуть и антибольшевистскія силы.

Во главѣ движенія должны были стать буржуазные круги, умѣренныя соціалистическія партіи и офицерство.

Что могло обезпечить имъ успѣхъ?

Разрушенію большевизма должно было быть противопоставлено экономичекое возрожденіе страны. Укрѣпленіе финансовъ и улучшеніе снабженія—вотъ что могло показать народу реальное превосходство антибольшевистскихъ силъ. Для этого необходима была быстрота сверженія большевизма, скорѣйшая ликвидація гражданской войны—только тогда можно было приступить къ творчеству.

Какіе методы могли обезпечить успѣхъ?

Торжество большевизма основано было на томъ, что онъ предоставлялъ свободу всѣмъ революціоннымъ порывамъ. Искорененіе коммунизма не должно было непремѣнно сопровождаться ликвидаціей всѣхъ прочихъ послѣдствій революціи. Въ частности, народу необходимо было оставить свободное устройство своей мѣстной жизни, лишь направляя, а не насилуя его волю.

Революція должна быть признана, сверженіе большевизма не можетъ быть реставраціей.

Глава II.

Антибольшевизмъ и его подпольная работа.

Русская революціонная интеллигенція къ концу прошлаго вѣка рѣшительно раскололась на два лагеря: идеалистовъ (народниковъ) и матеріалистовъ (марксистовъ).

Эти два теченія казались непримиримыми. Одни считали человѣческую волю рѣшающимъ факторомъ исторіи, вѣрили въ терроръ, какъ систему устраненія вредныхъ лицъ, вѣрили въ способность человѣка ускорить прогрессъ, устроить земной рай. Капитализмъ не представлялся имъ необходимой ступенью экономическаго развитія, и они считали возможнымъ немедленно уничтожить частную собственность, особенно на землю. Отсюда пошли *соціалисты-революціонеры*, съ ихъ лозунгомъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ и базированіемъ на *крестьянство и земельный передѣлъ*.

Другіе признавали рѣшающее значеніе экономическихъ факторовъ, ставили прогрессъ въ зависимость отъ общихъ хозяйственныхъ условій и отводили лишь второстепенное мѣсто личности. Экономика дѣлитъ населеніе на классы, капитализмъ создаетъ наиболѣе сознательный и наиболѣе пригодный для революціонныхъ дѣйствій *рабочій классъ*, и именно отъ него, отъ его силы и сознательности, зависитъ темпъ общественнаго прогресса. Но соціальное благополучіе предполагаетъ, какъ непремѣнное условіе, развитую *крупную промышленность*.

Къ какому же изъ этихъ теченій примыкаютъ большевики? Ихъ яркою особенностью является идеологическій синкретизмъ.

Большевики ограбили эсеровъ.

Большевики — соціалъ-демократы. Ихъ база — пролетаріатъ и общественный крупный капиталъ. Но они отнюдь не послѣдователи экономическаго матеріализма въ его чистомъ видѣ. Они исходятъ изъ положенія, что человѣкъ можетъ ускорить экономическую и соціальную эволюцію, властно вмѣшавшись въ событія. Они вѣрятъ поэтому и въ терроръ, правда, въ измѣненномъ и,

можно сказать, усиленномъ видѣ, въ терроръ массовый. Идеологія большевиковъ смѣшанная.

Смѣшанною является и ихъ экономическая программа. Считая необходимымъ максимальное объединеніе и развитіе промышленности въ формахъ крупнаго производства, большевики легко отказались отъ всякихъ сомнѣній въ отношеніи формъ землевладѣнія. Они не усмотрѣли никакой опасности въ переходѣ всѣхъ земель въ руки крестьянства и, слѣдовательно, господствѣ мелкаго землевладѣнія. Очевидная политическая выгода этого рѣшенія: возможность привлечь на свою сторону преобладающую по численности массу населенія—представлялась вождямъ большевиковъ болѣе важной, чѣмъ экономическія невыгоды раздробленія крупныхъ имѣній.

Благодаря такому соединенію непримиримыхъ, казалось, теченій мысли и программъ, большевикамъ удалось создать себѣ большинство не только среди соціалъ-демократовъ, но и во всей революціонной русской демократіи.

Программа большевиковъ безжалостно ограбила эсеровъ. Послѣдніе упустили изъ своихъ рукъ крестьянство. Партія эсеровъ стала походить на армію, въ которой остался только офицерскій составъ.

Соціалисты въ станѣ противниковъ большевизма.

Эсеры были единственною изъ соціалистическихъ партій, которая могла соперничать съ большевиками по популярности, и, когда побѣда послѣднихъ нанесла имъ сокрушительный ударъ, между двумя крайними теченіями, „большевистскимъ“ и „буржуазнымъ,“ оказалось почти совершенно пустое мѣсто. Союзъ возрожденія—это скорѣе союзъ лицъ, чѣмъ союзъ партій. Для огромной массы населенія оттѣнки, различающіе „соціалистовъ,“ непонятны. Сверженіе большевиковъ означаетъ пораженіе соціалистовъ вообще. Это народъ пойметъ. Но замѣна одной породы соціалистовъ другою—это какая-то игра, смыслъ которой для здраваго ума крестьянина непостижимъ.

Оказавшись въ станѣ противниковъ большевизма, горячо осуждая его методы и антидемократическія мѣры, эсеры и прочіе умѣренные соціалисты, если бъ они оцѣнили реальное соотношеніе силъ, должны были бы пойти на уступки въ своихъ программныхъ положеніяхъ и предоставить господствующее мѣсто буржуазнымъ политическимъ партіямъ.

Какъ подпольные дѣятели, эсеры незамѣнимы; какъ администраторы и работники, они, за малыми исключеніями, никуда не годны. Но буржуазія не должна была бы, въ свою очередь, отталкивать отъ себя умѣренные соціалистическіе элементы. У нихъ есть то, чего не хватаетъ у политическихъ дѣятелей буржуазіи — энтузіазмъ. Послѣ нѣкотораго опыта, умѣренные соціалистическіе дѣятели (правые эсеры, меньшевики, плехановцы, народные соціалисты) выдвинули бы рядъ незамѣнимыхъ политическихъ дѣятелей, если не совсѣмъ практичныхъ и расторопныхъ, то зато чистоплотныхъ и внимательныхъ къ населенію. Борьба съ большевизмомъ общимъ фронтомъ буржуазныхъ партій, какъ руководящихъ политикой, и умѣренно-соціалистическихъ, какъ вспомогательныхъ—вотъ что, съ моей точки зрѣнія, было бы наиболѣе опаснымъ для большевизма.

Враги со всѣхъ сторонъ.

Несмотря на свое торжество, большевизмъ никогда не чувствовалъ себя достаточно прочнымъ. Его окружали внутренніе и внѣшніе враги. Оффиціальныя газеты весны 1918 г., времени, непосредственно предшествовавшаго перевороту въ Сибири, даютъ много матеріала, освѣщающаго тогдашнее положеніе совѣтской Россіи.

Въ № 98 „Извѣстій центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ крестьянскихъ, рабочихъ, солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ“ (18 мая) извѣстный Стекловъ (Нахамкесъ) пишетъ:

„Положеніе тяжелое, что и говорить. И мы, активные дѣятели и сторонники совѣтской власти, меньше другихъ скрываемъ отъ себя серьезность положенія.

„Разруха, разбродъ, неустройство осаждаютъ насъ со всѣхъ сторонъ; явныя и тайныя препятствія, открытый и скрытый саботажъ всячески мѣшаютъ наладить нормальную жизнь страны, а тѣмъ болѣе увеличить производительныя силы ея въ ближайшее время.

„Внутренній непримиримый смертельный врагъ (черносотенцы, либералы, соціалъ-предатели) подсиживаетъ и караулитъ“.

Въ маѣ 1918 г. всѣ соціалисты, не примыкавшіе къ большевикамъ, считались „соціалъ-предателями“, сочувствовавшими реакціонерамъ въ ихъ замыслахъ свергнуть большевизмъ. Кого же могли они повести за собою противъ „народной“ власти? Смертельные враги большевиковъ не скрывались; они были и среди крестьянъ и среди рабочихъ.

Ненавистные „богатѣи".

Въ тѣхъ же „Извѣстіяхъ" (№ 93) народный комиссаръ продовольствія, „товарищъ" Цурюпа, по поводу борьбы съ голодомъ, говоритъ:

„Главный виновникъ нашего голода—деревенская буржуазія, всѣми силами задерживающая хлѣбъ въ деревнѣ. Обезпеченное богатое крестьянство не нуждается въ продажѣ хлѣба.

Мы будемъ посылать въ деревни вооруженные отряды, которые оружіемъ заставятъ богатѣевъ-мужиковъ продавать хлѣбъ".

Далѣе Цурюпа характеризуетъ тяжесть борьбы и приводитъ примѣръ изъ послѣдней практики.

„Отрядъ вооруженныхъ солдатъ, прибывшій въ деревню для извлеченія хлѣба отъ крестьянъ, былъ встрѣченъ пулеметнымъ огнемъ. Деревня была окружена проволочнымъ загражденіемъ. Солдатамъ пришлось окопаться, но вскорѣ отрядъ оылъ окруженъ крестьянами. Одному изъ солдатъ удалось бѣжать на сосѣднюю станцію и вызвать подкрѣпленіе".

Зажиточное крестьянство, такъ называемые „богатѣи"—первый и могущественный врагъ большевиковъ. Чтобы оцѣнить, насколько это серьезный врагъ, нужно припомнить процессъ расхищенія земли. Его отлично изобразила газета Горькаго „Новая Жизнь" въ одномъ изъ обзоровъ, относившихся къ 1917 году. Въ статьѣ Пилецкаго „Земельный вопросъ и революція" (отъ 31 декабря 1917 г.) указывается, что предоставленіе деревнѣ самой разрѣшить земельный вопросъ привело къ усиленію зажиточныхъ элементовъ.

„Сплошь и рядомъ львиную долю въ помѣстьяхъ захватывали себѣ наиболѣе богатые слои крестьянства, дѣлили по лошадямъ, по надѣламъ, т. е. тотъ получалъ больше, кто много имѣетъ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ начались самовольныя порубки, и тутъ опять сильные захватили большую и лучшую часть.

„Богатые слои крестьянства рѣшительно начинаютъ выступать на первый планъ. По деревнямъ широкою волною разлилось винокуреніе, дававшее винокурамъ чудовищные барыши. Въ деревнѣ накопились, конечно, въ верхнихъ, зажиточныхъ, кругахъ, милліарды бумажныхъ денегъ (по приблизительнымъ расчетамъ, до 10 милліардовъ рублей). Иными словами, за періодъ революціи процессъ р а з с л о е н і я деревни пошелъ еще глубже и дальше, чѣмъ раньше: богатые стали относительно еще богаче.

Большевики ли они?

„Верхи деревни, значительно окрѣпшіе и сознательные, вмѣстѣ съ городскимъ мѣщанствомъ, все рѣшительнѣе отталкиваются отъ революціи. Низы, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, малоопытные и слабо развитые, идутъ подъ знаменемъ утопій и иллюзій, выставляя лозунги всеобщаго поравненія и соціальной революціи. Конфликтъ неизбѣженъ, если болѣе сознательныя части съ одной и съ другой стороны не придутъ къ соглашенію. Но при конфликтѣ пораженіе революціи почти неизбѣжно. Тогда земельный вопросъ будетъ разрѣшенъ такъ, какъ онъ сплошь и рядомъ самочинно рѣшается теперь: закрѣпленіемъ мелкой и средней сельской буржуазіи и превращеніемъ Россіи въ мелко-буржуазную республику, на манеръ Франціи".

Настроеніе сибирскаго крестьянства.

Въ самый разгаръ большевизма, „въ расцвѣтъ укрѣпленія совѣтской власти", когда по всей Сибири шло уничтоженіе земскихъ учрежденій и насажденіе совдеповъ, редакція „Земской Деревни" запросила своихъ читателей о жизни волостныхъ земствъ и учрежденій, замѣнившихъ при большевикахъ земство.

Въ числѣ вопросовъ анкеты послѣднимъ, 16-мъ, пунктомъ поставленъ слѣдующій: „Отношеніе деревни къ современной политической власти (въ центрѣ и на мѣстахъ), взглядъ на большевиковъ, отношеніе къ другимъ соціалистическимъ партіямъ, замѣчаются ли монархическія симпатіи и среди какихъ круговъ населенія (старики, бабы, молодежь)".

Всѣ отвѣты помѣчены числами отъ 8 до 15 мая 1918 года, слѣдовательно, въ такое время, когда казалось, что большевизмъ занялъ прочныя позиціи.

Изъ 102 отвѣтовъ больше четверти, вѣроятно, по тѣмъ же политическимъ причинамъ, изъ-за которыхъ молчитъ до сихъ поръ значительная часть русскаго населенія, не отвѣтили на вопросъ объ отношеніи къ большевикамъ. Зато другіе дали интересный матеріалъ, обзоръ котораго былъ напечатанъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" за 8 октября 1918 года.

Въ пользу большевиковъ дано только 7 отвѣтовъ. Изъ нихъ три безусловно восхваляютъ совѣтскую власть. Приведемъ ихъ полностью. „Большинство примыкаетъ къ большевикамъ, разныхъ разногласій нѣтъ".—Благопріятное, и довольны правленіемъ большевизма большинство".—Хорошо, къ другимъ партіямъ недоброжелательно, о монархіи нѣтъ и рѣчи". Четвертый сторонникъ

совѣтской власти даетъ подробный отвѣтъ, и картина отношенія деревни къ большевикамъ получается уже иная, чѣмъ изъ краткихъ отвѣтовъ предыдущихъ корреспондентовъ. Онъ пишетъ: „Взглядъ на большевиковъ въ началѣ января былъ очень неблагопріятный, въ виду ложной агитаціи, но въ настоящее время взглядъ на большевиковъ самый благопріятный, и, кромѣ того, возвратившіеся съ фронта солдаты разъясняютъ хорошіе отзывы о большевикахъ. Другія партіи совершенно, по темнотѣ своей, не знаютъ, монархическихъ симпатій не замѣчается, хотя дѣйствительно нѣкоторые старики и старыя бабы говорятъ, что какъ жить безъ царя, что это ужъ конецъ свѣта".

Ссылку на стариковъ, „болѣе глупыхъ и темныхъ", которые „вспоминаютъ царя" и имѣютъ „презрѣніе къ большевикамъ", находимъ въ пятой анкетѣ, но зато, по словамъ отвѣчающаго,— „молодое населеніе все симпатизируетъ современной власти". Остальные два сторонника совѣтской власти даютъ очень уклончивые отвѣты: „Деревня къ современной власти относится ничего, взглядъ на большевиковъ тоже ничего".

Въ восемнадцати анкетахъ, что составляетъ 25% отъ общаго числа, можно отмѣтить, какъ основную мысль, безразличное отношеніе къ совѣтской власти большинства деревенскаго населенія, но въ части отвѣтовъ, именно, въ восьми, имѣются также указанія, что на общемъ фонѣ безразличія уже произошли раздѣленія во взглядахъ на совѣтскую власть. Среди отдѣльныхъ группъ населенія выдѣляются группы „стариковъ и бабъ", которыя ненавидятъ большевиковъ; и группа молодежи, особенно „солдатъ съ фронта", всецѣло тяготѣющихъ къ большевизму и совѣтской власти.

Въ десяти отвѣтахъ находимъ, какъ опредѣленіе отношенія къ совѣтской власти, такія слова: „безразличное", „неопредѣленное", „безучастное". Нѣкоторые даютъ поясненія своей основной мысли; приведемъ наиболѣе характерныя. „Отношеніе къ власти безучастное", пишетъ гражданинъ тюменскаго уѣзда: „для деревни безразлично, какая бы власть ни была, лишь была бы справедливость. Лишь среди солдатъ и пріѣзжихъ на жительство изъ Россіи замѣчается тяготѣніе къ большевизму". Въ другомъ отвѣтѣ находимъ: „населеніе волости безучастно смотритъ на все, какъ на большевиковъ, такъ и на другія соціалистическія партіи. Большевиками наша волость была обложена на 4.000 руб., но мы до сихъ поръ не заплатили денегъ, предлагали взять съ имущаго класса волости. Послѣ обложенія контрибуціей замѣчается опасеніе, чтобы съ имущаго не перешли на неимущій".

Крестьянскіе отвѣты характерны тѣмъ, что, наряду съ безразличіемъ къ власти, имѣется опредѣленная боязнь всякихъ налоговъ. „Крестьяне-то судятъ, что будетъ, то будь, только бы дали земли вдоволь, да поменьше было налогу, а въ партіяхъ мы разобраться не можемъ. Старики и бабы боятся большевиковъ, а молодые большевиковъ выхваляютъ". Другой корреспондентъ пишетъ: „Нашей деревнѣ все равно, хоть какая хочешь будь власть, но только чтобы намъ, крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, не было никакого притѣсненія со стороны правительствъ. Но солдатамъ большевики лучше, за то, что войну прикончили и ихъ домой отпустили, но на какихъ условіяхъ война кончена, нашей деревнѣ неизвѣстно ничего, и мы программовъ никакихъ партіевъ не знаемъ; монархической симпатіи не замѣчается въ нашей деревнѣ".

Тѣсная связь деревенскаго большевика съ фронтовыми солдатами отмѣчается во многихъ отвѣтахъ. Одни прямо указываютъ: „Солдаты придерживаются большевизма, а остальное населеніе болѣе склонно къ революціонному строю". Или: „Власти совѣтовъ придерживаются, большей частью, пришедшіе съ фронта солдаты".

Въ остальныхъ сорока семи отвѣтахъ, что составляетъ 65% общаго числа, отмѣчается опредѣленное отрицательное отношеніе къ большевизму и совѣтской власти. Выраженія, коими опредѣляется отношеніе къ власти, чрезвычайно разнообразны; такъ, во многихъ отвѣтахъ говорится о „недовѣріи", въ другихъ указывается на „непріязненное", „отрицательное", „плохое" отношеніе. Въ десяти случаяхъ видна открытая вражда и злоба къ совѣтской власти. „Населеніе такъ напугано, что никому не довѣряетъ".—„Всѣ еще будто чего-то ждутъ, на болѣе хорошее надежда потеряна".

Корреспондентъ изъ Тарскаго уѣзда пишетъ: „Деревни волости относятся къ большевистской власти съ недовѣріемъ и презрѣніемъ". „Взгляды на большевиковъ суровые", отмѣчаетъ корреспондентъ-крестьянинъ. Другой на вопросы анкеты объ отношеніи къ власти дѣлаетъ краткую помѣтку: „не важенъ", а къ слѣдующему пункту вопроса о взглядѣ на большевиковъ добавляетъ—„тоже". „Взглядъ на большевиковъ непріятный". Поэтически настроенный корреспондентъ указываетъ: „Отношеніе и взгляды къ современной политической партіи носятъ характеръ съ искрой негодованія". Изъ Ишимскаго уѣзда пишутъ: „Взглядъ на большевиковъ прямо отвратительный. Населеніе къ другимъ соціалистическимъ партіямъ относится безъ вниманія. Одно только теперь населеніе ждетъ, когда ихъ избавятъ отъ большевиковъ".

Даже бѣглый обзоръ анкеты даетъ право сказать, что большевизмъ не захватилъ широкихъ массъ деревенскаго населенія.

Враги среди рабочихъ.

Далеко не всѣ рабочіе—революціонеры. Многіе безразлично относятся къ политикѣ и хотятъ одного: быть сытыми. Другіе лишены революціоннаго темперамента и охотно примыкаютъ къ болѣе умѣреннымъ элементамъ.

Среди этихъ рабочихъ антибольшевистская пропаганда имѣетъ большой успѣхъ. Насколько серьезны были волненія среди рабочихъ къ веснѣ 1918 г., показываютъ постоянныя замѣтки въ оффиціальныхъ совѣтскихъ органахъ объ осложненіяхъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Въ одномъ изъ номеровъ „Извѣстій,“ полученныхъ незадолго до возстанія въ Омскѣ (№ 102) и относящихся ко второй половинѣ мая, отведено много мѣста событіямъ въ Петроградѣ и въ Сормовѣ.

Народный комиссаръ Луначарскій, по прибытіи изъ Петрограда въ Москву, далъ интервью, въ которомъ говоритъ:

„Петроградъ только что пережилъ тяжелые дни: съ одной стороны—продовольственный кризисъ, съ другой—усиленная погромная агитація правыхъ с. р. на заводахъ и фабрикахъ, и, наконецъ, контръ-революціонная дѣятельность нѣкоторыхъ офицеровъ флота, въ особенности, изъ состава минной эскадры.“

Луначарскій подтверждаетъ, что на рабочихъ дѣйствовали и голодъ и пропаганда.

Въ Сормовѣ (Нижегородской губ.), одномъ изъ крупнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, большевики потерпѣли пораженіе на выборахъ въ совдепъ. Побѣдили меньшевики. Командированный въ Сормово изъ центра „товарищъ“ Раскольниковъ съ негодованіемъ разсказываетъ въ газетѣ, что „въ періодъ напряженной творчески-созидательной работы, меньшевикамъ удается вызвать на заводѣ, переживающемъ кризисъ, губительную въ данномъ случаѣ забастовку“.

Раскольниковъ объясняетъ и причины успѣха меньшевиковъ. „Нужно отдать справедливость, что массы вовсе не идутъ за меньшевиками, совершенно не усваиваютъ ихъ политическихъ взглядовъ, и лишь подъ давленіемъ продовольственнаго кризиса временно подпадаютъ подъ вліяніе ихъ демагогіи, спекулирующей на инстинктахъ голодной толпы.“

Опять то же—голодъ и пропаганда („демагогія“).

Въ чемъ заключалась „демагогія“ меньшевиковъ, мы узнаемъ изъ другихъ газетъ. Такъ, напримѣръ, петроградскій „Нашъ Вѣкъ“ (28 марта 1918 г.) даетъ отчетъ о собраніи фабрично-заводскихъ уполномоченныхъ Петрограда. Вотъ о чемъ здѣсь говорили докладчики и резолюція.

„Позорный миръ, голодъ, неумѣло ведущаяся эвакуація, полная дезорганизація фабрично-заводской жизни—все это обрушилось на рабочихъ. Профессіональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуютъ борьбы въ защиту правъ рабочихъ.

„На улицахъ и въ домахъ, днемъ и ночью, происходятъ убійства. Убиваютъ не только грабителей. Убиваютъ не враговъ народа, а мирныхъ гражданъ—рабочихъ, крестьянъ, студентовъ. Убиваютъ безъ суда, безъ слѣдствія.

„Мы, представители рабочаго класса,“ говорится въ резолюціи, „передъ лицомъ всей Россіи и всего міра заявляемъ, что эти убійства позорятъ честь революціи. Мы съ отвращеніемъ и съ негодованіемъ отметаемъ отъ себя отвѣтственность за эти кровавыя дѣла. Мы призываемъ рабочихъ и честныхъ людей присоединиться къ нашему возмущенію. Мы протестуемъ и требуемъ открытаго суда надъ всѣми, совершающими звѣрства и убійства.“

Горнозаводскіе рабочіе.

Если такъ говорили рабочіе Петрограда, то тѣмъ рѣзче должны были относиться къ большевикамъ рабочіе горнозаводскіе, особенностью быта которыхъ является оригинальное сочетаніе фабрично-заводскаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ. Горнозаводскіе рабочіе—это пролетаріатъ съ буржуазнымъ обиходомъ. Они работаютъ на другихъ, но обладаютъ и своимъ маленькимъ капиталомъ-хозяйствомъ. Таковы воткинцы, ижевцы и многіе другіе рабочіе Урала. Большевизмъ вторгся въ ихъ среду, какъ начало непонятное,чуждое и отвратительное, разрушающее ихъ замкнутую, спокойную, патріархальную жизнь. Коммуна стала такъ ненавистна этимъ рабочимъ, что они подымались противъ нея самостоятельно, безъ посторонней агитаціи, и дрались отчаянно и до послѣдняго.

Буржуазные враги.

Разложеніе арміи и Брестскій миръ казались русской интеллигенціи такимъ предательствомъ, что она почти цѣликомъ, даже

съ лѣвыми эсерами, отшатнулась отъ совѣтской власти и отдала себя въ распоряженіе тѣхъ, кто подготовлялъ борьбу съ большевиками. Поруганное и выброшенное на улицу офицерство составляло главные кадры сознательныхъ и воинственно настроенныхъ противниковъ большевизма. Чиновничество, менѣе воинственное, склонное къ компромиссамъ, сочувствовало, но не участвовало въ аггрессивныхъ замыслахъ.

Зато настоящая буржуазія: представители промышленнаго, денежнаго и земельнаго капитала—была поглощена планами возстанія и повсюду, внутри и внѣ страны, подготовляла вооруженное выступленіе. Гражданская война въ Россіи началась немедленно послѣ октябрьскаго переворота. Сначала въ Москвѣ и подъ Петроградомъ, потомъ на Дону, на Украйнѣ, въ станицахъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ, въ Забайкальѣ—очаги возстаній не угасали. Средства откуда-то приходили. Не трудно догадаться объ ихъ источникахъ.

Руководящій центръ.

Нити заговора противъ совѣтской власти сосредоточились въ рукахъ генерала Алексѣева, преемникомъ котораго явился потомъ Деникинъ. Генералъ Алексѣевъ разослалъ своихъ гонцовъ во всѣ концы Россіи, вплоть до Харбина и Владивостока. Среди этихъ гонцовъ были видные военные дѣятели, которые сумѣли сорганизовать офицерство во всѣхъ крупныхъ городахъ, составивъ планъ общаго и мѣстныхъ выступленій.

Еще съ марта 1918 г. во всѣхъ городахъ Сибири начались нападенія на склады оружія и цейхгаузы и систематическое ихъ ограбленіе. Это выполнялось офицерскими организаціями.

Но успѣхъ выступленія требовалъ не одного только военнаго, но и болѣе широкаго политическаго и административнаго руководства. Нуженъ былъ опредѣленный планъ организаціи власти, административнаго устройства, экономическихъ мѣропріятій, но въ этомъ отношеніи ни у одной изъ политическихъ организацій не было еще ничего цѣльнаго и продуманнаго. Сибирь, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказалась сравнительно въ болѣе благопріятномъ положеніи: она имѣла наготовѣ „Сибирское Правительство“, которое больше, какъ лозунгъ, чѣмъ, какъ реальная величина, возглавило движеніе, когда началось сверженіе большевизма. Однако, отсутствіе опредѣленной директивы изъ одного россійскаго центра, вызванное, главнымъ образомъ, случайностью высту-

пленія, начатаго чехами, сказалось сейчасъ же, какъ только движеніе распространилось за предѣлы Аз. Россіи. Явилось нѣсколько претендентовъ на власть. Дѣйствія политическихъ партій оказались несогласованными. Все движеніе пріобрѣло характеръ хаотическаго.

Дѣятельность эсеровъ и кооперації.

Изъ политическихъ организацій наибольшую активность проявляли соціалисты-революціонеры. На Волгѣ они успѣшно агитировали въ пользу Учредительнаго Собранія, въ Сибири—въ пользу Сибирскаго Правительства.

Эсеры захватили въ свои руки почти всю потребительскую кооперацію, и это помогало имъ подготовлять возстаніе противъ совѣтской власти. Кооперація, въ руководящихъ центрахъ которой были, по большей части, соціалисты-революціонеры, стала особенно оппозиціонной послѣ опубликованія проекта закона о реорганизаціи кооперації.

Этотъ проектъ состоялъ изъ четырехъ краткихъ статей.

1. Кооперація всѣхъ видовъ націонализируется.

2. Всѣ граждане должны быть прикрѣплены къ одному изъ распредѣлительныхъ пунктовъ.

3. Всѣ товары и продукты первой необходимости должны быть взяты на учетъ и распредѣляться по общеустановленной нормѣ и системѣ.

4. Частная собственность упраздняется совсѣмъ.

Функціи кооперативныхъ организацій впредь представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

1. Кредитная кооперація должна остаться въ видѣ филіальнаго отдѣленія единаго національнаго банка и заниматься чисто денежными операціями, въ видѣ пріема вкладовъ и выдачи ссудъ.

2. Всѣ лавки потребительской кооперації перешли бы въ вѣдѣніе мѣстныхъ совѣтовъ народнаго хозяйства, чтобы исполнять роль распредѣлительныхъ пунктовъ при нихъ („Трудовая Сибирь“).

Авторство этого законопроекта принадлежало совѣту народнаго хозяйства. Народные комиссары не одобрили проекта. Но на мѣстахъ въ ту пору мало считались съ центромъ и начали походъ противъ кооперації. Омскій „воевода“ Косыревъ нерѣдко говорилъ, что онъ лучше московскихъ комиссаровъ знаетъ, что надо и чего не надо дѣлать.

Московскій комиссаръ Цурюпа жалуется, что „мѣстные совѣты часто, вмѣсто того, чтобы придти намъ на помощь, своими распоряженіями только мѣшаютъ дѣлу“ („Извѣстія,“ № 93).

Шансы антибольшевизма въ Сибири къ лѣту 1918 года.

Все, что такъ сильно возмущало широкіе круги населенія въ Европейской Россіи, въ Сибири давало себя знать очень слабо. Голода здѣсь не было. Звѣрскихъ расправъ было мало; во всякомъ случаѣ, террора Сибирь почти не переживала. Кронштадтскіе матросы успѣли нанести визиты только Тюмени и Омску. Тяжесть Брестскаго мира Сибири была мало понятна. Продовольственные отряды еще не приходили въ сибирскую деревню. Мѣстные совдепы во многихъ районахъ, за отсутствіемъ собственныхъ большевиковъ и неприбытіемъ ихъ извнѣ по дальности разстояній, были вовсе не большевистскіе. Въ Тобольской губерніи Березовскій совдепъ объединенъ былъ только одной идеей — смѣстить исправника, владычествовавшаго тамъ нѣсколько десятилѣтій. Привѣтственная телеграмма Березовскаго совдепа Тюменскому заключала въ себѣ выраженіе надежды на скорое открытіе Учредительнаго Собранія. Это было послѣ разгона Учредительнаго Собранія большевиками, и Тюмень отвѣтила Березову краткою телеграммою: „дураки“.

Въ общемъ, къ лѣту 1918 г. Сибирь еще не была подготовлена къ сверженію большевиковъ. Ни крестьяне ни тѣмъ болѣе рабочіе не могли къ тому времени проникнуться враждебнымъ къ большевизму настроеніемъ. Не могло его чувствовать и казачество, весьма мало отличающееся въ Сибири отъ старожиловъ-крестьянъ.

Возстаніе противъ большевизма могло захватить только поверхность—городское мѣщанство, но это элементъ наименѣе надежный въ борьбѣ.

Сила антибольшевиковъ заключалась поэтому, главнымъ образомъ, въ слабости самихъ большевиковъ. Коммунизмъ въ Сибири немыслимъ. Большевики держались только на поверхности, не проникая вглубь. Но рисковать выступленіемъ, пока оно не началось въ Европейской Россіи, было не благоразумно. Слабо населенная и лишенная промышленности, окраина была бы не въ состояніи справиться съ взятою ею на себя задачею.

Красная армія.

Сравнительная легкость всѣхъ наступательныхъ плановъ проистекала изъ военнаго безсилія большевиковъ. Еще въ январѣ

Военноплѣнные въ Сибири.

1918 г. ими было объявлено о роспускѣ регулярной арміи и объ организаціи „рабоче-крестьянской арміи на началахъ добровольческихъ и при условіи рекомендаціи добровольцевъ, какъ сознательныхъ сторонниковъ совѣтской власти.“

Въ Сибири, гдѣ я могъ наблюдать за развитіемъ красной арміи, оно происходило крайне неудачно, и, если бы не военноплѣнные и не латыши, которые въ Омскѣ составляли видный элементъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, то красный гарнизонъ былъ бы совсѣмъ безсиленъ. Подслушивавшіе въ день чешскаго выступленія телефонные разговоры слышали языкъ нѣмецкій и латышскій.

Но военнопленныхъ, склонныхъ работать съ большевиками, было не такъ ужъ много, хотя въ это время для привлеченія ихъ и издавалась большевистская газета на нѣмецкомъ языкѣ, „Wahrheit“—„Правда“, разъяснявшая смыслъ переворота въ Россіи, какъ начала міровой революціи. Русскіе же красноармейцы были до того распущены, что спали на часахъ возлѣ складовъ оружія, и у нихъ изъ-подъ носа вывозили пулеметы и ружья.

Неожиданные враги.

Виновниками преждевременнаго выступленія противъ большевиковъ были чехи. Общая численность чехо-войскъ къ веснѣ 1918 г. опредѣлялась цифрою около 40 тысячъ. Объединенное идеей возстановленія свободы старой Чехіи, непримиримо враждебное къ германизму, войско готово было продолжать борьбу. Въ Россіи это представлялось невозможнымъ, и союзники рѣшили перевести три чешскія дивизіи на западный фронтъ, во Францію. Для этого надо было сосредоточиться во Владивостокѣ.

Проѣздъ чеховъ на востокъ не встрѣчалъ сначала особенныхъ затрудненій. Правда, въ каждомъ городѣ приходилось вести переговоры съ мѣстными совдепами, независимо отъ переговоровъ въ центрѣ и переговоровъ съ сосѣдними совдепами, потому что „федераціи“ совѣтскихъ республикъ блистали тогда анархическою несогласованностью дѣйствій. Но въ то время, какъ шли переговоры, чешскіе эшелоны подвигались, и голова длинной ленты уже достигла Владивостока, когда большевики, подъ давленіемъ нѣмцевъ, рѣшили остановить чеховъ.

Между тѣмъ, чехи раскинулись на огромномъ пространствѣ. Наиболѣе западныя части нѣсколько мѣшкали, въ виду предполагавшейся переброски ихъ на сѣверъ, къ Архангельску, куда удоб-

нѣе было подать часть транспортныхъ средствъ. Эшелонами, находившимися къ западу отъ Новониколаевска, командовалъ Чечекъ, эшелонами между Новониколаевскомъ и Байкаломъ—Гайда, а наиболѣе восточными—генералъ Дитерихсъ.

Разбросанность эшелоновъ ставила чеховъ въ очень тяжелыя условія. Въ случаѣ нападенія большевиковъ, имъ пришлось бы или позорно разоружиться, или пробиваться силою на протяженіи семи тысячъ верстъ. Къ тому времени, когда проявилось явно враждебное отношеніе Москвы къ чехамъ, послѣдніе успѣли завязать тѣсныя отношенія съ сибирской кооперацiей, принявшей на себя снабженіе эшелоновъ продовольствіемъ и фуражемъ, а черезъ потребительскую кооперацію, почти сплошь эсеровскую по составу, чехи связались съ подпольными антибольшевистскими организаціями. Выступленіе чеховъ произошло, такимъ образомъ, неожиданно и для нихъ и для всѣхъ враговъ большевизма. Какъ думали тогда, это была счастливая звѣзда Сибири, и чеховъ встрѣтили, какъ Богомъ посланныхъ избавителей.

Русскія военныя силы.

Въ моментъ выступленія чеховъ, къ нимъ, кромѣ офицерскихъ организацій, присоединились очень скоро и другія силы. На Волгѣ образовалась народная армія, почти сплошь состоявшая изъ интеллигентной молодежи и даже пожилыхъ общественныхъ дѣятелей. На Оренбургскомъ направленіи вышелъ Дутовъ съ неразложившимися частями казаковъ, на Дальнемъ Востокѣ чеховъ встрѣтили отряды Семенова.

Наименьшимъ довѣріемъ пользовались послѣдніе. Въ народную армію привлекала идея борьбы за Учредительное Собраніе и свободу. Дутовъ былъ извѣстенъ и раньше, какъ атаманъ и офицеръ генеральнаго штаба. Семеновъ былъ случайной фигурой. Къ нему не стекались общественные дѣятели, какъ это было въ Новочеркасскѣ у донскихъ атамановъ. За нимъ не шло и солидной массы забайкальскаго казачества, подобно тому, какъ за Дутовымъ шли оренбуржцы (правда, далеко не единодушно къ нему расположенные). Семенову сразу пришлось работать съ элементомъ авантюристическимъ, питаться помощью иностранцевъ (японцевъ и отчасти французовъ) и не гнушаться случайной добычею.

Во главѣ всѣхъ русскихъ военныхъ силъ всталъ тоже случайный человѣкъ, полковникъ Гришинъ, который жилъ подъ конспиративной фамиліей Алмазова.

Генералъ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ.

Гришинъ-Алмазовъ, вмѣстѣ съ П. Михайловымъ, членомъ Учредительнаго Собранія (оба погибли въ 1919 г.: одинъ отъ большевиковъ, другой отъ семеновцевъ), изъѣздили всѣ города Сибири и повсюду вносили систему и единство плана въ кустарно формировавшіяся офицерскія организаціи. Въ этомъ дѣлѣ требовалось много смѣлости, въ виду подозрительной бдительности большевиковъ, не разъ нападавшихъ на слѣды организаціи, а еще больше такта, въ виду разнородности политическаго состава организацій.

Гришинъ-Алмазовъ сообщалъ мнѣ какъ-то, что, когда онъ пріѣхалъ въ Омскъ, то тамошнее офицерство съ возмущеніемъ разсказывало, какъ на вопросъ: „кто станетъ у власти послѣ переворота?“—былъ данъ отвѣтъ: „Вы спросите мѣстный комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ.“ Надо замѣтить, что во главѣ Омской организаціи стоялъ полковникъ Ивановъ, назвавшій себя Риновымъ, который служилъ въ Туркестанѣ въ военной администраціи, на должности начальника уѣзда, что равносильно полицейской должности исправника. Потомъ Ивановъ былъ помощникомъ военнаго губернатора. Человѣку съ такимъ прошлымъ, при всей его гибкости, трудно было усвоить свою подчиненность партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Гришинъ-Алмазовъ умѣлъ найти примиряющую среднюю линію и привлечь Иванова и другихъ, склонявшихся на сторону болѣе правыхъ группировокъ (дальневосточнаго комитета), подъ знамя Сибирскаго Правительства.

Бѣлозеленый флагъ.

Для успѣха всякаго военнаго выступленія нужна не только ненависть къ существующему, но и опредѣленность стремленій, ясность положительной задачи.

На Волгѣ такою задачею было поставлено возстановленіе Учредительнаго Собранія. Въ Сибири—объединяющимъ лозунгомъ явилось „Сибирское Правительство“. Отъ имени этого Правительства дѣйствовалъ Гришинъ-Алмазовъ. Съ полномочіями Сибирскаго Правительства пріѣзжали въ разные города Сибири гражданскіе эмиссары. Съ именемъ Сибирскаго Правительства связывалось представленіе объ автономіи Сибири, и въ этомъ представленіи объединялись люди различныхъ партій и убѣжденій. Какъ отрицательная задача выступленія—свергнуть большевизмъ, такъ и положительная—обезпечить самоуправленіе Сибири, не вносили ни разногласій ни партійности.

„Бѣлозеленый“ флагъ—эмблема снѣговъ и лѣсовъ сибирскихъ, взвился гордо и радостно, и былъ встрѣченъ съ бодрыми надеждами и любовью.

Быстрота, единеніе, вѣрность.

Сибирь въ своей основной массѣ большевизмомъ не заразилась. Онъ протянулся красною ленточкою вдоль линіи желѣзной дороги, не проникнувъ вглубь. Но зато Сибирь не успѣла проникнуться и достаточнымъ сознаніемъ непригодности для нея большевистскаго строя.

Что же могло обезпечить успѣхъ движенія?

Если 40 тысячъ чеховъ рѣшили бороться до конца, если всѣ враждебныя большевизму силы солидаризировались, то можно было рискнуть. Казалось невѣроятнымъ, чтобы чехословацкая армія могла внезапно оставить фронтъ, была увѣренность, что подобное безпримѣрное предательство невозможно. Казалось также, что ни одна политическая партія не рѣшится вести борьбу противъ другой, тормазя работу власти, оспаривая шкуру медвѣдя раньше, чѣмъ медвѣдь убитъ.

Успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты движенія, единенія и вѣрности принятымъ обязательствамъ.

Глава III.

Сибирское Правительство.

Идея сибирской автономіи, которая породила Сибирскую Областную Думу, давно была затаенной мыслью лучшихъ сыновъ Сибири.*) Она является плотью отъ плоти и кровью отъ крови того соціально-политическаго теченія общественной мысли начала второй половины XIX вѣка, которое именуется въ исторіи „областничествомъ“. Областническія тенденціи этихъ первыхъ гражданъ Сибири были сначала неопредѣленнымъ стремленіемъ къ лучшему устройству Сибири вообще: къ просвѣщенію ея, къ развитію ея производительныхъ силъ, къ раскрѣпощенію личности сибиряка отъ административнаго гнета, тяготѣвшаго надъ страной, къ улучшенію положенія туземцевъ Сибири, находившихся въ экономической кабалѣ у хищническихъ элементовъ и подъ тяжелымъ административнымъ прессомъ.

Видную роль въ исторіи сибирскаго областничества сыграло казачество.

Дѣло о „сибирскомъ сепаратизмѣ“.

Среди привлеченныхъ въ 1865 г. по такъ называемому дѣлу „о сибирскомъ сепаратизмѣ“, было не мало казаковъ: отставной хорунжій Сибирскаго казачьяго войска Григорій Николаевичъ Потанинъ, есаулъ того же войска Усовъ, хорунжій Шайтановъ и др. Они, наряду съ Н.М. Ядринцевымъ, С.С. Шашковымъ, Д.Л. Кузнецовымъ и др., составили въ сиб. городахъ „Общество независимости Сибири“; они же выпустили воззваніе „Сибирскимъ патріотамъ“, гдѣ доказывалась необходимость и возможность созданія изъ Сибири экономически самостоятельной страны. „Мы, сибиряки, братски подаемъ руку россійскимъ патріотамъ для сово-

*) Краткія историческія данныя о развитіи сибирскаго областничества заимствуются изъ рѣчи Предсѣдателя Совѣта министровъ Временнаго Сибирскаго Правительства, П.В. Вологодскаго, на соединенномъ собраніи 4-го сибирскаго казачьяго круга, 4-го крестьянскаго съѣзда и епархіальнаго съѣзда духовенства и мірянъ Акмолинской области, а также изъ статьи Г. Н. Потанина въ сборникѣ „Нужды Сибири“ (Спб. 1908 г.).

купной борьбы съ нашимъ врагомъ. По окончаніи ея, Сибирь должна будетъ созвать *свое народное собраніе,* опредѣлить свои будущія отношенія къ Россіи—это ея неотъемлемое право", говорится, между прочимъ, въ этомъ воззваніи „Сибирскимъ патріотамъ". Оканчивалось оно слѣдующимъ призывомъ: „Да здравствуетъ Сибирь свободная...отъ горъ Уральскихъ до береговъ Восточнаго океана".

Въ 1864 г. въ г. Омскѣ случайно были обнаружены названныя прокламаціи, изъ которыхъ одну занесъ въ корпусъ кадетъ, не сознавая, что это недозволительная политическая вещь. Корпусное начальство нашло прокламацію у кадета и передало ее жандармамъ. Было назначено слѣдствіе, послѣдовалъ рядъ обысковъ въ квартирѣ казачьяго офицера Усова и у его друзей въ Томскѣ; затѣмъ послѣдовали аресты лицъ, имена которыхъ были найдены въ захваченной перепискѣ, также въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. При обыскѣ въ одной квартирѣ въ Иркутскѣ была найдена другая прокламація. Болѣе десятка молодыхъ людей было арестовано и свезено въ Омскъ, гдѣ была образована слѣдственная комиссія. Громко пронеслось по сибирскимъ городамъ извѣстіе о дѣлѣ, которое преувеличенно было названо: „Дѣло о злоумышленникахъ, возымѣвшихъ намѣреніе отдѣлить Сибирь отъ Россіи и основать въ ней республику на манеръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ".

Въ результатѣ, пострадали лучшіе граждане Сибири. Первымъ мученикомъ идеи сибирской самостоятельности и первымъ авторомъ мысли о Сибирской Областной Думѣ былъ Григорій Николаевичъ Потанинъ.

Наступившая вскорѣ общая эпоха реакціи не благопріятствовала новому пробужденію идеи автономіи Сибири. Съ идеей областничества сжились только группы идеологовъ этого соціально-политическаго теченія, оставшіяся вѣрными ей до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Широкаго отклика эта идея долгое время не находила въ средѣ сибирскаго населенія. Но идея областничества, какъ идея, несомнѣнно, демократическаго происхожденія, встрѣчала сочувствіе и среди случайныхъ гостей Сибири, демократически настроенныхъ, хотя и идущихъ иными путями къ счастью народа, къ установленію основъ народоправства. Защитниками идеи областничества, сибирской автономіи, являлись такія лица изъ старыхъ народовольцевъ, какъ Ф. В. Волховскій, С. Л. Чудновскій, С. П. Швецовъ и др.

Въ 1917 г., послѣ революціи, идеи областничества стали пользоваться большимъ успѣхомъ и нашли поддержку въ умѣрен-

ныхъ соціалистахъ, которые видѣли въ переходѣ къ федеративному строенію областей возможность усилить свое вліяніе, въ противоположность большевикамъ.

Идея организаціи Сибирскаго Правительства выросла постепенно. Сначала, въ августѣ 1917 г., представители революціонныхъ демократическихъ организацій Сибири созвали въ г. Томскѣ конференцію для обсужденія вопроса о созданіи въ Сибири истинныхъ основъ народоправства, и здѣсь уже впервые сталъ на реальную почву вопросъ о необходимости конструировать сибирскую власть на особыхъ основаніяхъ. Далѣе, въ октябрѣ мѣсяцѣ созывается всесибирскій съѣздъ представителей тѣхъ же организацій, который уже рѣшаетъ созвать въ декабрѣ того же года чрезвычайный Сибирскій Областной съѣздъ изъ представителей тѣхъ же организацій; на этомъ съѣздѣ уже прямо былъ поставленъ вопросъ о настоятельной необходимости организовать особую сибирскую власть для управленія автономной Сибирью. Этотъ чрезвычайный съѣздъ объявилъ созывъ *Сибирской Областной Думы,* выработалъ Положеніе о временныхъ органахъ управленія Сибири и избралъ Временный Сибирскій Областной Совѣтъ— исполнительный органъ съѣзда.

Созывъ Сибирской Областной Думы.

Въ обстановкѣ большевизма надежда на осуществимость созыва Думы могла опираться на удачное использованіе тѣхъ организацій, которыя сложились въ періодъ совѣтскаго режима. Составители закона приспособлялись къ моменту. Поэтому Положеніе о Сибирской Областной Думѣ оказалось крайне несовершеннымъ. Почти половина состава избиралась совѣтскими организаціями: совѣтами крестьянскихъ, казачьихъ, киргизскихъ депутатовъ. Входили представители фронтовыхъ организацій солдатъ-сибиряковъ, включались представители союзовъ полу-профессіональнаго, полу-политическаго характера (почтово-телеграфнаго, желѣзнодорожнаго, учительскаго и даже студенческаго). Много мѣста отводилось кооперації, профессіональнымъ союзамъ и національнымъ организаціямъ.

Представительство буржуазіи было вовсе исключено, такъ же, какъ и въ совѣтахъ. Верховную власть, по образцу совѣтскаго строя, Положеніе предоставляло Думѣ, такъ что исполнительный органъ (министерства) долженъ былъ ей всецѣло подчиняться (система конвента французской революціи).

Отношеніе общественныхъ круговъ къ Думѣ.

Искусственность подбора представителей въ Сибирской Областной Думѣ вооружила противъ нея значительную часть интеллигенціи, особенно изъ партіи „народной свободы.“ Вызывала сомнѣнія и самая идея сибирской автономіи, которая казалась проявленіемъ сепаратизма. Вооружились противъ Думы и большевики.

„Сибирская Рѣчь“ назвала Сибирскую Областную Думу „новой соціалистической затѣей“. Другія вліятельныя газеты, какъ, напримѣръ, газета Дальняго Востока „Голосъ Пріамурья,“ сторонница еще большей децентрализаціи, назвала фантастическою идею объединенія всей Сибири и Степного края въ одно цѣлое, связывающее въ одномъ централистическомъ учрежденіи, Сибирской Областной Думѣ, чуть ли не шестую часть земной суши.

Совѣты, поддерживаемые Москвой и Петроградомъ, по отношенію къ Сибирской Думѣ заняли непримиримую позицію. Ачинскій совѣтъ раб. и солд. депутатовъ, соглашаясь съ Красноярскимъ Исполн. Комитетомъ, „попытку контръ-революціи, подъ видомъ автономіи Сибири и созыва Сибирскаго Учредительнаго Собранія признаетъ недопустимой,“ и проситъ Томскій совдепъ принять всѣ мѣры, начиная съ разгона и ареста, не останавливаясь передъ использованіемъ вооруженной силы, „для того, чтобы отстоять власть совѣтовъ.“

Немудрено послѣ этого, что такое настроеніе общественнаго мнѣнія Сибири отразилось на самихъ членахъ Думы. Представители Сибирской Областной Думы съѣзжались къ мѣсту своего назначенія медленно.

Дѣятельность Областного Совѣта.

Въ составъ Временнаго Областного Совѣта вошли Потанинъ, ушедшій въ концѣ декабря, Дерберъ, Патушинскій, Шатиловъ, Новоселовъ и Захаровъ.

Областному Совѣту была поставлена съѣздомъ очень узкая и ограниченная задача: созвать къ 10-му января Областную Думу, на основаніяхъ, выработанныхъ съѣздомъ. Силою вещей, однако, Областной Совѣтъ началъ осуществлять и нѣкоторыя функціи управленія; главнымъ образомъ, онъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры по вопросу объ образованіи власти. Одно время онъ сносился съ отдѣльными образованіями, вродѣ За-

байкальскаго Областного Совѣта, который временно осуществлялъ въ Забайкальской области верховную власть, и съ атаманомъ Семеновымъ, тогда есауломъ, который привѣтствовалъ Областной Совѣтъ, а затѣмъ Областную Думу, указывая, что онъ тоже борется съ большевиками подъ лозунгомъ „Учредительное Собраніе." Происходили сношенія и съ иностранцами, въ лицѣ случайныхъ представителей, находившихся тогда въ Томскѣ, съ Китаемъ, черезъ посла Кудашева, по поводу періодическаго закрытія границы для провоза товаровъ на ст. Маньчжурія, и др.

Однако, Областной Совѣтъ былъ лишенъ возможности заниматься чѣмъ-либо, кромѣ переписки и переговоровъ. Онъ не имѣлъ ни финансовъ ни аппарата управленія; вся канцелярія его состояла изъ пяти человѣкъ. При Областномъ Совѣтѣ состояли финансовый и военный совѣты, которые занимались разработкой вопросовъ для Областной Думы.

Г. Н. Потанинъ.

Предсѣдатель Областного Совѣта Потанинъ былъ наиболѣе популярнымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ въ Сибири. Потанинъ, всю свою жизнь посвятившій служенію родной Сибири, тщательно изслѣдовавшій какъ ее, такъ и сосѣднія съ ней страны, въ частности, Монголію—обладалъ исключительной честностью и безкорыстіемъ; его ясный умъ, чуждый фанатизма, свойственнаго партійной русской интеллигенціи, невольно привлекалъ всѣхъ. Потанинъ живо интересовался и принималъ дѣятельное участіе въ Сибирскихъ съѣздахъ, происходившихъ въ концѣ 1917 г., и былъ избранъ Предсѣдателемъ Областного Совѣта на послѣднемъ декабрьскомъ чрезвычайномъ Сибирскомъ съѣздѣ. Однако, глубокая старость (Потанинъ родился въ 1835 г.) и физическая слабость не позволили ему оказать замѣтнаго вліянія на ходъ событій 1917—18 г. г. Свой ясный умъ Потанинъ сохранилъ, но въ бурное время, когда темпераментъ и энергія брали перевѣсъ надъ доводами и знаніями, онъ былъ безсиленъ осуществить свою задачу —примирить крайности, внести трезвость въ дѣйствія партійныхъ политиковъ.

Вокругъ Потанина шла ожесточенная борьба. Каждый тянулъ его въ свою сторону. Его, какъ предсѣдателя Областного Совѣта, вынудили подписать актъ, сводившійся къ признанію совѣтовъ, правда, съ рядомъ оговорокъ. Это послужило поводомъ къ выходу Потанина изъ Областного Совѣта. Онъ чувствовалъ, что не смо-

жетъ выполнить принятой на себя роли. Энергичная молодежь брала верхъ. Никого примирить не удалось. Члены Областного Совѣта, вродѣ Дербера, чуждаго Сибири, типичнаго политическаго дѣятеля новой формаціи, были непріятны Потанину.

Вышедши изъ Областного Совѣта, Потанинъ продолжалъ чутко прислушиваться къ происходящему, благословлялъ на дѣйствія однихъ, давалъ совѣты другимъ. Онъ былъ избранъ почетнымъ Предсѣдателемъ Думы и затѣмъ первый пожалованъ былъ Сибирскимъ Правительствомъ званіемъ „Почетнаго гражданина Сибири".

П. Я. Дерберъ.

Наиболѣе энергичнымъ и вліятельнымъ членомъ Областного Совѣта былъ Дерберъ. Человѣкъ недюжинныхъ способностей, хорошій ораторъ, онъ обладалъ, къ тому же, большой энергіей и настойчивостью, которая какъ-то не гармонировала съ его необычайно миніатюрною, почти карликовою фигурой и забавнымъ дѣтскимъ личикомъ. Задолго до революціи Дерберъ работалъ въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, былъ профессіональнымъ ея дѣятелемъ и жилъ за ея счетъ. Это особый въ Россіи, нелюбимый широкими кругами русскаго общества типъ чисто политическаго дѣятеля.

Несмотря на живость характера и способность трезво оцѣнивать обстановку, Дерберъ все же былъ типично партійнымъ человѣкомъ въ политикѣ. О нравственныхъ качествахъ его давались неблагопріятные отзывы даже въ средѣ лицъ, близкихъ къ его партіи.

Январьскія засѣданія Думы.

Между тѣмъ, кворумъ Областной Думы не набирался. Это происходило отчасти изъ-за громадныхъ разстояній Сибири, отчасти потому, что почти всѣ рабочія организаціи бойкотировали Думу. Къ 7-му января Дума не могла быть открыта. Только къ 20-му января собралось около ста человѣкъ, и на 1-е февраля назначено было открытіе Думы. До тѣхъ же поръ происходили совѣщанія фракцій Думы и частныя совѣщанія членовъ Думы. Наиболѣе сильныя группировки Думы были: фракція соціалистовъ-революціонеровъ и фракція представителей различныхъ народностей Сибири (называлась она „фракціей національ-

постей"). Эта фракція была настроена умѣреннѣе, чѣмъ эсеровская. Въ составѣ ея, кромѣ туземцевъ: киргизъ, бурятъ, якутовъ,— были поляки, украинцы и нѣмцы-колонисты.

Главное вниманіе во фракціяхъ было сосредоточено на вопросахъ о пополненіи состава Областной Думы представителями „цензовыхъ" элементовъ и о выработкѣ избирательнаго закона въ Сибирское Учредительное Собраніе, которое, по мысли декабрьскаго чрезвычайнаго съѣзда, должно было быть созвано въ мартѣ 1918 г. Временное Правительство, которое предполагалось было избрать въ Думѣ, должно было, въ сущности, заняться только проведеніемъ выборовъ въ Сибирское Учредительное Собраніе. Отчасти этимъ объяснялось, что вопросъ о кандидатахъ въ составъ Временнаго Сибирскаго Правительства меньше всего обсуждался во фракціяхъ, и только Областной Совѣтъ и лидеры фракцій нѣсколько на немъ останавливались. А между тѣмъ, въ то время, какъ Областной Совѣтъ и Сибирская Дума стремились собрать Сибирь и начать совмѣстно съ другими частями Россіи борьбу съ большевиками, большевизмъ началъ уже укрѣпляться въ Сибири, не какъ политическая партія, а какъ власть. Въ серединѣ декабря Омскъ перешелъ въ руки большевиковъ. Но партія эсеровъ ожидала, что Всероссійское Учредительное Собраніе одолѣетъ большевизмъ, и что, въ случаѣ посягательства на Учредительное Собраніе, по всей Россіи вспыхнетъ гражданская война съ большевиками. Въ январѣ большевики стали распространять свое вліяніе на Томскъ, не рѣшаясь, однако, выступать рѣшительно противъ Областного Совѣта и Думы. Въ ночь съ двадцать пятаго на 26-ое января большевики, желая, очевидно, предупредить открытіе Думы, неожиданно для Областного Совѣта, арестовали членовъ его: Патушинскаго, Шатилова и нѣсколькихъ членовъ Думы, въ томъ числѣ Якушева, намѣченнаго фракціями въ предсѣдатели. Изъ остальныхъ членовъ Областного Совѣта въ Томскѣ находился Дерберъ, которому удалось избѣжать ареста. Дерберъ и представители фракцій, собираясь конспиративно, рѣшили устроить тайно отъ большевиковъ засѣданіе Областной Думы, на которомъ было бы избрано Временное Сибирское Правительство.

Избраніе Правительства.

Фракція соціалистовъ-революціонеровъ долго возражала противъ избранія правительства. Она считала невозможнымъ произвести избраніе въ столь ненормальной обстановкѣ. „Мы можемъ

лишь переизбрать Совѣтъ и поручить ему созвать на Дальнемъ Востокѣ Областную Думу въ болѣе полномъ составѣ", говорили соціалисты-революціонеры. Только Дербер настаивалъ на избраніи полномочнаго правительства, которое, перебравшись на Дальній Востокъ, могло бы дѣйствовать и рѣшать. Противъ избранія правительства высказывались и члены фракціи „національностей". Въ концѣ концовъ, фракціи уступили настояніямъ Дербера. Онѣ потребовали только включенія въ составъ правительства соціалистовъ-революціонеровъ въ числѣ, гарантирующемъ большинство. За неимѣніемъ достаточнаго числа „подходящихъ" кандидатовъ, они предложили въ министры членовъ Областного Совѣта Шатилова и Захарова, которыхъ первоначально не имѣли въ виду включать въ составъ правительства, за недостаточною ихъ подготовленностью къ министерскимъ постамъ, а также еще менѣе подготовленнаго мѣстнаго соціалиста-революціонера, Кудрявцева.

„Національная" фракція потребовала созданія, кромѣ министерства туземныхъ народностей, по дѣламъ киргизъ, бурятъ и пр. народностей, занимающихъ опредѣленную территорію, еще министерства „экстерриторіальныхъ" народностей, т. е. иноплеменниковъ, разсѣянныхъ по всей Сибири, каковы украинцы, поляки, евреи и пр. Эти два министерства должны были быть замѣщены кандидатами фракціи. Кромѣ того, фракція требовала предоставленія ея кандидату также поста министра народнаго просвѣщенія.

Въ результатѣ этихъ переговоровъ, Областная Дума въ тайномъ засѣданіи избрала Временное Правительство.

Нужно ли описывать это засѣданіе?

На частной квартирѣ, собравшаяся исподтишка небольшая группа членовъ Думы, человѣкъ около двадцати изъ полутораста, „избрала" шестнадцать министровъ съ портфелями и четырехъ безъ портфелей. Шесть человѣкъ присутствовавшихъ самоизбрали себя въ Совѣтъ министровъ.

Постоянно прислушиваясь, не идутъ ли большевики, храбрые заговорщики быстро выкрикивали имена кандидатовъ, едва успѣвая остановиться на ихъ оцѣнкѣ, избирая даже случайныхъ незнакомыхъ лицъ, какимъ былъ, напримѣръ, И. Михайловъ, предложенный въ министры финансовъ однимъ случайнымъ участникомъ изъ состава „аппарата". Никто не задумывался и надъ тѣмъ, согласны ли избираемые, будутъ ли они довольны „компаніей" Дербера и др. Такъ попали въ министры не запрошенные никѣмъ объ ихъ согласіи Вологодскій, Устругов, Серебренниковъ, Крутовскій.

Процедуры избранія никакой не было. Примѣнена была система „par acclamation“.

Въ результатѣ, Дума избрала:

Предсѣдателемъ и временно министромъ земледѣлія—Дербера (фракція соціалистовъ-революціонеровъ потребовала, чтобы постъ министра земледѣлія былъ предоставленъ ея кандидату); министромъ иностранныхъ дѣлъ Вологодскаго; министромъ здравоохраненія Крутовскаго; военнымъ министромъ Краковецкаго; министромъ внутреннихъ дѣлъ Новоселова; министромъ финансовъ Ив. Михайлова; министромъ снабженія и продовольствія Серебренникова; министромъ юстиціи Патушинскаго; министромъ народнаго просвѣщенія Ринчино; министромъ торговли и промышленности Колобова; министромъ путей собщенія Устругова; министромъ труда Юдина; министромъ туземныхъ дѣлъ Тиберъ-Петрова; министромъ экстерриторіальныхъ народностей украинца Сулима; государственнымъ контролеромъ Жернакова; государственнымъ секретаремъ Моравскаго; министрами безъ портфелей: Шатилова, Кудрявцева, Захарова, Неометуллова. Предсѣдателемъ Думы былъ избранъ Якушевъ.

Необходимо сказать, что согласіе на вхожденіе въ составъ Сибирскаго Правительства было получено только отъ находившихся въ Томскѣ Дербера, Моравскаго, Колобова, Тиберъ-Петрова, Юдина, Неометуллова.

Со многими изъ избранныхъ, въ частности, съ Вологодскимъ, Серебренниковымъ, Крутовскимъ, Михайловымъ и др., никогда не велись переговоры; нѣкоторые объ избраніи ихъ министрами узнали только наканунѣ антибольшевистскаго переворота въ Сибири.

Избрать правительство только изъ своей среды Дума не могла, въ виду чрезвычайно низкаго уровня политической подготовленности ея членовъ.

Результатъ „выборовъ“.

Условія избранія правительства были вообще крайне ненормальны. Необходимость въ кратчайшій срокъ произвести выборы, невозможность сообщаться открыто изъ-за боязни большевиковъ, наконецъ, неподготовленность къ этому членовъ Думы сдѣлали то, что выборы, въ сущности, были произведены Дербером, лицами, его окружавшими, не принадлежавшими къ составу Думы, и нѣсколькими изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Думы. Во всякомъ случаѣ, поскольку Дума оказала свое вліяніе, правители-

ство было выбрано неудачно. Избраніе предсѣдателемъ правительства Дербера, человѣка, совершенно неизвѣстнаго Сибири и ей чуждаго, выборы Шатилова, Тиберъ-Петрова, Захарова, Кудрявцева, Неометуллова, Юдина—были сдѣланы подъ давленіемъ Думы и оказались очень неудачными. Тиберъ-Петровъ мѣшалъ работѣ Сибирскаго Правительства на Дальнемъ Востокѣ. Кудрявцевъ, Захаровъ, Неометулловъ, Юдинъ незамѣтно сошли со сцены. Шатиловъ былъ наказаніемъ Сибирскаго Правительства за его первородный грѣхъ—фикцію выборности.

Дербер̀ъ давалъ завѣренія представителямъ фракціи соціалистовъ-революціонеровъ, что Вологодскій, Крутовскій, Михайловъ—правовѣрные соціалисты-революціонеры, хотя самъ не былъ увѣренъ въ этомъ. Онъ ошибся, и, между тѣмъ, именно эти дѣятели сыграли потомъ наиболѣе видную роль.

Разгонъ Думы.

Тѣмъ временемъ большевики объявили Думу распущенной.

„На основаніи постановленія центральнаго комитета совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ всей Сибири, Западно-сибирскаго областного комитета, Томскаго губернскаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Западно-сибирскаго и Акмолинскаго Комитета совѣта крестьянскихъ депутатовъ и ряда постановленій мѣстныхъ совдеповъ, президіумъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объявляетъ временно-Сибирскую Областную Думу распущенной, членовъ временнаго Сибирскаго Областного Совѣта подлежащими аресту и преданію суду революціоннаго трибунала, по обвиненію ихъ въ организаціи власти, враждебной рабочимъ и крестьянскимъ совѣтамъ. Всѣ мѣстные совѣты должны немедленно принять мѣры къ задержкѣ слѣдующихъ лицъ: Александра Ефимовичъ Новоселова, Дмитрія Григорьевича Сулима, Александра Александровича Сотникова, Юсуфа Раадовича Саіевъ, Евгенія Васильевича Захарова, Сергѣя Андреевича Кудрявцева и Ивана Степановича Юдина. Всѣ члены Областной Думы, въ случаѣ неподчиненія постановленію о роспускѣ, объявляются врагами народа и предаются суду революціоннаго трибунала. Президіумъ Исполнительнаго Комитета Томскаго Совѣта. 26 января 1918 г. Томскъ.“

Оставалось разъѣхаться и готовиться къ борьбѣ. 27 января Дербером̀ъ была составлена, по порученію Думы, декларація.

Декларація Сибирской Думы.

Декларація начинается словами возмущенія противъ большевиковъ.

„Надежда всѣхъ областей и народностей, составляющихъ великую революціонную Россію—Всенародное Учредительное Собраніе—преступно разогнано большевиками и такъ называемыми „лѣвыми эсерами".

„То, что составляло мечту и цѣль многихъ революціонныхъ поколѣній въ тяжелой борьбѣ съ царизмомъ; то, что являлось единственнымъ якоремъ спасенія великой революціи; то истинное полное народоправство, которое только и могло закрѣпить и углубить завоеванія революціи—разбито и предано большевиками.

„Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, посягнувшій на власть Учредительнаго Собранія, является врагомъ народа. Измѣнниками революціи являются большевики, противопоставляющіе Учредительному Собранію совѣты крестьянскихъ, рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Учредительное Собраніе, призванное учреждать основные законы хозяйственной, общественной и политической жизни всей страны—отнюдь *не противъ совѣтовъ*, какъ классовыхъ организацій; наоборотъ, въ своемъ законодательномъ творчествѣ оно опирается на совѣты, какъ и на всѣ трудовыя демократическія организаціи страны."

Дума заигрываетъ, такимъ образомъ, съ совѣтами рабочихъ депутатовъ, не рѣшаясь покончить съ ними.

Дальше устанавливаются программныя положенія:

„1. Всѣ силы и средства Дума отдаетъ для защиты и скорѣйшаго возобновленія работъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, признавшаго закономъ о федеративномъ устройствѣ Россійской демократической республики автономію Сибири и другихъ частей государства.

2. До созыва Всесибирскаго Учредительнаго Собранія, вся полнота власти въ предѣлахъ Сибири принадлежитъ временной Сибирской Областной Думѣ.

3. Дума приметъ всѣ мѣры къ незамедлительному созыву Сибирскаго Учредительнаго Собранія, которое явится опорой Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и будетъ строителемъ новой жизни трудящихся классовъ и народовъ Сибири.

4. Дума выражаетъ свой рѣшительный протестъ противъ сепаратнаго мира, и, въ случаѣ заключенія его большевиками, она

ни въ какой мѣрѣ ни моральной ни матеріальной отвѣтственности за этотъ преступный шагъ на себя не принимаетъ. *)

5. До заключенія мира Дума считаетъ необходимымъ принять безотлагательно мѣры:

а) къ планомѣрному отозванію съ фронта и ближайшаго тыла уставшихъ солдатъ-сибиряковъ на родину;

б) къ роспуску гарнизоновъ, находящихся на территоріи Сибири и

в) къ созданію добровольческой сибирской арміи, имѣющей цѣлью защиту Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, автономной Сибири и Сибирскаго Учредительнаго Собранія.

6. Народы, живущіе на своей территоріи, въ разное время присоединенные къ Россійскому Государству, рѣшаютъ свободно выраженнымъ волеизъявленіемъ, путемъ конгрессовъ и референдума,—отдѣляются ли они отъ Россійской федеративной республики и образуютъ самостоятельныя государства, или входятъ, какъ автономно-федеративныя единицы, въ составъ Россійской республики.

7. Въ области земельныхъ отношеній—Дума считаетъ необходимымъ провести въ жизнь принятый Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ законъ о *безвыкупномъ переходѣ всѣхъ помѣщичьихъ земель,* а также всѣхъ частно-владѣльческихъ, казенныхъ и другихъ, съ водами, лѣсами и нѣдрами, въ *общенародное достояніе,* устанавливающій незыблемое право всякаго трудящагося на землю. Въ предѣлахъ и на основаніи основного закона о землѣ, Сибирское Учредительное Собраніе издаетъ законъ о землѣ въ Сибири, учитывающій климатическія, этнографическія, естественно-историческія и культурно-хозяйственныя условія послѣдней.

8. Въ области добывающей и обрабатывающей промышленности—начало націонализаціи копей, рудниковъ и т. д. и организацію общественнаго контроля и регулировки.“

Вотъ главныя положенія декларації Сибирской Областной Думы.

Ея заключительныя слова таковы:

„Съ вѣрою въ народно-трудовыя силы, съ сознаніемъ великой отвѣтственности, съ беззавѣтнымъ стремленіемъ спасти погибающую Сибирь, Дума вступаетъ на путь верховной законодательной власти въ свободной отнынѣ *автономной Сибирской республикѣ*“.

Изъ декларації этой видно, что Сибирская Областная Дума построила свою программу на черновскихъ принципахъ.

---

*) Это было до заключенія Брестскаго мира. Авт.

Переходъ земель безъ выкупа въ народное достояніе (смыслъ этого трафаретнаго положенія въ Сибири всегда останется непонятнымъ, если не смотрѣть на декларацію, какъ на выступленіе демагогическое), національзація добывающей и обрабатывающей промышленности (безъ обозначенія какихъ-либо предѣловъ ея), сохраненіе совѣтскихъ организацій, объявленіе Сибири автономной *республикой* (по принципу федераціи) и, въ то же время, предрѣшеніе подчиненности Сибирскаго Учредительнаго Собранія верховной власти Всероссійскаго—все это была не реальная программа, а только политическая игра въ соперничество съ большевиками. Какъ только Сибирское Правительство приступило къ практическому осуществленію власти, оно должно было отойти отъ всѣхъ этихъ программныхъ положеній.

Переѣздъ Сибирскаго Правительства на Дальній Востокъ.

Избравъ правительство, принявъ основы декларацiи, поручивъ разработку ея президіуму Думы, члены Думы рѣшили разъѣхаться, съ тѣмъ, чтобы въ одиночку затѣмъ пробираться на Дальній Востокъ, куда немедленно долженъ былъ направиться президіумъ Думы и правительство.

Однако, находившіеся въ Тобольскѣ члены правительства, Дерберъ и Моравскій, задержались въ Томскѣ для организаціи Комиссаріата, который объединилъ бы въ своихъ рукахъ подготовку борьбы съ большевиками въ Западной Сибири. Задача эта была возложена на недавно вернувшихся изъ Петрограда послѣ разгона Учредительнаго Собранія членовъ его —П. Михайлова и Линдберга.

Были образованы военныя антибольшевистскія организаціи, установлена связь съ уже существовавшими тайными офицерскими организаціями. Аналогичныя организаціи были затѣмъ установлены и въ Восточной Сибири, въ частности, въ Иркутскѣ и Читѣ.

Обстановка на Востокѣ постоянно мѣнялась. Появившіеся было въ Забайкальѣ большевики были ликвидированы вернувшимся съ фронта 1-мъ Забайкальскимъ казачьимъ полкомъ, но, къ моменту переѣзда въ Читу президіума Думы и нѣкоторыхъ членовъ правительства (конецъ февраля), тамъ возстановилась совѣтская власть, благодаря приходу съ фронта большевистски настроеннаго 2-го Забайкальскаго полка.

Президіуму Думы, нѣкоторымъ ея членамъ и членамъ правительства, въ составѣ Дербера, Моравскаго, Тиберъ-Петрова,

Юдина, Колобова, Жернакова—пришлось ѣхать дальше на Востокъ, въ Харбинъ. Въ дальнѣйшемъ, во Владивостокъ пріѣхали Краковецкій, Новоселовъ, Кудрявцевъ, Неометуллovъ. Уже раньше тамъ находился Захаровъ. Прочіе члены правительства во Владивостокъ не пріѣхали, одни за незнаніемъ того, что они были избраны (Вологодскій, Крутовскій, Серебренниковъ, Михайловъ) —они спокойно проживали въ Сибири, такъ какъ объ избраніи ихъ министрами не знали и большевики. Ринчино отказался вступить въ составъ правительства—онъ занятъ былъ исключительно бурятскими дѣлами; Сулима вступилъ въ большевистскій совдепъ въ Барнаулѣ, гдѣ и былъ убитъ при антибольшевистскомъ выступленіи и побѣдѣ Сибирскаго Правительства. Онъ сражался съ большевиками противъ того самаго правительства, членомъ котораго состоялъ. Наконецъ, Уструговъ вступилъ въ другую группировку, враждебную Сибирскому Правительству—группировку генерала Хорвата.

Дальневосточные политическіе центры.

Совѣтскія власти внимательно слѣдили за Дальнимъ Востокомъ, видя назрѣвавшую тамъ контръ-революцію. Въ № 102 совѣтскихъ „Извѣстій“ за 1918 г. дается слѣдующее описаніе дальневосточныхъ центровъ, сопровождаемое обычными эпитетами— „мошенники“, „жулье“, „бандиты“ и т. д.

„Дальній Востокъ живетъ сейчасъ оживленной политической жизнью. Харбинъ сталъ центромъ, гдѣ собрались всѣ антисовѣтскіе элементы Сибири, отчасти Россіи. Однимъ изъ центровъ, вокругъ котораго, въ сущности, нѣтъ никакого круговращенія, является такъ называемое Сибирское правительство, иначе говоря, группа Потанина и Дербера. Въ первые моменты послѣ октября эта группа пользовалась довольно большимъ вліяніемъ въ Сибири, но затѣмъ развитіе большевизма смело ее съ арены политической жизни. Тѣмъ не менѣе, такъ называемое Сибирское правительство, до самаго послѣдняго времени, претендовало на руководящую роль оппозиціи противъ совѣтской власти и вело весьма важные переговоры какъ съ представителями великихъ державъ, такъ и съ различными общественными группами. Другимъ центромъ, вокругъ котораго вращаются сибирскіе, россійскіе и зарубежные политическіе и финансовые мошенники и авантюристы, представляется „Дальневосточный комитетъ активной защиты родины и Учредительнаго Собранія“. Политическая физіономія этого комитета весь-

ма неясна. Въ его составъ входятъ лица, либерализмъ и демократизмъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, а, съ другой стороны, рѣшающее вліяніе на направленіе его политики имѣетъ группа финансовыхъ дѣльцовъ.

„Наконецъ, третій центръ—такъ называемое „Пекинское правительство“. Это уже ассоціація наиболѣе крупнаго финансоваго жулья, во главѣ которой стоятъ извѣстный Путиловъ и В. Львовъ, братъ бывшаго премьера (такого правительства, въ дѣйствительности, не существовало. Авт.).

„Большую роль играетъ въ Харбинѣ генералъ Хорватъ. Ген. Хорватъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, состоялъ неизмѣннымъ начальникомъ Восточно-Китайской дороги и, въ качествѣ такового, пріобрѣлъ большія международныя связи и получилъ популярность въ финансовыхъ кругахъ Дальняго Востока. Генералъ Хорватъ держится нѣсколько особнякомъ, но, по существу, между нимъ, пекинской группой и дальневосточнымъ комитетомъ установилось полное тождество во взглядахъ, и выработанъ общій планъ дѣятельности.

„Что касается дѣятельности адмирала Колчака, то онъ не участвовалъ непосредственно въ выработкѣ первоначальнаго плана дѣятельности, но, очевидно, былъ въ курсѣ и въ рѣшительный моментъ согласился дать свое имя тому движенію, первымъ признакомъ котораго является наступленіе Семенова.

„Между буржуазными группами Дальняго Востока и группой Потанина и Дербера вначалѣ шли переговоры объ образованіи единаго центра и общемъ планѣ дѣйствій. На такомъ соглашеніи настаивали и иностранцы. Переговоры эти, однако, ни къ чему не привели, и группа Потанина и Дербера, опредѣленно эсеровскаго характера, осталась за флагомъ.“

Союзники.

Дальше газета характеризуетъ отношеніе къ „Дальневосточному вопросу“ со стороны Англіи, Японіи и Америки. „Соглашеніе между ними,“ говоритъ газета, „уже достигнуто. Однимъ изъ условій вмѣшательства иностранцевъ является созданіе такого политическаго центра на Дальнемъ Востокѣ, который носилъ бы *не только мѣстный характеръ, но и общерусскій*, и который сумѣлъ бы завоевать себѣ довѣріе въ „широкихъ кругахъ русскаго народа.“

Семеновщина.

„Движеніе, во главѣ котораго стоитъ есаулъ Семеновъ, само по себѣ не представляетъ опасности для совѣтской власти. Лица, стоящія за его спиной, поставили себѣ цѣлью доказать своимъ покровителямъ, что активное вмѣшательство въ дѣла Дальняго Востока не только не вызоветъ негодованія, но встрѣтитъ широкое сочувствіе среди населенія. Но банды Семенова стали проявлять вскорѣ навыки дореволюціоннаго періода. Разстрѣлы, порка нагайками чуть ли не поголовно всѣхъ солдатъ, проѣзжавшихъ черезъ Маньчжурію, причемъ ихъ обирали до нитки, создали отряду въ низахъ населенія недобрую славу. Вдобавокъ стало извѣстно, что отрядъ снабжается оружіемъ Японіей.“

Какъ видно изъ этой замѣтки въ оффиціальномъ совѣтскомъ органѣ, красочный языкъ котораго цѣликомъ сохраненъ, большевики были довольно хорошо освѣдомлены о происходившемъ на Дальнемъ Востокѣ, но не дооцѣнивали серьезности противныхъ силъ.

Семеновъ—представитель вліятельной на Востокѣ Забайкалья казачьей офицерской семьи. Его мать—бурятка. Онъ говоритъ на монгольскомъ и бурятскомъ нарѣчіяхъ, и это обезпечиваетъ ему большое вліяніе среди этихъ національностей. При Керенскомъ онъ взялся навербовать изъ бурятъ и монголовъ кавалерійскій полкъ. Послѣ октябрьскаго переворота, Семеновъ обосновался на ст. Маньчжурія, на границѣ Забайкалья и Китая. Постепенно его отрядъ мѣнялся въ своемъ составѣ и получилъ наименованіе „Особаго Маньчжурскаго отряда“. Семеновъ—атаманъ отряда—объявилъ, что ставитъ себѣ задачей защиту Учредительнаго Собранія, органовъ самоуправленія и безпощадную борьбу съ большевиками. Въ это время происходили безпорядки во внѣшней Монголіи, и Семеновъ привлекъ на свою сторону недовольныхъ. Такъ какъ позиція Семенова была противокитайская—ибо онъ поддерживалъ монгольскихъ сепаратистовъ,—то онъ остановился передъ возможностью противодѣйствія китайцевъ, но зато передъ нимъ раскрывались болѣе широкія возможности въ отношеніи помощи японцевъ.

Старинный антагонизмъ въ Забайкальѣ бурятъ и казаковъ, съ одной стороны, и крестьянъ-старожиловъ, съ другой,—антагонизмъ, основанный на спорахъ изъ-за земли, былъ тоже на руку Семенову.

Большевизмъ въ Забайкальѣ появился только съ прибытіемъ туда развращенныхъ и разложившихся на фронтѣ нѣкоторыхъ казачьихъ частей. Онъ захватилъ крестьянъ-старожиловъ, которые, какъ и во многихъ другихъ частяхъ Сибири, поняли его своеобразно. Мой коллега по кабинету, Серебренниковъ, разсказывалъ объ одномъ крестьянскомъ приговорѣ въ Забайкальѣ, въ которомъ заявлялось: земля ничья, народная, поэтому она и должна принадлежать народу, а не бурятамъ.

Естественно, что такая оригинальная національзація земли отталкивала бурятъ отъ большевизма. Возмущались имъ и многіе казаки. Семеновъ могъ разсчитывать пріобрѣсти поддержку солидной части населенія области.

Глава IV.

Западно-Сибирскій Комиссаріатъ.

Переворотъ въ Омскѣ прошелъ такъ быстро и безболѣзненно, что какъ-то не вѣрилось глазамъ, когда вечеромъ стали ходить не „красные“, а „бѣлые“, появились воззванія новой власти, и всѣ комиссары исчезли.

Вступившій въ командованіе военными силами полковникъ Ивановъ-Риновъ не обнаружилъ ни военнаго таланта ни военной находчивости и распорядительности: большевики вывезли изъ Омскаго Отдѣленія Государственнаго Банка большіе запасы денегъ, погрузились на пароходы и цѣлой флотиліей двинулись вверхъ по Иртышу, направляясь на Тюмень. По дорогѣ ихъ можно было перехватить, но никто этого не сдѣлалъ.

Декларація новой власти.

„Западная Сибирь очищена отъ большевиковъ. Они бѣгутъ, унося съ собой все, что можно захватить. Ярмо новаго самодержавія уничтожено, Сибирь вновь свободна. Власть перешла къ Временному Сибирскому Правительству, выдвинутому Областной Думой. Высшей мѣстной властью въ Западной Сибири временно, впредь до окончательнаго освобожденія всей Сибирской территоріи, является Западно-Сибирскій Комиссаріатъ, состоящій изъ уполномоченныхъ Временнаго Сибирскаго Правительства: членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія Павла Михайлова, Бориса Маркова и Михаила Линдберга, и предсѣдателя Томской уѣздной Земской Управы Василія Сидорова“.

„Законодательныя мѣропріятія и реформы не поручены уполномоченнымъ. Они входятъ въ компетенцію лишь Сибирской Областной Думы временнаго, до созыва Сибирскаго Учредительнаго Собранія, законодательнаго органа“.

„Задачей Областной Думы и ея исполнительнаго, отвѣтственнаго передъ ней органа—Временнаго Сибирскаго Правительства—является возстановленіе нарушеннаго большевиками правильнаго товарообмѣна, обезпеченіе гражданъ продовольствіемъ, предотвра-

щеніе вторженія въ Сибирь съ востока путемъ возобновленія дружественныхъ отношеній съ союзными странами; созывъ Сибирскаго Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и пропорціональнаго представительства, и, наконецъ, всемѣрное содѣйствіе скорѣйшему возобновленію работъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, которое одно можетъ спасти страну путемъ объединенія всѣхъ силъ революціонной демократіи, для разрѣшенія всѣхъ выдвинутыхъ революціей политическихъ и соціальныхъ задачъ и возсоединенія отторгнутыхъ нынѣ другъ отъ друга частей Великой Всероссійской Федеративной Демократической Республики".

Такъ гласила декларація уполномоченныхъ Сибирскаго Временнаго Правительства.

Декларація стала извѣстна въ Омскѣ раньше, чѣмъ появились тамъ Марковъ, Михайловъ, Сидоровъ и Линдбергъ. Первоначально во всѣхъ городахъ заявляли о себѣ болѣе мелкіе комиссары, которые, однако, тоже именовались „уполномоченными Сибирскаго Правительства". Въ Новониколаевскѣ, который началъ возстаніе (тамъ былъ Гайда), уполномоченнымъ оказался Сазоновъ, извѣстный въ Сибири кооператоръ, въ Омскѣ—Кузнецовъ и Ляховичъ, люди совершенно случайные, никому неизвѣстные, въ Тюмени—какіе-то Смагинъ и Кудрявцевъ, совсѣмъ юноши и политическіе младенцы. Но никто не спорилъ: „Кто палку взялъ, тотъ и капралъ". Фактически на освобожденной территоріи правилъ всѣмъ Ивановъ-Риновъ, какъ опытный администраторъ и человѣкъ съ характеромъ.

Формированіе центральныхъ учрежденій.

Когда въ Омскъ прибылъ Павелъ Михайловъ, одинъ изъ членовъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата, наличность власти стала ощутительнѣе. Этотъ блѣдный человѣкъ, съ горящими черными глазами, работалъ день и ночь. Онъ немедленно созвалъ совѣщаніе изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, выяснилъ положеніе финансовъ, продовольственное, нужды желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ приступилъ къ формированію отдѣловъ управленія и выясненію кандидатовъ на должности управляющихъ ими. Впрочемъ, совѣщаніе, гдѣ намѣчались кандидаты, было болѣе интимнымъ по составу: „буржуевъ" на него не пригласили.

Какъ сейчасъ, помню эти засѣданія въ тѣхъ комнатахъ Гарнизоннаго Собранія, гдѣ за недѣлю до этого еще былъ воен-

ный комиссаріатъ, а, спустя короткое время, устроена была квартира Гришина-Алмазова.

Пользуясь временнымъ безвластіемъ, а также близостью къ Иванову-Ринову, военнопромышленный комитетъ посадилъ „своихъ“ людей на самыя жизненныя части управленія—финансы, продовольствіе, судоходство. Почти весь Омскій совѣтъ народнаго хозяйства оказался къ пріѣзду Михайлова уже разобраннымъ по частямъ и попавшимъ въ опытныя руки. Такъ какъ совѣтъ народнаго хозяйства успѣлъ захватить въ свое вѣдѣніе рядъ казенныхъ и частныхъ предпріятій, то и они попали въ завѣдываніе военнопромышленнаго комитета, заправилою въ которомъ былъ крѣпкій сибирскій „мужикъ“ Двинаренко, изъ матросовъ выбравшійся въ милліонеры.

Эти-то лица: Двинаренко и его ставленники Ваньковъ и Мальцевъ и затѣмъ отъ управленія Омской жел. дороги инж. Степаненко, и явились докладчиками на совѣщаніи. Доклады были дѣльные. Авторы ихъ почти всѣ были привлечены потомъ къ активной правительственной работѣ. Вліяніе военнопромышленнаго комитета, такимъ образомъ, было упрочено.

Я былъ привлеченъ на совѣщаніе персонально, какъ и нѣкоторые другіе: Зефировъ, Петровъ, Бутовъ, которые извѣстны были прежней правительственной и общественной работой.

Припоминаю самый процессъ избранія кандидатовъ на должности управляющихъ отдѣлами. Было рѣшено учредить при Западно-Сибирскомъ Комиссаріатѣ управленіе дѣлами Комиссаріата, отдѣлъ административный, съ подъотдѣлами земскаго и городского самоуправленія, здравоохраненія, почтъ и телеграфовъ, и отдѣлы: военный, финансовъ, юстиціи, продовольствія, торговли и промышленности, труда, земледѣлія и колонизаціи, путей сообщенія и туземныхъ дѣлъ.

Управляющимъ дѣлами предложено было быть мнѣ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ, кто тогда находился въ Омскѣ, одинъ только я обладалъ, еще по службѣ въ Петроградѣ, знаніемъ законодательной техники и организаціи центральнаго управленія. Мнѣ было трудно поэтому отказаться; у меня было лишь то серьезное основаніе для отказа, что я былъ новымъ человѣкомъ въ Сибири и зналъ ее только, какъ бывшій чиновникъ Переселенческаго Управленія и авторъ ряда статей по вопросамъ колонизаціи. Я былъ сторонникомъ привлеченія къ власти мѣстныхъ людей и указывалъ на то, что управляющимъ дѣлами долженъ быть сибирякъ. Но участвовавшіе въ засѣданіи мои друзья и Вологодскій, съ которымъ я

былъ знакомъ по сотрудничеству въ редактировавшихся имъ „Зарѣ“ и „Трудовой Сибири“—настояли на моей кандидатурѣ.

Административный отдѣлъ рѣшено было поручить Сизикову, человѣку совершенно для этого не подготовленному, но правовѣрному эсеру, немало поработавшему въ первый періодъ революціи надъ разложеніемъ арміи. На это мѣсто (равносильное должности министра внутреннихъ дѣлъ) нужно было „своего“.

Относительно военнаго отдѣла пришли къ соглашенію не сразу. На должность завѣдывающаго этимъ отдѣломъ была выдвинута кандидатура члена Учредительнаго Собранія Фомина, который, несмотря на свою молодость (28 л.), проявлялъ большую расторопительность и тактъ. Въ виду того, что Фоминъ не былъ военнымъ, возникъ вопросъ, можно ли поручить военный отдѣлъ не спеціалисту, и слѣдуетъ ли вообще отдѣлять завѣдываніе военнымъ отдѣломъ отъ командованія арміей. Я высказался въ пользу раздѣленія этихъ должностей, въ цѣляхъ обезпеченія большаго вліянія гражданской власти на военное дѣло и большаго контроля за расходами. Но участвовавшій въ этомъ засѣданіи членъ Сибирскаго Правительства Ив. Михайловъ, да и самъ Фоминъ, не особенно убѣдительно, но настойчиво высказывались за совмѣщеніе должности завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ съ должностью командующаго сибирской арміей. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это было ультимативное требованіе Гришина-Алмазова, съ которымъ уже тогда считался Комиссаріатъ. Такъ было положено начало зависимости гражданской власти отъ военной.

Кандидатовъ на всѣ высшія должности было, вообще, очень мало. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ найти ихъ было тѣмъ труднѣе, что большевики еще не были отогнаны отъ Тюмени. Исходъ борьбы былъ далеко не ясенъ. Обыватель еще прятался въ раковину. Омская кооперація заявила Иванову-Ринову, что она не будетъ вмѣшиваться въ политику и останется только хозяйственной организаціей—обычный пріемъ уклоненія. Въ этотъ моментъ нужно было проявить много мужества, чтобы встать во главѣ власти. Между тѣмъ, нельзя было и прятаться за спины другихъ. Несвѣдущіе, совершенно не подготовленные къ практической работѣ люди могли сразу погубить начатое дѣло освобожденія.

Не удивительно поэтому, что кандидаты намѣчались почти по наитію. Здѣсь не было, въ сущности, выборовъ, а намѣчались жертвы общественнаго долга. Каждаго приходилось упрашивать. Изъ присутствовавшихъ были указаны, какъ желательные кандидаты, Зефировъ, Петровъ и я. Каждый изъ насъ, естественно,

поддерживалъ другого, не только питая другъ къ другу чувства взаимнаго довѣрія и уваженія, основанныхъ на прежней совмѣстной работѣ, но и стремясь образовать солидарную, сплоченную группу. На нашемъ назначеніи настаивали присутствовавшіе тутъ же наши добрые знакомые: Вологодскій, Бутовъ, Ив. Михайловъ, которые всѣ встали позже во главѣ управленія Сибирью. Но все же ни одна почти кандидатура изъ намѣченныхъ на этомъ засѣданіи не прошла случайно, безъ поддержки общественности. Всѣхъ насъ поддерживали отдѣльныя группы, преимущественно кооператоры.

Составъ дѣлового управленія.

Комиссаріату не приходилось долго думать, и онъ рѣшилъ пригласить всѣхъ намѣченныхъ на совѣщаніи лицъ. Элементарны были пріемы намѣченія кандидатовъ, и узокъ кругъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ, но все же можно сказать,—въ цѣломъ, составъ избранныхъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ.

Одни, какъ, напримѣръ, проф. Сапожниковъ (народное просвѣщеніе) и проф. Гудковъ (торговля и промышленность), пользовались извѣстностью, какъ ученые, общимъ уваженіемъ и безукоризненной репутаціей. Другіе, какъ, напримѣръ, Зефировъ (продовольствіе), Степаненко (путей сообщенія), Петровъ (земледѣліе), Морозовъ (юстиція), Мальцевъ (финансы), считались знатоками порученнаго имъ дѣла; третьи, напримѣръ, Шумиловскій (трудъ) пользовались уваженіемъ, какъ политическіе дѣятели. Неожиданнымъ для всѣхъ явилась не называвшаяся на совѣщаніи кандидатура привать-доцента Головачева въ управляющіе отдѣломъ внѣшнихъ сношеній. Этотъ юноша—ему было 25 лѣтъ—не пользовался репутаціей ни ученаго ни общественнаго дѣятеля. Это была просто случайная фигура, выдвинувшаяся, въ виду существовавшаго предразсудка, что иностранную политику могутъ вести только знающіе международное право, тогда какъ въ дѣйствительности надо знать нѣчто болѣе трудное—международные экономическіе и политическіе интересы.

Какъ видно изъ характеристики лицъ, приглашенныхъ въ управляющіе центральными учрежденіями, Комиссаріатъ руководился преимущественно дѣловыми соображеніями. Это былъ правильный путь. Отсутствіе партійности сразу дало себя чувствовать и въ ходѣ дѣла и въ общественныхъ отношеніяхъ. Правительство Западно-Сибирскаго Комиссаріата быстро завоевало себѣ почти всеобщее довѣріе.

Представители союзниковъ въ Омскѣ черезъ день послѣ свержения большевиковъ.

Двойственность политики Комиссаріата.

Почти съ первыхъ же шаговъ политической и административной работы, выяснилось расхожденіе дѣлового аппарата съ Западно-Сибирскимъ Комиссаріатомъ. Послѣдній считалъ себя какъ бы намѣстникомъ Сибирскаго Правительства и, слѣдовательно, носителемъ верховной власти. Управляющіе отдѣлами считались только исполнителями и не должны были вмѣшиваться въ политику.

Но высшее управленіе—это и есть политика. Отдѣлить одно отъ другого нельзя. По отдѣлу юстиціи возникъ вопросъ, какъ относиться къ сохранившимся организаціямъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Отдѣлъ земледѣлія рѣшилъ упразднить земельные комитеты, покровительствовавшіе захватамъ земель, и возстановить частныя владѣнія въ Сибири, которыя, при незначительности ихъ общей площади, имѣли большое культурное значеніе, какъ показательныя хозяйства. Отдѣлъ торговли рѣшилъ приступить къ денаціонализаціи промышленныхъ предпріятій.

По всѣмъ этимъ вопросамъ у Комиссаріата проявлялись либо нерѣшительность, либо прямыя симпатіи къ сложившимся при большевикахъ порядкамъ. „Совдепы“ должны быть сохранены, какъ профессіональныя организаціи, для обезпеченія завоеваній революціи. Члены Комиссаріата обнаруживали очевидное непониманіе, что обезпечивающій завоеванія революціи совдепъ можетъ быть только политическимъ, а не профессіональнымъ органомъ, и что свергать совѣтскую власть, оставляя совѣты, было безсмысленно.

Денаціонализація можетъ быть примѣнена только по отношенію къ предпріятіямъ, лишеннымъ общественнаго значенія. Опять проявленіе невѣжества. Какія предпріятія въ Сибири могутъ считаться не имѣющими общественнаго значенія? Здѣсь не производится предметовъ роскоши, и, стало быть, вся промышленность должна была остаться въ рукахъ государственныхъ органовъ.

Земельные комитеты неприкосновенны. Здѣсь члены Комиссаріата, какъ партійные соціалисты-революціонеры, не были склонны проявить какой-либо уступчивости.

Кромѣ того, Комиссаріатъ никакъ не могъ отказаться отъ идеи коллегіальнаго управленія и насаждалъ повсюду, и въ губерніяхъ и въ уѣздахъ, мѣстные комиссаріаты, работа которыхъ была очень слабой.

Отношенія мои съ членами Комиссаріата были самыя добрыя. Я, какъ управляющій дѣлами, стоялъ ближе къ нимъ, чѣмъ другіе, присутствовалъ почти во всѣхъ ихъ засѣданіяхъ и нерѣдко вступалъ съ ними въ споры. Особенное упорство проявлялъ всегда Марковъ, узко партійный человѣкъ, знавшій хорошо программу партіи, но не знавшій жизни. Онъ часто говорилъ, что „никогда не ошибается, потому что всегда носитъ съ собою программу партіи.“ Наиболѣе понимающимъ обстановку казался Сидоровъ, какъ земецъ, обладавшій большимъ опытомъ. Но наибольшую способность стоять у власти — характеръ и тактичность — проявлялъ Пав. Михайловъ, который, однако, часто бывалъ въ разъѣздахъ, а потому не успѣлъ оказать вліянія на политику центральныхъ учрежденій. Надо отдать справедливость Маркову: онъ, дѣйствительно, не ошибался. Онъ руководствовался деклараціей Сибирской Областной Думы, понимая ея теоретическія заявленія, какъ основы реальной политики. Мы уже знаемъ, что Дума не рѣшалась „обѣщать меньше,“ чѣмъ большевики, что она встала на платформу Чернова, и всѣ ея грѣхи сказались и на Западно-Сибирскомъ Комиссаріатѣ.

Идея Административнаго Совѣта.

Трудность проведенія необходимыхъ и спѣшныхъ мѣропріятій и понятное желаніе согласовать дѣятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ навела на мысль о созывѣ совѣщанія управляющихъ вѣдомствами. Положеніе о такомъ совѣщаніи было разработано въ Управленіи дѣлами, и предсѣдатель совѣщанія, В. В. Сапожниковъ, уже долженъ былъ представить Комиссаріату одобренный всѣми проектъ, когда произошло неожиданное для всѣхъ, кромѣ Головачева, событіе. Находившіеся на освобожденной отъ большевиковъ территоріи члены Сибирскаго Правительства рѣшили взять въ свои руки власть. Въ связи съ этимъ, мы отложили осуществленіе проекта организаціи Административнаго Совѣта. Однако, слухъ объ этомъ проектѣ успѣлъ проникнуть въ партійные круги.

Уполномоченными Сибирскаго Правительства было получено письмо отъ Акмолинскаго краевого комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которое потомъ осталось въ дѣлахъ. Текстъ этого письма не былъ опубликованъ, но оно представляетъ большой интересъ, какъ показатель того давленія на Комиссаріатъ, которое онъ испытывалъ со стороны партійныхъ организацій.

Письмо эсеровъ.

„Въ Акмолинскій губернскій комитетъ П. С. Р. (партіи соц.-революціонеровъ) людьми, сочувствующими сохраненію завоеваній демократіи, доставленъ проектъ Положенія объ Административномъ Совѣтѣ Западной Сибири.

Подъ скромными заданіями, которыя ставитъ себѣ этотъ проектъ, кроется неприкрытое стремленіе создать изъ Совѣта высшій административный органъ, на службѣ у котораго состоитъ и Временное Сибирское Правительство и Коллегія уполномоченныхъ Временнаго Сибирскаго Правительства по Западной Сибири.

Параграфъ 6 „проекта“ особенно ярко обрисовываетъ ту ловушку, въ которую вовлекается Коллегія.

По этому пр. Администрат. Совѣтъ: а) разрабатываетъ и редактируетъ *общія предначертанія* Сиб. Правительства или Коллегіи уполномоченныхъ Вр. Сиб. Пр-ва по Зап. Сибири; б) разсматриваетъ всѣ проекты постановленій и общихъ распоряженій Коллегіи уполномоченныхъ Вр. Сиб. Пр-ва по Зап. Сибири; в) разсматриваетъ штаты служащихъ отдѣловъ и кандидатуры на важнѣйшія должности и т. д.

Парагр. 12 „проекта“ требуетъ, чтобы всѣ постановленія и общія распоряженія Коллегіи уполномоченныхъ Вр. Сиб. Пр-ва по Зап. Сибири скрѣплялись предсѣдателемъ Административнаго Совѣта и завѣдывающимъ подлежащимъ отдѣломъ, который тѣмъ самымъ принимаетъ за нихъ отвѣтственность *передъ Вр. Сиб. Правительствомъ или передъ Зап.-Сиб. Обл. Думой, когда таковая будетъ созвана.*

Мы, Акмолинскій губернскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, всемѣрно протестуемъ противъ всякихъ попытокъ введенія бюрократическаго строя въ предѣлахъ свободной Сибири и противъ образованія новыхъ правительствъ, въ лицѣ ли комиссаріатовъ—отрыжки большевистской диктатуры, въ лицѣ ли Административнаго Совѣта. Мы знаемъ лишь Коллегію уполномоченныхъ Сибирскаго Временнаго Правительства, охраняющую полное народоправство и имѣющую аппаратъ, возстанавливающій и укрѣпляющій народоправство, а не умаляющій его авторитета и власти.

Мы вмѣстѣ съ демократіей будемъ всемѣрно бороться за полное и скорѣйшее осуществленіе платформы Вр. Сиб. Пр-ва и Сиб. Обл. Думы.

Въ противовѣсъ указанному „проекту,“ мы выдвигаемъ необходимость созданія при Коллегіи уполномоченныхъ Совѣта изъ представителей гор. и земск. самоуправленій и демократическихъ организацій, которыя призывались дать своихъ представителей въ Сиб. Обл. Думу.

Только такой Совѣтъ можетъ сплотить всѣ элементы Сибири, жаждущіе ея устроенія на началахъ самоуправленія и не руководящіеся узко-групповыми въ этомъ дѣлѣ интересами.

Принятіе Коллегіей уполномоченныхъ переданнаго намъ сочувствующими демократіи и жаждущими проявленія въ вольной Сибири истиннаго народоправства людьми „Проекта“ будетъ обозначать полный разрывъ уполномоченныхъ съ демократіей, и у послѣдней въ цѣломъ, и въ части, представляемой Акмолинскимъ Губ. К-омъ П. С. Р., практически встанетъ вопросъ о самозащитѣ и объ охранѣ принциповъ полнаго народоправства.

Каждое лицо, замѣщающее тотъ или иной постъ, должно неуклонно проводить въ жизнь платформу Сиб. Времен. Правительства, а не диктовать этому Правительству своей воли, своихъ взглядовъ.

Дабы Коллегія уполномоченныхъ могла имѣть за собою всю силу приверженцевъ народоправства, весь авторитетъ въ борьбѣ съ тенденціями къ административному бюрократическому управленію Сибирью, она должна *рѣшительно* направить свои усилія въ область *немедленнаго* созданія при себѣ Совѣта на началахъ, кои были положены въ основу Сиб. Обл. Думы, и приступить къ практическимъ шагамъ по подготовкѣ къ выборамъ въ Сиб. Учр. Собр.

Прилагаемъ при семъ инструкцію центральнаго Комитета партіи по вопросамъ самоуправленія, начала которой, по нашему убѣжденію, неоспоримы не только для членовъ партіи, но и для всѣхъ сторонниковъ народоправства.

Съ товарищескимъ привѣтомъ, члены Акм. Губ. К-та П. С. Р. Подписали: А. Корякинъ, С. Раснеръ. $^{28}/_{6}$ 1918 г., г. Омскъ.

P. S. Мы выражаемъ сожалѣніе, что порученіе Временнаго Комитета о необходимости черезъ товарища Линдберга-младшаго информировать нашъ комитетъ о предположеніяхъ вашихъ въ области управленія и мотивахъ къ изданію тѣхъ или иныхъ распоряженій или постановленій, вами не выполняется, и вы лишаетесь возможности быть въ курсѣ тѣхъ настроеній, которыя господствуютъ въ массахъ и грозятъ крахомъ идеѣ народоправства, если эта идея будетъ осуществляться такимъ образомъ, какъ она осуществляется до настоящаго времени“.

Причины смѣщенія Комиссаріата.

Письмо не могло повліять на политику Комиссаріата, такъ какъ онъ доживалъ уже послѣдніе дни.

Оффиціально члены Сибирскаго Правительства: Вологодскій, Патушинскій, Михайловъ и Шатиловъ (старикъ Крутовскій не принималъ участія въ ихъ рѣшеніи и только присоединился къ нему) пришли къ мысли взять въ свои руки власть, въ виду недостаточной авторитетности Комиссаріата и неопредѣленности его полномочій, особенно въ области внѣшней политики. Въ это время появилась въ газетахъ, произнесенная въ Челябинскѣ, рѣчь какого-то французскаго маіора Пине, который высказывался въ такомъ тонѣ, какъ будто русскихъ вовсе не существуетъ, и союзники могутъ свободно распоряжаться на русской территоріи, дѣлая, что имъ угодно. Защита достоинства возрождавшагося государства требовала сильной и полномочной власти.

Но были и другіе мотивы выступленія. Въ телеграммѣ, которую Сибирское Правительство, по вступленіи во власть, послало въ Пекинъ Дерберу, говорилось о подымавшей голову реакціи, объ авантюристахъ, въ смѣлыхъ головахъ которыхъ безсиліе и неавторитетность Комиссаріата порождали замыслы захвата власти.

Въ дѣйствительности, такихъ замысловъ тогда не было, но Патушинскій и Михайловъ, какъ фигуры активныя, не могли безучастно наблюдать за ходомъ дѣлъ, не принимая въ нихъ рѣшающаго участія. И они, конечно, были иниціаторами выступленія. Вологодскій и Шатиловъ пошли за ними. Якушевъ, предсѣдатель Думы, тогда не успѣвшій еще окунуться въ партійную политику, взялся санкціонировать какъ переходъ власти къ *пяти* министрамъ Сибирскаго Правительства, такъ и присвоеніе ими всей полноты государственной власти (Грамата 30 іюня), хотя это и не соотвѣтствовало выработанному Думою Положенію о временныхъ органахъ управленія Сибирью, такъ какъ верховная власть должна была принадлежать Думѣ.

Заслуги Комиссаріата.

Дѣятельность Комиссаріата не прошла безслѣдно. Она не даромъ отмѣчена Граматою Сибирскаго Правительства отъ 1-го іюля. Главная заслуга Комиссаріата—созданіе гражданской власти. Когда Сибирское Правительство вступило въ управленіе, аппаратъ, хотя и несовершенно, но уже работалъ.

Смѣна Комиссаріата Сибирскимъ Правительствомъ все же составляла положительный фактъ. Первоначально буржуазные круги были чрезвычайно встревожены слухомъ о предстоящемъ измѣненіи въ структурѣ власти. Депутація отъ несоціалистическихъ организацій направилась къ Вологодскому просить его отказаться отъ вступленія во власть, но она опоздала. Причиною волненія было отсутствіе увѣренности, что Сибирское Правительство будетъ лучше Комиссаріата. Послѣдній, какъ учрежденіе временное, не могъ, по мнѣнію несоціалистическихъ группъ, идти ни на какія рѣшительныя мѣры, и ему можно было прощать ошибки, которыя были бы непростительны со стороны коллегіи министровъ, объявившихъ себя полномочными носителями государственной власти. Сибирское Правительство показало, однако, впослѣдствіи, что эти опасенія были напрасны.

Переворотъ или преемство.

Одинъ моментъ въ исторіи смѣны Комиссаріата казался тревожнымъ. Кто вошелъ во вкусъ власти, тотъ не легко разстается съ нею, судорожно хватается за нее. Западно-Сибирскій Комиссаріатъ тоже не сразу выпустилъ изъ рукъ власть. Сначала онъ не усмотрѣлъ никакихъ препятствій къ передачѣ власти пяти министрамъ Сибирскаго Правительства. Но въ послѣдній моментъ, 30 іюня вечеромъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ личной непріязни къ Ив. Михайлову, державшему себя вызывающе по отношенію къ членамъ Комиссаріата, а также изъ опасенія ущерба партійнымъ интересамъ, такъ какъ министры Крутовскій, Вологодскій и Патушинскій, не говоря уже о Михайловѣ, были правѣе Комиссаріата—возникло нѣкоторое колебаніе: сдавать или не сдавать власть.

Случайно я попалъ на совмѣстное засѣданіе членовъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата и членовъ Сибирскаго Правительства, вечеромъ 30 іюня. Присутствовалъ и Якушевъ. Предсѣдатель Сидоровъ заявилъ, что Комиссаріатъ, *прежде* чѣмъ сдать власть, проситъ членовъ Сибирскаго Правительства ознакомить съ ихъ программой.

— Это любознательность или условіе? спросилъ Ив. Михайловъ.

Сидоровъ не сумѣлъ уклониться отъ отвѣта. Тогда всѣ пренія направились въ русло формальнаго вопроса: можетъ ли Комиссаріатъ противодѣйствовать вступленію во власть министровъ Сибирскаго Правительства, или ставить имъ какія бы то ни было

Братская могила.

условія? Имѣютъ ли право *пять* министровъ требовать присвоенія имъ правъ, принадлежащихъ *пятнадцати* избранникамъ Думы, и кто правомочнѣе: пять министровъ или четыре члена Комиссаріата, получившіе спеціальныя полномочія отъ всего (!!) Правительства? Пренія обострялись. Уже Патушинскій заявилъ, что, если Комиссаріатъ не сдастъ власти, то министры объявятъ объ этомъ отказѣ всему населенію. Уже, казалось, происходитъ разрывъ сношеній и переговоровъ, когда я взялъ слово и сталъ горячо убѣждать Комиссаріатъ передать власть Сибирскому Правительству, потому что Сибирскому Правительству, а не отдѣльнымъ лицамъ, присягали войска, отъ имени Сибирскаго Правительства дѣйствуютъ всѣ власти, за Комиссаріатомъ никто не пойдетъ, а авторитетъ власти будетъ расшатанъ.

— Вы правы! сказалъ мнѣ Якушевъ, котораго я тогда впервые видѣлъ.

Подѣйствовали мои слова и на членовъ Комиссаріата. Власть была передана. „Переворота“ не потребовалось.

Глава V.

Совѣтъ министровъ Сибирскаго Правительства.

Великое смятеніе происходило въ общественныхъ кругахъ Омска, наканунѣ перехода власти отъ Комиссаріата къ пяти министрамъ Сибирскаго Правительства. Будетъ ли это лучше? Лѣвые не хотѣли Сибирскаго Правительства, считая его недостаточно революціоннымъ, правые боялись его, полагая, что имъ будетъ легче справиться съ Комиссаріатомъ, для установленія чисто буржуазной власти. Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ не знала о настроеніи противоположной.

Омскій составъ Сибирскаго Правительства обезпечивалъ уравновѣшивающее среднее теченіе политики—таково было его большинство. Утверждался у власти подлинный центръ.

Политическое направленіе группы Омскаго Правительства.

Въ революціонное время, когда закономѣрность политической жизни нарушается, и развитіе ея происходитъ толчками, личность правителей пріобрѣтаетъ большее, чѣмъ обыкновенно, значеніе. Личный составъ Сибирскаго Правительства, въ томъ его видѣ, въ какомъ оно было избрано Сибирскою Думою, могъ опираться только на партійные эсеровскіе круги. Одно имя Дербера приводило въ ярость буржуазные круги, офицерство почему-то не могло слышать имени Моравскаго, относилось съ большимъ подозрѣніемъ къ полковнику Краковецкому, и всѣ вообще члены Сибирскаго Правительства, находившіеся на Востокѣ, казались пугалами революціи, мало отличавшимися отъ большевиковъ. Демагогическая декларація Думы отъ 27 января укрѣпила это предубѣжденіе къ Сибирскому Правительству.

Какая-то счастливая случайность оставила на территоріи, занятой большевиками, какъ разъ тѣхъ членовъ Сибирскаго Правительства, которые были наиболѣе пріемлемы для широкихъ круговъ. Вологодскій и Крутовскій пользовались общимъ уваженіемъ, Патушинскаго считали однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ Сибири, Серебренниковъ былъ всегда умѣреннымъ во взглядахъ и скромнымъ въ

Председатель Совета министров
П. А. Столыпин.

притязаніяхъ человѣкомъ, Михайловъ былъ homo novus, о которомъ не знали ни добраго ни злого.

П. В. Вологодскій.

Занявшій постъ Предсѣдателя Совѣта министровъ Петръ Васильевичъ Вологодскій родился 30 января 1863 г. въ деревнѣ Комаровой Канскаго уѣзда, Енисейской губерніи. Родители его—и мать и отецъ—родомъ изъ старинныхъ духовныхъ семей.

Петръ Васильевичъ кончилъ томскую гимназію въ 1884 году, и въ тотъ же годъ поступилъ на юридическій факультетъ Петроградскаго Университета. Въ 1887 году, при переходѣ уже на четвертый курсъ, Петръ Васильевичъ, въ числѣ 300 другихъ студентовъ, былъ исключенъ безъ права поступленія въ другіе университеты, какъ неблагонадежный. Но потомъ ему удалось добиться разрѣшенія держать государственные экзамены въ Харьковскомъ Университетѣ, въ 1892 году.

Выдержавъ экзамены, онъ былъ принятъ на службу въ судебный столъ канцеляріи степного генералъ-губернатора, затѣмъ въ 1893 г. былъ судьей г. Вѣрнаго и въ томъ же году назначенъ товарищемъ семипалатинскаго областного прокурора. При введеніи въ Сибири судебныхъ уставовъ, въ 1897 г., онъ перешелъ въ присяжные повѣренные, и былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Петръ Васильевичъ былъ одновременно и энергичнымъ общественнымъ работникомъ. Онъ, между прочимъ, представлялъ Томскую думу на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ. На выборахъ во 2-ю Государственную Думу Петръ Васильевичъ прошелъ по списку прогрессистовъ, но, по дорогѣ въ Петербургъ, застигъ его роспускъ Думы.

Вологодскій всегда былъ близокъ къ сибирской публицистикѣ.

Какъ адвокатъ, Петръ Васильевичъ выступалъ въ самыхъ большихъ политическихъ процессахъ. Ему всегда удавалось смягчить настроеніе судей, и ни одному изъ его подзащитныхъ не былъ вынесенъ смертный приговоръ.

Послѣ переворота 1917 г., онъ былъ избранъ въ комиссаріатъ по управленію Томской губерніей, а потомъ предсѣдателемъ омской судебной палаты; по упраздненіи же большевиками судебныхъ учрежденій, былъ избранъ предсѣдателемъ сибирскаго казачьяго войскового суда, организованнаго казаками въ противовѣсъ такъ называемымъ „народнымъ“ судамъ.

Вся Сибирь знала П. В. Вологодскаго, какъ безукоризненно честнаго, идейнаго и смѣлаго человѣка. Какъ литераторъ и общественный дѣятель, П. В. выдѣлялся начитанностью и изяществомъ стиля. Онъ славился, и какъ ораторъ.

Въ тотъ величайшій моментъ своей жизни, когда судьба поставила его на первое мѣсто во всей Сибири, П. В. Вологодскій былъ, однако, уже не во цвѣтѣ силъ, не тѣмъ человѣкомъ, котораго знала Сибирь до революціи. Тяжелыя переживанія за время большевизма наложили на весь его обликъ неизгладимую печать. Однако, другой, болѣе удачной фигуры на безлюдномъ сибирскомъ горизонтѣ не было, и, по настоянію политическихъ друзей, Вологодскій согласился стать во главѣ Правительства.

В. М. Крутовскій.

Второе мѣсто по значенію въ Правительствѣ и общественному довѣрію въ Сибири занялъ Владимиръ Михайловичъ Крутовскій. Несмотря на свой уже солидный возрастъ и сѣдины—В. М. было уже за 63 года,—онъ сохранилъ въ себѣ и физическую силу, и ясность ума, и твердый характеръ. Въ немъ сказалась здоровая крестьянская кровь: отецъ его, крестьянинъ Владимирской губерніи, деревни Крутой (отсюда и фамилія Крутовскій, вѣрнѣе, Крутовской), былъ мальчикомъ привезенъ въ Сибирь, гдѣ затѣмъ и обосновался, развивая свое небольшое хозяйство.

Учился В. М. въ красноярской гимназіи, потомъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, окончивъ которую, получилъ въ 1881 г. званіе врача. Вернувшись изъ Петербурга на родину, служилъ два года сельскимъ врачомъ, а послѣ этого былъ врачомъ красноярской городской больницы. Еще со студенческой скамьи на Крутовскомъ висѣло подозрѣніе въ политической неблагонадежности, такъ какъ онъ былъ привлеченъ жандармами къ суду по дѣлу объ организаціи конспиративной квартиры извѣстныхъ народниковъ (процессъ Емельяновой, Саловой, П. Ф. Якубовича-Мельшина и др.) Подозрѣніе усилилось въ Красноярскѣ, вслѣдствіе того, что, исполняя обязанности тюремнаго врача, В. М. входилъ въ короткія и иногда дружескія отношенія съ политическими заключенными и оказывалъ имъ матеріальную и моральную помощь.

Все свободное время В. М. отдавалъ общественной и литературной дѣятельности. Съ 1883 г., почти до послѣдняго времени, онъ состоялъ гласнымъ красноярской городской думы, прошелъ

выборщикомъ въ 1-ю Государственную Думу по красноярскому списку объединенныхъ прогрессистовъ; основалъ въ этомъ городѣ первое общество врачей, первую женскую фельдшерскую школу, первую въ Сибири медицинскую газету „Сибирскія врачебныя вѣдомости“. Въ 1907 г. иркутскій генералъ-губернаторъ Селивановъ, видя въ В. М. Крутовскомъ „опаснаго“ въ политическомъ смыслѣ человѣка, выслалъ его изъ предѣловъ Сибири. В. М. принужденъ былъ скитаться года два по Европейской Россіи. Любовь къ Сибири заставила его, однако, пойти на рискованный шагъ: съ переселенческой экспедиціей онъ, въ качествѣ статистика, инкогнито уѣхалъ изъ Европейской Россіи въ Уссурійскій край.

За послѣдніе годы Владимиръ Михайловичъ почти безвыѣздно жилъ въ Красноярскѣ. Въ началѣ марта 1917 года, сразу послѣ революціи, онъ былъ единогласно избранъ представителями всѣхъ партій въ предсѣдатели Красноярскаго коалиціоннаго Исполнительнаго Комитета, а черезъ нѣкоторое время назначенъ Временнымъ Правительствомъ на должность губернскаго комиссара. Во второй половинѣ декабря 1917 г. былъ большевиками обысканъ, арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Любопытно, между прочимъ, что у Владимира Михайловича за его жизнь было 14 обысковъ: 10 при самодержавіи царскомъ и 4 при самодержавіи большевистскомъ.

Съ 1916 года В. М-чемъ издавался первый въ Сибири серьезный ежемѣсячный журналъ „Сибирскія записки“.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Владимиръ Михайловичъ примыкалъ раньше къ народовольцамъ, а съ появленіемъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, всегда сочувствовалъ этой послѣдней; въ партію, однако, не вступалъ, дабы не связывать себя партійной программой и дисциплиной. Общественныя и политическія симпатіи В. М-ча характеризуются его долголѣтними и дружескими отношеніями съ В. Г. Короленко.

Въ составѣ Правительства, В. М. былъ постояннымъ замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта министровъ и проявлялъ себя человѣкомъ властнымъ и чуткимъ къ жизненной правдѣ. Онъ оцѣнивалъ все не съ точки зрѣнія отвлеченныхъ идей, а по соображеніямъ практичности и цѣлесообразности. Къ сожалѣнію, однако, у него проявлялось, и очень замѣтно, старческое самолюбіе: онъ желалъ всегда быть первымъ, не выносилъ возраженій, постоянно обижался, считая, что къ нему проявляютъ недостаточно вниманія. За В. М. Крутовскимъ надо было „ухаживать“. Онъ считалъ одолженіемъ съ своей стороны, что вошелъ въ Правительство, постоянно заявлялъ объ уходѣ и все же оставался министромъ

внутреннихъ дѣлъ, фактически передавъ все министерство помощникамъ. Такимъ образомъ, у этого второго члена Правительства, несмотря на его безспорныя достоинства, были такіе существенные недостатки, которые не могли не сказаться на судьбѣ власти.

Г. Б. Патушинскій.

Наибольшіе задатки министеріабельности проявилъ министръ юстиціи Патушинскій. Безспорно хорошій юристъ, талантливый адвокатъ, Г. Б. рьяно взялся за свое дѣло и сразу вошелъ во вкусъ власти...

Григорій Борисовичъ Патушинскій--коренной сибирякъ. Родился въ 1873 г. въ Канскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи и общее образованіе получилъ въ красноярской гимназіи. По окончаніи Московскаго Университета, онъ вернулся въ Сибирь и служилъ по министерству юстиціи, въ должности мирового судьи, въ округѣ читинскаго окружнаго суда, а затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ округа иркутскаго окружнаго суда. Въ 1912 году, при производствѣ разслѣдованія на Кругобайкальской жел. дорогѣ по дѣлу жандармскаго унтеръ-офицера Лебедева, Г. Б. Патушинскій обнаружилъ фактъ истязанія жандармскими чинами заподозрѣнныхъ въ убійствѣ рабочихъ, о чемъ довелъ до свѣдѣнія прокурора палаты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Г. Б. Патушинскій вышелъ въ отставку и вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ округа иркутской судебной палаты; занимаясь исключительно уголовными защитами, онъ выступалъ и во всѣхъ крупныхъ политическихъ процессахъ.

Выступленія Г. Б. въ военныхъ судахъ, съ горячими протестами противъ смертной казни, вызывали неудовольствіе генералъ-губернатора Селиванова, по распоряженію котораго, въ 1907 году, Г. Б. былъ высланъ въ г. Балаганскъ подъ гласный надзоръ полиціи и пробылъ въ ссылкѣ болѣе года.

Въ 1912 году, послѣ извѣстнаго разстрѣла рабочихъ на ленскихъ золотыхъ пріискахъ, Г. Б., по избранію общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ округа иркутской судебной палаты, состоялъ членомъ адвокатской комиссіи, ѣздившей на ленскіе золотые пріиска для разслѣдованія и защиты интересовъ рабочихъ. Послѣ возвращенія Г. Б. выступалъ во многихъ сибирскихъ городахъ (Иркутскѣ, Читѣ и др.) съ публичными докладами о ленскихъ событіяхъ, причемъ доклады эти производили сильное впе-

Министръ юстиціи Г. Б. Патушинскій.

чатлѣніе и въ свое время были отмѣчены какъ сибирской, такъ и столичной прессой.

Послѣ объявленія войны съ Германіей, Г. Б. отправился добровольцемъ на фронтъ; за свою боевую дѣятельность онъ имѣетъ боевыя награды, до Владимира 4-ой степени съ мечами и бантомъ, включительно. Послѣ февральской революціи Г. Б. пріѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ, при его энергичномъ участіи, былъ организованъ сибирскій общественный комитетъ и союзъ сибиряковъ-областниковъ, выкинувшій лозунгъ государственнаго самоопредѣленія Сибири.

Въ октябрѣ и декабрѣ 1917 года Г. Б. участвовалъ на всесибирскихъ съѣздахъ въ г. Томскѣ, гдѣ былъ проведенъ въ члены Сибирскаго Областного Совѣта. Въ ночь на 26 января 1918 года Г. Б. былъ арестованъ большевистской властью и отправленъ въ красноярскую тюрьму, гдѣ содержался вплоть до переворота весны 1918 года.

Къ сожалѣнію, и этотъ человѣкъ отличался недопустимымъ для отвѣтственнаго дѣятеля недостаткомъ: чрезвычайною экспансивностью. Честолюбивый и болѣзненно самолюбивый, Патушинскій, по вспыльчивости, напоминалъ индюка. Онъ окружилъ себя карикатурною помпою: имѣлъ двухъ адъютантовъ, называлъ свой вагонъ „ставкою“; но, надо отдать ему справедливость, какъ министръ юстиціи, онъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ состава Правительства, проявилъ умѣніе направлять дѣятельность вѣдомства, поставить ему задачи и активно осуществлять ихъ.

И. А. Михайловъ.

Наиболѣе подвижнымъ и энергичнымъ членомъ Правительства былъ Михайловъ. Онъ казался вездѣсущимъ и всезнающимъ. Молодость его проявлялась въ постоянной жизнерадостности и неутомимости.

Иванъ Адріановичъ Михайловъ—сынъ извѣстнаго народовольца. Родился въ знаменитой карійской каторжной тюрьмѣ (Забайкальской области), въ 1890 г. Учился въ читинской мужской гимназіи и на юридическомъ факультетѣ Петроградскаго Университета, при которомъ и былъ оставленъ для подготовки къ профессорскому званію по кафедрѣ политической экономіи.

Съ образованіемъ экономическаго отдѣла всероссійскаго земскаго союза, завѣдывалъ петроградскимъ отдѣленіемъ его и по порученію союза составилъ книгу, изданную подъ редакціей проф. Струве: „О государственныхъ расходахъ и доходахъ Россіи за время войны“.

Послѣ февральскаго переворота состоялъ на службѣ въ министерствахъ земледѣлія, продовольствія и финансовъ, въ качествѣ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. И. Шингарева.*) Состоялъ затѣмъ управляющимъ дѣлами Экономическаго Совѣта при Всероссійскомъ временномъ правительствѣ, гдѣ составилъ книгу: „Исчисленіе народнаго дохода Россіи въ 1900 и 1913 годахъ“, изданную подъ редакціей С. Н. Прокоповича.

Съ декабря 1917 года состоялъ товарищемъ предсѣдателя Петроградскаго союза сибиряковъ-областниковъ.

Иванъ Адріановичъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ профессіональныхъ союзовъ и ихъ центральнаго бюро въ Петроградѣ.

Политическія убѣжденія Михайлова были неясны. Въ началѣ революціи онъ казался соціалистомъ-революціонеромъ. Я встрѣчалъ его въ Петроградѣ, и хорошо помню его выступленія, въ качествѣ оппонента моему проекту положенія о продовольственныхъ комитетахъ, разработанному мною, какъ юрисконсультомъ центральныхъ продовольственныхъ организацій, по заданіямъ А. И. Шингарева. Михайловъ высмѣивалъ проектъ, предлагая отдать его для „коллекціи революціонныхъ курьезовъ“, и предлагалъ создать продовольственные комитеты по принципамъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Это выступленіе пришлось по вкусу собранію, въ составѣ котораго преобладали соціалисты, съ первыхъ же дней революціи наводнившіе м-во земледѣлія и цѣпко окружившіе А. И. Шингарева.

Въ Омскѣ И. А. проявилъ себя сторонникомъ умѣренной демократической политики и всегда поддерживалъ рѣшительныя мѣры, направленныя противъ лѣвыхъ теченій революціи, причемъ обнаруживалъ много смѣлости, находчивости и несомнѣнную даровитость. Никто не умѣлъ такъ быстро овладѣвать предметомъ спора и такъ легко формулировать заключительныя положенія, какъ онъ. Но въ немъ проявлялись непостоянство и задоръ молодости.

И. И. Серебренниковъ.

Несмотря на всегдашнюю скромность и стремленіе стушеваться, видную роль въ исторіи Омской власти игралъ и Иванъ Иннокентьевичъ Серебренниковъ.

Онъ—коренной сибирякъ и, подобно Крутовскому, происходитъ изъ крестьянской семьи. Въ теченіе 1903—1906 г. г. онъ

---

*) А. И. Шингаревъ, министръ правительства Керенскаго, былъ убитъ большевиками, послѣ октябрьскаго переворота.

Министръ финансовъ И. А. Михайловъ.

принималъ участіе въ революціонномъ движеніи этихъ годовъ и неоднократно подвергался со стороны правительства преслѣдованіямъ. Съ 1906 года онъ отходитъ отъ политической жизни и всецѣло посвящаетъ свои силы общественно-культурной работѣ, литературной и научной дѣятельности, работая преимущественно по вопросамъ сибиревѣдѣнія, сибирской статистики, экономики, исторіи и этнографіи. Въ 1911 г., подъ его руководствомъ, были произведены экономическія изысканія Иркутско-Ленской жел. дороги, а въ 1912 году, по порученію Иркутскаго биржевого комитета—экономическое обслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Иркутской губерніи. Въ слѣдующемъ году, по порученію гор. управленія г. Мысовска, Забайкальской области, будущимъ министромъ была составлена и напечатана работа по вопросу о проведеніи ж. дороги Мысовая-Кяхта. Цѣлый рядъ статистическихъ работъ И. И. Серебренникова былъ напечатанъ, какъ результатъ изученія отдѣльныхъ вопросовъ сибиревѣдѣнія по обширнымъ цифровымъ матеріаламъ всеобщей переписи 1897 года. Общественная дѣятельность И. И-ча была сосредоточена преимущественно въ г. Иркутскѣ.

Во время войны, Иванъ Иннокентьевичъ принималъ ближайшее участіе въ дѣлахъ Ирк. Комитета Союза Городовъ, состоя товарищемъ предсѣдателя этого комитета и предсѣдателемъ его Военно-техническаго отдѣла, исполнявшаго рядъ заказовъ на оборону. Въ то же время былъ представителемъ „Земгора“ въ Заводскомъ Совѣщаніи Сибирскаго района. Въ послѣднее время, послѣ захвата большевиками власти въ г. Иркутскѣ и разгона ими Заводскаго Совѣщанія, И. И. Серебренниковымъ была принята отъ Бурятскаго Національнаго Комитета въ г. Читѣ работа по описанію хозяйственнаго быта и землепользованія бурятъ Иркутской губерніи и Забайкальской области, а отъ правленія Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса—работа по описанію скотоводства и скотопромышленности Сибири и Монголіи.

Отъ этихъ работъ И. И. Серебренникова оторвалъ призывъ въ ряды Сибирскаго Правительства, лѣтомъ 1918 года. Человѣкъ очень умѣренныхъ и трезвыхъ взглядовъ, онъ занялъ въ составѣ Омской власти позицію уравновѣшивающаго и примиряющаго центра.

Б. М. Шатиловъ.

Наименѣе вліятельнымъ членомъ Правительства былъ Шатиловъ. Какъ уже указывалось, онъ былъ избранъ въ министры

случайно, т. к. считался и Сибирскою Областною Думою мало пригоднымъ для этой роли. Этотъ безвольный человѣкъ, рабски подчинявшійся партійной дисциплинѣ, не обладалъ даже способностью защищать тѣ точки зрѣнія, которыя ему предуказывались Томскомъ—центромъ сибирскаго эсерства. Единственное его качество—рѣдкая мягкость и беззлобіе—нисколько не могло помочь ему справиться съ отвѣтственными обязанностями министра.

Шатиловъ—сынъ крестьянина, окончилъ Томскій Университетъ въ 1909 г. Онъ сотрудничалъ во многихъ газетахъ и былъ издателемъ и редакторомъ журнала „Сибирскій студентъ“. Но его литературная работа была такой же блѣдной, какъ и политическая. По убѣжденіямъ онъ „черновецъ“ и автономистъ-областникъ. На сибирскомъ областномъ съѣздѣ въ 1917 г. онъ былъ избранъ членомъ Областного Совѣта, который и созвалъ Сибирскую Областную Думу.

Лучшей иллюстраціей министерскихъ способностей Шатилова можетъ служить слѣдующая представленная имъ „Схема компетенціи и ближайшей дѣятельности министерства туземныхъ дѣлъ“. Схему эту Шатиловъ воспринялъ безоговорочно отъ туземной секціи Сибирской Областной Думы.

„1) Всѣ, обитаемыя преимущественно туземцами, части Сибири, которыя:

а) имѣютъ рѣдкое и малокультурное населеніе,
б) экономически лишены возможности сорганизовать самоуправленіе—

выдѣляются изъ состава существующихъ губерній и передаются въ вѣдѣніе министерства туземныхъ дѣлъ.

2) *Безусловно* и немедленно переходитъ *въ вѣдѣніе министерства туземныхъ дѣлъ та территорія* Сибири, которая лежитъ на сѣверѣ за 60 градусомъ сѣверной широты.

3) Условно переходятъ въ вѣдѣніе министерства туземныхъ дѣлъ районы, обитаемые преимущественно туземцами, лежащіе южнѣе сѣверной широты, причемъ министерство принимаетъ всѣ мѣры къ немедленному опредѣленію границъ этихъ районовъ, для представленія на утвержденіе Сибирской Областной Думы.

4) Всѣ мѣропріятія, осуществленіе которыхъ входитъ въ компетенцію спеціальныхъ министерствъ, передаются мин-вомъ туз. дѣлъ *для исполненія* въ соотвѣтствующія министерства.“

Шатиловъ, юристъ, ни минуты не задумался о томъ, какова же природа этого своеобразнаго министерства съ особою территоріею и другими министерствами въ качествѣ исполнительныхъ органовъ!

Министръ снабженія И. И. Серебрянниковъ.

Общая характеристика.

Правительство Вологодскаго обладало двумя свойствами, которыя могли обезпечить ему политическій успѣхъ: во-первыхъ, умѣренностью и трезвостью взглядовъ большинства и, во-вторыхъ, несомнѣнной демократичностью происхожденія и соціальныхъ симпатій. *Новую Россію должны создавать новые люди*, по преимуществу вышедшіе изъ народной среды, понимающіе нужды народа и умѣющіе говорить съ нимъ.

Въ этомъ отношеніи Правительство Вологодскаго отвѣчало требованіямъ времени, и первые его политическіе шаги, казалось, предвѣщали ему блестящее будущее. Но несчастная идея коллегіальности власти, личные нелады членовъ Правительства, ихъ политическая неопытность и, наконецъ, гибельное вліяніе чешскаго вмѣшательства въ политику заставили Сибирское Правительство сойти со сцены.

Основы политики Правительства были обдуманы имъ довольно бѣгло. Журналъ частнаго предварительнаго совѣщанія касался лишь вопроса объ отмѣнѣ совѣтскихъ декретовъ, денаціонализаціи, возстановленіи суда, запрещеніи совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, словомъ, только первыхъ вступительныхъ шаговъ.

Этотъ журналъ не былъ подписанъ Шатиловымъ. Онъ нашелъ, что тамъ не все точно изложено. Удобный предлогъ, чтобы не закрыть себѣ пути отступленія.

Первыя декларації.

Утромъ 30 іюня ко мнѣ на квартиру пріѣхалъ адъютантъ министра юстиціи и просилъ прибыть въ вагонъ министра.

Меня просили принять должность Управляющаго Дѣлами Правительства, т. е. фактически остаться на той же должности, которую я занималъ при Комиссаріатѣ. Ознакомившись съ программой Правительства и симпатизируя его цѣлямъ и направленію, я охотно согласился. Въ вагонѣ, стоявшемъ на самомъ берегу Иртыша, было свѣтло, уютно и оживленно. Члены Правительства казались единомышленниками и друзьями. Всѣ акты принимались ими единодушно и проходили легко, безъ излишнихъ разговоровъ, но съ торжественностью, отвѣчавшей отвѣтственному моменту принятія власти.

Первой была подписана Грамата Предсѣдателя Сиб. Областн. Думы Якушева о переходѣ *всей полноты государственной*

власти на всей территоріи Сибири къ законно избраннымъ Областною Думою пяти министрамъ.

Второю подписана была Грамата Временнаго Сибирскаго Правительства, призывавшая „всѣ государственно мыслящіе элементы, всѣхъ, кому дорого возрожденіе Россіи и свобода Сибири, объединиться вокругъ Правительства въ его государственномъ строительствѣ на предуказанныхъ Сибирскою Областною Думою началахъ народоправства". Грамата возвѣщала, что Правительство вступаетъ въ *Верховное* управленіе страною, что оно считаетъ Сибирь *нераздѣльною* частью Великой Всероссійской демократической республики, и что оно не потерпитъ „ни малѣйшаго поползновенія какихъ-либо общественныхъ группъ на незакономѣрное вмѣшательство въ дѣятельность органовъ правительственной власти".

Авторомъ этой Граматы былъ Патушинскій.

Къ часу я составилъ Граматы на имя членовъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата и на имя командующаго арміей Гришина-Алмазова, и въ серединѣ дня состоялось торжественное врученіе этихъ Граматъ Западно-Сибирскому Комиссаріату, признавшему переходъ власти.

Внутренняя политика.

Новое Правительство, наканунѣ вступленія во власть, обдумало преимущественно вопросы внутренней политики, и въ этой области въ первые же дни управленія ясно выявило свое направленіе. Оно выразилось, прежде всего, въ стремленіи *ликвидировать слѣды совѣтской власти.*

Всѣ *декреты* объявлены были незакономѣрными, а потому ничтожными, всѣ существующіе *совѣты* депутатовъ было постановлено закрыть. Возстановлены были исключительныя положенія военнаго времени на желѣзныхъ дорогахъ и водныхъ путяхъ, и введены новыя правила о военномъ положеніи. Наряду съ этимъ, послѣдовало возстановленіе судовъ, централизованнаго порядка назначенія на должности и единоличнаго управленія губерніями и областями.

Рѣшительный и послѣдовательный тонъ законодательства сразу создалъ благопріятное для Правительства впечатлѣніе и расположилъ въ его пользу элементы, которые, не довѣряя авторитету Правительства, происходившаго отъ Сибирской Думы, готовы-были его игнорировать.

Государственная независимость Сибири.

Въ іюлѣ 1918 года Сибирь была еще отрѣзана отъ внѣшняго міра, фронтъ существовалъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Было послано нѣсколько телеграммъ въ Пекинъ черезъ Монголію, но отвѣтовъ на нихъ не приходило.

Дипломатъ Сибирскаго Правительства, Головачевъ, стремился, однако, поскорѣе оправдать существованіе министерства иностранныхъ дѣлъ и, хотя въ этомъ не было никакой практической надобности, добивался скорѣйшей декларації государственной независимости Сибири. Этотъ актъ былъ подписанъ 11 іюля. Къ нему никто не отнесся съ тѣмъ вниманіемъ, которое, казалось, должно было вызвать появленіе на свѣтъ новаго государства, и самое государство это исчезло такъ же незамѣтно, какъ появилось. Будущій историкъ долженъ, однако, отмѣтить, что въ 1918 году существовала четыре мѣсяца *самостоятельная Сибирская республика.* Послѣдовательнымъ и горячимъ защитникомъ отстаиванія сибирской независимости былъ среди членовъ Правительства только одинъ Патушинскій.

Сепаратизма въ декларації 4-го іюля не проявилось. Она мотивирована тѣмъ, что „Россійской государственности, какъ таковой, не существуетъ, ибо значительная часть территоріи Россіи находится въ фактическомъ обладаніи центральныхъ державъ, а другая захвачена узурпаторами народоправства, большевиками," и объявляетъ, что „Правительство не считаетъ Сибирь навсегда оторвавшейся отъ тѣхъ территорій, которыя въ совокупности составляли Державу Россійскую, и что всѣ его усилія должны быть направлены къ возсозданію Россійской государственности."

Вопросъ о созывѣ Думы.

Вскорѣ же послѣ принятія власти Сибирское Правительство встало передъ вопросомъ, оказавшимся для него роковымъ — передъ вопросомъ о созывѣ Сибирской Областной Думы.

На засѣданіи Правительства 6-го іюля предстояло заслушать проектъ указа о созывѣ Думы. Ознакомившись подробно съ Положеніемъ о Думѣ, я пришелъ къ убѣжденію о невозможности созыва ея въ прежнемъ составѣ и предложилъ Якушеву выработать нашими общими силами правительственное сообщеніе о предстоящемъ созывѣ Думы на новыхъ началахъ.

Текстъ моего проекта, съ поправками Якушева, у меня сохранился. Вотъ онъ:

„Временное Сибирское Правительство, избранное Сибирскою Областною Думою, почитаетъ первѣйшею своей обязанностью (поправка Якушева: у меня стояло „заботою“) созывъ Всесибирскаго Учредительнаго Собранія. Въ осуществленіе этого, уже начаты подготовительныя работы, связанныя съ техникою выборовъ. Но, считаясь съ невозможностью провести выборы въ Учредительное Собраніе въ срокъ менѣе продолжительный, чѣмъ пять-шесть мѣсяцевъ, и во вниманіе къ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ переживаемаго времени, возлагающимъ тяжкую отвѣтственность на Правительство, Совѣтъ министровъ, желая дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предоставить народнымъ избранникамъ рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, постановляетъ созвать къ сентябрю Сибирскую Областную Думу.

Происшедшія за послѣдніе мѣсяцы глубокія измѣненія въ состояніи народнаго хозяйства и международномъ положеніи требуютъ въ настоящее время творческаго напряженія со стороны всѣхъ классовъ населенія,—а потому представительство въ Областной Думѣ должно быть предоставлено и группамъ цензовымъ, прежнимъ Положеніемъ о Думѣ этого представительства лишеннымъ.

Взамѣнъ же представителей отъ упраздненныхъ совѣтскихъ организацій, самое имя которыхъ навѣки запятнано, вводится представительство отъ профессіональныхъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій.“

Не успѣлъ я доложить Совѣту министровъ этотъ проектъ, какъ членъ Правительства Шатиловъ, всегда державшійся тише воды, ниже травы, вдругъ проявилъ несвойственную ему рѣзкость, вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу, заявилъ, что считаетъ „возмутительнымъ“ поведеніе Управляющаго дѣлами, что разъ Управляющій, вмѣсто того, чтобы исполнять данное ему порученіе—составить указъ о созывѣ Думы—позволилъ себѣ предложить вниманію Правительства предположеніе объ измѣненіи самаго Положенія о Думѣ, то онъ, Шатиловъ, не считаетъ для себя возможнымъ присутствовать дальше на засѣданіи. Несмотря на призывъ Предсѣдательствовавшаго къ порядку, Шатиловъ ушелъ, не пожелавъ выслушать моихъ объясненій.

Этотъ незначительный самъ по себѣ эпизодъ характеризуетъ, однако, ту остроту вопроса о Думѣ, которую онъ пріобрѣлъ съ самаго начала. Только шесть дней прошло съ момента подписанія Граматъ о присвоеніи Сибирскому Правительству всей полноты власти,—и уже возникаетъ вопросъ о правѣ Правительства

измѣнять Положеніе о Думѣ. Такъ какъ устами Шатилова всегда говорила партія соціалистовъ-революціонеровъ, то, очевидно, онъ успѣлъ получить соотвѣтствующія инструкціи. Уже начиналась борьба за власть.

Впрочемъ, поведеніе Шатилова объяснилось еще и другимъ обстоятельствомъ. Въ томъ же засѣданіи Совѣта министровъ должно было быть подписано постановленіе объ уничтоженіи совѣтскихъ организацій. Шатиловъ, уйдя изъ засѣданія, получилъ возможность уклониться отъ подписи. И этотъ мелочный фактъ характеренъ—онъ показываетъ, насколько компромиссна была политика эсеровъ, какъ трудно было съ ними сговориться и солидаризироваться въ политикѣ.

Что Шатиловъ дѣйствовалъ по инструкціямъ партіи, подтверждаетъ и другой инцидентъ, происшедшій на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій. Бывшій членъ Комиссаріата Сидоровъ присутствовалъ иногда на засѣданіяхъ Совѣта министровъ для установленія преемственности. Выслушавъ на засѣданіи проектъ постановленія о запрещеніи совѣтскихъ организацій, онъ заявилъ, что, если бы члены Комиссаріата знали, что предполагается подобная политика, то они никогда не сдали бы власти, и что отнынѣ они изъ агентовъ Правительства превращаются въ революціонеровъ и всѣ свои силы употребятъ не на помощь Правительству, а на борьбу съ нимъ. Несмотря на вызывающій тонъ этого заявленія, Сидоровъ уже на слѣдующій день мирно бесѣдовалъ съ членами Правительства и испрашивалъ деньги на командировку, но съ этого момента между членами Правительства и членами Комиссаріата, а, стало быть, и партіей эсеровъ, возникаетъ взаимное недовѣріе.

Протестъ противъ созыва Думы. Борьба за власть.

Вопросъ о Думѣ былъ разрѣшенъ съ мудростью Соломона. Правительство не измѣнило Положенія о ней, предоставивъ Думѣ собраться въ прежнемъ составѣ, но объявило въ правительственномъ сообщеніи, что оно вноситъ на разсмотрѣніе Думы *первымъ* законопроектъ о пополненіи ея цензовыми элементами и представителями профессіональныхъ союзовъ, вмѣсто представителей совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

Однако, такое рѣшеніе не удовлетворило очень многихъ. Къ Правительству стали поступать протесты. Первою поступила записка „Соціалистовъ-революціонеровъ оборонцевъ, трудовиковъ,

народныхъ соціалистовъ и соціалъ-демократовъ единства", обстоятельно излагавшая всѣ соображенія противъ созыва Думы. На запискѣ этой стоитъ остановиться, какъ потому, что она составлена умѣренными соціалистами, группами, политически наиболѣе близкими Сибирскому Правительству, такъ и потому, что въ ней исчерпаны почти всѣ доводы противъ созыва Думы.

Первое соображеніе сводится къ тому, что чрезвычайныя обстоятельства момента и исключительное положеніе страны требуютъ отъ Правительства максимума твердости и опредѣленности, каковыя качества, по мнѣнію авторовъ записки, Временное Сибирское Правительство можетъ проявить только, будучи „властью самодовлѣющей, независимой отъ чьего бы то ни было довѣрія или недовѣрія".

Во второмъ пунктѣ докладной записки содержится упрекъ Областной Думѣ въ однобокости ея состава и опасеніе, что, въ виду такой однобокости Думы, всегда возможны коллизіи съ ней Временнаго Сибирскаго Правительства, которому придется, въ случаѣ такихъ коллизій, уйти, или, какъ выражаются авторы, „выронить власть".

Третье—цензовые элементы едва ли пойдутъ въ Думу, такъ какъ они, однажды уже не допущенные въ ея составъ, разсчитанный, главнымъ образомъ, на лѣвыхъ, относятся къ Думѣ съ предубѣжденіемъ.

Наконецъ, авторы записки указываютъ на примѣръ Временнаго Россійскаго Правительства, которое вышло изъ нѣдръ Государственной Думы, но оставалось суверенною государственною властью, независимою отъ Думы.

Во второй половинѣ іюля въ Омскѣ состоялся съѣздъ представителей торговли, промышленности и домовладѣнія Сибири и Урала, которые, по вопросу о Сиб. Думѣ, вынесли слѣдующую резолюцію:

„Съѣздъ рѣшительно возражаетъ противъ какого бы то ни было касательства какого бы то ни было представительнаго учрежденія къ дѣятельности правительственной власти. Поэтому онъ отвергаетъ возможность вліянія на власть такъ называемой Сибирской Областной Думы и потому находитъ ея существованіе излишнимъ.

Въ своемъ составѣ искусственно построенная, въ корнѣ искажающая подлинное выраженіе общественнаго мнѣнія, Сибирская Областная Дума никакими измѣненіями ея состава не можетъ быть исцѣлена въ своей непригодности и безполезности. Между

тѣмъ, своимъ существованіемъ и своими неизбѣжными вторженіями въ ходъ управленія Дума эта можетъ безконечно осложнить и безъ того трудное положеніе временной власти и помѣшаетъ ей надлежащимъ образомъ выполнить долгъ передъ Государствомъ. Посему съѣздъ объявляетъ, что выборы отъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденій края въ означенную Областную Думу производиться не будутъ".

Резолюція о бойкотѣ Областной Думы вынесена была, несмотря на горячіе призывы министра юстиціи Патушинскаго избрать своихъ представителей въ Думу. Его рѣчь на съѣздѣ прерывалась неприличными возгласами, свидѣтельствовавшими о предубѣжденности и упрямствѣ. Впрочемъ, и сама рѣчь была политически безтактна—не ко времени, не къ мѣсту.

Я считаю, однако, что Патушинскій былъ правъ по существу, когда предрекалъ, что группы, которыя отметаютъ самую мысль о представительномъ органѣ, расчищаютъ путь политическимъ авантюристамъ. Правительство, опирающееся на солидарную съ нимъ Думу, было бы прочнѣе всякихъ другихъ.

Были неправы обѣ стороны: и лѣвые, которые хотѣли во что бы то ни стало сохранить въ Думѣ свое большинство, и правые, которые не хотѣли способствовать эволюціи этого учрежденія. Правительство же совершило большую ошибку, созвавъ Думу въ ея прежнемъ составѣ, не рѣшившись проявить независимость и найти отвѣчающій обстановкѣ законъ о Думѣ.

Психологія всѣхъ коллизій, происходившихъ вокругъ вопроса о Думѣ, свидѣтельствуетъ, что въ то время еще не пережитъ былъ угаръ партійныхъ и классовыхъ увлеченій: *происходила борьба за власть, а не борьба за возрожденіе родины.* Переворотъ произошелъ слишкомъ рано. Большевизмъ долженъ былъ сплотить всѣхъ въ стремленіи возсоздать правовое государство, чтобы обезпечить населенію спокойное существованіе, но онъ успѣлъ только обострить жажду реванша классоваго и партійнаго. Въ Сибири стала нарождаться подлинная контръ-революція.

Правительство „царствуетъ, но не управляетъ".

Упомянутый уже съѣздъ принялъ еще одну резолюцію, которая больно задѣла Сибирское Правительство—резолюцію по вопросу объ организаціи центральной власти.

„Для наиболѣе правильнаго теченія государственныхъ дѣлъ, Съѣздъ желалъ бы видѣть осуществленными въ строеніи Сибирскаго Временнаго Правительства нижеслѣдующія начала:

Отдѣленіе полномочій верховной власти отъ полномочій правительственнаго управленія. Права и полномочія верховной власти должны быть присвоены наличному Совѣту министровъ изъ пяти лицъ, не смѣняемыхъ и не измѣняющихъ своего состава, въ смыслѣ вступленія въ Совѣтъ министровъ какихъ-либо новыхъ лицъ,—будутъ ли то представители цензовыхъ или нецензовыхъ элементовъ. Наличный составъ Совѣта министровъ въ своихъ верховныхъ полномочіяхъ для переходнаго времени признанъ уже населеніемъ обширной Западной и Средней Сибири, имѣетъ въ себѣ представителей и Восточной Сибири.

Появленіе въ составѣ Совѣта министровъ какихъ-либо новыхъ лицъ, кто бы они ни были, внесло бы вредную смуту въ умы населенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ повело бы съ неизбѣжностью къ утратѣ Совѣтомъ уваженія со стороны широкихъ общественныхъ круговъ, и потому—къ анархіи власти.

Вся дѣятельность управленія, въ ближайшемъ смыслѣ правительственнаго, должна быть отнесена къ вѣдѣнію управляющихъ министерствами, которые назначаются и увольняются Совѣтомъ министровъ, и въ этомъ видѣ несутъ политическую отвѣтственность за дѣло управленія."

Эта резолюція требуетъ комментарія. Слѣдуетъ вспомнить, во-первыхъ, что Сибирское Правительство избрано было Думою, какъ исполнительный органъ, какъ Совѣтъ министровъ, отвѣтственный передъ Думою, а *не какъ директорія,* т. е. коллективный монархъ или президентъ; во-вторыхъ, помимо наличныхъ пяти (потомъ шести) членовъ Сибирскаго Правительства, сумѣвшихъ завоевать довѣріе и укрѣпить авторитетъ власти, на Дальнемъ Востокѣ существовало еще около десяти членовъ Правительства, во главѣ съ Дербером̀ъ, одно имя котораго вызывало пѣну у рта несоціалистическихъ элементовъ; въ-третьихъ, помимо Совѣта министровъ изъ пяти лицъ, избранныхъ Думою, существовало семь управляющихъ министерствами, приглашенныхъ Правительствомъ, а не избранныхъ Думою, и потому устраненныхъ отъ участія въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, но направлявшихъ ходъ политической жизни, въ качествѣ управляющихъ.

Все это создавало не только нѣкоторую неясность и искусственность конструкціи власти, но и перспективу неустойчивости. Если бы появились на горизонтѣ нѣкоторыя фигуры изъ Дербер̀овской группы—весь авторитетъ Омской власти разлетѣлся бы въ прахъ.

Здѣсь приходится вспомнить о той идеѣ Административнаго Совѣта, которая назрѣла уже во времена Комиссаріата. Какова была ея судьба?

Еще въ составленномъ мною актѣ 1 іюля „О высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ Сибири“ было постановлено: „образовать совѣщаніе въ составѣ управляющихъ министерствами, управляющаго дѣлами Совѣта министровъ и товарищей министровъ, для предварительнаго обсужденія вопросовъ, представляемыхъ на рѣшеніе Совѣта министровъ и окончательнаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть переданы на разрѣшеніе совѣщанія Совѣтомъ министровъ.' Совѣщаніе управляющихъ министерствами открывается по утвержденіи Совѣтомъ министровъ Положенія о совѣщаніи“ (ст. 7).

Совѣщаніе фактически существовало, но Положенія о немъ не издавалось. Резолюція торгово-промышленнаго съѣзда была одною изъ причинъ задержки. Министры Сибирскаго Правительства *не хотѣли быть директоріей*, въ частности Патушинскій приходилъ въ бѣшенство при мысли, что у него кто-то узурпируетъ права министра юстиціи.

Я думаю, что и здѣсь Сибирское Правительство совершило большую ошибку. *Сохранивъ за собою званіе Совѣта министровъ, оно дало лишнее основаніе Областной Думѣ претендовать на верховную власть.*

Помимо того, постоянное занятіе текущими дѣлами управленія отрывало Правительство отъ вопросовъ чистой политики, мѣшало разъѣздамъ по странѣ, связи съ общественностью на мѣстахъ.

Экономическая политика.

Для полноты представленія о политической физіономіи Совѣта министровъ Сибирскаго Правительства, необходимо отмѣтить и его экономическія мѣропріятія.

Въ отличіе отъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата, Совѣтъ министровъ не считался съ деклараціей Сибирской Думы и пошелъ опредѣленно въ сторону возстановленія чисто-правового строя и свободы торговли.

Денаціонализація промышленности, возстановленіе частныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ и отмѣна монополій были главными основаніями законоположеній, принятыхъ въ теченіе іюля и августа, при отсутствіи подписи одного только Шатилова. Но слѣдуетъ признаться, что практическое осуществленіе всѣхъ этихъ

мѣропріятій надолго затормазилось, отчасти изъ-за неумѣнія власти дать надлежащія директивы, отчасти (особенно въ земельномъ вопросѣ) изъ-за саботажа на мѣстахъ.

Въ политикѣ перваго періода послѣ сверженія большевиковъ не могли не сказываться нѣкоторыя черты переходнаго времени. Особенно ясно это выражено въ продовольственномъ законодательствѣ.

Постановленія Временнаго Сибирскаго Правительства, напечатанныя въ № 3 Собранія Узаконеній, замѣняютъ систему монополій системою контроля.

Къ закупкѣ хлѣба, фуража, скота, мясныхъ продуктовъ, масла допускаются общественныя организаціи и частныя фирмы, но подъ условіемъ предварительной регистраціи у органовъ министерства продовольствія.

Покупка у производителей происходитъ по вольнымъ цѣнамъ. Закупщики могутъ пріобрѣтать продукты дешевле и дороже, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Министерство продовольствія устанавливаетъ предѣльныя цѣны, обязательныя только для сдачи продукта казнѣ. Скупщики могутъ компенсировать себя при продажѣ на сторону, а казна можетъ умѣрять вольныя цѣны, выпуская на рынокъ свои запасы.

Вся эта система представляетъ искусственное смѣшеніе началъ свободной торговли съ государственнымъ вмѣшательствомъ. Она характерна для переходнаго времени и представляетъ значительное улучшеніе, по сравненію съ системой монополій. Принятіемъ этой системы Сибирское Правительство признало преимущества свободной торговли.

Сибирская армія.

Авторитетъ власти опредѣляется ея арміей, о порядкѣ въ странѣ судятъ по мобилизаціи.

Первые два мѣсяца послѣ выступленія чеховъ, съ большевиками дрались только офицеры и тѣ, кто добровольно присоединился къ возстанію. Силъ этихъ было достаточно въ Сибири, но, когда борьба перенеслась на Уралъ, когда всталъ на очередь вопросъ о возможности возстановленія русско-германскаго фронта—стала необходимою мобилизація.

Гришинъ-Алмазовъ не считалъ возможнымъ приступить къ мобилизаціи до того, какъ будутъ подготовлены казармы, обмундированіе, снаряженіе, унтеръ-офицерскій составъ, подробный

Ценсвій съѣздъ въ Омскѣ въ іюлѣ 1918 г.

планъ набора, распредѣленіе контингента. Гришина упрекали потомъ, что онъ подготовилъ все только на бумагѣ; дѣйствительно, сдѣлано было немного, но враги Гришина не хотѣли считаться съ фактическими затрудненіями, и послѣ его ухода дѣло не пошло лучше. Во всякомъ случаѣ, 31 іюля 1918 г. указомъ Сибирскаго Правительства были призваны на дѣйствительную военную службу всѣ родившіеся въ 1898 и 1899 г. г. Всѣ изъятія и льготы были отмѣнены. Повинность была сдѣлана дѣйствительно *всеобщею*.

Гришинъ-Алмазовъ строилъ армію на началахъ строгой дисциплины, но онъ *не вводилъ погонъ и не раздавалъ орденовъ*. Мнѣ кажется, что и то и другое было совершенно правильно. Награжденіе орденами за побѣды въ гражданской войнѣ стерло впослѣдствіи идейность борьбы и деморализовало военныхъ, заразивъ ихъ разлагающимъ честолюбіемъ. Что касается погонъ, то съ ними возродилась вся прежняя военная іерархія, возстановилось значеніе чиновъ, тогда какъ новая армія должна была выдвигать своихъ вождей не по чинамъ, а по заслугамъ. Въ рѣчи своей, произнесенной въ Сибирской Областной Думѣ 17 августа, Гришинъ-Алмазовъ такъ характеризовалъ основы организаціи сибирской арміи: „она должна быть создана и будетъ создана по типу, диктуемому во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, непреложными выводами военной науки, на основахъ строгой воинской дисциплины, безъ какихъ бы то ни было комитетовъ, съѣздовъ, митингованій, безъ ограниченія правъ начальствующихъ лицъ и безъ подчиненія „постольку—поскольку“ своему законному Правительству“.

Такъ дѣйствовала безпартійная, чуждая старой психологіи, демократическая сибирская власть въ тѣ лучшіе мѣсяцы своего существованія, когда и внутреннія и внѣшнія интриги еще не давали себя чувствовать.

Глава VI.

Періодъ многовластія и гегемонія Омска.

Историческая справедливость требуетъ отмѣтить, что отсрочка набора сибирской арміи и возможность нѣкоторой подготовки мобилизаціи явились результатомъ самоотверженной борьбы на берегахъ Волги такъ называемой „народной“ арміи. Интеллигентная по составу, сознательно враждебная большевизму, но плохо подготовленная и плохо снабженная, она вынуждена была осенью отступить къ Уралу, но все лѣто она давала возможность Сибири организовываться и подготовлять военную силу.

Самарскій „Комучъ“.

Борьба на Волгѣ велась подъ лозунгомъ „Учредительное Собраніе“. Политическое руководство освобожденными районами взяли на себя собравшіеся въ Самарѣ члены Учредительнаго Собранія, которые составили „Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія“, для краткости называвшійся „Комучъ“. Такъ какъ лѣвое и правое крылья Учредительнаго Собранія (большевики и кадеты) отпали, одни по убѣжденію, въ виду отрицательнаго отношенія коммунистовъ къ Учредительному Собранію, другіе—вслѣдствіе изгнанія ихъ изъ состава послѣдняго, то остатки получились односторонне партійные. Это были, по преимуществу, „черновцы“, т. е. люди, подобные тѣмъ сибирскимъ думцамъ и членамъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата, которые въ нерѣшительности останавливались передъ совѣтскими организаціями, виновато опасаясь разрушать эти столпы революціи, сочувствовали націонализаціи промышленности и увлекались сельскимъ коммунизмомъ. Не удивительно, что подобные лидеры не могли повести за собою широкія массы крестьянъ. Здравый разсудокъ мужика не могъ усвоить различія между большевикомъ и черновцемъ—при первомъ все было даже яснѣе, и потому мужикъ остался въ сторонѣ, предоставивъ драться съ красными „панамъ“.

Я помню, какъ въ первые дни послѣ переворота въ Омскѣ крестьяне привозили изъ деревень задержанныхъ ими „совдепи-

стовъ", и какъ они съ разочарованіемъ уѣзжали, узнавъ, что у власти опять стоятъ „сицилисты". „Коли такъ, значитъ, опять придется вязать, да привозить до города. Добра изъ этого не выйдетъ".

„Комучъ" неизбѣжно долженъ былъ встать въ оппозицію къ Омску.

Первое Челябинское совѣщаніе.

Необходимость согласованія дѣйствій областныхъ правительствъ вызвала рядъ совѣщаній между ихъ представителями. Первое такое совѣщаніе происходило въ Челябинскѣ 15 іюля.

На этомъ засѣданіи Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія былъ представленъ членомъ Комитета И. М. Брушвитомъ, управляющимъ иностраннымъ отдѣломъ М. А. Веденяпинымъ и начальникомъ главнаго военнаго штаба Н. А. Галкинымъ; Сибирское Правительство представляли военный министръ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ, министръ финансовъ И. А. Михайловъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ М. П. Головачевъ.

Обѣ стороны подробно ознакомили одна другую съ предположеніями о возможномъ порядкѣ организаціи общероссійской власти. Самарскій Комитетъ разсчитывалъ на признаніе власти Учредительнаго Собранія, сибирскіе представители указали, что въ Сибири не будетъ признана никакая власть, возникшая помимо соглашенія съ Сибирскимъ Правительствомъ. Обѣ стороны остались при своемъ мнѣніи и разошлись, недовольныя другъ другомъ. *Борьба за власть* между Самарою и Омскомъ становилась неизбѣжною.

Уральское Правительство.

Политическое соревнованіе Самарской и Сибирской власти опредѣленно выявилось послѣ освобожденія Урала. Самарскій Комитетъ стремился *присвоить себѣ значеніе всероссійской власти*, исходя изъ идеи возстановленія Учредительнаго Собранія, какъ полновластнаго представителя суверенаго народа. Натолкнувшись на противодѣйствіе Сибирской власти, Самарскій Комитетъ разсчитывалъ завербовать въ свои сторонники всѣ прочія областныя правительства, и, когда въ концѣ іюля былъ освобожденъ отъ большевиковъ Екатеринбургъ, туда немедленно выѣхали послы изъ Самары. Но Омскъ опередилъ ихъ. Первымъ прибылъ въ Екатеринбургъ Гришинъ-Алмазовъ. Онъ сразу рас-

положилъ уральскую общественность въ пользу Омска, объявивъ позицію полнаго невмѣшательства въ уральскія дѣла, признанія автономіи Урала и готовности помочь Уралу въ его дальнѣйшей борьбѣ за освобожденіе отъ большевизма.

Когда самарскіе гонцы прибыли въ Екатеринбургъ, послѣдній былъ уже подготовленъ къ независимому существованію, и, конечно, буржуазный міръ уральскихъ промышленниковъ былъ больше расположенъ къ дружбѣ съ умѣреннымъ и несоціалистическимъ Омскомъ, чѣмъ съ черновскимъ правительствомъ Самары.

Въ началѣ августа началось формированіе Уральскаго Правительства. Во главѣ Правительства всталъ П. В. Ивановъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей Урала, предсѣдатель биржевого комитета. Замѣстителемъ его избранъ былъ Л. А. Кроль, лѣвый кадетъ. Кромѣ нихъ, въ составъ Правительства входило еще пять лицъ: инженеръ Гуттъ (управленіе горныхъ дѣлъ), Глассонъ (юстиція), Асейкинъ (внутреннія дѣла), Прибылевъ (по вѣдомству земледѣлія), бывшій директоромъ канцеляріи м-ра земледѣлія въ Петроградѣ, при Черновѣ, и, наконецъ, Мурашевъ (вѣдомство труда).

Въ организаціи Правительства и разработкѣ его программы принимали участіе представители политическихъ партій: народной свободы, трудовой народно-соціалистической, соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ меньшевиковъ. Программа этого Правительства отличалась большою трезвостью:

1. Завоеванныя свободы сохраняются, но злоупотребленіе ими въ ущербъ порядку не допускается.

2. Утверждается равноправіе національностей.

3. Въ основу экономической политики полагается признаніе частной собственности.

4. Заводы будутъ возвращаться ихъ владѣльцамъ. Правительство сохраняетъ за собою право объявлять предпріятія національной собственностью, когда того потребуютъ интересы государственные, и право контроля надъ производительностью и максимумомъ прибыли.

5. Восьмичасовой рабочій день сохраняется, при условіи выполненія устанавливаемаго минимума выработки.

6. Частные банки возстанавливаются и подлежатъ государственному надзору.

7. Сокращеніе штатовъ, максимальная экономія.

8. Подоходно-прогрессивный налогъ, при усиленіи косвеннаго обложенія, и возстановленіе казенной продажи питей.

9. Продовольственное дѣло предоставляется свободной иниціативѣ кооперацiи и частнаго торговаго капитала.

10. Автономія школы и стремленіе осуществить всеобщее обязательное обученіе.

11. Сохраненіе сельско-хозяйственныхъ земель въ рукахъ фактическихъ пользователей, впредь до разрѣшенія Учредительнымъ собраніемъ земельнаго вопроса въ полномъ объемѣ.

12. Пересмотръ закона о выборахъ въ городское и земское самоуправленіе, при сохраненіи началъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

13. Неуклонное требованіе всѣхъ жертвъ для поддержанія мощи арміи, безъ допущенія уклоненія отъ неизбѣжныхъ тяготъ для кого бы то ни было.

14. Планомѣрное возстановленіе правъ и отношеній, измѣненныхъ совѣтскими декретами.

Власть свою Уральское Правительство объявило временною, вплоть до созыва Уральской Областной Думы.

Урало-Сибирская дружба.

Отношенія Екатеринбурга и Омска проникнуты были взаимнымъ пониманіемъ и единствомъ политическихъ настроеній. Уралъ безъ колебаній призналъ военную власть Сибирскаго Правительства, не покушаясь въ этой области ни на какую автономію. Нисколько не стремясь къ сепаратизму, а желая лишь обезпечить децентрализацію управленія, Уральское Правительство не гналось и за оригинальностью своего законодательства и просило Омскъ ставить его въ курсъ законодательной работы Сибирскаго Правительства, для установленія возможно большаго единства работы.

Въ срединѣ августа, въ разгаръ формированія уральской власти, въ Екатеринбургъ былъ командированъ Ив. Михайловъ, который и установилъ окончательное соглашеніе Сибирскаго Правительства съ Екатеринбургскимъ и обезпечилъ единство позицій на предстоявшихъ совѣщаніяхъ о формированіи всероссійской власти.

Западныя границы автономной Сибири.

Интересно отмѣтить, что, въ представленіи сибирскихъ автономистовъ, Уралъ считался составной частью Сибири. Такъ какъ, при объявленіи государственной независимости Сибири (декларація 4-го іюля), границъ ея указано не было, то возникалъ рядъ споровъ

о территоріи: какому Правительству Уралъ долженъ подчиняться. Сибирское Правительство не стремилось расширить свои границы, но къ нему тяготѣли освобождавшіеся районы Приуралья, чувствуя на сторонѣ Омска большую силу. Этого требовала и наличность въ Омскѣ центральныхъ учрежденій, Судебной Палаты, Почтово-телеграфнаго Округа и другихъ. 18 іюля 1918 г. Сибирское Правительство постановило включить въ сферу своего вліянія уѣзды Челябинскій, Златоустовскій и Троицкій. Постановленіе это было мотивировано такъ:

„Города Челябинскъ, Троицкъ и Златоустъ, ходомъ борьбы съ большевиками, были оторваны на нѣкоторое время отъ Европейской Россіи и попали въ сферу вліянія Временнаго Сибирскаго Правительства. Въ настоящее время, послѣ образованія власти въ гор. Самарѣ, создается неопредѣленность въ отношеніи порядка и органовъ управленія въ районахъ названныхъ трехъ городовъ.

Считаясь съ опредѣленно выраженнымъ желаніемъ населенія уѣздовъ Златоустовскаго Уфимской губерніи, а также Челябинскаго и Троицкаго уѣздовъ Оренбургской губерніи, и учитывая создавшуюся уже живую связь этихъ районовъ съ административными центрами Сибири и, въ частности, нахожденіе въ Челябинскѣ учрежденій переселенческаго вѣдомства, имѣющихъ первостепенное значеніе для Сибири—Совѣтъ министровъ постановляетъ:

Впредь до установленія Всероссійскимъ и Всесибирскимъ Учредительными Собраніями западной границы Сибири—

1. образовать Челябинскій округъ въ составѣ уѣздовъ Челябинскаго, Златоустовскаго и Троицкаго;

2. для управленія Челябинскимъ округомъ учредить, на основаніяхъ, установленныхъ для губернскихъ комиссаровъ, должность окружнаго комиссара, мѣстопребываніемъ котораго назначить городъ Челябинскъ;

3. распространить на Челябинскій округъ дѣйствіе всѣхъ постановленій и распоряженій Временнаго Сибирскаго Правительства;

4. всѣ учрежденія Челябинскаго округа (судебныя, путей сообщенія, почтово-телеграфныя, военныя и проч.) подчинить окружнымъ управленіямъ, находящимся въ городѣ Омскѣ".

Мотивы этого постановленія не вымышлены—населеніе Приуралья дѣйствительно выражало желаніе быть подъ эгидою Сибирскаго Правительства. Я лично принималъ депутаціи и отъ болѣе сѣверныхъ уѣздовъ: Шадринскаго, Камышловскаго, также просившихъ о присоединеніи къ Сибири и даже какъ будто опасавшихся уральской автономіи. Жажда сильной, устойчивой власти

Министръ народнаго просвѣщенія
В. В. Сапожниковъ.

сказывалась въ этой тенденціи къ Сибири, въ которой чувствовались болѣе здоровыя начала власти, чѣмъ на Западѣ.

Несмотря на фактическое равнодушіе и даже нежеланіе Сибирскаго Правительства расширять границы, онѣ теоретически обсуждались въ Совѣтѣ министровъ. Докладъ дѣлалъ солидный ученый, областникъ по убѣжденіямъ, впослѣдствіи по личнымъ дѣламъ уѣхавшій въ Петроградъ. Согласно докладу, Уралъ долженъ былъ войти цѣликомъ въ границы автономной Сибири, въ виду экономической связи желѣзодѣлательнаго района Урала съ хлѣбнымъ рынкомъ Сибири и угольными богатствами Кузнецкаго района.

Докладъ этотъ былъ принятъ къ свѣдѣнію, и журналъ засѣданія не былъ опубликованъ: оно считалось закрытымъ. Тѣмъ не менѣе, тайна засѣданія получила огласку, и оно дало благодарный матеріалъ для враговъ сибирскаго областничества, особенно самарцевъ. Они окрестили съ тѣхъ поръ Сибирское Правительство „імперіалистическимъ.“

Въ то время, какъ сибирскіе областники мечтали о поглощеніи Урала, въ екатеринбургской газетѣ „Зауральскій Край“ появилась статья извѣстнаго изслѣдователя сѣвернаго Урала, Носилова, который опредѣлялъ границы автономнаго Урала отъ Новой Земли до Аральскаго моря, съ захватомъ какъ части послѣдняго, такъ и сѣвернаго побережья Каспійскаго, до устья рѣки Уралъ.

„Нечего говорить,“ пишетъ авторъ, „что даетъ теченіе такой рыбной богатой рѣкѣ, какъ Уралъ до г. Оренбурга. Въ послѣднемъ пунктѣ отроги Урала близко подходятъ къ р. Волгѣ, какъ великой русской артеріи, но мы будемъ скромными и возьмемъ направленіе на г. г. Уфу, Мензелинскъ и Глазовъ, захватывая лишь тѣ предгорія Уральскаго хребта, которыя принадлежатъ ему по географическому только положенію. Это вполнѣ обезпечитъ Уралъ въ хлѣбномъ отношеніи, не говоря о томъ, что повлечетъ разработку многихъ ископаемыхъ и увеличитъ населеніе Урала, который болѣе нуждается въ земледѣльцѣ, чѣмъ въ рабочемъ. Линія Кай и Усть-Сысольскъ намъ дастъ богатѣйшія ухтинскія нефтеносныя земли, а дальнѣйшее протяженіе западной границы автономнаго Урала до Святого Носа на Ледовитомъ океанѣ, у Чешской губы, намъ доставитъ тѣ нетронутыя лѣсныя богатства этого сѣвера, которыя только ожидаютъ, когда протянется черезъ нихъ отъ Урала рельсовый путь къ берегамъ Студенаго моря, чтобы дать милліоны десятинъ новой пахотной и пастбищной

земли уральскому населенію и открыть ему новыя богатства нѣдръ Тиманскаго хребта—отрога Урала,—не говоря объ оленеводствѣ и будущемъ скотоводствѣ этого Сѣвера, которое не уступитъ скотоводству южныхъ степей Урала.

Здѣсь, на побережьѣ Ледовитаго океана, ожидаетъ автономный Уралъ чудная естественная пристань морская, портъ при устьѣ р. Индиги, который, при форсированіи льдовъ въ зимніе мѣсяцы у берега, можетъ легко обслуживать автономный Уралъ всѣ 12 мѣсяцевъ въ году, открывая ему собственный выходъ къ портамъ Европы."

Я привожу эту цитату не для того только, чтобы иллюстрировать увлеченія автономистовъ, но и для того, чтобы показать, какъ трудно было бы разграничить „штаты" федеративной Россіи, если бы осуществлялось такое устройство ея. Здѣсь нуженъ былъ бы второй Версаль.

Въ этихъ восторженныхъ описаніяхъ есть и здоровая сторона, которою отличается областничество—это *мѣстный патріотизмъ,* любовь къ опредѣленному району, горячее и искреннее стремленіе способствовать его экономическому и культурному расцвѣту. Областничество—это пробужденная инициатива, жажда творчества; это сила, которая ускоряетъ прогрессъ. И въ описаніяхъ, которыя даютъ областники, какъ ни много въ нихъ увлеченія, все же не все преувеличено. Обширность Россіи создавала въ ней экстенсивную культуру, она подавляла или разсѣивала энергію, вызывала неравномѣрное распредѣленіе культурныхъ силъ и капиталовъ. Областничество могло бы способствовать оживленію многихъ забытыхъ богатыхъ районовъ Россіи. Ужъ, навѣрное, Уралъ не оставилъ бы втуне ухтинскую нефть и сумѣлъ бы использовать сѣверные лѣса.

Самара начинаетъ кампанію.

Озлобленное неудачею въ Екатеринбургѣ, Самарское Правительство рѣшило взорвать Сибирское Правительство извнутри. Сибирскіе эсеры, партійные единомышленники Самары, послушные Комитету Учредительнаго Собранія, какъ авторитету непререкаемому и притомъ областники не искренніе, а только тактическіе, рѣшившіе использовать лозунги областниковъ для большей популярности, пошли, конечно, навстрѣчу Самарскому Комучу. Члены Западно-Сибирскаго Комиссаріата, которые, послѣ запрещенія Сибирскимъ Правительствомъ совѣтскихъ организацій, окончатель-

Министръ труда Л. И. Шумиловскій.

но съ нимъ порвали, вошли немедленно въ тѣсную связь съ Самарою. Одинъ изъ членовъ Комиссаріата, Марковъ, добивался командировки его туда съ оффиціальною миссіею, но не получилъ ея и отправился за счетъ партіи. Дабы члены Комиссаріата не пользовались своимъ прежнимъ званіемъ „Уполномоченныхъ Сибирскаго Правительства", должности уполномоченныхъ спеціальнымъ постановленіемъ отъ 24 іюля были упразднены (Собраніе Узак. Сиб. Прав. № 43). Этимъ актомъ болѣе десятка различныхъ „уполномоченныхъ", шнырявшихъ по Сибири съ партійными директивами, выдававшихъ себя за агентовъ Омской власти и только компрометировавшихъ ее, было переведено въ разрядъ частныхъ людей.

Частнымъ человѣкомъ уѣхалъ въ Самару и Марковъ. Но тамъ онъ получилъ сейчасъ же оффиціальное положеніе. Ему поручили завѣдываніе всѣми дѣлами Сибири, и онъ принялъ, такимъ образомъ, участіе во всѣхъ выступленіяхъ и происках противъ Омской власти.

Въ то же время въ Сибирь высланы были спеціальные люди для подготовки признанія въ Сибири эсеровской власти. Насколько можно было судить по отрывкамъ переговоровъ по прямому проводу и перехваченныхъ телеграммъ, планъ состоялъ въ созывѣ Областной Думы и поддержкѣ ею Комитета Учредительнаго Собранія, какъ всероссійской власти.

Одинъ изъ членовъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата, Пав. Михайловъ, былъ оставленъ въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ такового, онъ содѣйствовалъ агентамъ Самары, напримѣръ, Брушвиту, говорить по прямому проводу и даже самъ скрывалъ ленты этихъ переговоровъ. Когда это стало извѣстнымъ, онъ былъ уволенъ.

Эсеръ—сановникъ.

При увольненіи Михайлова обнаружились нѣкоторыя характерныя подробности. Старикъ Крутовскій, какъ непосредственный начальникъ Михайлова, по должности министра внутреннихъ дѣлъ, съ большимъ юморомъ разсказывалъ о той маніи величія, которою страдалъ этотъ, казалось, скромный соц.-революціонеръ. Во-первыхъ, будучи неудовлетворенъ званіемъ товарища министра, онъ присвоилъ себѣ особый титулъ „перваго" товарища. Во-вторыхъ, завелъ себѣ такую свиту и охрану, что послѣ его отставки понадобилась чуть ли не цѣлая комиссія для ликвидаціи всѣхъ

счетовъ и ревизіи расходовъ Михайлова. Крутовскій на практикѣ познакомился съ дисциплинированностью свиты, окружавшей особу „перваго“ товарища министра. „Однажды“, разсказываетъ Крутовскій, „я пошелъ купаться. Меня не пускаютъ. Почему?—Здѣсь сейчасъ будутъ купаться товарищъ министра“. Изъ купальни въ это время изгоняли „простонародную“ публику, и она выходила съ такими протестами и ругательствами, что Крутовскій побоялся сказать, что онъ самъ министръ.

Какъ ни странно, но властители изъ соціалистовъ часто обнаруживаютъ и пренебреженіе размѣрами расходовъ и повышенную требовательность почета и комфорта гораздо болѣе, чѣмъ люди, которые, казалось бы, меньше пріучены были считаться съ народными средствами и больше требовать для себя.

Послѣ Михайлова я видѣлъ Авксентьева, съ тою же любовью къ бутафоріямъ, къ льстивому угодничеству, къ наживѣ. До этого я видѣлъ соціалистическое правительство Керенскаго съ систематическимъ непотизмомъ, безудержной вакханаліей устройства „своихъ“, съ созданіемъ безконечнаго числа „мѣстъ“, съ командировками и обезпеченіями. И эти же люди вопили о „расхищеніи“ народныхъ средствъ.]

Негодованіе Сибирскаго Правительства по поводу этой „помпы“ Михайлова было искреннимъ, потому что само Правительство не рѣшалось назначить себѣ жалованія, способнаго окупить расходы, жило въ вагонахъ и окружило себя такою простотой и доступностью, какою можетъ обладать только дѣйствительно демократическая, народная власть. Одинъ только Патушинскій понималъ Михайлова, такъ какъ онъ самъ имѣлъ адъютантовъ и былъ грѣшенъ по части „помпы“.

Якушевъ мобилизуетъ членовъ Думы.

Члены Сибирской Областной Думы хорошо знали, какъ должно быть мало авторитетно это учрежденіе, созданное въ періодъ „равненія на большевика“, и въ Томскѣ не набиралось кворума. Якушевъ самъ рѣшилъ объѣхать паству и собрать Думу, оказавъ, гдѣ нужно, давленіе. Въ это время, отдѣлившись отъ Сибирскаго Правительства, онъ уже попалъ въ партійную обработку и сталъ, какъ это водится всегда у партій, привыкшихъ къ подполью, рабомъ партійной директивы. Самара требовала созыва Думы. Якушевъ старался.

Министръ торговли и промышленности
П. П. Гудковъ.

Конфликты Омска съ Самарою.

На желѣзныхъ дорогахъ Сибири скопилось много грузовъ, направлявшихся въ адреса Европейской Россіи. Самара считала себя вправѣ завладѣть всѣми этими грузами; Сибирское Правительство не видѣло основаній къ тому, чтобы пропускать дальше Челябинска грузы, адресованные въ большевистскую Россію, и учредило особыя реквизиціонныя комиссіи, для распредѣленія этихъ грузовъ между казенными и частными предпріятіями Сибири.

Самара отвѣтила на это задержаніемъ грузовъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь: мануфактуры, нефти и другихъ. *Началась таможенная война.*

Второй конфликтъ разыгрался на почвѣ денежныхъ переводовъ. Самара дѣлала переводы на Сибирь, не присылая подкрѣпленій. Омскъ объявилъ, что будетъ задерживать уплаты, пока не получитъ подкрѣпленій, такъ какъ послѣ ухода большевиковъ денежная наличность во всѣхъ государственныхъ кассахъ оказалась едва покрывавшей текущія потребности самой Сибири. Этотъ шагъ Омска былъ также сочтенъ за враждебный вызовъ.

Для того, чтобы устранить подобныя недоразумѣнія, Сибирское Правительство рѣшило командировать въ Самару своего уполномоченнаго. Избранъ былъ для этого человѣкъ, который, по природѣ своей, былъ неспособенъ изображать изъ себя посла и, казалось, долженъ былъ прійтись ко двору демократической власти. По прибытіи въ Самару, онъ просилъ, чтобы ему разрѣшили бывать на открытыхъ засѣданіяхъ Совѣта Управляющихъ вѣдомствами, для удобства согласованія работы обоихъ Правительствъ. Что же ему отвѣтили? Отвѣтъ былъ классическій: международное (!!) право не предусматриваетъ случаевъ, когда послы (!) участвуютъ въ засѣданіяхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы.

Такимъ образомъ, Самара приняла въ серьезъ декларацію государственной независимости Сибири. Plus royaliste que le roi même, она не иначе сообщалась съ Омскомъ, какъ нотами, по всѣмъ правиламъ международнаго права.

Отставка Павла Михайлова, послѣдняго агента партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ Сибирскомъ Правительствѣ, вызвала въ Самарѣ взрывъ возмущенія. Самарскій информаціонный отдѣлъ и Вѣстникъ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія напечатали явно враждебныя и ложныя свѣдѣнія о реакціонности политики Сибирскаго Правительства, о выходѣ изъ его состава демократической части, о конфликтѣ Правительства съ Думою.

Какъ сообщилъ затѣмъ уполномоченный Сибирскаго Правительства, его переписка перлюстрировалась, а присутствіе его игнорировалось. Въ Сибирь же былъ командированъ членъ Учредительнаго Собранія Гуревичъ, но ему поручено было состоять не при Правительствѣ, *а при Областной Думѣ.*

Въ серединѣ августа Сибирское Правительство и Самарскій „Комучъ“ обмѣнялись слѣдующими нотами:

„20 августа. Уполномоченному Предсѣдателя Совѣта министровъ Сибирскаго Временнаго Правительства въ Самарѣ послана слѣдующая телеграмма: „Благоволите вручить текстъ препровождаемой телеграммы предсѣдателю Вольскому и Комитету членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, находящимся въ Самарѣ, какъ отвѣтъ на телеграмму № 357 Самарскаго Комитета и Предсѣдателя, находящихся въ Самарѣ. Временное Сибирское Правительство, въ отвѣтъ на Вашу телеграмму № 357, настоящимъ считаетъ нужнымъ довести до Вашего свѣдѣнія, что оно не усматриваетъ ни въ одномъ изъ своихъ дѣйствій такихъ „мѣропріятій и актовъ, которые препятствовали бы возстановленію государственнаго единства Россіи“, а, наоборотъ, склонно полагать, что вся его дѣятельность имѣетъ цѣлью созданіе условій, могущихъ обезпечить послѣднее. Въ настоящій моментъ Временное Сибирское Правительство является органомъ не только областной, но и суверенной власти въ Сибири, какъ это вполнѣ опредѣленно выражено въ декларацiи Сибирскаго Временнаго Правительства отъ 4 іюля. Временное Сибирское Правительство полагаетъ, что, при отсутствіи общегосударственной власти, каждая область, освобожденная отъ большевизма, имѣетъ полную возможность, опираясь на принципъ федеративности, образовывать свою областную власть. Съ этой точки зрѣнія, Временное Сибирское Правительство должно указать, что, если какое-либо областное правительство, въ согласіи съ волей населенія, посылающаго въ это правительство своихъ представителей, выражаетъ согласіе войти въ тѣ или иныя отношенія съ Временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ— послѣднее не только чувствуетъ себя вправѣ, но и считаетъ себя обязаннымъ въ такія отношенія войти, ибо въ ихъ конечномъ итогѣ должна получиться опредѣленная координацiя, способствующая возстановленію Россійской государственности. Какъ извѣстно, такого же взгляда Временное Сибирское Правительство держалось и на Челябинскомъ Совѣщаніи, когда рѣчь шла о координацiи дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сибирское Временное Правительство пользуется этимъ случаемъ, чтобы опредѣленно заявить о полномъ

отсутствіи у него какихъ-либо намѣреній въ отношеніи освобождаемой области, которыя противорѣчили бы цѣлямъ и желаніямъ населенія ея. Въ частномъ случаѣ, о Приуральѣ, затрагиваемомъ Вашей телеграммой, Временное Сибирское Правительство считаетъ своимъ долгомъ указать, что, если Приуральское Правительство, избранное представителями населенія, проявило желаніе больше координировать свои дѣйствія съ Временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ, а не съ какой-либо другой властью, то объясненіе этого, конечно, лежитъ не въ дѣйствіяхъ Сибирскаго Правительства, а въ объективныхъ фактахъ. По мѣрѣ опредѣленія этого обстоятельства, Временное Сибирское Правительство сочло себя обязаннымъ оказать поддержку Приуралью, хотя это, быть можетъ, и увеличиваетъ тяжесть лежащей на немъ задачи. Исходя изъ сказаннаго выше, Временное Сибирское Правительство имѣетъ основанія считать всѣ свои дѣйствія въ этомъ направленіи закономѣрными, преслѣдующими общегосударственныя цѣли, и пользуется случаемъ выразить надежду, что Самарскій Комитетъ сочтетъ для себя возможнымъ усвоить эту точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что всякое практическое выраженіе иного взгляда на этотъ вопросъ Временное Сибирское Правительство вынуждено было бы разсматривать, какъ направленное противъ него. Въ виду принципіальной выясненности вопроса, Временное Сибирское Правительство считаетъ также необходимымъ разъяснить, что представленіе объ устройствѣ имъ внутреннихъ таможенныхъ границъ, таможенныхъ пошлинъ, препятствованіе провозу грузовъ, невыдачѣ денежныхъ переводовъ—покоится на очевидномъ недоразумѣніи. Таковыхъ границъ не устанавливалось, а былъ лишь проведенъ налогъ на нѣкоторые продовольственные предметы, въ виду временныхъ финансовыхъ затрудненій; что касается денежныхъ переводовъ, то нѣкоторая задержка находится въ связи съ вопросомъ объ образованіи разсчетной конторы въ Челябинскѣ. Во всякомъ случаѣ, Временное Сибирское Правительство можетъ завѣрить Самарскій Комитетъ, что въ этомъ отношеніи оно приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дальнѣйшее укрѣпленіе впечатлѣнія о таможенной дѣятельности Временнаго Сибирскаго Правительства и объ отсутствіи у него желанія оплачивать переводы, расходы по которымъ ему будутъ возвращены Самарскимъ Комитетомъ, не имѣло мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Временное Сибирское Правительство считаетъ долгомъ подчеркнуть, что оно всегда привѣтствовало и будетъ привѣтствовать всякое согласованіе дѣйствій, которыя будутъ направлены къ достиженію великой цѣли возсозданія Россіи. Предсѣдатель

Совѣта министровъ Вологодскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Головачевъ".

Телеграмма эта послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму Самарскаго Комитета: „Необходимость возстановленія единства государственнаго правленія на освобождающейся отъ совѣтской власти территоріи Россійской федеративной демократической республики и препятствующіе этому нѣкоторые акты и мѣропріятія Временнаго Сибирскаго Правительства вынуждаютъ Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія довести до свѣдѣнія Временнаго Сибирскаго Правительства нижеслѣдующее: первое—считая, что измѣненіе административныхъ границъ областей Россійской федеративной демократической республики возможно не иначе, какъ суверенной волей Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, что, согласно декларації Сибирской Областной Думы и основаннаго на ней заявленія представителя Временнаго Сибирскаго Правительства на совѣщаніи 15 іюля сего года въ Челябинскѣ, Временное Сибирское Правительство является органомъ областной власти въ Сибири, что установленіе границъ территоріи Сибири постановленіемъ Временнаго Сибирскаго Правительства отъ 13 іюля с. г. является нарушеніемъ вышеизложенныхъ принциповъ, и что измѣненіе административныхъ границъ областей не можетъ находиться въ зависимости отъ мѣста нахожденія воинскихъ частей, сформированныхъ въ той или иной области, ибо всѣ дѣйствующія воинскія части, объединенныя общимъ командованіемъ, имѣютъ общей задачей борьбу за единое государственное цѣлое Россіи—Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, на основаніи вышеизложеннаго, доводитъ до свѣдѣнія Временнаго Сибирскаго Правительства, что онъ не признаетъ власти Временнаго Сибирскаго Правительства за предѣлами административныхъ границъ Сибири. Второе—Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія считаетъ, что Временное Сибирское Правительство также никѣмъ не уполномочено брать на себя право образовывать новыя областныя дѣленія и способствовать появленію органовъ новой областной власти внѣ территоріи Сибири, какъ это имѣло мѣсто въ Зауральѣ. Равнымъ образомъ, устанавливать внутреннія таможенныя границы, взимать таможенныя пошлины на территоріи Россійской федеративной демократической республики и препятствовать провозу нѣкоторыхъ грузовъ, не выдавать денежныхъ переводовъ, а также и рядъ другихъ актовъ вмѣшательства органовъ Временнаго Сибирскаго Правительства въ дѣла отдѣльныхъ вѣдомствъ, внѣ территоріи Си-

бири находящихся—ни въ какой мѣрѣ несовмѣстимо съ признаніемъ единства Россійской федеративной демократической республики. Всѣ подобныя дѣйствія Временнаго Сибирскаго Правительства служатъ серьезнымъ препятствіемъ къ возсозданію единства Государства Россійскаго, въ чемъ не можетъ быть не заинтересовано и Временное Сибирское Правительство, согласно его деклараціи. Третье—Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія со своей стороны приметъ всѣ мѣры къ достиженію необходимой координаціи дѣйствій и надѣется, что Временное Сибирское Правительство не замедлитъ аннулировать всѣ акты и распоряженія, кои являются препятствіемъ къ созданію единаго Россійскаго государства и послужили основаніемъ къ настоящему вынужденному протесту. № 357. Предсѣдатель Комитета членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія В. Вольскій. Управляющій вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ М. Веденяпинъ".

Переговоры объ открытіи Думы.

Когда въ Томскѣ собралась довольно значительная группа членовъ Думы, передъ Правительствомъ было возбуждено ходатайство объ изданіи указа о созывѣ Думы. Безъ такого указа кворума не набралось бы. Съ точки зрѣнія Положенія о Думѣ, какъ о верховномъ органѣ власти, указъ Правительства былъ излишенъ, съ точки же зрѣнія Правительства, которое, въ согласіи съ Предсѣдателемъ Думы Якушевымъ, объявило при вступленіи въ управленіе, что вся полнота власти принадлежитъ ему, изданіе указа было необходимо.

Судьба Думы зависѣла, такимъ образомъ, отъ Правительства. Еще разъ вставалъ вопросъ: созывать или нѣтъ?

Въ составѣ Правительства не было колебаній по вопросу о необходимости хотя бы суррогата народнаго представительства, для укрѣпленія авторитета власти. Но всѣ отчетливо сознавали неизбѣжность конфликта съ Думою, если работа послѣдней не будетъ находиться подъ контролемъ власти. Слишкомъ ясны были политическія вожделѣнія эсеровъ, добивавшихся подчиненія власти своему вліянію.

Отлично понимая, насколько недолговѣчна могла быть власть эсеровскаго правительства, которое, такъ же, какъ и большевистское, производило бы опыты соціализаціи, но поддаваясь при этомъ компромиссамъ, каковые дѣлали бы его менѣе пріемлемымъ и понятнымъ для массы, и не желая, естественно, давать волю

эсерамъ, чтобы возстановлять большевизмъ—Омское Правительство рѣшило бороться съ попытками Думы присвоить себѣ активную политическую роль. Поэтому, соглашаясь издать указъ о созывѣ Думы на 15 августа, Сибирское Правительство пожелало установить программу занятій Думы.

Въ концѣ іюля въ Омскъ прибыла делегація Областной Думы, въ составѣ которой игралъ наиболѣе видную роль иркутскій депутатъ, прис. повѣр. Кроль, однофамилецъ члена Екатеринбургскаго Правительства. Типичный соціалистъ-революціонеръ, крайне самоувѣренный и столь же имѣвшій право считать себя представителемъ сибирскаго трудового населенія, какъ любой адвокатъ изъ Европейской Россіи—онъ стремился играть роль и буквально не давалъ говорить другимъ членамъ делегаціи. Онъ развивалъ, главнымъ образомъ, ту мысль, что настроеніе Думы очень благопріятно для Правительства, и что никакихъ выступленій противъ Правительства быть не можетъ. Но въ политическихъ соглашеніяхъ нужна точность и ясность. Делегаціи была поэтому опредѣленно указана допустимая, съ точки зрѣнія Правительства, программа работъ первой сессіи: декларація Предсѣдателя Совѣта министровъ и разсмотрѣніе законопроекта о пополненіи состава Думы. Делегація же настаивала на необходимости обсужденія вопроса о созданіи Всероссійской власти, но, въ концѣ концовъ, согласилась съ программою Правительства.

Результатъ соглашенія не былъ, однако, нигдѣ зафиксированъ, и это дало возможность Думѣ отступить отъ соглашенія, воспользовавшись мягкостью характера Вологодскаго.

Наканунѣ открытія Думы.

Резиденціей Думы былъ Томскъ. Ко дню открытія Думы, туда прибылъ почти въ полномъ составѣ Совѣтъ министровъ. Наканунѣ открытія Думы, на засѣданіе Совѣта министровъ былъ приглашенъ совѣтъ старѣйшинъ Думы въ полномъ составѣ; всего было около 15 человѣкъ. Каково же было наше удивленіе, когда эта делегація предъявила Правительству совершенно новые вопросы программы: разсмотрѣніе наказа Думы, вопросъ о посылкѣ делегаціи отъ Думы въ Челябинскъ на совѣщаніе по организаціи Всероссійской власти и, наконецъ, вопросъ о включеніи въ составъ Думы членовъ Учредительнаго Собранія отъ Сибири.

Каждый изъ этихъ вопросовъ представлялся настолько серьезнымъ, что высказать по нимъ тутъ же, безъ внимател-

Министръ земледѣлія И. И. Петровъ

наго разсмотрѣнія, мнѣніе Правительства было рискованно. Но Вологодскій, который не обладалъ способностью противостоять настояніямъ, тутъ же перелисталъ наказъ, выразилъ удивленіе, что его не сообщили раньше, но, не придавъ особеннаго значенія наказу, заявилъ, что онъ, повидимому, пріемлемъ. Равнымъ образомъ, не было возраженій и противъ включенія въ составъ Думы членовъ Учредительнаго Собранія. Такъ какъ въ засѣданіи Совѣта министровъ рѣшающимъ голосомъ пользовались исключительно тѣ пять министровъ, которые считались избранниками Думы, то мнѣнія по этимъ вопросамъ присутствовавшихъ тутъ же управляющихъ министерствами и товарищей министровъ не спрашивали, да и возражать противъ мнѣнія Предсѣдателя Совѣта министровъ, въ присутствіи постороннихъ Правительству лицъ, не представлялось удобнымъ. Между тѣмъ, наказъ Думы былъ построенъ на началахъ признанія ея органомъ верховной власти. Онъ предоставлялъ, напримѣръ, Думѣ возможность командировать своихъ членовъ съ порученіями, содержаніе которыхъ опредѣлялось самою Думою, онъ опредѣлялъ совершенно непріемлемый кворумъ для открытія Думы. Что же касается участія членовъ Учредительнаго Собранія въ составѣ Областной Думы, то оно было крайне неудобно, при наличіи недружелюбныхъ отношеній Омской власти съ Самарскимъ Комитетомъ, членами котораго тѣ же лица состояли, въ качествѣ членовъ Учредительнаго Собранія. Кромѣ того, это укрѣпляло и легализировало въ Думѣ вліяніе той самой эсеровской группы, которую Правительство стремилось устранить отъ вліянія на дѣла.

Единственный вопросъ, на которомъ Вологодскій и другіе члены Совѣта министровъ остановились внимательнѣе, былъ вопросъ о посылкѣ делегаціи въ Челябинскъ. Объ этомъ много говорилось въ Омскѣ. Представители Думы согласились тамъ исключить этотъ вопросъ изъ программы сессіи, и вдругъ онъ всплылъ опять. Правительство возражало, указывая, что двухъ делегацій, правительственной и думской, на совѣщаніи по вопросу объ организаціи Всероссійской власти быть не можетъ, и что поэтому никакихъ обсужденій подобнаго вопроса не должно быть допущено. Тогда члены Думы разъяснили, что делегацію отъ Думы предполагается послать только для привѣтствія совѣщанія, и Правительство согласилось поэтому на включеніе въ программу сессіи и вопроса о делегаціи въ Челябинскъ.

Дума обсудила свою тактику и, застигнувъ Правительство врасплохъ, выиграла позицію.

Я помню, что въ тотъ вечеръ, наканунѣ открытія Думы, слабость и недальновидность Вологодскаго очень испортили мнѣ настроеніе, и я рѣшилъ попытаться исправить его ошибку тоже тактическими способами, а именно, помѣшать Думѣ использовать для реализаціи ея плановъ первый же день. Для этого мнѣ понадобилось, во-первыхъ, уговорить Вологодскаго выступить съ деклараціей въ самомъ началѣ засѣданія и, во-вторыхъ, сговориться съ фракціей областниковъ, которая была всецѣло предана Правительству, чтобы она внесла предложеніе прервать засѣданіе послѣ декларацiи Вологодскаго. Этимъ путемъ былъ бы выигранъ день, въ теченіе котораго можно было бы обсудить дальнѣйшую тактику. Сговориться и съ Вологодскимъ и съ областниками удалось, но случай разбилъ весь планъ.

Открытіе Сибирской Областной Думы.

Открытіе произошло съ помпою. Послѣ молебна, на соборной площади былъ произведенъ парадъ русскимъ и чешскимъ частямъ.

Яркій солнечный день. Занятій въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ нѣтъ. Зданія убраны бѣлозелеными флагами, улицы полны народомъ. Зданіе университетской библіотеки, гдѣ должна собраться Дума, осаждается толпами народа; по городу несется звонъ колоколовъ всѣхъ церквей. Въ одиннадцать часовъ въ кафедральномъ соборѣ торжественное молебствіе, на которомъ присутствовали всѣ находящіеся въ Томскѣ министры, во главѣ съ Предсѣдателемъ Сов. министровъ Вологодскимъ, Предсѣдатель Областной Думы Якушевъ, члены Учредительнаго Собранія, Думы, представители чехо-словацкихъ войскъ, земскаго и городского самоуправленія и должностныя лица. Площадь полна праздничнымъ народомъ. Предсѣдатель Сов. министровъ Вологодскій во время парада произноситъ слѣдующее привѣтствіе, обращаясь къ войскамъ и народу: „Сегодня открывается Сибирская Областная Дума. Ея составъ не полонъ, и самая Дума избиралась въ ненормальной обстановкѣ, но открытіе Думы—праздникъ, оно показываетъ, что въ странѣ наступилъ порядокъ, и что Правительство преслѣдуетъ цѣли создать демократическій строй, гдѣ власть дѣйствуетъ наряду съ народомъ. Дума въ преобразованномъ видѣ будетъ сотрудникомъ власти на пути къ возрожденію Россіи и Сибири. Да здравствуетъ Великая Россія! Да здравствуетъ свободная Сибирь!“

Послѣ отвѣта начальника гарнизона, привѣтствовавшаго Правительство, Предсѣдатель Совѣта министровъ произноситъ: „Мо-

Министръ продовольствія Н. С. Зефировъ.

гучимъ оплотомъ Правительства является въ настоящее время славная сибирская армія. Вмѣстѣ съ доблестными братьями нашими чехо-словаками, она освободила Сибирь и будетъ помогать освобожденію Россіи и борьбѣ съ исконнымъ врагомъ славянства. Да здравствуетъ сибирская армія! Наздаръ, славные чехо-словаки!“ Представитель чехо-словаковъ, докторъ Глоссъ, произноситъ здравицу автономной Сибири, Великой Россіи, союзнымъ державамъ, всему славянскому міру. По окончаніи парада, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ Правительствомъ.

Залъ засѣданія былъ декорированъ бѣлозелеными и національными флагами союзниковъ, сибирскихъ народностей, гербами возсоединенной Сибири. Надъ предсѣдательскимъ мѣстомъ надпись зеленымъ по бѣлому: „Черезъ автономную Сибирь—къ возрожденію свободной Россіи“. Члены Думы занимаютъ мѣста по фракціямъ, справа налѣво, въ слѣдующемъ порядкѣ: областники, кооператоры, представители національностей, эсеры, эсдеки и на крайней лѣвой представители профессіональныхъ союзовъ. При торжественной тишинѣ, Предсѣдатель И. А. Якушевъ объявляетъ засѣданіе Сибирской Областной Думы открытымъ.

Послѣ привѣтственной рѣчи Якушева, Предсѣдатель Совѣта министровъ посылаетъ записку и проситъ предоставить ему слово, но тутъ происходитъ случайное недоразумѣніе, которое разрушаетъ весь планъ. Якушевъ, по его словамъ, не замѣтилъ, кто прислалъ записку, и прочелъ, вмѣсто фамиліи Вологодскаго, фамилію Вейнберга.

— Членъ Думы Вейнбергъ! Вы просили слова?—Нѣтъ, я не просилъ. Тогда слово было предоставлено эсеру Яницкому и, прежде чѣмъ выступилъ Вологодскій, Дума, или, вѣрнѣе сказать, фракція эсеровъ, которая составляла подавляющее большинство, провела и включеніе въ свой составъ членовъ Учредительнаго Собранія и наказъ.

Аттестатъ незрѣлости.

— Не доросла Сибирь до парламента, сказалъ на другой день Вологодскій, при обмѣнѣ впечатлѣніями по поводу Думы.

Черезъ два дня въ газетѣ „Сибирская Жизнь“, наиболѣе солидномъ органѣ Сибири, появилась моя статья, которая вызвала въ Думѣ большіе разговоры. Авторство этой статьи осталось членамъ Думы неизвѣстнымъ. Статья озаглавлена—„Аттестатъ незрѣлости“.

„Въ этотъ историческій день“, говорится въ статьѣ, „все было хорошо, кромѣ—для многихъ это не представилось неожиданнымъ—самой Думы.

Яркое солнце, блестящій видъ войскъ и милиціи, цвѣты, которыми закидали Предсѣдателя Совѣта министровъ, декларація и заявленія Правительства, даже пестроватая внѣшность думскаго зала и симпатичная, чисто русская по типу, наружность Предсѣдателя Думы—все это создавало самое благопріятное впечатлѣніе.

Но Областная Дума—не митинговое учрежденіе. Она разсматриваетъ и одобряетъ, или отвергаетъ законопроекты, выражая мнѣніе страны. Ея голосованіе имѣетъ государственное значеніе, и надо оцѣнивать не внѣшнія впечатлѣнія, оставшіяся отъ перваго дня, а степень соблюденія „обрядовъ и формъ столь существенныхъ“.

Съ этой стороны, предсѣдателю Думы и ей самой надлежитъ поднести аттестатъ незрѣлости.

Должно быть, это первый случай въ практикѣ парламентовъ культурнаго періода, когда только что открывшійся парламентъ, непосредственно послѣ привѣтственной рѣчи предсѣдателя, не провѣривъ мандатовъ, не избравъ президіума, принимаетъ два постановленія, измѣняющихъ конституціонные законы.

Ряды креселъ, гдѣ засѣдаютъ члены Областной Думы, еще не отдѣлены отъ креселъ, отведенныхъ для публики. Никто не можетъ утверждать, что среди членовъ Областной Думы не сидѣли посторонніе. Да въ дѣйствительности они и сидѣли тутъ. Членъ Самарскаго Комитета Гуревичъ нашелъ, напримѣръ, для себя болѣе удобнымъ слушать декларацію Правительства, сидя съ членами Думы въ первомъ ряду креселъ.

Дѣлается внѣочередное заявленіе о необходимости ввести въ составъ Думы членовъ Учредительнаго Собранія отъ Сибири. Предсѣдатель почему-то принимаетъ это внѣочередное заявленіе, какъ законодательное предположеніе, ставитъ его сейчасъ же на голосованіе, оно принимается, и Предсѣдатель немедленно вводитъ его въ дѣйствіе, предлагая членамъ Учредительнаго Собранія занять мѣста въ Думѣ.

Любопытно, что переживали при этомъ юристы — удивленіе или ужасъ?

Перечислить всѣ произведенныя Предсѣдателемъ и Думою нарушенія „обрядовъ и формъ существенныхъ“ не представляется возможнымъ.

Никакими наказами, даже наказомъ, принятымъ черезъ нѣсколько минутъ Думою, не предусмотрѣно принятіе законовъ по внѣочереднымъ заявленіямъ. „Ни одинъ законопроектъ не можетъ быть разрѣшенъ по существу временной Сибирской Областной Думой, безъ предварительнаго разсмотрѣнія его въ соотвѣтственной комиссіи“ (ст. 58). „Вносимыя членами Думы законодательныя предположенія должны содержать въ себѣ основныя положенія предполагаемаго закона съ объяснительной къ нимъ запиской“ (ст. 60). „По признаніи желательнымъ изданія закона на основаніи внесеннаго членами Думы законодательнаго предположенія, послѣднее передается для разсмотрѣнія и составленія соотвѣтственнаго законопроекта въ комиссію“ (ст. 62.). „При разсмотрѣніи въ Думѣ, каждый законопроектъ подлежитъ троекратному обсужденію“ (ст. 65.).

Почему же все это не соблюдено предсѣдателемъ Думы? Забылъ ли онъ наказъ, или не знаетъ общепринятыхъ правилъ парламентскаго обихода? Или забылъ о безпартійности предсѣдателя и отдалъ дань партіи, къ которой принадлежатъ члены Учредительнаго Собранія? Все это не мѣняетъ дѣла.

„Внѣочередное заявленіе“ превратилось въ законопроектъ. Статьи закона—чего не сдѣлаетъ нашъ усовершенствованный вѣкъ?—фиксировались исключительно воздушными волнами, въ голосованіи принимали участіе не члены Думы, а лица, считавшія себя членами Думы, предсѣдательствовалъ милый человѣкъ, который вовсе не представилъ мандата.

Принятіе закона производилось до провѣрки полномочій, до избранія президіума, до составленія секретаріата.

Но этимъ не ограничивается кругъ нарушеній, допущенныхъ Думою и ея предсѣдателемъ. Законы до введенія ихъ въ дѣйствіе утверждаются, подписываются, опубликовываются, но и это предсѣдатель Думы, ошеломленный торжественностью обстановки, совершенно упустилъ изъ виду, и черезъ одну минуту послѣ голосованія составъ Думы пополнился новыми членами.

Измѣненіе состава законодательнаго учрежденія—актъ, несомнѣнно, конституціоннаго характера — послѣдовало при обстановкѣ, совершенно лишающей его силы закона и вообще всякаго юридическаго значенія.

Дума не ограничилась одной иллюстраціей своего наивно-дѣтскаго отношенія къ законодательной работѣ. Также безъ соблюденія всякихъ формальностей, безъ чтенія и обсужденія, она приняла наказъ. Глубоко ошибутся тѣ, кто подумаетъ, что на-

казъ состоитъ исключительно изъ правилъ внутренняго распорядка—этотъ наказъ въ значительной своей части представляетъ не что иное, какъ „учрежденіе Думы“, т. е. законъ самаго серьезнаго конституціоннаго значенія. Достаточно указать, что этотъ наказъ опредѣляетъ законный составъ засѣданій Думы, который почему-то понижается до 79 членовъ. Оказывается, сорока человѣкъ—половины законнаго состава Думы—достаточно, чтобы принять и отвергнуть законъ.

Но тотъ, кто ужаснется перспективы законодательства сорока членовъ Думы, окончательно обезумѣетъ, узнавъ, что это не вѣрно: 79 человѣкъ достаточно для открытія Думы, а затѣмъ, послѣ открытія, для дѣйствительности засѣданій, а, слѣдовательно, и законности постановленій, достаточно участія... предсѣдателя и секретаря. Только ихъ двухъ.

Это не преувеличеніе.

Статья 22 наказа гласитъ: „для открытія и дѣйствительности засѣданій Думы въ ней должно присутствовать не менѣе двухъ третей ея членовъ, находящихся въ мѣстѣ пребыванія Думы.“ Находиться въ мѣстѣ пребыванія Думы могутъ нерѣдко два, три человѣка. Какъ поступитъ Дума при наличности двухъ депутатовъ, неизвѣстно: двѣ трети одного или двухъ получить трудно, но при трехъ депутатахъ Дума можетъ законодательствовать.

Мѣстопребываніе Думы нигдѣ еще не опредѣлено. Наказъ даетъ Предсѣдателю Думы возможность совершать законодательные налеты въ любые города и веси Сибири и тамъ, гдѣ окажется одинъ-два члена, открыть засѣданіе. Это отголосокъ революціоннаго подполья, гдѣ прошла якобы состоявшаяся первая сессія Думы.

Кстати, о сессіи. Почему наказъ говоритъ о второй, когда у насъ только открывается первая? Вѣдь если бы первая уже состоялась, то были бы и наказъ, и президіумъ, и секретаріатъ. Вся обстановка засѣданія 15 августа была обстановкой только для открывшагося парламента.

Довольно, однако!

Можно быть увѣреннымъ, что никто не посмотритъ на состоявшіяся рѣшенія, какъ на законодательные акты. Они составятъ только матеріалъ для будущаго законодателя и для хрестоматіи парламентскихъ курьезовъ въ назиданіе и увеселеніе потомству“.

Управляющій Дѣлами Правительства І. К. Гинсъ.

Декларація Сибирскаго Правительства.

Въ омской сутолокѣ Правительство не успѣло обдумать программной рѣчи, и уже въ поѣздѣ, по дорогѣ въ Томскъ, мнѣ, какъ управляющему дѣлами, пришлось заняться составленіемъ проекта декларації. Въ Томскѣ, въ спеціальномъ засѣданіи, этотъ проектъ, съ рядомъ поправокъ, былъ одобренъ Совѣтомъ министровъ и въ такомъ видѣ оглашенъ. Переписка декларації шла почти всю ночь и закончилась только часа за два передъ молебномъ. Предсѣдатель едва успѣлъ ее прочесть. Основныя мысли вступительной политической части декларації были приняты единодушно, а въ нихъ выразилось все существо сибирской власти.

„Временное Сибирское Правительство“, говорилось въ декларації, „дѣйствуетъ, какъ власть суверенная, съ полномочіями, почерпаемыми не только отъ Областной Думы, Совѣтъ министровъ избравшей, но также изъ создавшагося переворотомъ фактическаго положенія вещей и единодушнаго признанія Правительства со стороны всѣхъ круговъ населенія и общественныхъ организацій. Въ обстановкѣ, при которой Совѣтъ министровъ принялъ на себя тяжелое бремя управленія, онъ не могъ поступить иначе, какъ объявить себя суверенною, ни отъ кого не зависящей властью.“

„Вы хорошо знаете“, говорится дальше, „сколько горькой обиды, справедливаго возмущенія накопилось во время большевизма въ кругахъ, наиболѣе въ этотъ періодъ обездоленныхъ. Съ какимъ чувствомъ должно относиться къ большевикамъ и примыкавшимъ къ нимъ элементамъ доблестное офицерство, претерпѣвшее не только лишенія, но и незаслуженныя оскорбленія. Сколько ненависти вызываетъ пережитое со стороны той части славнаго казачества, которое привыкло дорожить своею честью и традиціями и считаетъ разложеніе войска при большевикахъ надолго не смываемымъ позоромъ и для себя.

Переворотъ создалъ благопріятную обстановку, и притомъ благопріятную не только психологически, для самыхъ реакціонныхъ вожделѣній. Имена популярныхъ генераловъ, легенда о возникающихъ союзахъ и комитетахъ самаго праваго направленія— все это носится въ воздухѣ, выражая настроеніе извѣстныхъ круговъ. Вмѣстѣ съ разговорами о военной диктатурѣ, не только непріемлемой, но и неизбѣжно обреченной на неудачу, это свидѣтельствуетъ, что пресыщеніе революціей достигло чувствительной степени, что жажда сильной власти очень велика, и что слабость Правительства еще болѣе усилила бы правыя теченія.

Есть два способа предотвратить укрѣпленіе реакціи: одинъ находится въ рукахъ лѣвыхъ партій—онъ заключается въ сознательной умѣренности требованій и устраненіи выступленій противъ вынуждаемыхъ обстоятельствами рѣшительныхъ мѣръ. Можно утверждать безъ всякихъ преувеличеній, что контръ-революцію справа питаютъ, главнымъ образомъ, крайнія лѣвыя теченія.

Другой способъ противодѣйствовать реакціи—это твердость и рѣшительность самого Правительства. Демократическое по составу, однородное по настроенію, какъ въ части такъ называемой „пятерки", такъ и въ части дѣловой—Правительство ставитъ своей конечной задачей сохранить для русскаго общества тѣ позиціи гражданскихъ свободъ, во имя которыхъ произведена была революція, но которыя больше всего пострадали именно во время революціи. Но для того, чтобы занять позиціи, которыя уже были покинуты, а затѣмъ отстоять ихъ, нужна сначала желѣзная дисциплина и рѣшительная непоколебимая политика. Опытъ революціи показалъ, что надо начинать съ твердыхъ мѣръ, чтобы избѣжать безпощадныхъ.

И вотъ демократическая власть вынуждается обстоятельствами переходнаго періода къ введенію исключительныхъ положеній, усиленію отвѣтственности за противогосударственныя преступленія, къ временной передачѣ милиціи въ руки комиссаровъ. Всѣ эти мѣры диктуются желаніемъ создать сильную гражданскую власть, чтобы избѣжать примѣненія болѣе крутыхъ военныхъ мѣръ, создать увѣренность въ строгомъ судѣ Правительства, чтобы предотвратить кровавые самосуды".

Основная идея момента.

Революція питаетъ реакцію.

Декларація стремилась внушить Областной Думѣ, что только благоразуміе лѣвыхъ можетъ спасти демократическій строй. Все пережитое отъ большевизма вызываетъ реакцію по отношенію не къ нимъ однимъ, но ко всѣмъ „соціалистамъ" вообще, которые съ самаго начала революціи дѣлали все, чтобы развалить армію и государственный порядокъ. Въ эпохи перелома успѣхъ центра можетъ быть гарантированъ только при отсутствіи рѣзкихъ столкновеній крайнихъ теченій. Сибирское Правительство поставило своей задачей *установить равновѣсіе въ соотношеніи этихъ противодѣйствующихъ силъ*, и въ первые два мѣсяца ему это

Управляющій министерствомъ путей сообщенія Г. М. Степаненко.

удавалось. Областная Дума, въ содружествѣ съ Самарскимъ Комитетомъ, грозила нарушить это равновѣсіе.

Гроза съ Востока.

Въ самый разгаръ сессіи Областной Думы, въ Томскѣ получена была телеграмма изъ Пекина. Старый журналистъ, областникъ Курскій, увѣдомлялъ редактора „Сибирской Жизни“ Адріанова, что генералъ Хорватъ объявилъ себя „Временнымъ Правителемъ“ и образовалъ правительство подъ именемъ „Дѣлового Кабинета“. Въ той же телеграммѣ сообщалось, что предсѣдателемъ кабинета состоитъ Востротинъ, что въ составъ кабинета входитъ и самъ авторъ телеграммы Курскій, и предполагается пригласить, послѣ освобожденія Сибири, Вологодскаго, Крутовскаго и другихъ общественныхъ дѣятелей.

Телеграмма быстро стала общимъ достояніемъ, хотя о ней и не предполагалось освѣдомлять общество, во избѣжаніе излишней смуты въ умахъ. Въ кругахъ Областной Думы начался переполохъ.

„Временный правитель“, „самодержецъ“, „диктаторъ“—эти слова производили магическое дѣйствіе, выводя изъ спокойнаго состоянія, казалось, самыхъ уравновѣшенныхъ соціалистовъ. Забили тревогу и нѣкоторые члены Правительства. Патушинскій почуялъ опасность новой политической комбинаціи—его имя не упоминалось въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя будутъ призваны къ власти,—и онъ окончательно рѣшилъ ориентироваться на Областную Думу.

Гвоздь сессіи.

Было много моментовъ въ дѣятельности Сибирскаго Правительства, которые могли вызвать ожесточенныя нападенія на власть въ Областной Думѣ. Въ составѣ Правительства сидѣлъ „человѣкъ“ изъ партіи—Шатиловъ, по поведенію котораго легко было узнать, на что именно будутъ нападать. „Человѣкъ“ не умѣлъ скрывать своихъ переживаній, когда директивы партіи нарушались; онъ мучился, вздыхалъ, стоналъ, качалъ головой и... не подписывалъ постановленій. Упраздненіе совѣтскихъ организацій, закрытіе земельныхъ комитетовъ, возстановленіе частнаго землевладѣнія въ Сибири, изъятіе милиціи изъ рукъ самоуправленій и передача ихъ управляющимъ губерніями—все это вызывало яростныя нападки эсеровъ, все это акты, подъ которыми подписи Шатилова нѣтъ. Онъ „чистъ передъ исторіей“.

Въ другое время члены Думы не преминули бы высказаться съ высокой трибуны по поводу столь великихъ прегрѣшеній Правительства, но сейчасъ партійные „генералы“, оцѣнивъ обстановку, рѣшили, что все это мелочи по сравненію съ главнымъ вопросомъ: „чья“ будетъ всероссійская власть. Захватить ее въ свои руки—означало бы полную побѣду. Тогда всѣ „вредныя вліянія“ на Сибирское Правительство могли бы быть устранены, Дума укрѣпилась бы, и грѣхи Омска были бы искуплены догматически-правовѣрною политикою.

Постановка вопроса была совершенно правильна, и, начиная со второго засѣданія Думы, основнымъ мотивомъ всѣхъ рѣчей и отвѣтовъ на декларацію становится вопросъ о всероссійской власти и о коварныхъ замыслахъ авантюристовъ.

— Этого не будетъ! истерически кричитъ „товарищъ“ Колосовъ, стуча кулакомъ по пюпитру и обращая взоры на Гришина-Алмазова:—Не будетъ того, чтобы случайный претендентъ захватилъ власть!

— Никакая власть, кромѣ Сибирскаго Учредительнаго Собранія, противопоставляться Областной Думѣ не можетъ, гласитъ декларація соціалистовъ-революціонеровъ.

— Учредительное Собраніе — исходный пунктъ возрожденія Россіи. Старое Учредительное Собраніе должно существовать. Вотъ лозунги, выброшенные большинствомъ Думы.

По вопросу объ организаціи Всероссійской власти единомыслія въ Думѣ достигнуто не было. Преобладавшее большинство не пожелало внести въ свою формулу даже частичныя поправки, для согласованія съ формулою меньшинства. Разногласіе заключалось въ томъ, что большинство стояло: 1) за признаніе Всероссійскаго Учредительнаго Собранія полномочнымъ создать верховную власть, 2) за организацію лишь *временной* всероссійской власти, вплоть до возсозданія Учредительнаго Собранія прежняго созыва, 3) за предоставленіе права рѣшающаго голоса на совѣщаніи по организаціи власти не только представителямъ областныхъ правительствъ, но и всѣмъ наличнымъ членамъ Учредительнаго Собранія, всѣмъ представителямъ политическихъ партій и національностей.

Меньшинство же стояло: 1) за созывъ новаго Учредительнаго Собранія, а не за возсозданіе стараго, 2) за организацію безотвѣтственной и полномочной власти, 3) за организацію совѣщанія для избранія всероссійской власти *исключительно* изъ представителей областныхъ правительствъ, для которыхъ мнѣнія партій должны быть только матеріаломъ.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. [illegible].

Съ моей точки зрѣнія, въ предложеніи большинства ясно сказывалось нежеланіе выпускать власть изъ рукъ партійной эсеровской группы, какою представлялась единственно сохранившаяся центральная часть того уродливаго Учредительнаго Собранія, которое собрано было при большевикахъ и, конечно, не могло и не должно было возсоздаваться.

Представители партіи эсеровъ лицемѣрно заявляли, что никакого принужденія меньшинства большинствомъ не можетъ быть допущено въ вопросѣ о Всероссійской власти, должно быть *полное соглашеніе*, и они же въ Областной Думѣ создали иллюзію *народнаго мнѣнія* о власти, не придавъ никакого значенія мнѣнію кооператоровъ, областниковъ, представителей высшихъ учебныхъ заведеній и казачества и игнорируя отсутствіе въ Думѣ цензовыхъ элементовъ. Чье же мнѣніе выражали резолюціи *этой* Думы?

Сибирское Правительство не выступало въ Думѣ по этому важному политическому вопросу. Но было и безъ того ясно, что мнѣніе большинства не могло быть мнѣніемъ Сибирскаго Правительства, и впослѣдствіи, на Уфимскомъ Совѣщаніи, это выявилось вполнѣ опредѣленно.

Вопросъ о делегаціи въ Челябинскъ.

Въ связи съ резолюціей по вопросу объ организаціи Всероссійской власти, Дума избрала делегацію, для привѣтствія совѣщанія и *зачтенія резолюціи*. Послѣднее опять противорѣчило соглашенію, но Правительство и этотъ шагъ Думы оставило безъ отвѣта, обнаруживъ и ненаходчивость и слабость воли и поощривъ, такимъ образомъ, Думу на болѣе смѣлыя политическія выступленія.

Законъ о пополненіи Думы.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ Думою въ августовской сессіи, былъ вопросъ о пополненіи состава Думы цензовыми элементами.

Я уже указывалъ, что единственно цѣлесообразнымъ было бы совершенное измѣненіе конструкціи Областной Думы. Вмѣсто этого, въ какомъ-то импровизированномъ засѣданіи, въ которомъ я не участвовалъ, повидимому, за стаканомъ чая и трубкою мира, раскуривавшейся въ вагонѣ Патушинскаго послѣ бурныхъ сценъ

въ оффиціальномъ засѣданіи, было рѣшено внести отъ имени Правительства тотъ самый законопроектъ, который разработало частное совѣщаніе членовъ Думы. Законопроектъ этотъ былъ совершенно безграмотенъ не только политически, но и юридически. Представительство промышленниковъ устанавливалось безъ всякаго учета соотношенія отдѣльныхъ группъ въ Думѣ, интересовъ отдѣльныхъ видовъ промышленности и безъ указанія способа избранія. Представительство совѣтовъ рабочихъ депутатовъ замѣнялось представительствомъ „соотвѣтствующихъ“ профессіональныхъ и политическихъ рабочихъ организацій; представлялось загадочнымъ, отъ какихъ именно. Представительство совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ замѣнено было представительствомъ тоже „соотвѣтствующихъ“ крестьянскихъ организацій, еще болѣе таинственныхъ.

Тѣмъ не менѣе, Патушинскій, этотъ „рыцарь“ Областной Думы, ухаживавшій за нею, какъ за Дульцинеею, выступилъ съ краткою защитительною рѣчью и просилъ принять законопроектъ сейчасъ же. Дума не могла отказать галантному министру и поспѣшила исполнить его просьбу. Это взаимное расшаркиванье, характерное для „дѣтскихъ“ пьесъ, (мы вносимъ, потому что „ваше“, вы принимаете, потому что „наше“), не привело, конечно, къ серьезнымъ результатамъ. Составъ Думы не пополнился ни однимъ членомъ. Новый законъ остался пустою забавою.

Между тѣмъ, при разсмотрѣніи вопроса въ Думѣ, раздался трезвый голосъ дѣйствительнаго представителя народа, а не политическаго интригана—кооператора Бедро. Правительство должно было внять этому голосу, но слова Бедро прозвучали, произвели впечатлѣніе и забылись, и понадобился годъ печальнаго опыта, чтобы въ августѣ 1919 г. было сдѣлано то, что сказано было скромнымъ членомъ Думы, человѣкомъ реальной жизни, въ августѣ 1918 г.

По поводу провѣрки мандатовъ, Бедро указалъ всю искусственность построенія Сибирской Думы, гдѣ сибирскіе нѣмцы имѣютъ четверное представительство, потому что въ одномъ городѣ Славгородѣ умудрились создать какихъ-то четыре союза, гдѣ эсеры имѣютъ десятерное представительство, потому что для своего удобства придумали два крестьянства — *просто* крестьянство и *трудовое* крестьянство, причемъ представителемъ послѣдняго былъ избранъ такой коренной и трудовой крестьянинъ, какъ „товарищъ“ Гольдбергъ, гдѣ, наконецъ, имѣются представители всякихъ туманныхъ организацій, вродѣ „всесибирскаго“ студен-

Сибирское Правительство (группа).

чества и „фронтовыхъ организацій солдатъ-сибиряковъ", но *нѣтъ самаго главнаго: подлиннаго сибирскаго крестьянства.*

На эту здравую рѣчь наиболѣе ярый ораторъ эсеровъ, Колосовъ, отвѣтилъ безсодержательными репликами, что сущность, молъ, не въ томъ, отъ какихъ организацій и какъ избираются, а какая цѣль ставится, и что Дума должна во что бы то ни стало существовать, чтобы подготовить созывъ Сибирскаго Учредительнаго Собранія. Основная мысль Бедро о расширеніи *подлиннаго* крестьянскаго представительства осталась затушеванной.

Резиденція Правительства.

По предложенію членовъ Думы, на повѣстку былъ поставленъ еще одинъ вопросъ —о перенесеніи резиденціи Правительства въ Томскъ. Но не успѣлъ разнестись объ этомъ слухъ, какъ изъ Омска прилетѣла телеграмма Серебренникова, что вся вліятельная общественность Омска протестуетъ и грозитъ организовать свое правительство, если Совѣтъ министровъ переѣдетъ въ Томскъ, отдавшись въ плѣненіе Думы. Если бы Правительство промолчало въ Думѣ, при обсужденіи вопроса объ его переѣздѣ, это было бы странно; если бы оно возражало, то могъ бы получиться конфликтъ, неудобный съ точки зрѣнія престижа Думы; если бы оно согласилось на переѣздъ, то противодѣйствіе Омска настолько бы усилилось, что осуществить переѣздъ едва ли удалось бы, и это было бы невыгодно уже для престижа власти.

По порученію Правительства, я заявилъ о желательности снятія вопроса съ повѣстки. По этому поводу состоялось закрытое засѣданіе совѣта старѣйшинъ, въ которомъ Гришинъ-Алмазовъ съ военной точки зрѣнія, а я съ политической, объясняли неосуществимость въ данный моментъ переѣзда.

Между тѣмъ Вологодскій, Патушинскій и Шатиловъ опредѣленно тяготѣли къ Томску и, въ сущности, уже предрѣшили переносъ резиденціи, но рѣшили окончательно оформить это въ Омскѣ. Шатиловъ, опасаясь, что въ Омскѣ разубѣдятъ переѣзжать, какъ потомъ, дѣйствительно, случилось, хотѣлъ во что бы то ни стало спровоцировать Думу на принятіе резолюціи о переѣздѣ. Поэтому, не отдавая себѣ отчета въ неудобствѣ разноголосицы представителей Правительства въ „парламентской" комиссіи, онъ явился туда и сталъ возражать мнѣ. На меня же напалъ и Гольдбергъ, который въ моихъ объясненіяхъ усмотрѣлъ признаки „неуваженія" къ Думѣ. Внезапно въ комиссію явился Кру-

товскій, котораго почему-то Вологодскій попросилъ присутствовать, несмотря на то, что раньше это было поручено мнѣ, и, въ результатѣ, Правительство запѣло въ четыре голоса, причемъ, въ концѣ концовъ, разобидѣлся больше всѣхъ Крутовскій, и настолько серьезно, что даже ушелъ, а черезъ часъ выѣхалъ изъ Томска къ пенатамъ, въ Красноярскъ.

Такова была обстановка Томскаго парламента, института для „начинающихъ“ политическихъ дѣятелей.

Вопросъ о резиденціи все же былъ снятъ. Повидимому, малѣйшей настойчивости Правительства было бы достаточно, чтобы сдѣлать Думу совершенно ручною. Слабохарактерность Вологодскаго, капризность и недомысліе Шатилова и привычка рисоваться „адвоката“ Патушинскаго создали такой типичный „квартетъ“ въ самомъ Правительствѣ, что послѣ поѣздки въ Томскъ уже нельзя было откладывать реформы самого Правительства. Безгласные сотрудники „вѣнценосныхъ“ избранниковъ Думы, не имѣвшіе возможности ни говорить ни дѣйствовать въ Томскѣ и занимавшіе ложное положеніе министровъ „безъ языка“, рѣшили добиться правъ.

Перерывъ сессій.

Къ двадцатому августа программа Думы была исчерпана. Утромъ 20-го Сибирское Правительство постановило прервать занятія Думы до 10 сентября, и соотвѣтствующій указъ тотчасъ же былъ отправленъ Якушеву. Одновременно Сибирское Правительство утвердило и подписало, въ качествѣ своего постановленія, одобренное Думой Положеніе о пополненіи ея состава. Въ этихъ формальныхъ моментахъ—указѣ Сибирскаго Правительства о перерывѣ и утвержденіи имъ законопроектовъ Думы—проявлялась суверенность Правительства, но мнѣ показалось, что никто изъ членовъ Совѣта министровъ не замѣтилъ юридическаго значенія подписанныхъ актовъ. Зато это хорошо замѣтили въ Думѣ.

Подлинникъ закона о пополненіи Думы куда-то безслѣдно исчезъ. Наличность въ моей походной канцеляріи одного партійнаго человѣка, котораго вскорѣ перевели въ другое мѣсто, дала мнѣ матеріалъ для нѣкоторыхъ размышленій. Въ мое отсутствіе, въ Омскѣ былъ напечатанъ, безъ моего вѣдома, политически безграмотнымъ редакторомъ „Собранія Узаконеній“ текстъ постановленія Думы за подписью Якушева. Но этой „борьбою“ можно было только забавляться.

Забавна была и исторія указа о перерывѣ работъ Думы. Предвидя, что со стороны Думы будутъ попытки воздѣйствовать на министровъ, для отмѣны указа, и что министры могутъ „поколебаться“, я рѣшилъ устроить политическій пикникъ за городъ. Томскъ славится своими окрестностями, и Вологодскій, какъ томскій старожилъ, охотно согласился поѣхать. Но уже на лѣстницѣ онъ столкнулся съ взволнованнымъ Якушевымъ, который летѣлъ къ Правительству, держа въ рукахъ текстъ одіознаго указа. Дума, какъ самодовлѣющая власть, одна только можетъ объявлять перерывы своей работы; но указъ написанъ, а Предсѣдатель уѣзжаетъ, и Якушевъ съ растеряннымъ видомъ вернулся во-свояси.

Прогулка состоялась. И дѣйствительно, хорошо было въ сосновомъ бору, на берегу синей Томи, гдѣ гордая своею красою природа съ молчаливымъ презрѣніемъ жила своею жизнью, не внимая жалкимъ и мелочнымъ междоусобіямъ людей. А въ Томскѣ шумѣли „политики“, волновались парламентаріи и министры, разыскивая Предсѣдателя, телефонируя въ газеты о пріостановленіи опубликованія указа. Сколько было волненій изъ-за сущихъ пустяковъ!

Только поздно вечеромъ Предсѣдателя Совѣта министровъ удалось разыскать, но пересмотръ указа уже былъ невозможенъ, такъ какъ Крутовскій уѣхалъ, а Шатилова не нашли. Меня командировали въ Думу съ инструкціею требовать опубликованія. Въ Думу поѣхалъ и Патушинскій. Что онъ говорилъ Якушеву, мнѣ неизвѣстно, но ужъ, навѣрное, онъ не перечилъ „Дульцинеѣ“, потому что, въ концѣ концовъ, не отличавшійся устойчивостью Якушевъ, бѣгавшій то къ Патушинскому, то ко мнѣ, рѣшилъ не оглашать указа.

— Такъ дѣлается исторія, сказалъ, потирая руки, проф. Никоновъ, товарищъ предсѣдателя, первый юристъ Думы и ближайшій сотрудникъ эсеровской группы, несмотря на то, что послѣ революціи былъ удаленъ изъ Петроградскаго Университета, какъ ставленникъ реакціонера Кассо. Судьба играетъ людьми.

„Исторіи“, однако, никакой не было сдѣлано. Судьба Думы послѣ первой ея сессіи была предрѣшена. Это учрежденіе было убито господствовавшей въ ней партіей, не понявшей, что ея случайная численность не означаетъ вовсе реальной ея силы. Путь политическихъ интригъ, на который стала Дума, привелъ, однако, къ гибели и Сибирское Правительство.

— Я уѣзжаю изъ Томска съ непріятнымъ чувствомъ. Я очень взволнованъ поведеніемъ Думы, сказалъ я своему спутнику, министру юстиціи, вмѣстѣ съ которымъ ѣхалъ на вокзалъ.

Но Патушинскій, который почти наканунѣ, въ приливѣ чистосердечія, свойственнаго ему, какъ аффектированному человѣку, сознался мнѣ, что „онъ пошелъ бы въ отношеніи Думы на самыя рѣшительныя мѣры, если бъ не боялся Гришина-Алмазова"—теперь угрюмо промолчалъ.

Томскъ опредѣлилъ содержаніе слѣдующаго періода. Борьба съ Гришинымъ-Алмазовымъ, борьба за Административный Совѣтъ, борьба съ замыслами эсеровъ—вотъ что ожидало власть, вмѣсто практической работы по созданію арміи и возрожденію экономической жизни.

Глава VII.

На пути къ объединенію власти.

Въ то время, какъ въ Томскѣ происходила сессія Сибирской Областной Думы, на Западѣ—въ Самарѣ и Омскѣ—усиленно готовились къ организаціи всероссійской власти. Этого требовало и политическое и военное положеніе.

Число претендентовъ на политическую независимость росло съ каждымъ днемъ. Киргизы организовали свое правительство, Алашъ-Орду, башкиры декларировали свободу Башкурдистана и организовали свое войско, башкирскую конницу, для участія въ бояхъ съ большевиками, появилось, какъ изъ-подъ земли, правительство еще не освобожденнаго Туркестана, и, наконецъ, разсѣянныя по всей Западной Сибири тюрко-татарскія племена тоже заявили о своей національной независимости, неизвѣстно, на какихъ территоріальныхъ признакахъ построенной. Можно было вступить на путь непризнанія этихъ эфемерныхъ и искусственныхъ правительствъ, но проще и лучше представлялось устраненіе ихъ, при посредствѣ всѣми признанной всероссійской власти.

Военное положеніе, усложнявшаяся обстановка фронта, выявившаяся трудность борьбы, свидѣтельствовавшія о необходимости подготовки военныхъ силъ и организаціи единой арміи—требовали тоже опредѣленности и устойчивости политическихъ отношеній, которыя могли быть достигнуты только при единствѣ власти.

Въ это время изъ Европейской Россіи пробирались въ Сибирь Н. Д. Авксентьевъ, Е. Брешко-Брешковская, Аргуновъ. Эти видные члены партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ не-черновцы, смотрѣли на вещи иными глазами, чѣмъ ихъ товарищи—максималисты изъ Самарскаго Комитета и Областной Думы.

За чашкой чая.

Во время пребыванія въ Томскѣ удалось повидаться частнымъ образомъ съ нѣсколькими видными дѣятелями Сибири. Собранія происходили у одного изъ областниковъ. На нихъ неизмѣнно присутствовалъ Г. Н. Потанинъ, полуслѣпой и глуховатый,

но всегда съ интересомъ прислушивавшійся къ разговорамъ и нерѣдко, несмотря на кажущееся забытье, обнаруживавшій интересъ и пониманіе происходившихъ разговоровъ. Было трогательно видѣть, какъ его приводилъ подъ руку тоже старикъ уже, съ сѣдою бородою, редакторъ „Сибирской Жизни“ А. В. Адріановъ.

Однажды на такомъ собраніи, вѣроятно, намѣренно, встрѣтились Вологодскій, Петровъ, я, какъ представители Правительства, и извѣстный въ Сибири соціалистъ-революціонеръ Колосовъ. Рѣчь шла о возможности болѣе близкаго сотрудничества областниковъ и эсеровъ. Областники выражали готовность къ этому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и скептицизмъ. Я указалъ, между прочимъ, на неудачный опытъ сотрудничества съ Западно-Сибирскимъ Комиссаріатомъ.

— Да вѣдь это „максималисты“, сказалъ Колосовъ: — они отличаются отъ большевиковъ только приверженностью къ Учредительному Собранію; они случайно не большевики, только потому, что не захотѣли изъ самолюбія пойти въ „Асторію“ (гостинница въ Петроградѣ, гдѣ большевики „ублаготворяли“ расположенныхъ къ нимъ членовъ Учредительнаго Собранія).

Однако, сотрудниковъ эсерамъ, повидимому, не понадобилось, потому что Колосовъ больше по этому вопросу ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

Интервью Авксентьева.

Въ Сибирь пріѣхалъ, съ жаждой коалиціи и сотрудничества, другой еще болѣе видный соціалистъ-революціонеръ — Авксентьевъ. Его первое интервью встрѣчено было съ одобреніемъ.

Онъ высказался въ пользу коалиціи *не по партійнымъ*, а *по дѣловымъ* признакамъ, и за учрежденіе власти по сговору существующихъ областныхъ правительствъ.

Относительно роли членовъ Учредительнаго Собранія, мнѣніе Авксентьева было таково. Если дѣйствительно Самарскій Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія полагаетъ, что собраніе 30 и даже 150 членовъ Учредительнаго Собранія почти исключительно соціалистовъ-революціонеровъ можетъ и должно являться законодательнымъ органомъ, который построитъ коалиціонную власть и затѣмъ будетъ ее контролировать и законодательствовать, то подобное рѣшеніе Авксентьевъ считаетъ политически явно несостоятельнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) невозможно представить себѣ созданія и функціонированія коалиціонной

власти подъ контролемъ и при законодательствованіи представителей одной партіи; никто въ коалицію при такомъ условіи не пойдетъ, никакой общенаціональной власти не создастся, власть же исключительно партійную, въ особенности при настоящихъ условіяхъ, Авксентьевъ считаетъ гибельной и для основныхъ задачъ, стоящихъ сейчасъ передъ Россіей, и для самой партіи; 2) самое собраніе 30—50 членовъ Учред. Собр., исключительно по своему лишь усмотрѣнію строящее центральную власть, не можетъ и не будетъ считаться широкими слоями населенія компетентнымъ и законнымъ представителемъ всенародной воли.

Высказался Авксентьевъ и относительно Сибирскаго Правительства. Поскольку онъ успѣлъ за свое кратковременное пребываніе познакомиться, изъ политическихъ декларацій Правительства и заявленій его отдѣльныхъ членовъ, съ его общеполитической линіей поведенія, онъ находитъ ее государственной, глубоко выдержанной и правильно намѣченной. Дѣйствія сибиряковъ и ихъ Правительства были проникнуты глубокой лойяльностью по отношенію къ всероссійскому цѣлому и стремленіемъ, какъ можно, скорѣе достичь всероссійскаго единства и помочь возсозданію россійской государственности. Никакой аналогіи между дѣйствіями Вр. Сиб. Правительства и дѣйствіями печальной памяти украинской рады Авксентьевъ не видитъ.

Второе Челябинское совѣщаніе.

Долго шли пререканія, гдѣ и въ какомъ составѣ соберется предварительное совѣщаніе для организаціи всероссійской власти. Долго это совѣщаніе откладывалось изъ-за неясности соотношенія силъ. Каждая сторона разсчитывала и хотѣла побѣдить, потому что единства между Омскомъ и Самарою не было и не могло быть. Наконецъ, 23 августа совѣщаніе открылось опять въ Челябинскѣ, на границѣ Сибири съ Европейскою Россіей.

Присутствовали представители отдѣльныхъ правительствъ, Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, казачьихъ войскъ, центральныхъ комитетовъ партій и національныхъ группъ. Въ качествѣ почетныхъ членовъ—предсѣдатель чехо-словацкаго національнаго Совѣта Павлу и представители союзныхъ миссій. Совѣщаніе открыто было старшимъ его членомъ Брешко-Брешковской. Предсѣдателемъ избранъ Н. Д. Авксентьевъ, товарищами министръ финансовъ Сибири И. А. Михайловъ и членъ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія Е. Ф. Роговскій.

Вопреки первоначальнымъ ожиданіямъ, засѣданіе прошло мирно. Съ полнымъ единодушіемъ было рѣшено допустить на совѣщаніе представителей всѣхъ претендовавшихъ на это группъ: временнаго областного правительства Урала, киргизскаго правительства Алашъ-Орды, національнаго управленія тюрко-татаръ внутри Россіи и Сибири, временнаго правительства Туркестана, башкирскаго правительства и съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья. Мотивами ко включенію въ комиссію спорныхъ представителей послужило, главнымъ образомъ, отсутствіе исчерпывающаго опредѣленія, что надо разумѣть подъ отдѣльными правительствами, большое количество и разнообразіе правительственныхъ образованій на государственномъ организмѣ Россіи за послѣднее время и необходимость, въ виду этого, руководствоваться не столько государственными правовыми принципами, сколько необходимостью утвердить авторитетъ настоящаго совѣщанія.

Всѣ стороны обнаружили склонность къ уступкамъ и къ взаимному соглашенію; характерно, что ни разу не приходилось прибѣгать къ голосованію, всѣ рѣшенія принимались по соглашенію, рѣчи отличались спокойствіемъ и выдержкой. Допущеніе многочисленныхъ организацій и заключеніе о нихъ мандатной комиссіи исходили изъ желанія болѣе полнаго представительства населенія, но не связывалось съ законностью или незаконностью права на власть того или иного правительства.

Но Челябинское совѣщаніе было только прелюдіей. Страсти должны были разгорѣться при рѣшеніи вопроса о личномъ составѣ самаго совѣщанія. Было рѣшено созвать это совѣщаніе въ Уфѣ.

Делегація эсеровъ у Вологодскаго.

Еще въ Томскѣ, во время сессіи Областной Думы, къ предсѣдателю Совѣта министровъ явилась делегація партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ ея составѣ были Кроль, Фельдманъ, Гольдбергъ и еще двое—всѣ киты сибирской эсеровщины. Хотя эта делегація принималась Сибирскимъ Правительствомъ in corpore, но, въ виду просьбы самой делегаціи объ удаленіи „посторонних“ лицъ, я не присутствовалъ на пріемѣ и узналъ о содержаніи бесѣды изъ разговоровъ съ членами Правительства.

Рѣчь шла о делегатахъ Правительства на совѣщаніе объ организаціи всероссійской власти. Партія „договаривалась“ съ Правительствомъ о томъ, что Гришинъ-Алмазовъ и Михайловъ не будутъ командированы въ качествѣ делегатовъ.

Повидимому, это было обѣщано и выполнено. Михайловъ самъ отказался, а Гришина-Алмазова устранили совершенно.

Когда, послѣ пріѣзда изъ Омска, происходило первое засѣданіе Сибирскаго Правительства, Шатиловъ заявилъ, что для него вопросъ о лицахъ, командируемыхъ на совѣщаніе, и вопросъ о резиденціи являются настолько существенными, что отъ того или другого рѣшенія зависитъ его дальнѣйшее участіе въ составѣ Правительства.

Подобные ультиматумы Шатилова всегда обнаруживали, какія инструкціи онъ получилъ отъ партіи.

Административный Совѣтъ.

Поучительная сессія Думы обнаруживала политическую немощность Сибирскаго Правительства, его неспособность самостоятельно, безъ помощи управляющихъ министерствами, т. е. дѣлового аппарата управленія, находить опредѣленную линію поведенія и проводить ее въ жизнь, не поддаваясь вліяніямъ. Мысль о созданіи Административнаго Совѣта, о которомъ говорилось еще во времена Западно-Сибирскаго Комиссаріата, опять стала злободневной. Обстоятельства складывались благопріятно. Министръ Крутовскій уѣхалъ, Вологодскій стремился въ отпускъ, отдохнуть, одинъ изъ министровъ долженъ былъ поѣхать на Государственное Совѣщаніе. Стало быть, кворумъ Правительства исчезалъ, кому-нибудь надо было передать законодательную власть.

Такъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, одіозная идея Административнаго Совѣта, легализировавшая политическое вліяніе дѣлового аппарата, получила признаніе. Постановленіе объ учрежденіи Административнаго Совѣта, помѣченное 24 августа 1918 г. (Собр. Узак. Сиб. Прав. № 9, ст. 82), подписано Вологодскимъ, Патушинскимъ, Серебренниковымъ и даже Шатиловымъ. Предсѣдателемъ Административнаго Совѣта былъ назначенъ членъ Правительства Серебренниковъ.

Самыми важными правами Административнаго Совѣта было право обсуждать всѣ проекты постановленій и общихъ распоряженій Совѣта министровъ, разсматривать кандидатуры на важнѣйшія административныя должности и право рѣшать окончательно всякія дѣла, переданныя на окончательное рѣшеніе Административнаго Совѣта. Первое связывало Правительство солидарнымъ мнѣніемъ незамѣнимой въ то время группы фактическихъ министровъ, а послѣднее давало возможность Административному Совѣ-

ту выступать иногда въ качествѣ полномочнаго замѣстителя Совѣта министровъ.

Къ этому времени Административный Совѣтъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: проф. Сапожникова (народное просвѣщеніе), Гришина-Алмазова (военное министерство), инж. Степаненко (пут. сообщ.), проф. Гудкова (торг. и промышл.), доц. Петрова (земледѣліе), прис. повѣрен. Старынкевича (мин. внутр. дѣлъ), Зефирова (продов. дѣло), Шумиловскаго (минист. труда), Морозова (мин. юстиціи), прив.-доц. Головачева (мин. иностр. дѣлъ), Буяновскаго (мин. финанс.) и проф. Гинса (управл. дѣлами Сов.мин.).

Всѣ эти лица, принадлежавшія къ различнымъ политическимъ группамъ, связаны были постоянною общностью и дружностью работы, протекавшей съ воодушевленнымъ напряженіемъ. Я помню, что въ теченіе іюня—августа я только нѣсколько вечеровъ располагалъ свободными часами, которые могъ посвятить личной жизни. Съ утра до поздней ночи, съ перерывомъ только на обѣдъ, мы просиживали за работой или на засѣданіяхъ, и въ это время работа дѣйствительно шла и гладко и плодотворно. Наладилось продовольственное дѣло, стали заполняться сберегательныя кассы, шла подготовка къ организаціи сибирской арміи, постепенно вносился порядокъ во всѣ отрасли управленія.

Сила Административнаго Совѣта заключалась *въ его безпартійности*. Эта коллегія руководилась идеями *реальной политики* и ставила передъ собою *дѣловыя, практическія* задачи момента.

Нѣсколько характеристикъ.

Частныя совѣщанія дѣлового кабинета происходили обычно подъ предсѣдательствомъ проф. *Сапожникова*. Этотъ извѣстный ученый изслѣдователь, ботаникъ по спеціальности, выдающійся профессоръ и смѣлый путешественникъ по Алтаю, Монголіи и Алатау (въ Семирѣчьи), совершившій до 20 экскурсій и сохранившій всю энергію и бодрость, несмотря на свои 56 лѣтъ—проявилъ большую выдержку и тактъ, какъ предсѣдатель. Опытъ ректора Томскаго Университета, которымъ былъ В. В. Сапожниковъ, пріучилъ его къ объективному и ровному отношенію къ различнымъ мнѣніямъ, и его резюме бывали вполнѣ безпристрастны и правильно передавали оттѣнки высказанныхъ мыслей.

Но, какъ политическій дѣятель, проф. Сапожниковъ терялъ отъ этой, быть можетъ, именно во времена ректорства сложив-

Сибирская Областная Дума. Предсѣдательствуетъ И. А. Якушевъ. Справа отъ него, противъ публики, Г. Н. Потанинъ. Въ ложѣ министровъ Вологодскій, позади него Гришинъ—Алмазовъ, Крутовскій. Въ первомъ ряду Адріановъ, Новомбергскій.

шейся въ немъ склонности искать компромиссныхъ, „соглашательскихъ“ выходовъ, проводить не свою, а среднюю точку зрѣнія, что вполнѣ умѣстно въ академической жизни, но едва ли полезно въ дѣлѣ управленія государствомъ.

Въ періодъ управленія Сибирскаго Правительства эта черта В. В. Сапожникова мало давала себя знать, потому что единодушіе членовъ Административнаго Совѣта по всѣмъ основнымъ вопросамъ было полное, но она сказалась на выборахъ Директоріи, куда Сапожниковъ былъ делегированъ отъ Сибирскаго Правительства.

Гришинъ-Алмазовъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, ушедшій съ войны въ чинѣ подполковника, отличался ясностью ума, точностью и краткостью слога. Онъ отлично говорилъ, безъ цвѣтистости и пафоса, но съ темпераментомъ и убѣдительностью. Доклады его въ Совѣтѣ министровъ были всегда удачны. Съ его стороны не проявлялось упрямства и своеволія, онъ былъ лойяленъ къ власти, но не скрывалъ, что, представляя реальную силу, онъ требуетъ, чтобы съ нимъ считались. Его тенденціи были очень опредѣленны. Онъ стремился къ созданію всероссійскаго правительства, по сохраненію сибирской арміи. Его симпатіи были на сторонѣ единовластія, но онъ считалъ *тактически* несвоевременнымъ останавливаться на этой формѣ власти. Я не зналъ въ Омскѣ военнаго, который бы годился больше, чѣмъ Гришинъ, для управленія военнымъ министерствомъ въ демократическомъ кабинетѣ.

Недостаткомъ Гришина была его самоувѣренность. Онъ былъ убѣжденъ въ неспособности всѣхъ прочихъ конкурировать съ его вліяніемъ и значеніемъ въ военныхъ кругахъ. Онъ игнорировалъ министровъ Сибирскаго Правительства, забывая, что это можетъ вооружить ихъ противъ него, и, дѣйствительно, нажилъ себѣ враговъ, напримѣръ, Патушинскаго, исключительно на личной почвѣ, изъ-за не отданнаго визита. Даже Вологодскій „имѣлъ зубъ“ противъ Гришина, который, какъ ему казалось, оказывалъ Предсѣдателю Совѣта министровъ недостаточное уваженіе. Все это проистекало исключительно изъ-за молодой самовлюбленности генерала, не интересовавшагося тѣмъ, какъ къ нему относятся окружающіе.

Важное дѣло управленія путями сообщенія попало въ надежныя руки инж. *Степаненко.* Онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые блещутъ знаніями или способностями, но онъ обладалъ большимъ опытомъ стараго желѣзнодорожника (ему было 52 года). Онъ добился высшаго образованія путемъ настойчивой работы, преодолѣвая лишенія, и послѣ окончанія Технологическаго

Института намѣренно прошелъ школу простого труда, въ качествѣ линейнаго служащаго. Революція застала его на отвѣтственномъ посту завѣдывавшаго Владивостокскими мастерскими, гдѣ производилась сборка американскихъ вагоновъ и паровозовъ, а большевистскій переворотъ—на посту помощника управляющаго Омскою желѣзною дорогой.

Какъ управляющій министерствомъ путей сообщенія, Степаненко обнаружилъ смѣлость и твердость. Онъ рѣшительно насаждалъ дисциплину и проводилъ принципъ сдѣльной оплаты труда, на который перешли теперь и большевики.

Проф. Гудковъ, ставшій во главѣ министерства торговли и промышленности—еще молодой человѣкъ. Онъ родился въ 1880 г. По спеціальности онъ геологъ, по происхожденію сибирякъ, много работавшій въ различныхъ горныхъ районахъ Сибири и Урала. По политическимъ убѣжденіямъ, онъ заявилъ себя сочувствующимъ соціалъ-демократамъ меньшевикамъ, но, въ сущности, былъ всегда безпартійнымъ.

Этотъ симпатичнѣйшій человѣкъ обнаруживалъ, однако, нѣкоторую безхарактерность и, казалось, тяготился своей ролью министра, къ которой чувствовалъ себя мало подготовленнымъ; онъ находился подъ вліяніемъ своего товарища, Виттенберга, человѣка самоувѣреннаго и мало симпатизировавшаго Правительству.

Управляющій министерствомъ земледѣлія, доцентъ *Петровъ*, коренной сибирякъ, тоже молодой человѣкъ, 34 лѣтъ, экономистъ по образованію, много занимался экономической географіей Сибири теоретически, а въ качествѣ завѣдывавшаго статистическими работами Акмолинскаго переселенческаго района, онъ близко соприкасался съ ея реальной жизнью. Онъ хорошо зналъ всѣ части Азіатской Россіи, такъ какъ служилъ и на Д. Востокѣ и въ Омскѣ.

Петровъ, несомнѣнно, передовой человѣкъ, но ярый ненавистникъ всякой демагогіи. Его выступленія были ярче, когда онъ нападалъ, но въ нихъ не всегда проявлялась необходимая министру сдержанность.

Отвѣтственное министерство внутреннихъ дѣлъ оказалось обиженнымъ судьбою. Съ самаго свержения большевиковъ и до паденія Директоріи оно оставалось, въ сущности, безхозяйнымъ. Твердаго и опытнаго администратора, который сумѣлъ бы намѣтить программу укрѣпленія государственности въ странѣ и провести эту программу въ жизнь, не находилось. Крутовскій былъ человѣкъ здравомыслящій, но онъ не интересовался министер-

ствомъ; смотрѣлъ на свое управленіе имъ, какъ на временное, и больше удѣлялъ вниманія дѣламъ родной ему Енисейской губерніи, чѣмъ прочимъ. По рекомендаціи Патушинскаго, оговорившагося, впрочемъ, что онъ лично не любитъ этого человѣка, но находитъ его подходящимъ—былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ присяжн. повѣрен. *Старынкевичъ*, проходившій судебный и адвокатскій стажъ и проявившій себя въ періодъ съ 1904 по 1917 г. г. активнымъ политическимъ дѣятелемъ. Политическая физіономія Старынкевича была неясна. Хотя онъ и называлъ себя примыкающимъ къ соціалистамъ-революціонерамъ, но среди послѣднихъ онъ былъ „вороной въ павлиньихъ перьяхъ". Его повадки были чисто буржуазными, и его революціонность казалась напускной, исключительно для политической карьеры. Онъ работалъ и въ адвокатскомъ союзѣ и въ революціонной организаціи солдатъ и офицеровъ. Попавъ въ Сибирь, въ ссылку, онъ поселился, по отбытіи срока, въ Иркутскѣ, гдѣ состоялъ юрисконсультомъ многихъ фирмъ и хорошо зарабатывалъ. Старынкевичъ былъ хорошо знакомъ съ Керенскимъ; онъ вообще обнаруживалъ тяготѣніе къ кругамъ, стоявшимъ у власти. На постъ управляющаго министерствомъ онъ былъ приглашенъ съ должности прокурора Иркутской Палаты, которую занялъ въ 1917 г.—42 лѣтъ отъ роду.

Старынкевичъ намѣтилъ правильную программу дѣятельности, но проявилъ мало воли для ея осуществленія. Въ своемъ интервью („Сибир. Вѣст." № 18) онъ указалъ на необходимость координаціи дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей при исключительныхъ положеніяхъ, замѣщенія должностей управляющихъ губерніями лицами, независимыми отъ партій и авторитетными, на необходимость созданія хорошей милиціи и финансовой поддержки самоуправленій. Въ этой программѣ было, однако, мало конкретности: какъ именно будутъ выполнены намѣченныя задачи, оставалось неяснымъ.

Вступивши въ управленіе министерствомъ въ августѣ, Старынкевичъ въ сентябрѣ поѣхалъ въ Уфу, на Государственное Совѣщаніе, и вернулся оттуда уже министромъ юстиціи Всероссійскаго Правительства.

Министерство продовольствія принялъ *Зефировъ*. Его стажъ— разнообразная практическая дѣятельность, сначала статистика, потомъ продовольственнаго работника. Онъ былъ хорошимъ уполномоченнымъ министерства продовольствія, а потомъ инспекторомъ продовольственныхъ организацій въ Западной Сибири. За-

нявъ постъ управляющаго министерствомъ продовольствія, онъ принялся за дѣло съ большимъ рвеніемъ и пользовался поддержкой какъ буржуазнаго міра, такъ и кооперації. По прежней своей дѣятельности онъ хорошо зналъ всѣхъ, причастныхъ къ торговлѣ продовольственными продуктами. Благодаря, однако, своему природному добродушію и молодости (ему было 32 г.), онъ слишкомъ довѣрялся своимъ сотрудникамъ. Помимо того, онъ расположенъ былъ къ домашнему кейфу и въ послѣднія стадіи его пребыванія у власти сталъ полѣниваться.

Разнообразіе предыдущей дѣятельности пріучило Зефирова смѣло высказываться по любому вопросу. Сынъ учителя духовнаго училища, постояннаго земскаго гласнаго, онъ съ гимназическихъ лѣтъ сотрудничалъ съ отцомъ въ дорожномъ, учебномъ, кредитномъ дѣлѣ. Въ качествѣ статистика, Зефировъ участвовалъ въ изслѣдованіяхъ инородческаго хозяйства и условій проведенія Волго-Донского канала и Южно-Сибирской магистрали. Во время службы въ Благовѣщенскѣ работалъ и надъ изученіемъ золотопромышленности, и въ мѣстномъ рабочемъ бюро, и въ городскомъ кооперативѣ. Все это служило несомнѣннымъ признакомъ живости характера и любознательности Зефирова, давало ему большой опытъ, но пріучало къ нѣкоторой самоувѣренности и „легкости“ выводовъ и рѣшеній.

Интересной фигурой въ Административномъ Совѣтѣ былъ *Л. И. Шумиловскій,* учитель по профессіи, соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, пробывшій на фронтѣ сначала солдатомъ, а потомъ военнымъ чиновникомъ, почти всю войну и послѣ революціи занявшій видное мѣсто выборнаго члена армейскаго комитета 9-ой арміи. При его литературныхъ и ораторскихъ способностяхъ и сравнительной молодости (41 г.), онъ могъ играть крупную роль, но, благодаря нѣкоторымъ своимъ привычкамъ, особенно развивающимся въ военной обстановкѣ, онъ терялъ значительную часть своей работоспособности и энергіи и, какъ онъ правильно говорилъ самъ о себѣ, оживалъ лишь по вечерамъ, когда его голова работала всегда ярче.

Ближайшимъ сотрудникомъ Патушинскаго и членомъ Административнаго Совѣта являлся по вѣдомству юстиціи *А. П. Морозовъ*, бывшій предсѣдатель барнаульскаго окружнаго суда. Этотъ почтенный человѣкъ, въ высшей степени честный и добросовѣстный, съ большою неохотою, подъ давленіемъ товарищей по службѣ, согласился принять на себя обязанности товарища министра и былъ на этомъ посту не политическимъ дѣятелемъ, а честнымъ и трудолюбивымъ чиновникомъ.

Pro domo sua.

Говорить о самомъ себѣ неудобно, но одно заблужденіе, прочно укоренившееся въ Сибири, мнѣ хотѣлось бы разсѣять. Молва приписывала Гинсу большее значеніе, чѣмъ въ дѣйствительности на его долю выпало. Эта молва сложилась въ первый періодъ исторіи Омска, когда правило Сибирское Правительство. Дѣйствительно, въ качествѣ управляющаго дѣлами Правительства, т. е. пяти „вѣнценосцевъ“, какъ мы шутя называли Вологодскаго, Крутовскаго и проч. избранниковъ Думы, при отсутствіи у самой этой пятерки строго продуманной политической программы, управляющій дѣлами долженъ былъ стать spiritus movens Сибирскаго Правительства. Быть можетъ, если бы я имѣлъ привычку предварительно подготавливать тѣхъ или другихъ членовъ Правительства къ намѣченному мною рѣшенію, иначе рѣшился бы вопросъ о Сибирской Областной Думѣ, и были бы избѣгнуты тѣ позднѣйшіе конфликты и интриги, которыя расшатали авторитетъ Сибирскаго Правительства. Но въ это время у меня не хватало еще политическаго опыта. Кромѣ того, мнѣ органически непріятна была роль заговорщика, и я стремился всѣми силами создать коллегіальный органъ, который могъ бы замѣнить меня въ роли подготовителя и критика политическихъ мѣропріятій. *Созданіе Административнаго Совѣта* — вотъ реальный результатъ моей дѣятельности и, можно сказать, настойчивости, съ которою я добился организаціи этого учрежденія. Добившись этого, я считалъ себя свободнымъ и стремился уйти, для занятій наукою.

Если считать Административный Совѣтъ учрежденіемъ вреднымъ, то, конечно, и моя дѣятельность должна быть оцѣнена отрицательно. Но отрицательная оцѣнка дѣятельности Административнаго Совѣта исходила только изъ партійныхъ круговъ. Кто же объективно изучитъ исторію работъ Совѣта и его политики, тотъ не осудитъ его.

Наряду съ политикою, мнѣ приходилось вести большую техническую работу. На меня падала почти цѣликомъ обязанность редактированія законодательныхъ актовъ, правительственныхъ заявленій, рѣчей, декларацій и т. д., и я приложилъ всѣ усилія, чтобы создать государственную внѣшность Сибирскому Правительству. Въ этомъ было главное содержаніе моей работы.

Увольненіе Гришина-Алмазова.

Кто изъ состава Административнаго Совѣта могъ быть наиболѣе одіозенъ партійнымъ лѣвымъ кругамъ? Сапожниковъ, Гуд-

ковъ, Степаненко, Шумиловскій, Зефировъ и др.—все это лица, политически не представлявшіяся опасными, смѣщеніе которыхъ притомъ, если бы оно понадобилось, было бы нетруднымъ. Одинъ только Гришинъ-Алмазовъ представлялся силою, съ которою слѣдовало бороться, потому что за нимъ стояла—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось—армія.

Вологодскаго и Шатилова настроили надлежащимъ образомъ въ Томскѣ. Патушинскій ненавидѣлъ Гришина, главнымъ образомъ, изъ личной антипатіи и зависти. Его раздражала даже внѣшность Гришина. „Это не офицеръ, а актеръ или журналистъ, или кто хотите", говорилъ онъ.

Большинство противъ Гришина въ пятеркѣ было обезпечено. Оставалось только найти поводъ.

Въ концѣ августа Вологодскій уѣхалъ на короткое время въ отпускъ, я тоже. На политическомъ горизонтѣ все казалось безмятежно спокойнымъ. Я жилъ въ деревнѣ, въ 60 верстахъ отъ Омска.

Въ это время производился призывъ. Нехотя, деревня подчинялась, мобилизація происходила успѣшно, но при обычной картинѣ набора—съ неизбѣжнымъ пьянствомъ и буйствомъ.

Хотя деревня и славилась, какъ дачное мѣсто, но ничего привлекательнаго въ ней въ ту пору уже не было. Природа увядала: сказывался конецъ августа, когда солнечное тепло неожиданно уступало мѣсто холодному вѣтру, а бирюзовое небо заволакивалось въ сѣрый плащъ легкихъ, но непривѣтливыхъ облаковъ. Единственно, что подкупало утомленнаго горожанина—это безмятежный покой. Даже пароходы проходили здѣсь, не останавливаясь, безшумно и рѣдко, и никакихъ новостей не доносилось и, вѣрно, долго не донеслось бы, несмотря на близость столицы, хотя бы тамъ происходилъ коренной переворотъ.

— Зачѣмъ эта война? недоумѣвали крестьяне.

— Зачѣмъ втягивать церковь въ политику? возмущался священникъ, выгружая сѣно:—развѣ красные не люди, и мы не должны за нихъ молиться?

Такова была сибирская деревня, замкнутая въ себѣ самой, оторванная отъ міра, равнодушная.

Черезъ нѣсколько дней уже хотѣлось вырваться изъ этого дикаго спокойствія и равнодушія, нарушаемаго лишь ночнымъ буйствомъ и пьяными криками. И вдругъ непривычный шумъ мотора—и черезъ нѣсколько минутъ я читаю записку Вологодскаго.

„Вызванный Совѣтомъ экстренно, я уже въ Омскѣ. Очень прошу Васъ пріѣхать, тотчасъ по полученіи этой записки, въ Омскъ.

Мнѣ надо серьезно съ Вами переговорить передъ поѣздкой на Дальній Востокъ. Можетъ быть, Вы поѣхали бы со мной.“

Это было 4 сентября. Въ тотъ же день я былъ въ Омскѣ.

Меня ожидали большія новости: Гришинъ-Алмазовъ, въ виду его выступленія противъ союзниковъ, отстраненъ отъ должности, по настоянію товарища министра иностранныхъ дѣлъ, Головачева.

Какъ фактъ увольненія, такъ и мотивы его показались мнѣ не только неожиданными, но и совершенно невѣроятными.

Послѣ недѣли отсутствія въ Омскѣ, я не могъ ничего понять.

Головачевъ никогда не пользовался расположеніемъ Гришина, и его выступленіе противъ генерала было понятно. Но мотивы! Не кто иной, какъ Головачевъ, всегда призывалъ Сибирское Правительство не высказываться опредѣленно противъ Германіи, потому что „судьбы Господни неисповѣдимы“. Дружба Головачева съ генераломъ Бѣловымъ (въ дѣйствительности не Бѣловымъ, а Виттекопфомъ) давала поводъ подозрѣвать молодого дипломата въ германофильствѣ.

Именно Гришинъ настаивалъ, чтобы Совѣтъ министровъ декларировалъ свое твердое намѣреніе возстановить русско-германскій фронтъ, и не кто иной, какъ Головачевъ, противодѣйствовалъ подобному заявленію.

Въ началѣ августа Совѣтъ Министровъ опубликовалъ слѣдующую декларацію:

„Освобожденіе земли Сибирской близится къ концу. Настаетъ пора для Сибири приступить къ разрѣшенію новыхъ, еще болѣе трудныхъ и отвѣтственныхъ задачъ, начертанныхъ на ея знамени: ей предстоитъ содѣйствовать возстановленію другихъ частей Россійскаго Государства, раздробленнаго Брестскимъ миромъ, котораго не признаютъ народы Россіи.

Для осуществленія этихъ задачъ Временное Сибирское Правительство считаетъ своимъ первѣйшимъ долгомъ создать сильную и мощную духомъ армію и объявляетъ призывъ въ ряды войскъ двухъ молодыхъ годовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Временное Сибирское Правительство выражаетъ увѣренность въ томъ, что быстрое возрожденіе государственности въ Сибири и ея молодой, но славной арміи, явится залогомъ того, что придетъ день, когда истерзанная и плѣненная врагами Россія станетъ вновь свободной и великой“.

Гришинъ-Алмазовъ въ это время находился въ Челябинскѣ. Онъ былъ взбѣшенъ эзоповскимъ языкомъ декларації, въ которой не говорилось, какъ относится само Правительство къ Брестскому

миру, и намѣрено ли оно послать сибирскую армію на русско-германскій фронтъ.

Гришинъ *категорически требовалъ* яснаго заявленія по этому вопросу. Тонъ его требованія показался Вологодскому дерзкимъ, и съ этого времени Вологодскій сталъ считать Гришина опаснымъ человѣкомъ.

Вопреки протестамъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, составлено было *новое* заявленіе, въ совершенно иномъ тонѣ.

„Россія воскресаетъ. Освобождены почти вся Сибирь, Уралъ и Поволжье. Каждый день приноситъ новую побѣду государственности надъ гнетомъ насилія и анархіи. Близится день, когда сибирская армія съ другими братскими и союзными силами станетъ въ ряды борцовъ на новомъ русско-германскомъ фронтѣ.

Временное Сибирское Правительство считаетъ Сибирь частью нераздѣльной Россіи. Вмѣстѣ со всей Россіей оно не признаетъ Брестскаго мира и, въ предвидѣніи грядущаго объединенія областныхъ правительствъ подъ одной общероссійской властью, торжественно заявляетъ, что всѣ договоры и обязательства передъ союзниками такъ же обязательны для Сибири, какъ и для прочихъ частей Россіи, и что во имя общероссійскихъ и союзныхъ интересовъ, сибирская армія готовится къ совмѣстной съ союзниками міровой борьбѣ.“

— Значитъ, вы объявляете войну Германіи? сказалъ товарищъ министра Головачевъ, выслушавъ это заявленіе.

Шатиловъ вздохнулъ, почти со стономъ.

Тѣмъ не менѣе, заявленіе подписали всѣ пять министровъ, а контрассигнировали Гришинъ-Алмазовъ и я.

И вотъ теперь этотъ самый Гришинъ-Алмазовъ обвиняется въ выступленіи противъ союзниковъ!

Какъ оказалось, Гришинъ-Алмазовъ въ Челябинскѣ, послѣ ужина съ выпивкой, возбужденный очень рѣзкими и непріятными для русскаго патріота ироническими замѣчаніями англійскаго консула въ Екатеринбургѣ, бросилъ замѣчаніе, что „русскіе менѣе нуждаются въ союзникахъ, чѣмъ союзники въ русскихъ, потому что только одна Россія можетъ сейчасъ выставить свѣжую армію, которая, въ зависимости отъ того, къ кому она присоединится, рѣшитъ судьбу войны“.

Эти слова генерала дали поводъ для выступленія иркутскаго консульскаго совѣта, поднялся шумъ, и враги Гришина рѣшили использовать моментъ.

Успѣху похода противъ Гришина помогли, какъ всегда, интриги въ военной средѣ. Честолюбивый Ивановъ-Риновъ, который самъ по себѣ не рискнулъ бы выступить противъ начальства, въ данной обстановкѣ не сталъ, конечно, отклонять отъ себя столь легко дававшуюся карьеру. Все это концентрировалось вокругъ него, жаждало сверженія Гришина, въ чаяніи повышеній въ чинахъ и должностяхъ.

Указъ объ увольненіи Гришина былъ подписанъ. Уволенъ былъ безъ прошенія, безъ назначенія на какую-либо другую должность, человѣкъ, которому Сибирское Правительство адресовало спеціальную Грамату съ признаніемъ его заслугъ. Такое увольненіе не предвѣщало ничего хорошаго. Оно могло внести только деморализацію. Можно ли уважать начальство, которое возносится и свергается съ такою легкостью? Революціи отучаютъ отъ уваженія къ власти, непрочность которой постоянно иллюстрируется переворотами. Безпричинныя смѣщенія должностныхъ лицъ разлагаютъ государство еще больше.

Нѣсколько дней было заполнено борьбой, возникшей на почвѣ отставки Гришина. Административный Совѣтъ понялъ политическую опасность такого произвола со стороны Правительства, которое и не подумало спросить мнѣнія своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ и труды и рискъ начатаго дѣла. Мы—„избранники“, а вы кто? вызывающе спрашивалъ Патушинскій, отлично знавшій, что избранія не было, что выборы въ *подпольномъ* засѣданіи какихъ-нибудь двухъ десятковъ эсеровъ изъ ста пятидесяти членовъ Областной Думы, безъ соблюденія элементарныхъ правилъ голосованія, были политической авантюрой, и что картина „выборовъ“ скрывалась, только для того, чтобы сохранить „лицо“ власти. И вдругъ „избранники“ дѣйствительно возомнили себя вѣнценосными носителями народнаго суверенитета!

Административный Совѣтъ рѣзко выступилъ противъ Правительства, но не изъ-за Гришина, какъ такового, котораго вообще мало знали, потому что онъ, какъ я уже говорилъ, не заботился о сближеніи съ представителями гражданской власти, ограничившись дружбою съ однимъ лишь Михайловымъ. Правда, многихъ смущало назначеніе замѣстителемъ Гришина Иванова-Ринова, человѣка, несомнѣнно, старорежимнаго, да еще и съ „полицейскими“ привычками. Онъ обладалъ безспорными способностями, но по чуткости и тактичности не могъ и сравниваться съ Гришинымъ. Однако, личный вопросъ былъ отброшенъ.

Административный Совѣтъ потребовалъ гарантій того, что впредь подобнаго рода политическіе шаги Правительства безъ вѣдома Административнаго Совѣта предприниматься не будутъ.

Расширеніе правъ Административнаго Совѣта.

Подъ предсѣдательствомъ Сапожникова состоялось нѣсколько частныхъ засѣданій членовъ Административнаго Совѣта. Правительству былъ предъявленъ ультиматумъ, подкрѣпленный угрозою уйти въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ штатомъ высшихъ чиновъ, такъ какъ послѣдніе выражали солидарность съ министрами. Угрозу не пришлось, однако, пускать въ ходъ. Правительство и безъ того чувствовало себя неудобно и отлично понимало, что уходъ фактически незамѣнимыхъ работниковъ создалъ бы серьезный кризисъ.

Было занесено въ журналъ постановленіе Совѣта министровъ, что лица, занимающія должности 2 и 3 класса, не будутъ впредь увольняться безъ вѣдома Административнаго Совѣта, что безъ участія Административнаго Совѣта не будутъ разрѣшаться не только вопросы законодательнаго характера, но и такіе, какъ посылка делегацій съ политическими порученіями. Административный Совѣтъ поставилъ на очередь и вопросъ объ Областной Думѣ. Онъ опредѣленно высказался противъ созыва новой сессіи Думы, но Правительство не согласилось на это.

Что дѣлалось въ это время въ Совѣтѣ министровъ, я не знаю. Хотя я оставался управляющимъ дѣлами, но меня не приглашали на засѣданія. Предсѣдатель Совѣта министровъ объяснилъ мнѣ, что засѣданія носятъ такой неприличный характеръ, вслѣдствіе постоянныхъ личныхъ столкновеній между отдѣльными министрами (главнымъ образомъ, Михайловымъ и Патушинскимъ), что невольно хочется придать имъ замкнутый характеръ.

Административный Совѣтъ озабоченъ былъ поддержкою престижа Правительства и сохраненіемъ его цѣльности. Поэтому онъ не настаивалъ на оставленіи Гришина-Алмазова, разъ приказъ о немъ уже подписанъ. Не настаивалъ онъ и на томъ, чтобы было отказано въ возобновленіи работъ Думы, такъ какъ Правительство уже связало себя обѣщаніемъ. Но Административный Совѣтъ поставилъ условіемъ предоставленіе ему, на время отъѣзда изъ Омска большинства членовъ Правительства, права роспуска Думы.

Право это было Административному Совѣту предоставлено (Собр. Узак. № 10).

Послѣдняя ночь власти Гришина.

Административный Совѣтъ еще засѣдалъ вечеромъ 5-го сентября, обсуждая вопросъ—требовать или не требовать возстановленія Гришина, когда появился Головачевъ. Въ эти дни онъ постоянно приходилъ и уходилъ съ засѣданій и какъ будто занимался только рекогносцировками. Онъ сообщилъ, что Ивановъ-Риновъ уже вступилъ въ исполненіе обязанностей командарма, и что о вступленіи новаго командарма въ должность дано знать по прямому проводу всѣмъ частямъ.

Я, управляющій дѣлами, не зналъ ничего не только о подписаніи, но и объ изготовленіи подобныхъ указовъ—о назначеніи Иванова и увольненіи Гришина. Мнѣ даже неизвѣстно было ничего о томъ, что какіе-либо указы отправлялись черезъ Управленіе дѣлами. И, дѣйствительно, они не отправлялись черезъ Управленіе дѣлами. Правительство было въ заговорѣ противъ своего же Управленія. Все это было проявленіемъ „дипломатическаго“ искусства Головачева, который на это время даже поселился у Вологодскаго, въ цѣляхъ ускоренія сношеній съ нимъ.

Сообщеніе Головачева оказалось правильнымъ, и Административный Совѣтъ отложилъ окончательное разрѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня.

Поздно ночью къ моей квартирѣ подъѣхалъ автомобиль. Раздался звонокъ. Гришинъ-Алмазовъ проситъ меня къ себѣ. Ворча на судьбу политическаго дѣятеля, не знающаго покоя ни днемъ ни ночью, но чувствуя неловкость отказа человѣку, котораго удаляютъ, я рѣшилъ поѣхать.

У Гришина я встрѣтилъ Михайлова, Пепеляева (покойнаго премьера) и Павловскаго (какъ оказалось потомъ, авантюриста, выдававшаго себя за представителя Франціи). Гришинъ объяснилъ мнѣ, что онъ находится въ затрудненіи, какъ поступить. Обратиться за поддержкой къ войскамъ онъ не хочетъ. Въ городѣ собрано много новобранцевъ. Всякая попытка сопротивленія власти, споръ между генералами—сразу развратили бы эту молодежь. Желаніе Гришина одно—оформить все такъ, чтобы не повторялась корниловская исторія.

Ивановъ вступилъ въ исполненіе должности, не дожидаясь приказа со стороны Гришина о передачѣ должности. Гришинъ же не получилъ никакого указа объ увольненіи, такъ какъ этотъ указъ былъ непосредственно врученъ Иванову.

Поэтому Гришинъ рѣшилъ послать письма Вологодскому и Иванову съ увѣдомленіемъ, что онъ не считаетъ себя законно уволеннымъ, пока не получитъ указа объ увольненіи, и до тѣхъ поръ не сдастъ командованія арміей.

Это рѣшеніе было всѣми одобрено. Я не счелъ нужнымъ, однако, скрывать отъ Гришина, что, по моему мнѣнію, практическихъ результатовъ его письмо имѣть не будетъ. Вручить это письмо Предсѣдателю Совѣта министровъ я отказался, считая, что я присутствовалъ при его составленіи, только какъ частное лицо.

Уѣзжая, я спросилъ Гришина, какъ относится къ нему гарнизонъ, и назвалъ ему фамиліи офицеровъ, которыхъ видѣлъ днемъ и съ которыми говорилъ о Гришинѣ и Ивановѣ.

— Все это преданные мнѣ люди, сказалъ Гришинъ.

— Вы ошибаетесь, возразилъ я. Сегодня они выражали радость по поводу вашего ухода, считая Иванова болѣе способнымъ администраторомъ. А какъ къ вамъ относятся чехи?

— Чехи? Они всегда приходили въ ужасъ, услышавъ о моемъ желаніи уйти въ отставку.

Впослѣдствіи мнѣ сообщили, что Гришинъ дѣлалъ попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряженіе было перехвачено. Я считаю это сообщеніе похожимъ на правду. Въ эту ночь я увидѣлъ въ Гришинѣ маленькаго, честолюбиваго и самоувѣреннаго человѣчка, не умѣвшаго вести большой игры и довѣрявшагося случайнымъ людямъ.

Я съ большимъ сожалѣніемъ вспоминаю объ этомъ способномъ человѣкѣ, который такъ подходилъ, по моему мнѣнію, ко времени, но... amicus Plato sed magis amico veritas—недостаточная солидность толкала его въ авантюристы. Сибирскіе эсеры и Сибирское Правительство окончательно толкнули его на этотъ путь, лишивъ Сибирь одного изъ наиболѣе любившихъ ее офицеровъ.

Первые шаги Иванова-Ринова.

На слѣдующій же день по вступленіи Иванова-Ринова въ командованіе сибирской арміей, имъ отданъ былъ приказъ о возстановленіи погонъ. Этотъ, на первый взглядъ, мало значущій приказъ—въ дѣйствительности былъ очень вреденъ. Онъ возродилъ не только погоны, но и связанное съ ними чинопочитаніе, устарѣвшую іерархію, возстановилъ значеніе и силу прежняго

генералитета. Это было началомъ реставраціи стараго армейскаго режима, гдѣ положеніе опредѣлялось чинами, а не способностями.

Неудачнымъ я считаю и второй приказъ Иванова-Ринова, изданный 13 сентября. Онъ направленъ противъ офицерства, служившаго у большевиковъ.

„Одни", говорится въ приказѣ, „поступали сознательно и активно работали въ совдепахъ. Это явные предатели.

Другіе, несознательно, изъ-за нужды и за отсутствіемъ работы, поступали на службу къ большевикамъ. Это малодушные.

Между этими двумя категоріями большая разница, но, какъ первые, такъ и вторые заслуживаютъ кары.

Предатели должны быть осуждены—ихъ мѣсто въ тюрьмѣ.

Малодушные заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія. Приказываю такихъ офицеровъ и чиновниковъ зачислять въ нестроевыя части рядовыми и только по ходатайству начальниковъ, по искупленіи вины, переводить рядовыми въ строевыя части. Въ строевыхъ частяхъ боевыми подвигами возможно окончательно искупить свою вину. Особо отличившихся предоставляю право начальникамъ назначать на командныя должности".

Сибирь, вообще бѣдная человѣческими рессурсами, не обладала, въ частности, и достаточнымъ кадромъ офицерства. Приказъ Иванова отталкивалъ отъ сибирской арміи тѣхъ, кого она должна была привлечь со стороны красныхъ.

Къ сожалѣнію, занятые въ то время первостепенными вопросами внутренней политики, мы не обратили вниманія на вопросы военно-политическіе.

Командующему арміей было предоставлено рѣшать ихъ самостоятельно. Онъ утверждалъ собственною властью и всѣ производства и назначенія по арміи, и, такимъ образомъ, военный міръ сталъ чувствовать себя самодовлѣющимъ, независимымъ отъ Правительства.

Колоссальная политическая ошибка!

Отставка Патушинскаго.

Въ теченіе тѣхъ трехъ—четырехъ дней, когда злобою дня была отставка Гришина и борьба Административнаго Совѣта за свои права, происходила глухая и ожесточенная борьба среди членовъ Правительства. Вологодскій недаромъ говорилъ о неприличіи закрытыхъ засѣданій. То заявлялъ объ уходѣ Михайловъ, то Во-

логодскій сообщалъ объ отставкѣ Патушинскаго и Шатилова. Внутреннія отношенія членовъ Правительства стали невозможными. Кто-нибудь долженъ былъ уйти.

Административный Совѣтъ боялся какихъ бы то ни было перемѣнъ. Стремясь къ укрѣпленію государственности, онъ отлично понималъ, что всякія потрясенія власти представляются опасными для всего дѣла, и настойчиво убѣждалъ подававшихъ въ отставку брать прошенія обратно. Но, послѣ выступленій Патушинскаго во время инцидента съ Гришинымъ-Алмазовымъ, послѣ проявленія съ его стороны явно вызывающаго отношенія къ Административному Совѣту и послѣ окончательнаго разрыва между нимъ и Михайловымъ, когда создалась невозможность совмѣстной дружной работы членовъ Правительства, настаивать вновь на оставленіи Патушинскаго не представлялось возможнымъ. Въ частномъ совѣщаніи Административный Совѣтъ рѣшилъ не возражать противъ отставки министра юстиціи.

Когда Вологодскій сообщилъ о рѣшеніи Патушинскаго, воцарилось гробовое молчаніе. Оно означало...согласіе.

Текстъ заявленія Патушинскаго былъ мотивированъ:

„Въ виду моего глубокаго расхожденія съ Административнымъ Совѣтомъ и возрастающимъ вліяніемъ послѣдняго на политическую дѣятельность Правительства, я не нахожу возможнымъ оставаться въ составѣ Совѣта министровъ и на посту министра юстиціи, о чемъ одновременно съ симъ довожу до свѣдѣнія Сибирской Областной Думы.“

Возобновленіе работъ Думы.

Рѣшая вопросъ о возобновленіи работъ Думы, Правительство обсуждало программу ея занятій. Опять повторилась та же исторія, что и передъ августовской сессіей. Делегація изъ Томска, обсужденіе программы, совмѣстное установленіе ея съ делегаціей Думы—и потомъ нарушеніе программы Думою.

На этотъ разъ были установлены слѣдующіе предметы занятій: 1) разсмотрѣніе мандатовъ новыхъ членовъ, избранныхъ на основаніи закона о пополненіи состава Думы, 2) переизбраніе президіума и 3) комиссіонныя работы по выборамъ въ Сибирское Учредительное Собраніе.

Административному Совѣту было предоставлено распустить Думу, если она выйдетъ изъ предѣловъ установленной программы.

Делегація на Востокъ.

Путь къ океану былъ открытъ. Чехи, подъ командою Гайды, и сибирскія войска, подъ командою генерала А. Н. Пепеляева, пробились къ Маньчжуріи, разбивъ повсюду красныхъ, и у Онона встрѣтились съ Семеновымъ и японцами. Начальникъ чехо-русскихъ войскъ Гайда не зналъ, какъ ему поступить. Одно время онъ готовъ былъ наступать на Семенова, но его уговорили попытаться достигнуть соглашенія. Японская кавалерія, переправлявшаяся черезъ Ононъ, не мало повліяла на миролюбивый исходъ. Чехи не рѣшались на столкновеніе, въ которое могли вмѣшаться и японцы.

Семеновъ призналъ власть Сибирскаго Правительства, подъ условіемъ, что всѣ производства и ордена, имъ розданные, получатъ признаніе. Сибирское Правительство выслало на Востокъ своего уполномоченнаго Загибалова и стало обдумывать вопросъ о судьбѣ дальневосточныхъ правительствъ.

Тамъ былъ прежде всего „Временный Правитель“—генералъ Хорватъ. Для всѣхъ лѣвыхъ это было страшное пугало. Одно названіе „Правитель“ приводило ихъ въ ужасъ. Генералъ Хорватъ казался имъ воскресшимъ призракомъ самодержавія.

Къ сожалѣнію, въ Россіи, при ея огромныхъ пространствахъ, неразвитой политической жизни, недостаткѣ общенія—люди мало знаютъ другъ друга. Всегда далекій отъ политики и мѣстной жизни, я и не претендовалъ на знаніе дѣятелей края, но даже Вологодскій, ходячая энциклопедія Сибири, тоже не имѣлъ никакого представленія о генералѣ Хорватѣ. Кто онъ? Смѣлый ли столюбецъ или столпъ реакціи, выдвинутый закулисными силами? Какіе у него планы, цѣли, средства? Признаетъ ли онъ Сибирское Правительство, или будетъ добиваться признанія его Правителемъ по всей освобожденной территоріи? Все это было загадкой. Никто ничего объ этомъ не зналъ.

Намъ, участникамъ омской власти, былъ, однако, страшнѣе тотъ, такъ сказать, дубликатъ Сибирскаго Правительства (Кабинетъ Дербера), который народился на Востокѣ. Его претензій не боялись только крайніе лѣвые. Совѣтъ министровъ рѣшилъ, что на Востокъ, для объединенія власти, долженъ выѣхать самъ Вологодскій. Собираясь во Владивостокъ, онъ и вызвалъ меня изъ отпуска.

Получивъ право обсужденія вопросовъ о политическихъ делегаціяхъ, Административный Совѣтъ рѣшилъ командировать вмѣ-

стѣ съ Вологодскимъ Зефирова, для непосредственной организаціи тамъ дѣла снабженія, министра путей, для переговоровъ съ союзниками о возстановленіи транспорта, военнаго министра, для организаціи военнаго снабженія, и меня, для содѣйствія Вологодскому при рѣшеніи общеполитическихъ вопросовъ.

7 сентября я получилъ отъ Вологодскаго слѣдующее письмо:

„Я очень извиняюсь передъ Вами, но теперь, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я взять Васъ въ свою экспедицію на Дальній Востокъ не могу. На Ваше мѣсто я беру старшаго юрисконсульта министерства юстиціи Вяч. Ник. Новикова.

Смѣю Васъ увѣрить, что мое довѣріе къ Вамъ осталось неизмѣннымъ".

Очевидно, послѣ побѣды надъ Гришинымъ началось наступленіе на меня. У Вологодскаго жили въ это время Шатиловъ и Головачевъ, и поговорить съ нимъ съ глазу на глазъ было трудно.

Какъ всегда, выяснить „нѣкоторыя обстоятельства" помогъ Шатиловъ. Я случайно попалъ въ кабинетъ Вологодскаго въ тотъ моментъ, когда Шатиловъ убѣждалъ премьера въ невозможности моей поѣздки на Д. Востокъ.

— Вы преступникъ! сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Шатиловъ. Вы вмѣстѣ съ Гришинымъ-Алмазовымъ подготовляли *ночью* планъ невыполненія законныхъ распоряженій власти.

— Вы плохой юристъ! отвѣтилъ я Шатилову. О своей поѣздкѣ ночью къ Гришину я разсказывалъ предсѣдателю, письмо Гришина вы читали и должны знать, что въ немъ ничего преступнаго нѣтъ, тѣмъ менѣе, значитъ, основаній вмѣнять что-либо „соучастнику"—если угодно меня таковымъ считать—въ составленіи письма.

Послѣ этого я просилъ Вологодскаго переговорить со мною съ глазу на глазъ. Наша бесѣда была задушевною и искреннею.

Я указалъ ему, что, не будучи соціалистомъ, я, по своему міровоззрѣнію, стою, во всякомъ случаѣ, въ кругу наиболѣе передовыхъ теченій, что у меня нѣтъ абсолютно никакихъ ни партійныхъ ни личныхъ интересовъ, и я стремлюсь только къ тому, чтобы помочь Сибирскому Правительству обезпечить свое существованіе отъ напоровъ слѣва и справа, такъ какъ позицію умѣреннаго демократическаго центра считаю наиболѣе соотвѣтствующей моменту и степени культуры страны.

Я указалъ ему и на то, что постоянныя интриги, раздоры и мелочность политической борьбы меня раздражаютъ, и что я намѣренъ, при первой возможности, оставить постъ управляющаго

дѣлами, но сейчасъ, когда на Востокѣ ему, Вологодскому, предстоитъ распутать чрезвычайно сложный клубокъ отношеній, я хотѣлъ поѣхать съ нимъ исключительно для того, чтобы помочь ему выйти изъ труднаго положенія, какъ я старался это дѣлать все время, нисколько не выдвигая себя, а заботясь исключительно о престижѣ Предсѣдателя Совѣта министровъ. Я предоставилъ Вологодскому рѣшать, нуженъ ли я ему, указавъ, что я не буду пользоваться ни формальнымъ правомъ управляющаго дѣлами, ни ссылкой на рѣшенія Административнаго Совѣта, ни желаніемъ противодѣйствовать интригамъ эсеровъ, а исключительно рѣшеніемъ самого Вологодскаго.

— Поѣзжайте! сказалъ онъ.

Делегація въ Уфу.

Политическихъ фигуръ въ Административномъ Совѣтѣ было такъ немного, что разрѣшить вопросъ о томъ, кто же поѣдетъ въ Уфу, было довольно трудно. Гришинъ-Алмазовъ былъ для этого наиболѣе подходящимъ кандидатомъ, но его уже не было въ составѣ Совѣта. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ палъ на члена Правительства Серебренникова и члена Административнаго Совѣта проф. Сапожникова, въ помощь къ которымъ были командированы генералъ Катанаевъ, какъ представитель казачества, генералъ Бобрикъ отъ военнаго вѣдомства и Яшновъ, уполномоченный при Самарскомъ Комитетѣ.

Инструкціи делегатамъ были даны нѣсколько позднѣе.

Открыто даны были такія инструкціи:

„1) Уфимское Совѣщаніе можетъ стать источникомъ образованія Всероссійской власти. 2) Делегація Временнаго Сибирскаго Правительства должна сдѣлать все возможное, чтобы на Уфимскомъ Совѣщаніи была создана Всероссійская власть. 3) Необходимыми условіями созданія Всероссійской власти должны быть слѣдующія основанія ея организаціи: а) Всероссійская власть должна быть организована по типу директоріи, въ составѣ не болѣе 5-ти лицъ; б) политическая отвѣтственность Всероссійской власти возможна только передъ будущимъ полномочнымъ органомъ правильнаго волеизъявленія народа, и до созданія такового органа Всероссійская власть является несмѣняемой; в) организуемая власть должна быть твердой, крѣпкой, сильной, съ единою волей, направленной прежде всего на возсозданіе Великой Россіи и возобновленіе въ единеніи съ союзниками войны съ Австро-Герман-

ской коалиціей. 4) Всероссійская власть должна немедленно взять въ свои руки дѣло созданія единой всероссійской арміи, единое руководство иностранной политикой, единое управленіе путями сообщенія, почтой и телеграфомъ, финансами въ общегосударственномъ масштабѣ, оставляя высшее руководство прочими отраслями государственной и хозяйственной жизни въ предѣлахъ Сибири за соотвѣтственными органами Сибирскаго территоріальнаго автономнаго Правительства."

О секретныхъ инструкціяхъ я скажу позднѣе.

Глава VIII.

Уфимское Совѣщаніе.

Въ то время, какъ поѣздъ Вологодскаго отправлялся на Востокъ, происходило открытіе такъ долго жданнаго Государственнаго Совѣщанія.

8 сентября, около 6 часовъ вечера, въ присутствіи около ста делегатовъ, предсѣдатель Авксентьевъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Граждане, члены Совѣщанія—объявляю Государственное Совѣщаніе открытымъ. Мы не всѣ въ сборѣ—представитель Сибирскаго Правительства мнѣ сообщилъ о запозданіи на день-два, но просилъ не откладывать открытія. Душою члены Сибирскаго Правительства здѣсь, переживаютъ тѣ же чувства, чаянія, какъ и всѣ. Мы сошлись здѣсь съ единой цѣлью собрать изъ разрозненныхъ обломковъ Великую единую могучую Россію, свободную не только извнѣ. Во имя этого, мы должны найти здѣсь общій языкъ, дать клятву не уѣхать раньше созданія единой государственности при единомъ правительствѣ.“

Дальше Авксентьевъ указалъ на готовность союзниковъ оказать помощь Россіи и выразилъ теплое чувство благодарности чехо-словакамъ.

Послѣ этого послѣдовали привѣтствія Совѣщанію, изъ которыхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ выступленіе предсѣдателя Комитета Учредительнаго Собранія Вольскаго.

„Для насъ, членовъ Комитета Учредительнаго Собранія,“ сказалъ онъ, „ясно одно: есть только одинъ путь, которымъ государство можетъ превратить народъ въ государственную силу—это путь народовластія; другихъ путей нѣтъ, иначе будетъ не Россійская государственность, а Россійское рабство, ибо Россійскаго фронта, о которомъ мечтаютъ патріоты, не будетъ, будетъ фронтъ одной части, большей, противъ другой, меньшей, части Россіи.“

Въ какомъ же видѣ должно было установиться народовластіе на время борьбы за освобожденіе большей части Россіи, кто и какъ долженъ былъ выражать волю народа? Этотъ основной вопросъ подлежалъ разрѣшенію въ Уфѣ, и прибывшіе туда деле-

гаты принесли съ собой столько мнѣній, сколько было представлено организацій и группъ.

Двѣ силы преобладали на Совѣщаніи. Одна, дѣйствовавшая въ пользу Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, подавляла на Совѣщаніи численностью, другая, делегація Сибирскаго Правительства, представленная небольшимъ числомъ делегатовъ, подавляла своимъ реальнымъ значеніемъ.

Совѣтъ старѣйшинъ.

Пестрый составъ Совѣщанія отразился на составѣ его совѣта старѣйшинъ. Въ него вошли президіумъ Совѣщанія и представители: Архангельскій—отъ Ком. Учр. Собр., Миноръ—отъ Съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія; Зензиновъ—отъ центральнаго комитета эсеровъ; Фоминъ—отъ центральнаго комитета партіи „Единство“; Кибрикъ—отъ центральнаго комитета соціалъ-демократовъ; Кроль—центральнаго комитета партіи народной свободы; Ахтямовъ—отъ съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала, Поволжья; Чембуловъ—отъ центральнаго комитета энесовъ; Болдыревъ—отъ Союза Возрожденія; Масловъ—временно отъ Сибирскаго Правительства; Михѣевъ—отъ Уральскаго; Дутовъ—отъ Оренбургскаго войскового правительства; Шуваевъ—отъ Енисейскаго; Шендриковъ—отъ Семирѣченскаго казачества; Терегуловъ—отъ тюрко-татарскаго правленія; Чокаевъ—отъ туркестанскаго правительства; Войтовъ—отъ областного правительства сѣвернаго Урала; Адгамовъ—отъ башкирскаго правительства; Пежемскій—отъ Иркутскаго казачества; Досмухамедовъ—отъ Алашъ-Орды.

Декларації правительствъ и партій.

Отъ имени *Комитета членовъ Учредительнаго Собранія* Вольскій подробно изложилъ, почему изуродованное событіями Россійское Учредительное Собраніе все-таки существуетъ и обладаетъ верховною властью.

Доводы его были заранѣе извѣстны: какъ бы ни былъ ограниченъ по составу первоначальный съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія, все же онъ имѣетъ законодательныя полномочія.

Безотвѣтственная власть существовать не можетъ, поэтому Россійское Правительство должно быть отвѣтственнымъ сначала передъ съѣздомъ, потомъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Ту же мысль развивала зачитанная Зензиновымъ декларація партіи *соціалистовъ-революціонеровъ*. Партія не стремится къ партійной диктатурѣ и не желаетъ захватывать политическаго управленія страною. Но, тѣмъ не менѣе, признавая недостатки существующаго Учредительнаго Собранія, полагаетъ, что Всероссійское Правительство должно сложить свои полномочія, по открытіи работъ Учредительнаго Собранія перваго созыва, а до открытія ихъ должно быть отвѣтственно передъ постоянно пополняющимся съѣздомъ членовъ Учредительнаго Собранія.

Вполнѣ солидарно съ соціалистами-революціонерами выступалъ представитель мусульманъ (тюрко-татаръ, Башкурдистана, Туркестана и Алашъ-Орды) Букейхановъ. Верховная власть принадлежитъ Учредительному Собранію. До его открытія законодательная власть должна принадлежать съѣзду членовъ Учредительнаго Собранія, совмѣстно съ правительственной коллегіей. Министры отвѣтственны передъ съѣздомъ членовъ Учредительнаго Собранія.

Въ этомъ же духѣ высказались и соціалъ-демократы (Майскій). Они тоже признали сдвигъ общественныхъ настроеній, въ виду котораго представляется необходимымъ возможно скорѣе созвать новое Учредительное Собраніе, но до созыва его требовали подчиненія Всероссійскаго Правительства съѣзду членовъ перваго Учредительнаго Собранія.

Такимъ образомъ, всѣ эти четыре декларації не хотѣли признать, что революція такъ же снесла первое Учредительное Собраніе, какъ снесла она монархію, и, сознавая необходимость созданія *не партійной* власти, а коалиціонной, требовали подчиненія ея *партійному* учрежденію.

Недостаточно ясно высказался по этому вопросу Союзъ Возрожденія, отъ имени котораго говорилъ генералъ Болдыревъ.

Требуя твердой власти во имя военныхъ успѣховъ, онъ декларировалъ постулатъ отвѣтственности передъ Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ въ *законномъ* составѣ. Какой именно составъ считалъ Союзъ Возрожденія законнымъ, не было высказано, но, судя по общему тону декларації, Союзъ склонялся въ сторону поддержки существующаго Учредительнаго Собранія.

Инымъ духомъ проникнуты были декларації прочихъ партій и группъ.

Соціалъ-демократы группы „Единство“ (плехановецъ Фоминъ) высказались въ пользу организаціи власти на коалиціонныхъ началахъ и параллельнаго образованія представительнаго

органа изъ делегатовъ Комитета членовъ Учред. Собран., политическихъ партій, Союза Возрожденія, національныхъ группъ, казачествъ, торгово-промышленнаго съѣзда и съѣзда профессіональныхъ союзовъ.

Это наиболѣе умѣренное предложеніе не встрѣтило поддержки, вѣроятно, въ виду искусственности построенія представительства и невключенія въ него самаго главнаго элемента—крестьянства.

Большимъ успѣхомъ пользовалась идея отвѣтственности Всероссійскаго Правительства передъ избирающимъ его Государственнымъ Совѣщаніемъ.

Эта мысль поддерживалась партіей *народныхъ соціалистовъ* (Чембуловъ), предлагавшихъ періодическій созывъ Государственнаго Совѣщанія, и правительствами *семи казачествъ* (ген. Хорошхинъ), высказывавшимися за созывъ Государственнаго Совѣщанія для обсужденія вопросовъ общегосударственнаго значенія, связанныхъ съ самымъ существованіемъ государства (какъ, напримѣръ, вопросовъ войны и мира), но считавшими, что мнѣніе Государственнаго Совѣщанія не должно быть обязательнымъ для верховной власти.

Въ такомъ же духѣ высказался и представитель *Эстонскаго Правительства*, который, между прочимъ, въ своей декларації намѣтилъ, въ качествѣ основныхъ задачъ Всероссійскаго Правительства—добиться расторженія Брестскаго договора и установить начала федеративнаго устройства Россійскаго Государства.

Представитель *Уральскаго Временнаго Правительства* не указалъ, какъ оно предполагало бы организовать органъ контроля за верховною властью, но призналъ необходимость существованія такого органа.

Одиноко прозвучалъ на Совѣщаніи голосъ партіи *народной свободы*. Ея представитель Кроль принципіально высказался въ пользу диктатуры. Наилучшею формою власти была бы въ настоящее время единоличная верховная власть, но, къ великому несчастію, революція выдвинула титановъ разрушенія и анархіи, но не явилось ни одного человѣка, которому вся страна могла бы довѣрить полноту верховной власти. Приходится мириться съ менѣе совершенною формою директоріи.

Пикантное противорѣчіе.

12 сентября прибыли въ Уфу запоздавшіе делегаты Сибирскаго Правительства. Ихъ инструкціи уже были приведены. „Ди-

ректорія должна быть безотвѣтственна и безконтрольна до созыва новаго Учредительнаго Собранія"—вотъ ихъ главная мысль. Полными единомышленниками Сибирскаго Правительства оказались казаки и партія народной свободы. Близко къ нему стояли всѣ умѣренныя соціалистическія партіи: народные соціалисты, „Единство" и Уральское Правительство.

Кто же первый положилъ бревно на пути политическаго успѣха сибирской делегаціи? Тоже сибирскіе делегаты, пріѣхавшіе *привѣтствовать* Совѣщаніе отъ имени Думы.

Читатель помнитъ томскіе переговоры объ условіяхъ допустимости думской делегаціи въ Уфу, объ обѣщаніи *только* привѣтствовать и о резолюціи думскаго большинства, не пожелавшаго допустить никакихъ измѣненій для примиренія съ мнѣніемъ вліятельнаго меньшинства.

Всероссійское Правительство отвѣтственно передъ съѣздомъ членовъ Учр. Собранія. Оно получаетъ власть только на время—до открытія работъ Учредительнаго Собранія перваго созыва. Вотъ основныя идеи думской деклараціи. Сравнимъ это „привѣтствіе" съ декларацією Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, и мы увидимъ полную ихъ тождественность. Неудивительно! Источникъ происхожденія былъ общій—центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Пикантное противорѣчіе въ заявленіи Сибирской Областной Думы и Сибирскаго Правительства не преминуло, конечно, обратить вниманіе нѣкоторыхъ круговъ, жаждавшихъ скандала, съ цѣлью нанесенія политическаго удара сибирской власти. Но президіумъ Совѣщанія, въ который вошелъ и членъ Сибирскаго Правительства Серебренниковъ, не допустилъ обмѣна мнѣній по поводу этого „противорѣчія". Настроеніе Авксентьева, Брешковской и др. ихъ единомышленниковъ изъ умѣренныхъ эсеровъ было вовсе не боевое, а, наоборотъ, искренне примирительное.

Миссія Вологодскаго на Востокъ.

Послѣ того, какъ произошло соединеніе съ Востокомъ, Сибирская Областная Дума могла сдѣлать попытку привлечь въ Омскъ всѣхъ сосредоточившихся во Владивостокѣ сибирскихъ министровъ, создать неизбѣжный конфликтъ и внутренними осложненіями подорвать престижъ политической силы, репутація которой уже укрѣпилась за Омскомъ. Съ другой стороны, Сибирское Правительство разсчитывало на признаніе его Дальневосточною окраиною, на лик-

видацію тамъ какъ группы Дербера, такъ и правительства Хорвата и на укрѣпленіе своего вліянія, которое помогло бы преодолѣть чрезмѣрныя притязанія „живого трупа“—Учредительнаго Собранія перваго созыва.

Такимъ образомъ, первою задачею Вологодскаго было скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о власти на Востокѣ.

Другая задача заключалась въ выясненіи тѣхъ видовъ помощи, на которые могло разсчитывать Правительство со стороны союзниковъ.

Секретныя инструкціи въ Уфу.

Ожидая благопріятнаго результата поѣздки на Востокъ, куда былъ посланъ уже раньше для рекогносцировки спеціальный гонецъ, Загибаловъ, Вологодскій далъ указанія делегатамъ въ Уфу не особенно торопиться съ организаціей власти.

Это рѣшеніе было принято и независимо отъ тактическихъ соображеній. Сибирское Правительство располагало рѣдкимъ историческимъ опытомъ по части практическаго изученія недостатковъ „директоріальнаго“ устройства власти. Вѣдь Сибирское Правительство, по существу, было все-таки директоріей, а не совѣтомъ министровъ, какъ оно себя называло. И вотъ двухмѣсячный опытъ показалъ, какъ важно, для устойчивости власти, обладать точной юридической регламентаціей взаимоотношеній членовъ директоріи между собой, условій ихъ выхода и замѣны, соотношенія ихъ съ министрами, порядка законодательства и т. д. Все это и было рекомендовано сибирскимъ делегатамъ тщательно разработать, добившись съ этою цѣлью перерыва работъ общаго собранія.

Остановка въ Иркутскѣ.

Поѣздъ Вологодскаго прибылъ въ Иркутскъ. Было еще раннее утро. Но исполнительный губернаторъ, тогда еще именовавшійся комиссаромъ, Яковлевъ не запоздалъ. Въ пиджакѣ, одѣтомъ на косоворотку, онъ представлялъ изъ себя совершенно новый типъ администратора. Но онъ выгодно отличался отъ енисейскаго губернатора, который, при той же неблагодарной наружности, не отличался и умственными качествами, производя впечатлѣніе большой узости и неподвижности мысли. Яковлевъ всюду поспѣвалъ и умѣлъ поддерживать свое вліяніе, котораго быстро лишился Озерныхъ. Кстати замѣчу, что въ Новониколаевскѣ насъ тоже

встрѣтилъ комиссаръ изъ „новыхъ“, Пославскій, любимецъ демократіи, умный и смѣлый человѣкъ. Новые люди появлялись—за нихъ надо было хвататься обѣими руками.

Въ Уфѣ начались работы Государственнаго Совѣщанія, въ Томскѣ возобновились засѣданія Областной Думы. Ѣхавшей на Востокъ делегаціи необходимо было не отставать отъ событій, и Вологодскій остановился въ Иркутскѣ для информаціи. Полученныя свѣдѣнія подтверждали опасенія. Выяснилось, что думская делегація въ Уфѣ ведетъ антиправительственную линію, и что въ Томскѣ выявилось желаніе послать делегацію отъ Думы и на Востокъ. Очевидно, тоже для „привѣтствія“, какъ въ Уфу.

Оставалось много времени для осмотра города. Потанинъ писалъ, что это городъ негоціантовъ, тогда какъ Омскъ—царство прасоловъ и мѣщанъ. Дѣйствительно, Иркутску есть чѣмъ похвастаться. Красавица-Ангара не чета грязному Иртышу; не сравниться съ нею и кокетливой Томи. Ангара—рѣка величественная и мощная. Она несетъ изъ Байкала хрустально-чистую воду, и несетъ ее съ такой силою, что даже роскошный, но спокойный Енисей у Красноярска не производитъ такого впечатлѣнія, какъ Ангара.

Иркутскъ—культурный городъ. Хорошія мостовыя, электрическое освѣщеніе, комфортабельныя гостинницы, рестораны—свидѣтельствуютъ о благоустройствѣ, о людяхъ, привыкшихъ къ удобствамъ жизни.

И дѣйствительно, здѣсь центръ горной промышленности и крупной торговли. Отсюда шло культурное завоеваніе русскими Восточной Сибири и монгольскихъ рынковъ. Здѣсь сосредотачивались ссыльные, жили декабристы и поляки. Отсюда правилъ Сперанскій.

Иркутскъ имѣетъ длинную исторію. Гражданская война въ Сибири внесла въ нее еще нѣсколько страницъ.

Многострадальный городъ пережилъ убійственный огонь во время декабрьскаго разгрома Иркутска въ 1917 г. большевиками, и въ немъ же разыгрались послѣдніе акты борьбы противъ власти адмирала Колчака.

Что поразило меня въ Иркутскѣ—это его не русскій духъ. На каждомъ шагу здѣсь чувствуешь что-то чужое. Даже русскіе здѣсь другіе, въ нихъ сквозитъ Востокъ, въ нихъ чувствуется новая азіатская порода. И, сознаюсь, даже Томскъ мнѣ показался болѣе роднымъ и уютнымъ; Иркутскъ же, несмотря на его элегантную внѣшность, несмотря даже на нѣкоторые его уголки, на-

поминающіе Кремль и пробуждающіе сентиментальную тоску по Москвѣ — все же только понравился, но не расположилъ къ себѣ.

Вечеромъ, когда я давалъ интервью для мѣстныхъ газетъ, Предсѣдателя Совѣта министровъ посѣтили прибывшіе изъ Владивостока Новоселовъ и Кудрявцевъ. Оба они входили въ составъ избраннаго Сибирскою Областною Думою Правительства, оба могли „претендовать“. Вологодскій бесѣдовалъ съ ними очень недолго. Разговоръ былъ, повидимому, довольно сухой, и, какъ мнѣ передавалъ затѣмъ Предсѣдатель, онъ вынесъ впечатлѣніе, что у нихъ, въ особенности у Новоселова, не было никакого намѣренія стремиться къ власти. Они ѣхали въ Областную Думу, какъ ея члены.

Чехи-герои.

Осенью, когда сибирскіе лѣса, начиная отъ Красноярска, сверкаютъ яркими красками, какъ будто наглядным свидѣтельствомъ ихъ разнообразныхъ богатствъ, увлеченный путешественникъ, какъ обвороженный герой въ сказкѣ, теряетъ способность восторгаться. Онъ только глядитъ во всѣ глаза и не вѣритъ, что это все Сибирь, эта невѣдомая даже для русскихъ страна богатствъ и красоты.

Но, подъѣзжая къ Байкалу, въ тотъ моментъ, когда открывается истокъ Ангары, а за темносинею гладью озера покажутся величественныя горы, покрытыя шапками снѣговъ — восторгъ изумленія невольно вырвется изъ груди.

Но не однѣ красоты волновали ѣхавшихъ на Востокъ въ поѣздѣ Вологодскаго.

Всѣ ѣхавшіе переживали какое-то особое чувство радостной бодрости. Окружающее еще недавно было въ рукахъ большевиковъ. Сибирь такъ быстро, такъ легко сбросила съ себя ярмо коммунистическаго засилья, что даже въ скептикахъ, вѣрившихъ больше въ мирное изживаніе большевизма, зарождалась свѣтлая надежда ускорить освобожденіе родной страны.

Поѣздъ мчался по южному берегу Байкала. Желѣзнодорожный путь огибаетъ озеро, и о его изгибахъ было легко догадаться, такъ какъ на большомъ протяженіи были видны мчавшіеся навстрѣчу одинъ за другимъ поѣзда. То были эшелоны чехо-словацкихъ войскъ.

На вагонахъ развѣвались бѣлокрасные флаги молодой республики. Теплушки были украшены зелеными вѣтками, гербами и

плакатами. Лица ѣхавшихъ были мужественны и энергичны. Побѣдители, только что пробившіеся на Востокъ, мчались обратно на Западъ.

Не съ однимъ только чувствомъ благодарности глядѣлъ я на проѣзжающихъ — они внушали чувство искренняго восхищенія. Это были герои.

Рѣшеніе Массарика и союзниковъ.

Секретъ возвращенія чеховъ на Западъ заключался въ рѣшеніи, принятомъ въ Парижѣ. Война съ Германіей еще не была окончена. Предоставить тоннажъ для перевозки 40 тысячъ чеховъ во Францію представлялось затруднительнымъ. Казалось болѣе цѣлесообразнымъ вернуть всѣхъ чеховъ къ Волгѣ и создать для Германіи угрозу возстановленія восточнаго фронта. Президентъ Массарикъ, тогда еще предсѣдатель чехо-словацкаго Національнаго Комитета въ Парижѣ, прислалъ привѣтствіе чехо-словацкому войску и благословлялъ его на дальнѣйшую борьбу. Вывезти все войско не представлялось возможнымъ, значительная часть его, согласно ранѣе уже полученнымъ инструкціямъ, находилась въ районѣ Волги и Урала, разсчитывая пробиться къ Архангельску. Поэтому *политическій разсчетъ* диктовалъ возвращеніе всѣхъ чеховъ къ Волгѣ, для использованія ихъ военной силы противъ германскихъ прислужниковъ, большевиковъ, и возстановленія преданной союзникамъ Россіи.

Чехи требуютъ всероссійской власти.

Неудивительно, что, принявъ на себя тяжелую задачу борьбы на чужбинѣ за далекія и мало понятныя цѣли, чехи стали проявлять склонность къ активному участію въ политической жизни страны, куда ихъ забросила судьба. На съѣздѣ представителей всѣхъ частей былъ избранъ мѣстный (сибирскій) чехо-словацкій Національный Совѣтъ, во главѣ котораго всталъ Богданъ Павлу. Резиденціей Совѣта былъ избранъ Екатеринбургъ.

Наибольшій интересъ Совѣтъ проявилъ къ организаціи всероссійской власти. „Настоящее политическое положеніе“, объявилъ чехо-словацкій Совѣтъ, „властно требуетъ немедленнаго созданія центральнаго всероссійскаго правительства“. Съ этимъ лозунгомъ выступилъ Павлу на Уфимскомъ Совѣщаніи, гдѣ чехо-словацкій Совѣтъ присутствовалъ in corpore, свидѣтельствуя свой живой интересъ къ задачамъ Совѣщанія.

Составъ чехо-словацкаго Совѣта былъ лѣвый. Симпатіи его были на сторонѣ соціалистическихъ партій, которыя, не только благодаря плохому знанію русскихъ бытовыхъ отношеній, но и по личнымъ увлеченіямъ, чешскіе дѣятели принимали за истинно-народныя.

Всякому долженъ быть понятенъ живой интересъ чеховъ къ объединенію власти на освобожденной отъ большевиковъ территоріи. Они не могли быть равнодушными къ раздорамъ областныхъ правительствъ и безхозяйности военнаго дѣла, но будущее показало, какъ опасно было вовлекать во внутреннюю политическую борьбу иноземныя, не связанныя съ русской жизнью силы.

Встрѣча съ Семеновымъ.

Въ вагонъ вошелъ молодой, плотный казакъ-офицеръ, съ красивымъ, но простоватымъ лицомъ. Это былъ Семеновъ. Онъ проявилъ необычную для казака скромность, временами, казалось, даже волновался. У всѣхъ осталось впечатлѣніе, что это простодушный и незлобный солдатъ. Въ іюлѣ въ Омскѣ побывалъ Дутовъ, атаманъ оренбургскихъ казаковъ. Онъ и по внѣшности уступалъ Семенову и характеромъ не располагалъ къ себѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка хитраго и политическаго, видимо, лавировалъ между Самарскимъ „Комучемъ“ и Сибирскимъ Правительствомъ, скептически относясь и къ тому и къ другому, но стараясь заполучить отъ каждой стороны побольше. Семеновъ казался неспособнымъ на такую игру. Не являлся ли онъ самъ игрушкою въ чьихъ-либо рукахъ?

Японцы.

Начиная съ Читы, повсюду встрѣчались японскіе солдаты и офицеры. Главу Сибирскаго Правительства никто изъ японскихъ военныхъ властей не выражалъ желанія видѣть. Японцы дѣлали свое дѣло настойчиво, безъ шума и, казалось, съ полнымъ безразличіемъ къ русской власти.

На станціи Оловянной, гдѣ большевики, отступая, взорвали мостъ черезъ рѣку Ононъ, и гдѣ пришлось остановиться, пока приведенъ былъ въ порядокъ понтонъ, мы прочли интересное объявленіе японскаго генерала:

„Объявляю всѣмъ и мѣстному населенію, включая и военныхъ, что японская армія не собирается дѣлить или присваивать

себѣ русскихъ земель и отнюдь не будетъ вмѣшиваться въ русскую внутреннюю политику, а ставитъ цѣлью своего выступленія лишь исполненіе велѣнія многогуманнаго и милосерднаго нашего Императора. Видя страданія Россіи, нашъ Императоръ послалъ свою армію въ этотъ районъ для возстановленія порядка и спокойствія. Слѣдовательно, и задачи японской арміи состоятъ въ томъ, чтобы избавить Россію отъ омута страданій и оковъ рабства, причиненныхъ нашествіемъ германо-австрійскихъ плѣнныхъ и красноармейцами, и этимъ самымъ оказать русскому народу рѣшительную поддержку. Можно сказать, что японская армія является истинной спасительницей для русскаго народа, но, если кто-либо будетъ оказывать сопротивленіе нашей арміи, или препятствовать исполненію святого назначенія ея, то она приметъ строжайшія мѣры и будетъ преслѣдовать безъ разбора національности, чѣмъ устранитъ всѣ препятствія къ исполненію задачъ нашей арміи. Желая русскому народу истиннаго счастья, совѣтую мирно жить и трудиться для своего и общаго блага и не волноваться подъ вліяніемъ вредныхъ идей, которыя доведутъ васъ до полной гибели. Начальникъ седьмой японской дивизіи генералъ-лейтенантъ Кихфудзіи.“

Дальневосточная неразбериха.

Положеніе, которое мы застали во Владивостокѣ, было на рѣдкость сложное, но, какъ выяснилось впослѣдствіи, не самое сложное изъ тѣхъ, которыя приходилось видѣть въ Сибири за время гражданской войны.

Еще въ Харбинѣ нашъ поѣздъ осадили корреспонденты и политическіе дѣятели. Какъ Сибирское Правительство относится къ Временному Правителю, генералу Хорвату? Каково отношеніе его къ „Правительству автономной Сибири“? Одно ли это правительство съ Омскимъ, или это совсѣмъ другое правительство?

Всѣ эти вопросы вызывались чрезвычайною запутанностью политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. Группа Дербера не безъ нѣкотораго основанія утверждала, что она является тѣмъ самымъ Сибирскимъ Правительствомъ, отъ имени котораго дѣйствуетъ въ Омскѣ Вологодскій, и что соединеніе Восточной и Западной Сибири означаетъ, что произойдетъ соединеніе временно разрозненныхъ частей Правительства. Признать это en toute lettre было невозможно. Группа Дербера вооружила противъ себя всю дальневосточную буржуазію. Судя по ней, составляли мнѣніе о

Сибирскомъ Правительствѣ вообще. Я уже указывалъ, что лучшіе изъ избранниковъ Областной Думы случайно оказались въ Сибири, на Дальнемъ же Востокѣ были наименѣе авторитетныя и въ то же время наиболѣе одіозныя фигуры. Кромѣ того, самая группа Дербера разложилась. Пребываніе Дербера на посту премьера признано было неудобнымъ. Его замѣнилъ Лавровъ, кооптированный въ составъ правительства изъ земцевъ. Уструговъ вовсе вышелъ изъ Сибирскаго Правительства и перешелъ въ „Дѣловой Кабинетъ“ ген. Хорвата.

Чтобы вывести П. В. Вологодскаго изъ затруднительнаго положенія, на эти рискованные вопросы отвѣчалъ я, такъ что гнѣвъ дербероской группы на меня первымъ дѣломъ и обрушился. Я высказался въ томъ смыслѣ, что длительное раздѣленіе одного и того же правительства на двѣ группы, дѣйствовавшія независимо одна отъ другой и не имѣвшія между собой связи, сдѣлало каждое изъ нихъ самостоятельнымъ правительствомъ. Одно не можетъ отвѣчать за другое.

Хотя такое заявленіе и не очень понравилось во Владивостокѣ, но придраться къ нему было трудно.

Представители Дальневосточнаго Комитета, прис. повѣрен. Александровъ и нѣкоторые другіе, познакомившись съ политическою программою Правительства, отнеслись къ ней одобрительно, но добивались узнать, каковы намѣренія делегаціи по отношенію къ генер. Хорвату. Послѣдній, объявивъ себя Временнымъ Правителемъ въ Гродековѣ, близъ китайской границы, переѣхалъ затѣмъ во Владивостокъ, но его правительство („Дѣловой Кабинетъ“, во главѣ котораго стоялъ бывшій членъ Государственной Думы Востротинъ) признавалось далеко не всѣмъ краемъ, тогда какъ Правительство автономной Сибири (Лавровъ—Дерберъ), благодаря связи съ земствами, получало привѣтствія и заявленія о поддержкѣ и признаніи со всѣхъ концовъ Дальняго Востока. Но игнорировать ген. Хорвата, несомнѣнно, крупнаго дѣятеля, и третировать его выступленіе въ качествѣ правителя, какъ авантюру, было бы большою политическою ошибкою, въ виду явной необходимости воспользоваться его положеніемъ и вліяніемъ на Дальнемъ Востокѣ. Поэтому членамъ Комитета данъ былъ неопредѣленный, но искренній отвѣтъ: „къ ген. Хорвату отнесутся такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ“. Sapienti sat.

Однако, помимо двухъ конкурирующихъ правительствъ —демократическаго (Лаврова) и буржуазнаго (Хорвата), во Владивостокѣ оказалось еще нѣсколько независимыхъ центровъ. Владивостокское

чиновничество образовало свою коллегію, во главѣ которой всталъ проф. Восточнаго Института Мендринъ. Коллегія эта, въ виду отсутствія общепризнанной власти, давала отъ себя руководящія указанія почти всему чиновничеству Владивостока. Помимо того, во Владивостокѣ работалъ и распоряжался, какъ фактическій хозяинъ положенія, междусоюзный военный совѣтъ, единственный обладатель реальной силы.

Делегаціи Сибирскаго Правительства предстояло распутать эти сложныя взаимоотношенія. Между тѣмъ, на Западѣ, благодаря Сибир. Областн. Думѣ, создавалась обстановка, крайне неблагопріятная для престижа власти.

Областная Дума „поддерживаетъ“ Правительство.

Сибирская Дума, какъ и слѣдовало ожидать, едва возобновились ея засѣданія, не замедлила избрать делегацію на Д. Востокъ. Одна делегація уже „работала“ въ Уфѣ, дискредитируя Сибирское Правительство, теперь другая должна была нанести ему ударъ на Д. Востокѣ, продемонстрировавъ передъ лицомъ иностранцевъ срамъ россійской междоусобицы. Еще въ Иркутскѣ, узнавъ о намѣреніи избрать такую делегацію, Вологодскій телеграфировалъ въ Омскъ инструкцію не допустить посылки делегаціи на Д. Востокъ, а въ Томскъ—просьбу Якушеву принять мѣры къ задержанію делегаціи самою Думою. Но Якушевъ отвѣтилъ, что делегація уже выѣхала, и задержать ее нельзя, но что Правительство можетъ быть увѣреннымъ въ ея тактичности. Довѣріемъ власти лицемѣрный Якушевъ уже пересталъ пользоваться, и делегація, по распоряженію изъ Омска, была задержана въ Иркутскѣ командующимъ войсками Эллерцъ-Усовымъ и возвращена обратно. Любопытно отмѣтить, что, помимо открытой делегаціи на Д. Востокъ, былъ тайно командированъ туда тов. предсѣдателя Думы проф. Никоновъ. Онъ выѣхалъ раньше Вологодскаго. Въ иркутскихъ газетахъ мы прочли объявленіе, что на имя Никонова полученъ переводъ, о чемъ ему дается знать черезъ газеты, въ виду неизвѣстности его нахожденія. Слѣдовъ Никонова нигдѣ не было видно, и, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ либо не доѣхалъ до мѣста назначенія, либо его таинственная командировка ограничивалась райономъ Забайкалья.

Не успѣла Дума поднести Правительству одинъ сюрпризъ, въ видѣ делегаціи на Д. Востокъ, какъ она уже изобрѣла второй. Фракція соціалъ-демократовъ внесла 18 сентября вопросъ о необ-

ходимости выявить отношеніе Думы къ Временному Сибирскому Правительству, въ связи съ его выступленіемъ на Уфимскомъ Совѣщаніи. Фракція соціалистовъ-революціонеровъ поддержала срочность вопроса.

Все время, начиная съ 10 сентября, когда возобновились засѣданія Думы, въ президіумѣ ея замѣчалась большая ажитація. Патушинскій сообщилъ Якушеву о своей отставкѣ, пріѣхалъ Шатиловъ съ докладомъ по начальству. Пріѣхалъ съ Востока Новоселовъ.

Якушевъ велъ оживленные переговоры по прямому проводу съ Уфой и Иркутскомъ. О переговорахъ этихъ зналъ только совѣтъ старѣйшинъ, куда не приглашали неблагонадежныхъ лицъ. Но одно такое лицо случайно попало и раскрыло всѣ планы. Затѣвалось серьезное покушеніе на власть. Якушевъ, черезъ посредство иркутскаго комиссара Яковлева, запрашивалъ, гдѣ находятся Краковецкій, Дерберъ, которыхъ поджидали съ Востока. Лента переговоровъ, по просьбѣ Яковлева, была уничтожена. Изъ показаній нѣкоторыхъ членовъ Думы выяснилось, что Яковлевъ, со своей стороны, сообщилъ просьбу Патушинскаго дать ему указанія, что дѣлать, и, кромѣ того, жаловался на военныя власти, незаконно, по его мнѣнію, задержавшія думскую делегацію на Востокъ.

Якушевъ же настаивалъ на возвращеніи Патушинскаго къ власти, а затѣмъ предложилъ Новоселову объявить себя министромъ и готовился искусственно создать въ Омскѣ послушный Думѣ кворумъ, чтобы измѣнить направленіе политики Сибирскаго Правительства.

Это былъ настоящій заговоръ!

Планъ началъ выполняться и сейчасъ же по частямъ проваливаться. Делегація Думы, назначеніемъ которой было предупредить Дербера не сдавать власти, а держаться до послѣдняго— принуждена была повернуть вспять изъ Иркутска. Патушинскій, приславшій телеграмму, что онъ, по настоянію Думы, беретъ отставку обратно, получилъ отвѣтъ Вологодскаго, что Предсѣдатель Совѣта министровъ не можетъ признать возвращенія Патушинскаго къ власти, такъ какъ онъ сложилъ съ себя полномочія одностороннимъ актомъ, не требующимъ чьего-либо утвержденія, и послѣ этого уже не можетъ считаться министромъ.

Вопросъ объ отношеніи къ Сибирскому Правительству, внесенный въ Думу 18 сентября, обсуждался въ закрытомъ засѣданіи. Въ этомъ засѣданіи говорилось о „беззаконіяхъ“ Административнаго Совѣта, о необходимости измѣнить составъ делегаціи Сибирскаго Правительства въ Уфѣ, о недопустимости того, что

Правительство, получивъ отъ Думы (!!) мандатъ на посылку делегаціи въ Уфу, проводитъ свою политику, а не политику, вытекающую изъ резолюціи Думы, и не признаетъ съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія источникомъ всероссійской власти. „Вредную дѣятельность Административнаго Совѣта надо парализовать“, говорилось въ Думѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ Якушевъ, Шатиловъ и Новоселовъ выѣхали въ Омскъ. Тамъ уже былъ Крутовскій, который обыкновенно замѣнялъ Вологодскаго, какъ Предсѣдателя, и который, при свиданіи въ Красноярскѣ, выразилъ согласіе вернуться въ Омскъ. Такимъ образомъ, кворумъ набирался. Административный Совѣтъ, послѣ прибытія членовъ Правительства, подлежалъ освобожденію отъ политическихъ полномочій, и хозяиномъ положенія стало бы думское большинство.

Крутовскій, по прибытіи въ Омскъ, пытался созвать Совѣтъ министровъ, считая, что онъ, Шатиловъ и Михайловъ, втроемъ, могутъ составить коллегію, рѣшенія которой, даже принятыя двумя противъ одного, будутъ считаться законными. Крутовскій потребовалъ: 1) измѣненія Положенія объ Административномъ Совѣтѣ, 2) измѣненія состава делегаціи въ Уфѣ и 3) включенія въ составъ Совѣта министровъ Новоселова.

Михайловъ отказался принимать участіе въ обсужденіи подобныхъ вопросовъ, и засѣданіе Совѣта министровъ, за отсутствіемъ кворума, не могло состояться. Патушинскій своимъ несвоевременнымъ уходомъ изъ состава Правительства „подвелъ“ Думу, бардомъ которой онъ рѣшилъ быть съ самаго начала своей министерской карьеры. Онъ сорвалъ кворумъ. Тогда оставался одинъ выходъ—включить Новоселова въ Совѣтъ министровъ революціоннымъ порядкомъ.

Какъ разъ въ это время, Дульцинея Патушинскаго—Областная Дума—получила отъ Яковлева извѣстіе о задержаніи ея делегаціи въ Иркутскѣ. Губернскій комиссаръ увѣдомилъ, что онъ считаетъ задержаніе делегаціи незакономѣрнымъ.

Тогда было созвано экстренное засѣданіе Думы, вопреки всякому наказу, безъ повѣстокъ („свои“ люди созывали другъ друга по телефону), и былъ предъявленъ Правительству вопросъ о „незакономѣрныхъ“ дѣйствіяхъ его агентовъ.

— Страна должна знать всю правду, заявилъ членъ Думы Гольдбергъ.

— Пусть же она знаетъ всю правду, отвѣтилъ ему одинъ и, кажется, единственный присутствовавшій на этомъ импровизированномъ засѣданіи членъ Думы не соціалистъ—Соболевъ.

— Пусть она знаетъ и ту правду, которую скрываетъ отъ нея представитель „трудового крестьянства“ Гольдбергъ.

И вслѣдъ за тѣмъ Соболевъ разсказалъ Думѣ въ открытомъ засѣданіи о томъ, во что превратился совѣтъ старѣйшинъ, какъ эта заговорщицкая организація, черезъ посредство президіума, ведетъ переговоры съ губернаторами, вмѣшивается въ управленіе, выписываетъ новую партію министровъ.

Страна узнала правду про соціалистическій парламентъ. Ему нужны были не миръ и порядокъ, а партійная гегемонія. Привыкшіе къ пріемамъ подполья, члены Думы исподтишка, прячась отъ собственныхъ товарищей, подтасовывали политическія карты, вмѣстѣ со своимъ почтеннымъ предсѣдателемъ, Якушевымъ.

Это засѣданіе Думы окончательно рѣшило ея судьбу. Вологодскій далъ знать въ Омскъ, что онъ находитъ своевременнымъ прервать работы Думы.

Ходъ работъ въ Уфѣ.

Делегаты Сибирскаго Правительства, какъ и слѣдовало ожидать, заняли въ Уфѣ мѣсто лидеровъ правой. Казаки окружали сибирскихъ делегатовъ, какъ пышная свита. Предметомъ раздоровъ служилъ вопросъ о черновскомъ Учредительномъ Собраніи. Во избѣжаніе излишнихъ словопреній, немедленно послѣ оглашенія декларацій общее собраніе образовало согласительную комиссію, въ составѣ президіума и представителей всѣхъ организацій, приславшихъ делегатовъ на Совѣщаніе, по одному отъ каждой. Это была очень многочисленная комиссія, и позиціи ея крайнихъ сторонъ казались непримиримыми. Но умѣренные соціалисты и особенно дѣйствовавшая за кулисами „бабушка“ Брешко-Брешковская вносили примирительный духъ и способствовали сговору.

Между дѣятелями типа Авксентьева, Брешко-Брешковской, съ одной стороны, и Черновымъ, съ другой—дистанція огромнаго размѣра. Смѣшивать ихъ въ одно, какъ это дѣлаютъ лица, ненавидящія соціалистовъ вообще—большая ошибка. Люди перваго типа нужны Россіи, ими должно строиться ея будущее. Опытъ, котораго имъ не хватаетъ, скоро научитъ ихъ умѣренности, но они внесутъ въ обновленную Россію тотъ новый духъ власти, котораго жаждетъ революціонизировавшаяся страна. Насколько безнадежна позиція эсеровъ—максималистовъ, во главѣ съ Черновымъ, которыхъ должны поглотить большевики, гораздо опредѣленнѣе и смѣлѣе выражающіе свои конечныя стремленія—настолько же

Генералъ Гайда со штабомъ.

велико право на будущее умѣренныхъ соціалистическихъ элементовъ.

Я остаюсь при убѣжденіи, которымъ руководствовался и въ періодъ созданія Директоріи, что черновское Учредительное Собраніе слѣдовало стереть съ лица земли, но я считаю ошибкою, что не была поддержана здоровая мысль умѣренныхъ группъ о созданіи особаго представительнаго органа для содѣйствія Директоріи въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ политической жизни.

Компромиссъ направился въ другую сторону. Дѣла на фронтѣ ухудшались. Уфа, сравнительно недалеко отстоявшая отъ района военныхъ дѣйствій, болѣзненно переживала паденіе Казани, Симбирска, нажимъ на Самару. Чехи за кулисами угрожали оставить фронтъ, если сговора противниковъ не послѣдуетъ. Казаки стали колебаться. Земли Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ опять попадали подъ ударъ большевиковъ. Учредиловцы пользовались этимъ положеніемъ. Компромиссъ состоялся. Было рѣшено признать Учредительное Собраніе, если къ 1-му января 1919 г. соберется кворумъ его, и сложить передъ нимъ власть. Это рѣшеніе было лицемѣрно. Тѣ, кто предлагалъ такой выходъ, надѣялись, что фактически Учредительное Собраніе не соберется. Въ то же время оставлялся, въ качествѣ постоянно дѣйствующаго органа, съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія, во главѣ съ Черновымъ, который уже появился на горизонтѣ и началъ дѣйствовать.

Приведу телеграмму, посланную изъ Уфы 19 сентября.

„18 сентября засѣданіе открывается въ 7 часовъ вечера при переполненномъ залѣ. Предсѣдатель оглашаетъ привѣтственныя телеграммы, поступившія на имя Совѣщанія. Заслушивается и принимается безъ преній докладъ мандатной комиссіи. На очереди докладъ комиссіи по организаціи всероссійской власти, отъ имени которой выступаетъ Кругликовъ. Послѣ краткаго обзора работъ комиссіи, онъ излагаетъ принятыя ею положенія, которыя сводятся къ слѣдующему: Государственное Совѣщаніе устанавливаетъ, какъ непремѣнное обязательство Временнаго Всероссійскаго Правительства, 1) содѣйствовать съѣзду членовъ Учредительнаго Собранія въ скорѣйшемъ созывѣ Собранія; 2) неуклонно руководствоваться въ своей работѣ верховными правами Учредительнаго Собранія; 3) представить Учредительному Собранію, по возобновленіи его работъ, отчетъ о своей дѣятельности по освобожденію Россіи отъ совѣтской власти и возстановленію ея единства. Принято непризнаніе Брестскаго и другихъ договоровъ, заключенныхъ

большевистской властью, продолженіе войны съ Германіей, совмѣстно съ союзниками. Въ области военной—возсозданіе русской арміи, полное невмѣшательство военныхъ властей въ гражданское управленіе, возстановленіе крѣпкой воинской дисциплины, устраненіе арміи отъ политики. Въ области гражданской —устроеніе освобождающейся Россіи на началахъ признанія за областями широкой автономіи, обусловленной географическими, экономическими и этнографическими признаками; признаніе за культурными меньшинствами, не занимающими отдѣльной территоріи, правъ на культурное самоопредѣленіе; возстановленіе городскихъ и земскихъ самоуправленій, установленіе гражданскихъ свободъ, принятіе мѣръ къ охранѣ порядка и безопасности. Въ области народно-хозяйственной—борьба съ хозяйственной разрухой, содѣйствіе развитію производительныхъ силъ страны, государственное регулированіе торговли и промышленности, принятіе мѣръ къ повышенію производительности труда, развитіе рабочаго законодательства, признаніе полной свободы коалиціи, отказъ отъ хлѣбной монополіи и твердыхъ цѣнъ, съ сохраненіемъ нормировки распредѣленія продуктовъ и государственныхъ заготовокъ, при участіи частно-торговаго аппарата, борьба съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, возстановленіе налогового аппарата, усиленіе прямого и косвеннаго обложенія. Въ области земельныхъ отношеній—оставленіе земли до Учредительнаго Собранія въ рукахъ фактическихъ обладателей, принятіе мѣръ къ расширенію трудового землепользованія, примѣнительно къ бытовымъ и экономическимъ особенностямъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Докладъ комиссіи принимается безъ преній. Закрывая засѣданіе, предсѣдатель обращается къ участникамъ Совѣщанія съ слѣдующими словами: „пять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы избрали нашу комиссію по вопросу о созданіи власти, но эти пять дней, какъ членамъ Государственнаго Совѣщанія, такъ, въ особенности, странѣ и арміи показались мѣсяцами. Мы достигли соглашенія въ кардинальныхъ пунктахъ; еще небольшое напряженіе силъ, еще одинъ-два дня—и Совѣщаніе назоветъ не только принципы основанія и программу, на которыхъ будетъ строиться государственная власть, но и тѣхъ, которые будутъ поставлены во главѣ нарождающейся единой сильной Россіи“. (Шумные продолжительные апплодисменты).

Въ кулуарахъ царитъ большое оживленіе. Собравшаяся публика долго не расходится и, образовавъ группы, обсуждаетъ подробности прочитанной декларацiи. Въ большинствѣ случаевъ

—удовлетвореніе достигнутымъ примиреніемъ разногласій, надежда на близкое окончаніе процесса созданія долгожданной всероссійской власти".

Оставалось опредѣлить взаимоотношенія всероссійской власти и областныхъ правительствъ и избрать Директорію. Вопросъ о лицахъ грозилъ стать предметомъ новой горячей борьбы. Делегаціи Сибирскаго Правительства въ Уфѣ были даны твердыя указанія не допускать эсеровскаго засилья въ Директоріи, но событія въ Омскѣ, разыгравшіяся, благодаря злосчастной авантюрѣ Областной Думы, заставили пойти на компромиссъ.

Вологодскій во Владивостокѣ.

Поѣздъ Вологодскаго прибылъ во Владивостокъ 20 сентября вечеромъ. Предсѣдателя Совѣта министровъ встрѣтили торжественно. Еще въ Никольскъ-Уссурійскѣ замѣнившій Дербера Лавровъ привѣтствовалъ Вологодскаго отъ имени владивостокской группы Правительства и заявилъ, что, съ прибытіемъ Вологодскаго, Владивостокъ признаетъ только власть возглавляемаго имъ Омскаго Правительства. Делегатъ рабочихъ просилъ защитить отъ гнета буржуазной власти Хорвата.

Встрѣчали Вологодскаго во Владивостокѣ, при большомъ стеченіи народа, представители Сибирскаго Правительства, членовъ Сибирской Думы отъ Д. Востока, представители земства и города. На вокзалѣ были Краковецкій, Медвѣдевъ, Агаревъ. Послѣдніе два произнесли привѣтственныя рѣчи. Немедленно по прибытіи, Вологодскій посѣтилъ зданіе, гдѣ помѣщалось правительство Лаврова, и тамъ былъ встрѣченъ Дербером, Моравскимъ и пр. членами подлежавшаго ликвидаціи „Правительства автономной Сибири". Представителей правительства генерала Хорвата на вокзалѣ не было.

Исторія и цѣли выступленія генерала Хорвата намъ были уже извѣстны.

Узнали мы кое-что и о прошломъ генерала.

Онъ родился въ 1859 году, получилъ образованіе въ инженерной академіи и принималъ видное участіе въ постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги.

Съ 1903 года онъ занималъ должность управляющаго Китайской Восточной желѣзной дорогой. На этой отвѣтственной должности онъ заявилъ себя такимъ умѣлымъ и культурнымъ администраторомъ, проявилъ столько гуманности и заботливости о служащихъ, что Временное Правительство, послѣ февральской рево-

люціи, предоставило ему права комиссара въ полосѣ отчужденія дороги.

Послѣ того, какъ выступленія Корнилова, Каледина, Дутова и другихъ показали, что борьба съ большевизмомъ, подкрѣпляемымъ нѣмцами, внутри Россіи безъ помощи союзниковъ невозможна, генералъ Хорватъ рѣшилъ ,что борьба эта можетъ увѣнчаться успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ начата на Дальнемъ Востокѣ, при подготовкѣ средствъ къ ней въ свободной отъ большевиковъ полосѣ отчужденія Китайской Восточной дороги и при условіи полученія достаточной помощи со стороны союзныхъ державъ.

Въ апрѣлѣ 1918 года Дмитрій Леонидовичъ отправился въ Пекинъ для совѣщанія съ нашимъ посланникомъ въ Китаѣ кн. Кудашевымъ и съ извѣстнымъ финансистомъ Путиловымъ.

Союзные представители въ Китаѣ, ознакомившись съ идеей Дмитрія Леонидовича, высказали ему полное сочувствіе и готовность оказать самую дѣйствительную поддержку.

Генералъ Хорватъ смотрѣлъ на войну съ большевиками, какъ на *продолженіе войны съ Германіей*. Онъ видѣлъ, что главныя силы большевиковъ составлены изъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, и только потому счелъ возможнымъ обратиться къ помощи союзниковъ.

Когда насталъ часъ дѣйствовать рѣшительно, онъ, не видя кругомъ никого, кто могъ бы организовать государственную власть, зная, что представляютъ изъ себя Дерберъ и приморское земство, и считая себя единственнымъ законнымъ преемникомъ власти Россійскаго Правительства на Дальнемъ Востокѣ—покинулъ свой почетный и покойный постъ въ Маньчжуріи и принесъ себя въ жертву долгу. 9 іюля 1918 года, остановившись со своимъ отрядомъ у станціи Гродеково въ Никольскъ-Уссурійскомъ уѣздѣ Приморской области, онъ объявилъ себя Временнымъ Правителемъ.

Не честолюбіе, а только чувство долга, толкнуло генерала Хорвата на этотъ шагъ, и это такъ хорошо понималось всѣми, не принадлежавшими къ лѣвымъ революціоннымъ партіямъ, что интервьюировавшій меня въ Харбинѣ редакторъ „Новостей Жизни“ Кліоринъ, съ совершенной искренностью и по собственной иниціативѣ, настойчиво рекомендовалъ мнѣ, какъ члену делегаціи Вологодскаго, помнить, что генералъ Хорватъ нуженъ и незамѣнимъ на Дальнемъ Востокѣ.

Но мы знали хорошо и то, какъ ревниво относились дерберовцы ко всему, что касалось генерала Хорвата, и намъ было ясно, что, для скорѣйшей ликвидаціи „дубликата“, нужно было сдѣлать видъ, что мы, Сибирское Правительство, генерала Хорвата не признаемъ. Поэтому, несмотря на особую декларацію о го-

товности войти въ переговоры со *всѣми* правительствами, мы рѣшили на время заняться однимъ только кабинетомъ Дербера, какъ бы игнорируя Временнаго Правителя.

Какъ выяснилось, ко времени пріѣзда Вологодскаго кабинетъ Дербера совершенно переродился. Многіе изъ „избранниковъ Думы“ ушли, были кооптированы лица, ничего общаго съ Сибирской Областной Думой не имѣвшія, и даже во главѣ сталъ кооптированный членъ правительства Лавровъ.

Нужно было спѣшить. Со дня на день во Владивостокъ должны были прійти свѣдѣнія о конфликтѣ Правительства и Думы. Къ счастью, матеріальное положеніе дербероской группы было настолько плачевно, что она сама спѣшила съ ликвидаціей, и уже на другой день было рѣшено, что всѣ находившіеся во Владивостокѣ министры подадутъ въ отставку. По существу противъ ликвидаціи никто изъ нихъ не спорилъ. Вопросъ шелъ лишь о томъ, въ какую форму должны быть облечены заявленія объ отставкѣ, чтобы подчеркнуто было сліяніе власти, преемство и единство Правительства. Это былъ вопросъ политическаго самолюбія; форма скоро была найдена.

Переговоры закончились во время. Не успѣли владивостокскіе министры подать въ отставку, какъ пришло извѣстіе о конфликтѣ Омска съ Областною Думой и предупрежденіе Дерберу не сдаваться. Но было уже поздно.

—Мы надѣлали, чортъ знаетъ, что: сдали власть, какъ разъ, когда столкнулись Дума и Правительство Вологодскаго.

—Откуда эти свѣдѣнія?

Этотъ разговоръ Дербера съ Лавровымъ случайно донесся до меня во время пріемки дѣлъ. Изъ него достаточно хорошо видно, какъ глубоко партійны были всѣ поступки людей типа Дербера. Впрочемъ, это вполнѣ понятно: происходила опредѣленная борьба крайнихъ и умѣренныхъ демократическихъ теченій.

Министръ почтъ и телеграфовъ, онъ же министръ путей и продовольствія, Моравскій отказался сдавать дѣла, и вскорѣ изъ Иркутска было сообщено, что, за подписью Моравскаго, разсылается шифрованная телеграмма почтово-телеграфнымъ служащимъ, съ призывомъ не повиноваться Сибирскому Правительству.

Краткій обзоръ дѣятельности Правительства автономной Сибири.

При сдачѣ дѣлъ такъ называемаго Правительства автономной Сибири, выяснилось, что послѣ свержения 29 іюня совѣтской

власти, Временное Правительство, объявивъ о принятіи имъ всей полноты высшей правительственной власти, въ то же время, въ виду отсутствія у Правительства техническаго аппарата, необходимаго для фактическаго осуществленія всей полноты функцій высшей правительственной власти, признало цѣлесообразнымъ временно, впредь до созданія такого техническаго аппарата, предоставить управленіе всѣми, за исключеніемъ дипломатическихъ переговоровъ, дѣлами—Земской Управѣ и владивостокскому городскому самоуправленію. Отсюда и возникла тенденція владивостокскаго земства къ правительственной власти, которая привела его въ январѣ 1920 года къ созданію приморскаго правительства.

Въ первый періодъ внутренняго конструированія и подготовки надлежащаго штата техническаго аппарата власти, дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ Правительства автономной Сибири была направлена, по словамъ отчета, главнымъ образомъ, „на созданіе отдѣловъ общей информаціи и информаціи политической и на развитіе ихъ дѣятельности. Съ этой цѣлью, при первомъ отдѣлѣ организовано было изданіе „Вѣстника Временнаго Правительства Автономной Сибири“, какъ оффиціальнаго органа Правительства, и приняты мѣры къ широкой информаціи населенія мѣстностей, постепенно освобождавшихся отъ совѣтской власти“. При просмотрѣ „Вѣстника“ обнаруживались многочисленныя попытки Правительства автономной Сибири сговориться съ Временнымъ Правителемъ и безуспѣшность этихъ попытокъ. Энергія Правительства должна была поэтому обратиться въ сторону борьбы съ Дѣловымъ Кабинетомъ (такъ называлось правительство ген. Хорвата).

Организованный Правительствомъ политическо-информаціонный отдѣлъ преслѣдовалъ одновременно задачу борьбы съ остатками большевизма въ области, „въ предупрежденіе возможности какихъ-либо организованныхъ выступленій противъ Временнаго Правительства“, и во-вторыхъ, „организаціи охраны личной безопасности членовъ Правительства отъ покушеній со стороны правыхъ элементовъ, олицетворяемыхъ Временнымъ Правителемъ и его Дѣловымъ Кабинетомъ, и вообще своевременное полученіе необходимыхъ свѣдѣній о планахъ и дѣятельности этого кабинета, въ видахъ защиты отъ покушеній съ его стороны противъ земства, города и Правительства.“

„Къ 29 августа,“ говорится дальше въ обзорѣ, „процессъ конструированія власти въ общемъ закончился, и Временное Правительство признало своевременнымъ издать указъ о фактическомъ

принятіи имъ на себя всей полноты функцій высшей правительственной власти, съ тѣмъ, чтобы за Приморской Областной Управой и владивостокскимъ городскимъ самоуправленіемъ остались только функціи власти въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ, какъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, Положеніемъ Временнаго Всероссійскаго Правительства. Одновременно съ этимъ указомъ отъ 30 августа Правительство назначило предсѣдателя Областной Земской Управы областнымъ комиссаромъ Приморской области". Но, такъ какъ въ началѣ сентября открылось сообщеніе съ Западной Сибирью, то Правительство автономной Сибири такъ и не приступило къ организаціонной работѣ, и принятіе дѣлъ отъ ликвидируемыхъ учрежденій вылилось, главнымъ образомъ, въ разсчеты со служащими.

Еще только приступлено было къ сдачѣ дѣлъ, какъ стало извѣстно, что наканунѣ нашего пріѣзда во Владивостокъ въ Омскѣ произошли печальныя событія.

Генералъ Гайда.

21 сентября вечеромъ, на другой день послѣ пріѣзда во Владивостокъ, я, по порученію Вологодскаго, говорилъ по прямому проводу съ Омскомъ. Рѣчь шла о предоставленіи ген. Гайдѣ командованія сибирской арміей. Предложеніе это было выдвинуто нами изъ Владивостока. Мы мотивировали его тѣмъ, что Гайда являлся все время энергичнымъ и активнымъ сторонникомъ Омскаго Правительства, помогая распространенію его власти по всей территоріи Сибири. Мы надѣялись, что онъ останется и впредь лояльнымъ по отношенію къ Правительству и поведетъ за собой чеховъ, которыхъ нѣкоторые ихъ политическіе лидеры склоняли влѣво. Кромѣ того, мы разсчитывали, что назначеніе Гайды ускоритъ полученіе помощи отъ союзниковъ, остановившихся въ недоумѣніи передъ картиной безчисленнаго множества областныхъ правительствъ и постоянныхъ ихъ междоусобій, которымъ Владивостокъ давалъ блестящій образецъ. Наконецъ, среди русскихъ генераловъ не было никого, кто пользовался бы общимъ признаніемъ у офицерства. Послѣднее разбилось на группы, и каждая боялась преобладанія другой. Особенно усердно рекомендовалъ мнѣ назначеніе Гайды клевретъ послѣдняго, поручикъ Калашниковъ, впослѣдствіи возглавлявшій возставшій гарнизонъ въ Иркутскѣ.

Гайда—несомнѣнный карьеристъ, но незаурядная личность.

Уже въ 1912 году онъ былъ участникомъ Балканской войны, сражаясь у Скутари. Когда же разразилась міровая война, онъ, при первой возможности, 30 октября 1914 года, перешелъ на сторону братьевъ по крови—славянъ. Онъ поступилъ въ ряды черногорскихъ войскъ, но вскорѣ началось крушеніе сербскаго и черногорскаго государствъ. Отступивъ черезъ Албанію съ черногорскими и сербскими войсками, Гайда не палъ духомъ. Онъ проѣхалъ въ Петроградъ съ русскимъ санитарнымъ отрядомъ, подъ видомъ русскаго врача. Здѣсь онъ сейчасъ же зачислился въ сербскую дивизію, состоявшую подъ русскимъ командованіемъ, и съ этой дивизіей вернулся на фронтъ, чтобы грудью своей защищать Россію. Въ это время цѣлыя чехо-словацкія части изъ австрійской арміи стали переходить на сторону Россіи. Послѣ сентября 1916 года Гайда былъ переведенъ младшимъ офицеромъ во второй чехословацкій полкъ, затѣмъ командовалъ ротой, потомъ батальономъ. За бой у Зборова онъ былъ награжденъ офицерскимъ георгіевскимъ крестомъ 4-ой степени и получилъ командованіе полкомъ. Здѣсь его засталъ распадъ русской арміи. Чехо-словацкія дивизіи направились черезъ центральную Россію и Сибирь, чтобы проѣхать черезъ Владивостокъ въ Западную Европу.

Когда большевики потребовали разоруженія чешскихъ полковъ, Гайда принялъ вызовъ. Ново-Николаевскій совдепъ былъ окруженъ имъ и арестованъ.

Послѣ того, какъ въ Омскѣ утвердилась власть Сибирскаго Правительства, капитанъ Гайда направилъ свои силы на Востокъ.

Это былъ славный походъ. Въ районѣ Иркутска чехо-словацкія и сибирскія войска симулировали отступленіе, устроивъ значительную засаду. Большевики поддались на это, попали въ кольцо и были перебиты цѣлыми частями у Байкала. Этимъ были сохранены тоннели кругобайкальской дороги. Былъ также совершенъ другой геройскій маневръ: сравнительно небольшой отрядъ, подъ командой полковника Ушакова, переправился черезъ Байкалъ, зашелъ въ тылъ большевикамъ, смялъ ихъ и вышелъ на соединеніе со своими.

За побѣды въ Восточной Сибири капитанъ Гайда былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ въ генералы.

Гайда, еще молодой человѣкъ, производилъ впечатлѣніе силы и рѣшительности. Краткія, отрывочныя, но всегда ясныя и, точныя фразы выражали его характеръ. Глядя на него, невольно думалось: „огонь намъ въ пользу, если онъ у насъ обузданъ, укрощенъ“.

Омскія событія.

Омскъ ничего не отвѣтилъ мнѣ по поводу назначенія Гайды, сославшись на необходимость переговорить съ Ивановымъ-Риновымъ, который находился въ это время въ Уфѣ, но зато бывшій у аппарата Крутовскій сразу перешелъ на болѣе злободневныя для Омска темы: чѣмъ объясняется „грубый" инцидентъ съ делегаціей Областной Думы въ Иркутскѣ, и почему Предсѣдатель Совѣта министровъ телеграфировалъ о необходимости объявить роспускъ Думы. Я объяснилъ Крутовскому, что Предсѣдатель Совѣта министровъ не могъ допустить прибытія на Д. Востокъ, съ его сложною обстановкою, делегаціи Думы, которая внесла бы еще большую пестроту въ обстановку и безъ того политически скандальную, и что поведеніе думской делегаціи въ Уфѣ достаточно ясно показало, насколько можно было довѣрять Думѣ. Что же касается роспуска Думы, то Предсѣдатель выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ объявить *перерывъ* ея работъ, а не роспускъ, въ виду того, что Дума вышла за предѣлы намѣченной программы работъ. Крутовскій ничего на это не отвѣтилъ, и къ аппарату неожиданно подошелъ Якушевъ, о пребываніи котораго въ Омскѣ мы еще не знали.

„Сообщите Предсѣдателю Совѣта министровъ", сказалъ онъ, „что Областная Дума дала министру Новоселову мандатъ на вступленіе въ составъ Правительства".

Это заявленіе оказалось впослѣдствіи лживымъ. Дума, какъ таковая, Новоселову никакого мандата не давала.

Въ тотъ же вечеръ, 21 сентября, въ Омскѣ были арестованы Крутовскій, Шатиловъ и Новоселовъ, а на другой день послѣдній былъ убитъ.

Вотъ какъ описывается происшедшее въ правительственномъ сообщеніи, правдивость котораго не подвергалась сомнѣнію.

„Верховная государственная власть въ Сибири принадлежитъ Совѣту министровъ Временнаго Сибирскаго Правительства, который къ 20 сентября сего года состоялъ изъ шести лицъ: П. В. Вологодскаго, И. И. Серебренникова, И. А. Михайлова, М. Б. Шатилова, Г. Б. Патушинскаго и В. М. Крутовскаго. Изъ этихъ шести лицъ П. В. Вологодскій находился на Дальнемъ Востокѣ, руководя переговорами съ союзниками, И. И. Серебренниковъ былъ въ Уфѣ въ составѣ делегаціи на Государственномъ Совѣщаніи по созданію Всероссійской власти, М. Б. Шатиловъ въ Томскѣ, Г. Б. Патушинскій находился въ Иркутскѣ, такъ какъ имъ еще

9 сентября было подано прошеніе объ отставкѣ. Наконецъ, В. М. Крутовскій, неоднократно заявлявшій ранѣе объ уходѣ отъ министерскаго поста, проживалъ въ г. Красноярскѣ. Такимъ образомъ, изъ всего состава Совѣта министровъ 19-го сентября с. г. новаго стиля на лицо въ Омскѣ оставался лишь одинъ министръ финансовъ И. А. Михайловъ.

Предвидя такое положеніе дѣлъ, Совѣтъ министровъ еще 7-го сентября, будучи въ законномъ составѣ, издалъ постановленіе о передачѣ правъ Совѣта министровъ, по разрѣшенію неотложныхъ дѣлъ, на время отсутствія большинства его членовъ, Административному Совѣту, учрежденному 24 августа и состоящему изъ управляющихъ министерствами и товарищей министровъ, подъ предсѣдательствомъ министра снабженія И. И. Серебренникова. Но, въ виду отъѣзда И. И. Серебренникова въ Уфу, исполненіе обязанностей предсѣдателя было передано И. А. Михайлову.

19-го сентября въ г. Омскъ прибыли министръ туземныхъ дѣлъ М. Б. Шатиловъ, министръ внутреннихъ дѣлъ В. М. Крутовскій и Предсѣдатель Сибирской Областной Думы И. А. Якушевъ. Въ состоявшемся 20 сентября засѣданіи Совѣта министровъ, въ которомъ участвовали В. М. Крутовскій, И. А. Михайловъ и М. Б. Шатиловъ, министры Крутовскій и Шатиловъ высказались опредѣленно противъ направленія дѣятельности Административнаго Совѣта и намѣревались, вопреки состоявшемуся ранѣе рѣшенію Совѣта министровъ, ввести въ составъ Правительства, въ качествѣ полноправнаго министра, А. Е. Новоселова.

Въ ночь на 21-е сентября В. М. Крутовскій, М. Б. Шатиловъ, И. А. Якушевъ и прибывшій съ ними гражданинъ А. Е. Новоселовъ были арестованы по постановленію уполномоченнаго командующаго арміей по охранѣ государственнаго порядка и спокойствія, начальника гарнизона г. Омска, полковника Волкова, по обвиненію въ томъ, что этими лицами замышлено и приступлено къ совершенію государственнаго переворота, направленнаго противъ государства Россійскаго и Временнаго Сибирскаго Правительства. Арестъ былъ произведенъ безъ вѣдома не только замѣстителя Предсѣдателя Совѣта министровъ и Предсѣдателя Административнаго Совѣта И. А. Михайлова и самого Административнаго Совѣта, но и безъ вѣдома временно управляющаго военнымъ министерствомъ генералъ-майора Матковскаго. Въ тотъ же день отъ В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова были получены прошенія объ отставкѣ.

Въ 7 часовъ вечера 21-го сентября, непосредственно передъ назначеннымъ въ тотъ день засѣданіемъ, были получены въ зда-

ніи Административнаго Совѣта замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта министровъ и временно управляющимъ военнымъ вѣдомствомъ отъ начальника гарнизона донесенія о произведенныхъ арестахъ. Административный Совѣтъ, обсудивъ эти донесенія, единогласно постановилъ: немедленно освободить изъ-подъ стражи В. М. Крутовскаго, М. Б. Шатилова и И. А. Якушева, о дѣйствіяхъ начальника гарнизона полковника Волкова сообщить командующему арміей. Вслѣдствіе же направленія дѣла начальникомъ гарнизона объ арестѣ Новоселова прокурору Омской судебной палаты, вопросъ объ освобожденіи Новоселова былъ признанъ подлежащимъ обсужденію названнаго прокурора.

Прошенія В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова объ отставкѣ были разсмотрѣны Административнымъ Совѣтомъ и условно удовлетворены, съ направленіемъ дѣла объ окончательномъ увольненіи ихъ, а равно и министра Г. Б. Патушинскаго, въ Совѣтъ министровъ по принадлежности.

Независимо отъ всего изложеннаго, въ томъ же засѣданіи Административнаго Совѣта было вынесено постановленіе о перерывѣ занятій Сибирской Областной Думы и ея комиссій, вслѣдствіе несоблюденія ею установленнаго Совѣтомъ министровъ и президіумомъ Думы соглашенія о программѣ занятій Думы и крайней неполноты состава Думы, не пополненной до сихъ поръ представителями цѣлаго ряда группъ населенія, согласно принятому самой Думой закона о пополненіи состава Думы. Постановленіе о перерывѣ занятій Думы принято Административнымъ Совѣтомъ на точномъ основаніи постановленія Временнаго Сибирскаго Правительства отъ 7-го сентября, которымъ Административному Совѣту предоставлено право роспуска Думы, причемъ Административный Совѣтъ объявилъ перерывъ занятій Думы, передавъ установленіе срока возобновленія занятій Совѣту министровъ. Перерывъ занятій Сибирской Областной Думы находится точно также въ полномъ согласіи съ сообщеніемъ Предсѣдателя Совѣта министровъ П. В. Вологодскаго отъ 18-го сентября, увѣдомившаго Административный Совѣтъ о возможности роспуска Думы.

Въ засѣданіи Административнаго Совѣта 23 сентября были доложены результаты экстреннаго разслѣдованія по поводу убійства конвоирами гражданина Новоселова. Въ этомъ же засѣданіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Грацiановъ, посѣтившій В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова по ихъ освобожденіи, сообщилъ, что прошенія объ отставкѣ, по объясненію В. М. Крутовскаго, имъ и Шатиловымъ были подписаны подъ угрозой

разстрѣла; далѣе, А. А. Граціановъ, со словъ того же Крутовскаго, сообщилъ, что Крутовскому и Шатилову, по освобожденіи ихъ, было предъявлено лицами, ихъ арестовавшими, требованіе покинуть городъ Омскъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Заявленіе В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова о вынужденной подачѣ ими прошеній объ отставкѣ и вынужденномъ ихъ отъѣздѣ, а также невыясненность обстоятельствъ убійства А. Е. Новоселова, вызвали единодушное рѣшеніе Административнаго Совѣта о немедленномъ образованіи Верховной слѣдственной комиссіи изъ трехъ членовъ Административнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ торговли и промышленности профессора П. П. Гудкова, въ составѣ: временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія проф. В. Н. Саввина, исп. об. управляющаго дѣлами Совѣта министровъ, члена Омской судебной палаты И. И. Карнѣева-Гребарова, представителя военнаго вѣдомства, представителей военнаго и гражданскаго прокурорскаго надзора и слѣдственной власти.

Наряду съ этимъ, замѣститель Предсѣдателя Совѣта министровъ И. А. Михайловъ обратился по телеграфу къ командующему арміей въ г. Уфу, съ категорическимъ предложеніемъ объ устраненіи отъ должности начальника гарнизона города Омска и назначеніи разслѣдованія его дѣйствій, вслѣдствіе чего командующимъ арміей и было сдѣлано распоряженіе объ устраненіи отъ должности полковника Волкова и его арестѣ.

Утромъ 24 сентября начальникомъ военнаго контроля полковникомъ Зайчекомъ былъ арестованъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Граціановъ, и была сдѣлана попытка арестовать замѣстителя Предсѣдателя Совѣта министровъ и Предсѣдателя Административнаго Совѣта, министра финансовъ И. А. Михайлова.

По докладу полковника Зайчекъ, арестъ Граціанова и попытка ареста Михайлова произведены имъ по телеграфному распоряженію изъ Челябинска отъ чешскаго высшаго начальства.

Въ теченіе сутокъ со времени ареста Граціанова, Административный Совѣтъ установилъ: во 1-хъ, что Верховная Всероссійская власть, сформированная уже къ этому времени, не дѣлала распоряженій ни объ арестѣ И. А. Михайлова ни объ арестѣ А. А. Граціанова, и 25-го сентября утромъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Граціановъ изъ-подъ ареста былъ освобожденъ, и не осуществлялись уже болѣе попытки къ аресту Михайлова; и, во 2-хъ, что Верховная Всероссійская власть постановила вернуть къ дѣятельности министровъ В. М. Кру-

„Бабушка русской революціи", Е. П. Брешко-Брешковская.

товскаго и М. Б. Шатилова и прервать занятія Сибирской Областной Думы.

25 сентября, въ связи съ изложенными выше событіями, отъ Предсѣдателя Совѣта министровъ Временнаго Сибирскаго Правительства изъ Владивостока получена на имя министра финансовъ И. А. Михайлова телеграмма съ одобреніемъ дѣйствій и рѣшеній Административнаго Совѣта и съ указаніемъ на необходимость производства разслѣдованія о дѣйствіяхъ начальника гарнизона.

Въ вечернемъ засѣданіи Административнаго Совѣта 25 сентября было постановлено пополнить составъ Верховной комиссіи однимъ представителемъ чехо-словацкихъ войскъ и однимъ представителемъ отъ омскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ" („Сибирск. Вѣстн." № 32).

Попытки переворота и содѣйствіе чеховъ.

Въ приведенномъ сообщеніи обращаетъ на себя вниманіе указаніе на вмѣшательство въ инцидентъ со стороны чеховъ. Якушевъ былъ въ постоянномъ контактѣ съ нѣкоторыми чешскими „политиками"—особая дружба установилась между сибирскими эсерами-черновцами и чехами Глоссомъ и Рихтеромъ, недалекими и неуклюжими дипломатами, какъ разъ подъ-стать тому типу дѣятелей, которые преобладали въ Областной Думѣ и страдали честолюбіемъ, не имѣя данныхъ на успѣхъ.

Трогательная дружба Областной Думы съ чешскими политиками привела послѣднихъ къ рѣшенію активно выступить на поддержку заговорщиковъ. И я не сомнѣваюсь, что эта поддержка была обѣщана раньше, въ Томскѣ, иначе Дума не рѣшилась бы выступить, потому что за нею зіяло пустое пространство, въ то время, какъ Правительство пользовалось широкой общественной поддержкой и обладало лояльными военными силами.

Какъ только въ Томскѣ получена была телеграмма съ указомъ о перерывѣ работъ, Дума рѣшила оказать неповиновеніе, организовала свое правительство—„Исполнительный Комитетъ"—и постановила предать суду Михайлова (министра финансовъ) и Граціанова (товарища м-ра внутренн. дѣлъ), распоряженіемъ которыхъ была закрыта Дума.

Энергичный и смѣлый томскій губернскій комиссаръ, А. Н. Гаттенбергеръ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ при Директоріи и адмиралѣ Колчакѣ, быстро ликвидировалъ всю эту

дѣтскую затѣю, не обративъ вниманія на угрозы и требованія, которыя предъявляли къ нему чехи объ освобожденіи арестованныхъ членовъ исполнительнаго комитета.

Вотъ эпизоды изъ этой чехо-эсеровской кампаніи.

Губернскій комиссаръ Гаттенбергеръ сидитъ у себя въ служебномъ кабинетѣ. Въ томъ же домѣ помѣщается канцелярія Сиб. Областн. Думы. Тамъ происходятъ непрерывныя конспиративныя засѣданія, на которыя приглашается и чешскій „дипломатъ", докторъ Глоссъ. Участіе въ совѣтѣ старѣйшинъ Думы посторонних лицъ было обычнымъ явленіемъ. Самарскій уполномоченный Гуревичъ сиживалъ и на засѣданіяхъ Думы, не то, что въ совѣтѣ старѣйшинъ—тамъ онъ былъ своимъ человѣкомъ. Зато изъ членовъ Думы приглашались далеко не всѣ, кому слѣдовало представительствовать въ совѣтѣ старѣйшинъ.

Бываетъ время отъ времени въ закрытыхъ засѣданіяхъ совѣта и иностранецъ, докторъ Глоссъ. Неожиданно, въ одинъ изъ тревожныхъ дней, онъ появляется въ кабинетѣ Гаттенбергера, куда проходитъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ, повидимому, изъ совѣта Думы, находившагося, какъ сказано, въ томъ же домѣ.

—Вы что здѣсь дѣлаете? спрашиваетъ Глоссъ.

—А вамъ что угодно? отвѣчаетъ комиссаръ.

—Въ городѣ тревожно, я хочу знать, что вы дѣлаете.

—Нѣтъ, въ городѣ спокойно. Вы можете не безпокоиться, а я занимаюсь дѣлами, которыя васъ не могутъ интересовать.

Глоссъ ретируется. Это было наканунѣ роспуска Думы. Спустя два дня, когда помѣщеніе канцелярія Думы было опечатано, а нѣкоторые члены Думы, и въ томъ числѣ Павелъ Михайловъ, были арестованы, Глоссъ, опять въ сопровожденіи солдатъ, занимаетъ служебный кабинетъ Гаттенбергера, въ его отсутствіе, и оттуда звонитъ ему по телефону.

—Кто у телефона?

—Докторъ Глоссъ.

—Что вамъ угодно?

—Вамъ извѣстно, что помѣщеніе Областной Думы опечатано?

—Да, извѣстно.

—А вамъ извѣстно, что арестованъ членъ Думы Павелъ Михайловъ?

—Извѣстно. Это я распорядился объ арестѣ.

—А на какомъ основаніи?

—По распоряженію Правительства. А вы по какому основанію вмѣшиваетесь?

—Я прошу васъ пріѣхать въ Управленіе комиссара, мнѣ нужно переговорить съ вами.

—Мнѣ не о чемъ говорить съ вами. Я разъединяю телефонъ.

Гаттенбергеръ ѣдетъ затѣмъ къ генералу Пепеляеву, командиру корпуса, стоявшаго тогда въ Томскѣ, и разсказываетъ разговоръ съ Глоссомъ. Пепеляевъ обѣщаетъ Гаттенбергеру, въ случаѣ надобности, арестовать Глосса и сдать его Гайдѣ, который долженъ какъ разъ проѣзжать Тайгу (станція близъ Томска).

Гаттенбергеръ возвращается къ себѣ.

Опять звонокъ.

— Я докторъ Глоссъ. Когда же вы пріѣдете?

— Я не пріѣду и прошу васъ меня не безпокоить. Я былъ у Пепеляева, и онъ гарантируетъ поддержаніе порядка.

— У кого вы были?

— У Пепеляева.

— Зачѣмъ вы у него были?

— Я вамъ сказалъ уже, что не буду давать объясненій своихъ дѣйствій.

— А что вамъ сказалъ Пепеляевъ?

— Сказалъ, что, если нужно будетъ, онъ васъ арестуетъ.

— Гмъ!

Послѣ этого Глоссъ прекращаетъ разговоръ и больше не безпокоитъ управляющаго губерніей.

Послѣ всѣхъ этихъ перипетій Глоссъ былъ убранъ изъ Томска и стушевался вплоть до иркутскаго возстанія.

Несчастная жертва.

Убитый въ Омскѣ Новоселовъ былъ настоящею жертвою чужой игры. Настоящимъ виновникомъ его смерти является Якушевъ, который руководилъ всей этой политической авантюрой, печальныя послѣдствія которой гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно было думать.

Новоселовъ—сибирскій казакъ по происхожденію, талантливый писатель. Его очерки изъ сибирскаго быта написаны красиво и тепло. Онъ прибылъ съ Востока, желая отдохнуть отъ политики и отдаться литературной работѣ.

Связь Новоселова съ казачествомъ внушила, очевидно, реакціоннымъ кругамъ мысль, что это опасный человѣкъ, въ то время, какъ въ дѣйствительности онъ могъ быть только полезнымъ человѣкомъ. Невѣжественная рука озлобленнаго человѣка, явно не

отдававшаго себѣ отчета въ безсмысленной жестокости и тяжкой преступности совершаемаго, покончила съ Новоселовымъ въ загородной рощѣ Омска.

Съ этого момента началась военная распущенность, которая постепенно возрастала, въ которой вылилась и месть за пережитое во время революціи отъ „соціалистовъ“—такое же безхитростное міровоззрѣніе, какъ и у крестьянъ, смѣшивающихъ всѣхъ соціалистовъ въ одно—и деморализація, укрѣпившаяся за время тиранiи большевиковъ, озлобившая и ожесточившая нравы.

Говорятъ, что самъ полковникъ Волковъ, начальникъ омскаго гарнизона, не предвидѣлъ такого исхода ареста и рвалъ на себѣ волосы, когда узналъ о случившемся.

Компромиссная Директорія.

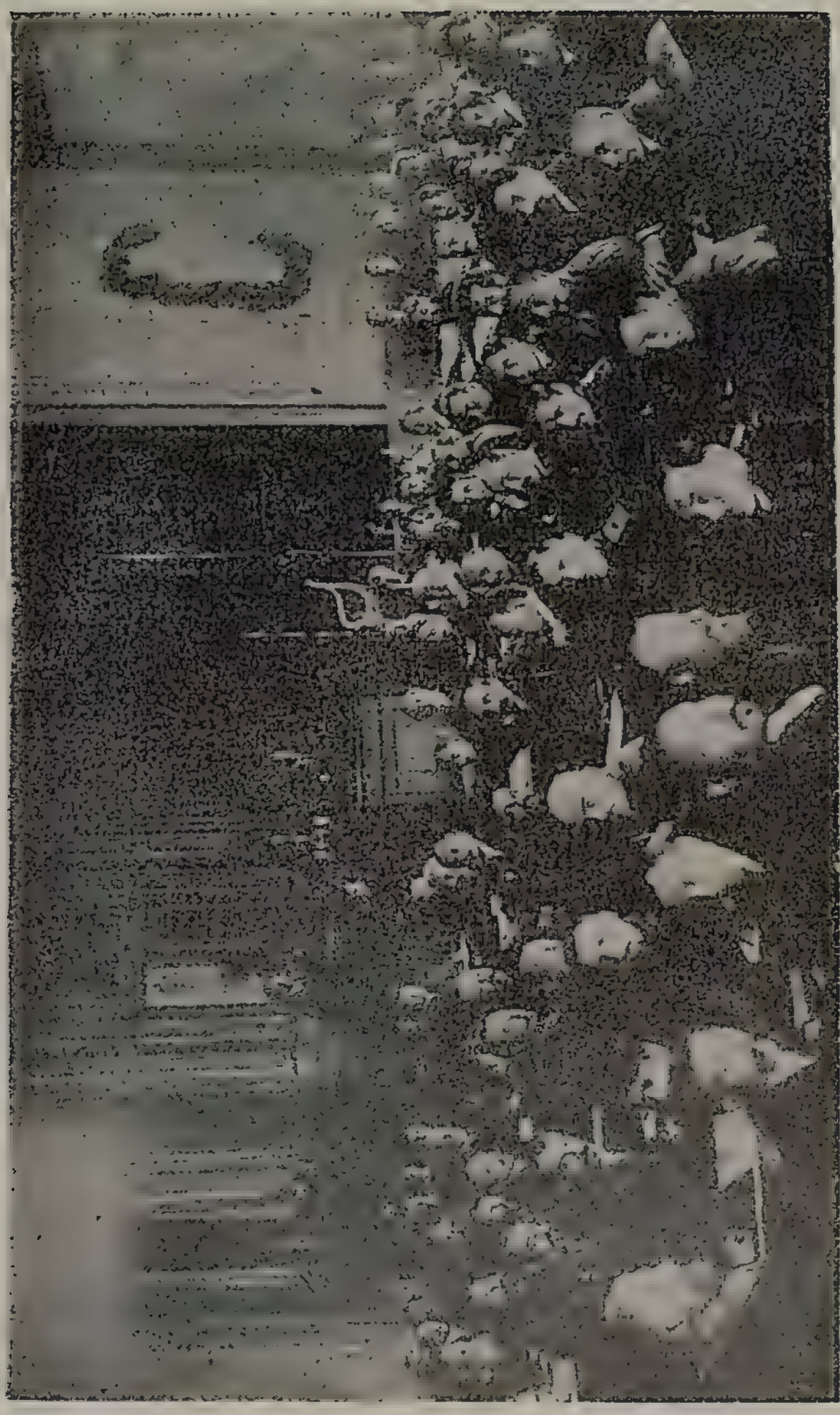
Между тѣмъ, работы комиссій по созданію Всероссійской власти близились къ концу. Компромиссъ слѣдовалъ за компромиссомъ. На всѣхъ рѣшеніяхъ лежала печать поспѣшности и неискренности. Чехи торопили и запугивали. Общая военная обстановка, опасность, грозившая самой Уфѣ, дѣйствовали на членовъ Совѣщанія, заставляя больше отдаваться чуству, чѣмъ разуму. Неудачность выбора города давала себя знать.

Послѣ компромисса, по вопросу объ Учредительномъ Собраніи 1-го созыва, послѣдовалъ второй, по вопросу объ областныхъ правительствахъ. Вмѣсто опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, остаются они, или нѣтъ, было постановлено „положиться на мудрость“ будущаго Правительства. Вологодскій изъ Владивостока далъ указаніе, что онъ считаетъ цѣлесообразнымъ сохранить весь сложившійся сибирскій аппаратъ власти, придавъ ему значеніе общегосударственнаго, но эта идея не нашла себѣ отраженія.

Резолюція по этому вопросу такова:

„1. Всероссійское Правительство является до созыва Учредительнаго Собранія единымъ носителемъ верховной суверенной власти. 2. Всѣ функціи областныхъ правительствъ должны быть переданы центральному правительству, какъ только оно потребуетъ. 3. Мудрости правительства предоставляется во всемъ остальномъ установить границы взаимной компетенціи“.

Слѣдующимъ и послѣднимъ компромиссомъ являлся составъ директоріи. Сибирскіе делегаты, по соглашенію съ Омскомъ и Владивостокомъ, заявляли отводъ противъ Зензинова, какъ типично партійнаго человѣка, и были мало удовлетворены Виногра-



Уфимское Совѣщаніе. Предсѣдательствуетъ Авксентьевъ; въ центрѣ с.-рн Лебедевъ, Брешко-Брешковская, Лазаревъ и др.; слѣва, впереди, сибирскіе делегаты.

довымъ, предпочитая ему Востротина. Первый, хотя и кадетъ, но мало устойчивый, съ наклономъ къ демагогіи, типа Некрасова, который, какъ извѣстно, сыгралъ печальную роль въ правительствѣ кн. Львова, а потомъ Керенскаго.

Но Востротина отвели, обвинивъ его въ продажѣ отечества японцамъ. Зензинова провели въ качествѣ замѣстителя Чайковскаго, о которомъ была дана неправильная информація, что онъ можетъ быстро прибыть въ Сибирь. Виноградова провели, тоже какъ замѣстителя извѣстнаго кадета, московскаго головы Астрова, который, какъ оказалось, былъ принципіальнымъ противникомъ директоріальнаго управленія и, вопреки распространявшимся въ Уфѣ свѣдѣніямъ, былъ далеко отъ нея, и даже не собирался ѣхать въ Сибирь.

Омскія событія заставили сибирскихъ делегатовъ проявить уступчивость. Они опасались, что событія разовьются, и престижъ Правительства падетъ настолько, что придется идти еще на большія уступки. Зензиновъ прошелъ, несмотря на свою совершенную неравноцѣнность и политическое отличіе отъ общеуважаемаго и непартійнаго Н. В. Чайковскаго, въ качествѣ его замѣстителя.

23 сентября.

Всероссійское Правительство возродилось. Правда, многое осталось неяснымъ. Конституція директоріи: вопросъ о ея предсѣдателѣ, о порядкѣ голосованія и принятія рѣшеній, о совмѣстительствѣ съ исполнительными функціями, о порядкѣ организаціи Совѣта министровъ—все осталось наразработаннымъ, предоставленнымъ „мудрости“ самого Правительства. Но все же соглашеніе было достигнуто, русскіе люди проявили, наконецъ, способность примирять противоположные интересы и стремленія, и день 23 сентября былъ политическимъ праздникомъ возрожденія Россіи.

Въ 11 часовъ ночи открылось Государственное Совѣщаніе, для выслушанія результатовъ работъ согласительной комиссіи.

Приведу опять полностью телеграфную информацію объ этомъ знаменательномъ днѣ.

„Публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ въ кулуарахъ, быстро заполняетъ всѣ свободныя мѣста. Предсѣдательствуетъ Авксентьевъ. Послѣ выслушанія журнала предыдущаго засѣданія и поступившихъ на имя Совѣщанія телеграммъ отъ французскихъ и англійскихъ дипломатическихъ представителей, а также русскихъ пословъ въ Римѣ и Пекинѣ, на трибуну всходитъ докладчикъ ко-

миссіи по организаціи всероссійской власти Кругликовъ. Залъ мгновенно замираетъ. Въ ясной, опредѣленной формѣ онъ излагаетъ выводы, къ которымъ пришла комиссія при опредѣленіи взаимоотношеній центральнаго и областныхъ правительствъ и персональнаго состава правительства, замѣстителей и членовъ. Въ послѣднемъ сужденіи комиссіи объединены акты объ образованіи верховной всероссійской власти, которые докладчикъ предлагаетъ Совѣщанію утвердить. Согласно акту, вся полнота всероссійской власти ввѣряется правительству, въ числѣ 5 лицъ: Авксентьева, Болдырева, Вологодскаго, Астрова и Чайковскаго, которое руководствуется въ своей дѣятельности положеніями, принятыми Государственнымъ Совѣщаніемъ, до созыва Учредительнаго Собранія. Персональными замѣстителями являются: Авксентьева—Аргуновъ, Болдырева—Алексѣевъ, Вологодскаго—Сапожниковъ, Астрова—Виноградовъ, Чайковскаго—Зензиновъ. Члены Всероссійскаго Правительства, приступая къ исполненію обязанностей, даютъ торжественное обѣщаніе хранить вѣрность народу и государству Россійскому, выполнять обязанности въ согласіи съ актомъ объ образованіи верховной власти. Замѣнившій Авксентьева на предсѣдательскомъ креслѣ Роговскій обращается къ членамъ Совѣщанія съ вопросомъ: не имѣется ли замѣчаній. Таковыхъ не оказывается. Актъ утверждается единогласно, послѣ чего Роговскій проситъ членовъ Правительства и ихъ замѣстителей занять почетныя мѣста. Одинъ за другимъ, сопровождаемые громомъ аплодисментовъ, выходятъ избранники на эстраду и подписываютъ текстъ торжественнаго обѣщанія.

Отъ имени Государственнаго Совѣщанія новое Правительство привѣтствуетъ Знаменскій. „Передъ Совѣщаніемъ встала громадная задача создать правительство не одного класса, не одной партіи, но всей страны, путемъ взаимныхъ уступокъ. Оно образовано возродить единую, сильную демократическую Россію. Трудны его обязанности, но пусть оно будетъ спокойно: оно не одно—всѣ партіи и группы, участвовавшія въ Совѣщаніи, и каждый изъ насъ поддержатъ его“.

На трибунѣ появляется представитель чешскаго Національнаго Совѣта Павлу. Весь залъ встаетъ и рукоплещетъ. „Отъ имени чехо-словацкаго Національнаго Совѣта, чехо-словацкаго народа, чехо-словацкихъ войскъ и союзныхъ съ нимъ войскъ Польши, Румыніи и юго-славянъ, привѣтствую новое Всероссійское Временное Правительство, залогъ единой великой свободной демократической Россіи—той великой Россіи, которая будетъ опорой

свободы и нашей и вашей. Мы ясно сознаемъ, что наша и ваша судьба общая, мы и вы боролись за свободу, мы боремся теперь за единую свободную Россію, ибо безъ единой свободной Россіи не будетъ единой великой Чехіи, Румыніи, Польши и Юго-Славіи."

По порученію Правительства, отвѣчаетъ Авксентьевъ. „Мы никогда не сомнѣвались, что мы не одни въ борьбѣ съ захватившей русскія области Германіей и большевиками. Отъ имени Правительства позвольте мнѣ благодарить васъ и выразить надежду, что Россія скоро опять встанетъ въ ряды державъ, которыя борются съ германскимъ деспотизмомъ." Далѣе ораторъ обращается къ членамъ Государственнаго Совѣщанія, благодаритъ ихъ за привѣтствія. Въ томъ, что Правительство будетъ не одно—для него великая поддержка въ его трудныхъ обязанностяхъ. Правительство будетъ твердо до конца оставаться на своемъ посту, будетъ охранять права, требовать выполненія обязанностей; оно не забудетъ, что рѣчь идетъ о спасеніи Россіи, благѣ народномъ" (долгіе, несмолкаемые аплодисменты). Предсѣдательствующій проситъ представителей правительствъ, партій и группъ подписаться подъ актомъ.

Залъ пустѣетъ медленно. Несмотря на глубокую ночь, публика не расходится и обсуждаетъ событія великаго дня. Всюду радостныя, оживленныя лица".

Я былъ въ это время на противоположномъ концѣ Сибири, но я вѣрилъ и вѣрю искренности этой телеграммы. Подъемъ дѣйствительно былъ, и если бы Омскъ былъ свидѣтелемъ этого подъема, если бы Правительство было избрано тамъ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать—рука заговорщиковъ не такъ легко поднялась бы.

Одновременно съ избраніемъ Директоріи, генералъ Болдыревъ былъ провозглашенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, борющихся съ большевиками.

Рѣшеніе судьбы Сибирскаго Правительства.

Въ первый же день по избраніи, 24 сентября, новому Всероссійскому Правительству пришлось заняться Омскимъ вопросомъ. Томскіе заговорщики были убѣждены, что чехи произведутъ арестъ Михайлова, и что планъ захвата сибирской власти имъ, въ концѣ концовъ, удастся. Съ другой стороны, чехи были настолько убѣждены въ силѣ и вліяніи своихъ томскихъ друзей, что рѣшили произвести аресты, еще не дождавшись санкціи новой Всероссійской власти. Директорія долго колебалась. Разрѣшить арестъ Михайлова и покончить, такимъ образомъ, съ опас-

нымъ противникомъ изъ Омска казалось очень соблазнительнымъ. Это обезпечивало успѣхъ у лѣвыхъ и, въ случаѣ удачи, расчистило бы дальнѣйшій путь. На этомъ рѣшеніи настаивали, несомнѣнно, всѣ „товарищи". Съ другой стороны, вставъ на путь примиренія, Директорія могла бы завоевать расположеніе умѣренныхъ элементовъ.

Привлеченный къ совѣту Серебренниковъ предупредилъ Директорію о той горячей поддержкѣ, которою пользуется Сибирское Правительство въ различныхъ кругахъ и, въ частности, среди военныхъ, и Директорія не рѣшилась начинать сразу съ конфликта.

Рѣшеніе ея выразилось въ слѣдующемъ постановленіи.

„Первое—признавая непререкаемыя права Сибирской Областной Думы, какъ временнаго органа, представляющаго въ предѣлахъ, установленныхъ Положеніемъ о временныхъ органахъ управленія Сибири, интересы сибирскаго населенія, но имѣя въ виду невозможность при создавшихся условіяхъ нормальной дѣятельности Областной Думы,—отстрочить ея занятія впредь до созданія таковыхъ. Второе—отставку членовъ Временнаго Сибирскаго Правительства М. Б. Шатилова и В. М. Крутовскаго считать недѣйствительной и призвать всѣхъ наличныхъ членовъ означеннаго Правительства къ спокойному выполненію своихъ обязанностей, въ виду крайней необходимости непрерывной работы въ столь тягостное для родины время. Третье—предоставить уполномоченному Временнаго Всероссійскаго Правительства, гражданину А. А. Аргунову, чрезвычайныя права въ дѣлѣ выясненія виновности тѣхъ или иныхъ лицъ въ имѣвшихъ мѣсто событіяхъ. И четвертое—призвать все населеніе Сибири къ полному спокойствію и увѣренности въ томъ, что интересы права и законности Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ будутъ сохранены въ полной мѣрѣ."

Якушевъ въ Каноссѣ.

Въ связи съ возникшими осложненіями, омская общественность, единодушно стоявшая на платформѣ поддержки Сибирскаго Правительства, образовала блокъ, въ который вошли всѣ политическія партіи и группы торговопромышленниковъ, кооператоровъ, казаковъ. Послѣ печальныхъ событій 22 сентября Якушевъ былъ приглашенъ въ блокъ и тамъ, поддавшись впечатлѣнію горячихъ филиппикъ противъ него и Думы, публично покаялся. Онъ, молъ,

Генералъ Д. Л. Хорватъ.

не зналъ, что Правительство дѣйствуетъ въ согласіи съ голосомъ общественности.

Но позднее покаяніе не исправило положенія. Возстановленіе Крутовскаго и Шатилова въ должностяхъ не открывало имъ, однако, возможности послѣ всего совершившагося работать совмѣстно съ Вологодскимъ, Михайловымъ и Серебренниковымъ.

Сибирская Областная Дума была окончательно скомпрометирована неудачнымъ выступленіемъ противъ власти. Ея политическія стремленія были всѣ цѣликомъ выявлены. Въ такомъ видѣ Дума уже не могла существовать. Но еще хуже то, что была скомпрометирована и самая идея представительнаго учрежденія при Временномъ Правительствѣ. Ничто не препятствовало созданію такого учрежденія болѣе, чѣмъ дурной примѣръ Областной Думы и притязательность обломковъ Учред. Собранія.

Авантюра Якушева, этого лицемѣрнаго и слабохарактернаго честолюбца, погубила Новоселова, вовлекла въ недопустимую политическую игру чеховъ, разнуздала военщину, скомпрометировала демократическій представительный органъ. Исторія не займется маленькими людьми этого короткаго періода бурной эпохи, но она въ нѣсколькихъ штрихахъ опредѣлитъ, гдѣ былъ источникъ зла.

Генералъ Хорватъ.

Въ то время, какъ происходили эти событія, намъ нужно было завершить свою миссію на Востокѣ. Мы не договорились еще съ генераломъ Хорватомъ, и онъ продолжалъ носить званіе Временнаго Правителя.

Съ большимъ интересомъ шелъ я впервые къ этому видному дѣятелю русскаго Востока. Его имя я слыхалъ еще въ Омскѣ, какъ имя одного изъ наиболѣе подходящихъ кандидатовъ въ диктаторы. „Сказочный король“—подумалъ я, увидѣвъ впервые этого красиваго старика.

Дѣйствительно, генералъ Хорватъ награжденъ рѣдкою внѣшностью. Очень крупная фигура, сѣдая голова, украшенная красивою длинною бородою, тонкія правильныя черты лица, глаза внимательные и спокойные, выражающіе глубокую уравновѣшенность натуры.

Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ генераломъ, его обликъ сталъ для меня ясенъ. Человѣкъ, не пылающій честолюбіемъ, не рвущійся къ политической борьбѣ, человѣкъ прежде всего реальныхъ

жизненныхъ интересовъ—такимъ онъ мнѣ представился въ Владивостокѣ.

Это типъ дѣятеля, въ которомъ страна особенно нуждается. Наши политики сосредотачиваютъ свое вниманіе прежде всего на формахъ. Ихъ интересуетъ республика, монархія, парламентъ. Генералъ Хорватъ спрашивалъ меня, какъ налаживается транспортъ въ Сибири, гдѣ заказываются денежные знаки, и чѣмъ они обезпечиваются; его интересовало самое существенное: элементарное условіе государственности—состояніе хозяйства. Такой именно руководитель правительственной работы нуженъ Россіи. Направляя дѣятельность власти въ сторону улучшенія хозяйственныхъ условій, онъ обезпечивалъ бы порядокъ и уваженіе къ правительству.

Меня поразили затѣмъ терпимость и отзывчивость его. Генералъ Хорватъ говорилъ о всѣхъ группировкахъ одинаково спокойно и не обнаруживалъ никакой предубѣжденности противъ какихъ-либо партійныхъ людей. Было ясно, что онъ можетъ работать съ дѣловыми людьми самыхъ различныхъ направленій. Когда же поднялся вопросъ объ арестѣ рабочихъ въ Харбинѣ генераломъ Плѣшковымъ, онъ немедленно распорядился объ ихъ освобожденіи.

Но я былъ для генерала Хорвата человѣкомъ новымъ, и, если онъ умѣетъ быть откровеннымъ, то въ отношеніи членовъ омской делегаціи у него не было основаній выходить изъ своей обычной исключительной осторожности.

Получить отъ него сразу опредѣленный отвѣтъ, готовое рѣшеніе почти никогда не удавалось. Онъ всегда ссылался на необходимость обдумать и посовѣтоваться. А такъ какъ я не имѣлъ возможности часто встрѣчаться съ генераломъ, то мнѣ не удалось ближе ознакомиться съ его характеромъ и направленіемъ его ума и воли.

Завершеніе дальневосточной миссіи.

Окончаніе работъ делегаціи Вологодскаго происходило уже послѣ избранія Директоріи. Въ отношеніи послѣдней ген. Хорватъ дѣйствовалъ единодушно съ Вологодскимъ. Онъ сразу проявилъ полную готовность идти на соглашеніе съ нимъ. Но вообще соглашеніе съ генераломъ далось не легко. За его спиной стояли биржевики и торговопромышленники, которые не вполнѣ довѣряли „соціалисту“ Вологодскому, а за спиной послѣдняго ожесточенно нападали на Хорвата „демократы“—земцы, несмотря на

то, что и въ демократическихъ кругахъ генералъ Хорватъ пользовался большимъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, амурскій сепаратистъ, Алексѣевскій, привѣтствовалъ генерала изъ Благовѣщенска, осуждая авантюру Дербера.

23 сентября П. В. Вологодскому было сообщено „постановленіе Владивостокскаго биржевого комитета и Исполнительнаго Бюро промышленности и торговли, принятое единогласно". Имъ рекомендовалось „Кабинету П. В. Вологодскаго, ради сохраненія престижа власти и спасенія родины, спѣшно довести переговоры съ Временнымъ Правителемъ до желаннаго конца".

„Просить Временнаго Правителя, генерала Д. Л. Хорвата, твердо стоять на тѣхъ условіяхъ соглашенія, которыя, послѣ долгаго и всесторонняго обсужденія, были имъ предложены Кабинету П. В. Вологодскаго и оказать Временному Правителю въ этомъ отношеніи всемѣрную поддержку."

Какія же это были условія? Генералъ Хорватъ, принявшій званіе Временнаго Правителя, былъ противникомъ коллегіальной верховной власти, но онъ не предполагалъ конкурировать съ Директоріей, если избраніе послѣдней состоится, онъ не покушался на всероссійскую власть и считалъ лишь полезнымъ обосноваться на Д. Востокѣ, въ качествѣ представителя центральной власти, чтобы руководить жизнью того края, гдѣ сталкиваются хорошо знакомые ему международные интересы, и существуетъ особая экономическая жизнь, мало похожая на жизнь остальной части Азіатской Россіи.

Назначеніе ген. Хорвата намѣстникомъ Сибирскаго Правительства было первымъ условіемъ соглашенія. Второе условіе — включеніе нѣкоторыхъ членовъ образованнаго имъ Дѣлового Кабинета въ составъ Сибирскаго Правительства—не встрѣчало особыхъ возраженій, тѣмъ болѣе, что выборъ лицъ и постовъ предоставлялся всецѣло усмотрѣнію Сибирскаго Правительства, у котораго не было никакихъ основаній отказываться отъ услугъ такихъ опытныхъ и знающихъ людей, какъ Костротинъ, Уструговъ, Клеммъ и др. Соглашеніе могло какъ будто послѣдовать легко и быстро.

Однако, отзвуки закулисной борьбы, происходившей еще до пріѣзда Вологодскаго, создали атмосферу взаимнаго недовѣрія. Безтактная замѣтка въ какой-то газетѣ „хорватовскаго лагеря" что Сибирское Правительство капитулируетъ и принимаетъ всѣ условія, продиктованныя Хорватомъ, взорвала Вологодскаго, и онъ публично заявилъ въ земскомъ собраніи, что „никакого соглашенія нѣтъ и не будетъ".

Но, съ другой стороны, и въ сибирскую печать дана была телеграмма, повидимому, корреспондента „нашего лагеря“, что ген. Хорватъ и его министры забѣгаютъ къ Вологодскому, въ поискахъ соглашенія.

Въ концѣ концовъ, вопросъ получилъ, однако, постановку дѣловую, и обѣ стороны сговорились. Оффиціально было признано и подписано, что, въ виду общности цѣлей, существованіе *двухъ* правительствъ признается излишнимъ. „Актъ высокаго довѣрія“, сказалъ ген. Хорватъ, поглаживая свою длинную красивую бороду и подписывая состоявшееся соглашеніе. Неоффиціально было принято условіе, что, по пріѣздѣ въ Омскъ, Сибирское Правительство проведетъ законъ о генеральномъ комиссарѣ Д. Востока и назначитъ таковымъ ген. Хорвата.

Необходимость единенія всѣхъ классовъ и солидарности съ буржуазіей была признана и кабинетомъ Дербера. И онъ стремился сговориться съ ген. Хорватомъ, но рѣзкая противоположность обоихъ правительствъ мѣшала соглашенію. Не помогла даже замѣна Дербера Лавровымъ, и только Вологодскому удалось закончить эту политическую задачу.

Опубликовано было по поводу соглашенія слѣдующее.

„На объединенномъ засѣданіи делегаціи Сибирскаго Правительства, возглавляемаго П. В. Вологодскимъ, и членовъ Правительства генерала Хорвата единогласно признано:

1. Что въ интересахъ государственныхъ необходимо наличіе одной центральной всесибирской власти,

2. Что программы Сибирскаго Правительства и Правительства генерала Хорвата не расходятся между собою,

и 3. Что, въ силу вышеизложеннаго, сліяніе обоихъ этихъ правительственныхъ аппаратовъ воедино является желательнымъ и должно быть произведено въ ближайшее время.

Подписали: Петръ Вологодскій и Дмитрій Хорватъ.

30 сентября 1918 года“.

Не опубликованнымъ же осталось постановленіе совмѣстнаго засѣданія делегаціи Временнаго Сибирскаго Правительства на Дальнемъ Востокѣ и Правительства генерала Хорвата, 27 сентября 1918 года.

„1. Власть Всероссійской Директоріи, избранной 24 сего сентября на Государственномъ Совѣщаніи въ слѣдующемъ составѣ: П. В. Вологодскаго, Н. И. Астрова, Н. Д. Авксентьева, Н. В. Чайковскаго и генерала В. Г. Болдырева, признается Временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ и Правительствомъ генерала Хор-

вата, о подчиненіи таковой власти дѣлается объявленіе какъ со стороны Временнаго Сибирскаго Правительства, такъ и со стороны генерала Хорвата.

2. Управленіе Дальнимъ Востокомъ должно быть централизовано, и во главѣ управленія долженъ быть поставленъ, въ качествѣ генеральнаго комиссара, генералъ Хорватъ.

3. Въ случаѣ сохраненія, наряду съ Всероссійской Директоріей, также Директоріи Сибирской, въ послѣднюю долженъ быть включенъ генералъ Хорватъ.

4. За отсутствіемъ у делегаціи Сибирскаго Правительства необходимыхъ полномочій, постановленія, изложенныя въ п. п. 2 и 3, являются не окончательными рѣшеніями, а положеніями, пріемлемыми для обѣихъ сторонъ, въ духѣ каковыхъ положеній делегаціей Сибирскаго Правительства и должны быть сдѣланы представленія Сибирскому Правительству.

5. Дѣловой Кабинетъ посылаетъ въ Уфу и Омскъ делегаціи, на которыя возлагается поддержка передъ Правительствомъ точекъ зрѣнія, изложенныхъ въ настоящемъ соглашеніи.

6. Впредь до разрѣшенія вопроса о порядкѣ формированія всероссійской и всесибирской власти, всѣ настоящія постановленія опубликованію не подлежатъ.

Подписали: Г. Гинсъ, В. Глухаревъ, Г. Тельбергъ, Л. Уструговъ".

Когда Вологодскій въ началѣ октября поѣхалъ обратно, осталось не упраздненнымъ только амурское правительство, но его дни были и безъ того сочтены.

Глава IX.

Директорія.

Кто же были тѣ люди, которые взяли на себя возстановленіе Россіи, которые нашли въ себѣ мужество встать лицомъ къ лицу передъ грандіозными по сложности задачами: примирить обострившуюся борьбу интересовъ, создать изъ ничего армію, заставить деморализованную рабочую массу работать? Были ли это люди выдающагося ума и воли, или лица, авторитетъ которыхъ былъ неоспоримъ, и уваженіе къ которымъ ставило ихъ выше всѣхъ прочихъ, дѣлало незамѣнимыми и гарантировало отъ дерзкихъ покушеній на власть? Въ составъ Директоріи вошли Чайковскій, Астровъ, Алексѣевъ (какъ замѣститель). Это были, дѣйствительно, всероссійскіе авторитеты, но ихъ включеніе было нереально. Они были только орнаментами.

Неизвѣстно, какъ и съ какими правами во главѣ Директоріи, въ качествѣ ея предсѣдателя, сталъ Авксентьевъ. Онъ да еще Зензиновъ, Болдыревъ, Виноградовъ, Вологодскій—вотъ фактическая Директорія. Сапожниковъ и Аргуновъ—вотъ реальные замѣстители. Это не были ни люди воли, ни люди личнаго авторитета.

Н. Д. Авксентьевъ.

Николай Дмитріевичъ Авксентьевъ родился въ 1878 г. въ г. Пензѣ. Высшее образованіе получилъ за границею, въ Германіи, сдалъ докторскій экзаменъ въ Галле у профессора Риля. Съ 1905 по 1907 г. г. онъ принималъ участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи, а съ 1907 по 1917 г. г. жилъ въ Парижѣ, занимаясь литературною работою.

Онъ принадлежалъ къ правому крылу соціалистовъ-революціонеровъ, но, занявъ въ кабинетѣ Керенскаго постъ министра внутреннихъ дѣлъ, проявилъ преступную мягкость въ отношеніи большевиковъ, что было впослѣдствіи разоблачено Савинковымъ.

Долголѣтнее пребываніе за границей сдѣлало Авксентьева нереальнымъ политикомъ. Погоня за внѣшнимъ успѣхомъ, склон-

Предсѣдатель Директоріи Н. Д. Авксентьевъ.

ность позировать, любовь къ фразѣ и недостаточная солидность— все это потомъ въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Омскъ, быстро разносилось, преувеличивалось и не способствовало укрѣпленію престижа главы Всероссійскаго Правительства.

Будучи избранъ въ члены Директоріи и ставъ предсѣдателемъ, Авксентьевъ сейчасъ же окружилъ себя адъютантами, возстановилъ титулы, которыхъ не знало Сибирское Правительство, создалъ буффонадную помпу, за которой не скрывалось никакого содержанія.

Генералъ В. Г. Болдыревъ.

Василій Георгіевичъ Болдыревъ происходитъ изъ бѣдной крестьянской семьи. Родился въ 1875 г. въ г. Сызрани. Упорнымъ трудомъ и способностями онъ открылъ себѣ дорогу въ Николаевскую военную академію. Участвовалъ въ русско-японской войнѣ, во время которой былъ трижды раненъ. За доблестную защиту важной стратегической позиціи былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Въ дальнѣйшемъ генералъ быстро проходитъ ступени послѣдовательныхъ повышеній, и съ должности командира полка, въ качествѣ какового онъ одержалъ блестящую побѣду подъ Вильколазомъ (недалеко отъ Люблина), онъ къ моменту революціи дошелъ уже до командира корпуса, защищавшаго Ригу. Спасти Ригу ему не удалось, но отступленіе не было вмѣнено въ вину генералу, и онъ получилъ вскорѣ командованіе 5-й арміей, занимавшей одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ участковъ нашего фронта.

Въ этой отвѣтственной роли ген. Болдыревъ пережилъ октябрьскій переворотъ и, за непризнаніе совѣтской власти, а въ частности, за непризнаніе преступныхъ по отношенію Россіи и русской арміи распоряженій тогдашняго главковерха Крыленко, былъ арестованъ. Въ результатѣ твердаго отстаиванія интересовъ арміи и родины, ген. Болдыревъ былъ судимъ большевиками и приговоренъ къ 3-мъ годамъ тюрьмы.

Послѣ $3^1/_2$ мѣсяцевъ, ген. Болдыреву удалось освободиться изъ тюрьмы и организовать въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ и другими дѣятелями, „Союзъ Возрожденія Россіи“.

Этотъ Союзъ поручилъ ген. Болдыреву пробраться на территорію, освобожденную отъ большевиковъ, и попытаться организовать здѣсь борьбу съ совѣтской властью и съ Германіей.

Заслуги Болдырева, несомнѣнно, велики. Онъ проявилъ себя храбрымъ и демократическимъ генераломъ. Но его извѣстность въ

арміи была слишкомъ слабою, чтобы онъ могъ пользоваться въ ней авторитетомъ. Ему нужно было еще создать себѣ авторитетъ.

Союзъ Возрожденія, который Болдыревъ представлялъ въ Уфимскомъ Совѣщаніи, объединялъ всѣ умѣренныя соціалистическія партіи: соціалъ-демократовъ меньшевиковъ, группу „Единство“ (плехановцевъ), правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, народныхъ соціалистовъ и часть кадетовъ (народной свободы). Въ отличіе отъ него, Національный центръ, который сгруппировался вокругъ Деникина, представлялъ собою болѣе правую группировку.

Союзъ Возрожденія — организація глубоко государственная, рѣзко осудившая демагогію и охлократію большевизма, трезво оцѣнившая моментъ и опредѣленно высказавшаяся противъ присвоенія власти членами бывшаго Учредительнаго Собранія.

Къ сожалѣнію, однако, Союзъ Возрожденія существовалъ больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Ни въ одномъ городѣ Сибири онъ не далъ себя знать, поэтому и лидеры его не могли опереться на Союзъ. Происходило это, вѣрнѣе всего, потому, что ни одна изъ вошедшихъ въ Союзъ партій не хотѣла отказаться отъ самостоятельности.

В. А. Виноградовъ.

Вступившій въ составъ Директоріи временно, за отсутствіемъ Н. И. Астрова, Владимиръ Александровичъ Виноградовъ родился въ Казани въ 1874 г. Образованіе получилъ въ казанской и омской гимназіяхъ, а затѣмъ въ Московскомъ Университетѣ, по юридическому факультету. Здѣсь онъ работалъ, главнымъ образомъ, по экономическимъ вопросамъ подъ руководствомъ проф. А. И. Чупрова. По окончаніи университета въ 1903 г., В. А. служилъ въ астраханскомъ окружномъ судѣ, а послѣ сталъ заниматься адвокатурой.

В. А. былъ членомъ Гос. Думы третьяго и четвертаго созывовъ.

Послѣ государственнаго переворота въ февралѣ 1917 года, онъ былъ комиссаромъ при комитетѣ членовъ Гос. Думы. Съ образованіемъ Временнаго Правительства, получилъ назначеніе по министерству путей сообщенія, завѣдуя, при Н. В. Некрасовѣ, на правахъ тов. министра, водными и шоссейными путями сообщенія.

В. А. — членъ партіи народной свободы.

Казалось бы, Виноградовъ вмѣстѣ съ Болдыревымъ и Вологодскимъ должны были составить единодушный тріумвиратъ, къ

которому примкнулъ бы и Авксентьевъ, какъ человѣкъ, по существу, умѣренный. Но Виноградовъ, какъ и многіе другіе кадеты, привыкнувъ къ оппозиціонной роли, не могъ примириться съ новымъ положеніемъ партіи, попавшей на крайній правый флангъ, и поддавался нѣкоторымъ увлеченіямъ соціалистовъ. Образецъ такихъ кадетовъ—другъ Виноградова Некрасовъ, замѣститель Керенскаго, виновникъ гибели Корнилова.

Виноградову выпало на долю давать большинство рѣшеніямъ. Авксентьевъ и Зензиновъ голосовали, обыкновенно, одинаково, Болдыревъ и Вологодскій тоже. Отъ голоса Виноградова зависѣла судьба рѣшеній. Положеніе его было крайне тяжело и отвѣтственно.

В. М. Зензиновъ.

Владимиръ Михайловичъ Зензиновъ родился въ 1880 г. Высшее образованіе получилъ за границей. Съ 1905 г. работалъ въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Трижды былъ въ ссылкѣ, причемъ однажды бѣжалъ черезъ Охотскъ въ Японію на рыбачьей шхунѣ и оттуда попалъ во Францію. Послѣднюю ссылку отбылъ цѣликомъ на крайнемъ сѣверѣ Якутской области, гдѣ занимался этнографическими и естественно-историческими наблюденіями. Результатомъ его работъ явились книжки: „Старинные люди у холоднаго океана“ и „Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области“. Съ момента войны Зензиновъ велъ оборончество политику; въ 1917 г. избранъ былъ членомъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

В. М. Зензиновъ—человѣкъ рѣдкой порядочности. Его недостатками, какъ члена Директоріи, были несомнѣнная партійность и неопытность въ вопросахъ управленія. Благодаря прямотѣ, послѣдовательности и опредѣленности мысли Зензинова, съ нимъ легче было сговариваться, чѣмъ съ Виноградовымъ.

Первые шаги новой власти.

Директорія разсматривала себя, какъ возродившееся Временное Правительство. Я не могу судить, насколько былъ основателенъ оптимизмъ Авксентьева, но онъ былъ увѣренъ, что союзныя правительства признаютъ Директорію. Поэтому посламъ была разослана телеграмма, предписывавшая имъ дать отчетъ объ ихъ дѣятельности со времени большевистскаго переворота и довести

оффиціально до свѣдѣнія державъ объ образованіи Всероссійскаго Правительства, для назначенія союзныхъ представителей.

Призывъ чиновниковъ.

На томъ же основаніи, какъ законный преемникъ власти Всероссійскаго Правительства, Директорія предложила всѣмъ лицамъ, состоявшимъ на службѣ въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, министерствахъ, вѣдомствахъ, проживающимъ на освобожденной отъ совѣтской власти территоріи—дать о себѣ телеграфныя свѣдѣнія Временному Правительству.

Изъ этихъ лицъ предполагалось формировать особыя всероссійскія учрежденія, сохранивъ областныя.

Трудность организаціи центральныхъ учрежденій въ мало культурной окраинѣ, куда интеллигенція изъ предразсудка и плохого знанія своей родины пренебрегала ѣхать во времена большевизма, уже была испытана на опытѣ Сибирскимъ Правительствомъ. Только въ Омскѣ удалось кое-что организовать. А такъ какъ изъ всѣхъ слагаемыхъ, сумма которыхъ составила территорію Директоріи, Сибирь почти цѣликомъ покрывала всѣ прочія, особенно послѣ паденія Самары, то естественнѣе всего было воспользоваться омскими учрежденіями, какъ общимъ аппаратомъ.

Къ этому скоро и пришла Директорія.

Резиденція.

Омскъ былъ ненавистенъ эсерамъ, а послѣ злополучныхъ событій, закончившихся убійствомъ Новоселова, онъ былъ ославленъ, какъ цитадель реакціи.

Директорія предполагала ѣхать въ Екатеринбургъ. Вологодскій рекомендовалъ избрать Омскъ. Онъ указывалъ, между прочимъ, на превратность военнаго счастья, на опасность, подъ угрозою которой находился все время Екатеринбургъ.

Нехотя, Директорія согласилась.

Съ самаго начала ея волю роковымъ образомъ связывалъ ходъ событій. Директорію несли волны жизни, и она не могла поднять свой парусъ.

Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами, образованный въ Самарѣ изъ членовъ Учредительнаго Собранія, въ виду потери почти всей территоріи, призналъ свое существованіе излишнимъ и самоупразднился, предоставивъ Временному Правительству назначить

для управленія территоріей Самарскаго Совѣта особоуполномоченное лицо съ правами генералъ-губернатора.

Екатеринбургъ не обзаводился своими правительственными учрежденіями. Онъ былъ въ этомъ отношеніи разумно экономенъ.

Правительству не оставалось ничего другого, кромѣ Омска. Переѣздъ совершился 9 октября. Правительство было встрѣчено торжественно, но оно оказалось чуждымъ Омску, и Омскъ былъ чуждъ ему.

Каждая власть врастаетъ въ тотъ городъ, въ которомъ она обосновывается, и переносъ резиденціи долженъ выполняться по тщательно разработанному плану и послѣ основательной подготовки.

Иллюзорная власть.

Спѣшность избранія власти, необдуманность основъ и плана ея дѣйствій сказались сразу.

У Директоріи не было ни аппарата, ни финансовъ, ни оффиціальнаго органа. Распоряженія и декларації Правительства передавались телеграфно, подлинный текстъ ихъ оставался неизвѣстенъ. Сибирское Правительство продолжало существовать и править, а Всероссійское, созданное для той же территоріи, организовало свои министерства и имѣло уже нѣсколько министровъ безъ аппаратовъ, причемъ нѣкоторые: Старынкевичъ (юстиція), Сапожниковъ (просвѣщеніе) были одновременно и министрами сибирскими. Казалось, просто было воспользоваться составомъ Административнаго Совѣта и потомъ, по мѣрѣ выясненія непригодности отдѣльныхъ лицъ, замѣнять ихъ новыми. Но противъ Административнаго Совѣта создалось такое предубѣжденіе, что Авксентьевъ рѣшительно не хотѣлъ его сотрудничества.

Дѣятельность Административнаго Совѣта.

Когда я характеризовалъ раньше отдѣльныхъ членовъ Административнаго Совѣта, я подчеркнулъ ихъ приспособленность къ дѣловымъ, а не политическимъ занятіямъ. Одна, двѣ фигуры со вкусомъ и тяготѣніемъ къ политикѣ—и обчелся, а, между тѣмъ, представленіе объ Административномъ Совѣтѣ составилось превратное, и дѣловыя его качества были забыты, а политическая роль была утрирована. Онъ оказался, дѣйствительно, опорой политическаго курса, но это потому, что онъ былъ солидаренъ съ Вологодскимъ, Михайловымъ и Серебренниковымъ во всѣхъ главныхъ

вопросахъ, которые выдвинуты были политической жизнью осенью 1918 г., и съ принятой дороги ни разу не сходилъ. Но главная его дѣятельность сосредоточилась на вопросахъ текущей жизни.

И. А. Михайловъ.

Политика, въ сущности, была цѣликомъ въ рукахъ Михайлова. И, надо отдать справедливость, онъ проявилъ много талантовъ за время своего почти диктаторскаго управленія и недаромъ стяжалъ себѣ тогда большую извѣстность и расположеніе широкихъ общественныхъ круговъ. Прекрасный предсѣдатель, съ удивительною быстротою и легкостью схватывающій сущность вопроса, онъ отличался способностью проводить засѣданія съ максимальною быстротой. Находчивость его удивительна, и чисто политическая роль была ему болѣе подъ-стать, чѣмъ министерство финансовъ, требовавшее большой хозяйственности, усидчивости и систематичности работы.

Михайловъ отличался, помимо всего, умѣніемъ завязывать отношенія съ общественными кругами, пробуждать въ нихъ энергію, пользоваться печатью и голосомъ общественности и, такимъ образомъ, создавать общественное мнѣніе.

Омскій блокъ общественныхъ организацій былъ имъ использованъ съ исключительнымъ умѣніемъ.

Въ самомъ же направленіи дѣятельности Михайлова за этотъ періодъ я не вижу ничего плохого. Интриги были не съ его стороны, а со стороны Областной Думы. Онъ отвѣчалъ на нихъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣчать представитель назависимой власти. Но молва приписывала Михайлову все, даже инспирацію убійства Новоселова. Для подтвержденія этихъ слуховъ не нашлось, однако, ни одного указанія въ двухъ комиссіяхъ, которыя занимались разслѣдованіемъ дѣла. Убійство—дѣло рукъ и инициативы какого-то „услужливаго медвѣдя“ изъ мелкихъ офицеровъ; оно было результатомъ озлобленія, психоза реакціи противъ большевиковъ и соціалистовъ.

Борьба съ Административнымъ Совѣтомъ.

Примиреніе Директоріи съ Сибирскимъ Правительствомъ было бы вполнѣ возможно, если бы не улюлюканье справа и слѣва. На ухо Авксентьеву нашептывали Якушевъ и другіе эсеры, за спиной Административнаго Совѣта стояли принципіальные противни-

ки Директоріи, жаждавшіе диктатуры и поддерживавшіе Административный Совѣтъ лишь для того, чтобы сбросить Директорію. Вмѣсто того, чтобы направить энергію на борьбу съ большевизмомъ, лучшія силы тратились на междоусобицу. Начало ея пошло, несомнѣнно, отъ Сибирскаго парламента.

Дневникъ Зензинова.

Послѣ сверженія Директоріи остались нѣкоторые документы. Часть изъ нихъ ходила по рукамъ, какъ матеріалъ, съ обвинительными данными. Немного было этихъ данныхъ. При составленіи обвинительнаго акта пришлось бы пользоваться методомъ волка: „ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“. Былъ наряду съ обвинительнымъ матеріаломъ и оправдательный. То и другое сочеталось въ запискахъ Зензинова, написанныхъ искренне, въ качествѣ дневника, но ставшихъ, по волѣ судебъ, политическимъ документомъ.

Вотъ запись отъ 13 октября.

„Началась за эти дни глухая борьба съ Административнымъ Совѣтомъ (дѣловой кабинетъ врем. Сибирскаго Правительства, фактически превратившійся въ высшій органъ власти), который, повидимому, рѣшилъ насъ взять измором и, взявъ фактически въ свои руки всероссійскую власть, превратить насъ въ декорацію. Пока все это закончилось вчера частнымъ совмѣстнымъ нашимъ съ Административнымъ Совѣтомъ засѣданіемъ, на которомъ рѣзко и неприлично выступили противъ насъ Ив. Михайловъ (министръ финансовъ) и Петровъ (министръ земледѣлія).

Отъ насъ потребовалось много выдержки и хладнокровія. Въ результатѣ, мы пришли къ такому соглашенію (всѣ противъ Н. Д. Авксентьева, который настаивалъ на ожесточенной борьбѣ съ Административнымъ Совѣтомъ): областныя правительства (въ томъ числѣ Сибирское и его Административный Совѣтъ) прекращаютъ свое существованіе; Всероссійское Правительство пользуется дѣловымъ аппаратомъ Административнаго Совѣта, какъ онъ есть, до пріѣзда Вологодскаго. Верховныя права по управленію за Всероссійскимъ Правительствомъ остаются въ полной силѣ. Персональный составъ дѣловыхъ министерствъ обсуждается совмѣстно съ Административнымъ Совѣтомъ. Всероссійское Правительство даетъ гарантію, что областныя права Сибири будутъ соблюдены, и обязуется вести работы по созыву Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Административный Совѣтъ, устами Михайлова, вы-

разилъ свое „глубокое удовлетвореніе“ рѣшеніемъ Всероссійскаго Правительства. Посмотримъ, гдѣ здѣсь политическій задній планъ, гдѣ искреннее желаніе сохранить результаты своихъ работъ.

Пугаютъ очень меня репрессіи и общее политическое положеніе въ Сибири. Всюду господствуетъ военщина, и Административный Совѣтъ, повидимому, только игрушка въ ея рукахъ.“

Сколько недовѣрія къ Административному Совѣту! А звѣрь былъ совсѣмъ не страшенъ и даже неспособенъ на политическій разсчетъ. Петровъ, напримѣръ, не менѣе прямой и искренній политикъ, чѣмъ Зензиновъ, въ свои „рѣзкіе и неприличные“ выпады влилъ, несомнѣнно, наболѣвшее чувство протеста противъ вторженія иноземцевъ въ родную ему Сибирь (онъ былъ убѣжденнымъ областникомъ).

Вѣрнѣе заключительное предположеніе Зензинова—„Административный Совѣтъ только игрушка“. Но для будущаго это—тяжелый урокъ. Въ такихъ случаяхъ надо объединяться противъ общаго врага, а не усиливать его своею рознью. Это урокъ для обѣихъ сторонъ.

Возвращеніе Вологодскаго.

Вологодскій прибылъ въ Омскъ только 18 октября. Девять дней ожиданія его были томительны для Директоріи. Авксентьевъ надѣялся, что, съ возвращеніемъ Вологодскаго, дѣло созданія власти пойдетъ скорѣе, но это оправдалось только отчасти. Понадобилось еще двѣ недѣли, прежде чѣмъ Сибирское Правительство передало власть, и новое Всероссійское стало дѣйствительно существовать.

Авксентьевъ опоздалъ на вокзалъ къ моменту прибытія поѣзда Вологодскаго, которому была устроена очень торжественная встрѣча. Присутствовалъ не только Административный Совѣтъ въ полномъ составѣ, но и представители общественныхъ организацій, которые привѣтствовали главу сибирской власти. Получилось впечатлѣніе, что только Директорія не сочла нужнымъ оказать вниманіе Предсѣдателю Сибирскаго Правительства.

Я позже другихъ уѣзжалъ съ вокзала, и опоздавшій Авксентьевъ меня засталъ. Я впервые увидѣлъ его. Красивый, статный мужчина, онъ, однако, очень разочаровалъ меня своею наружностью. Я ожидалъ увидѣть въ немъ, какъ предсѣдателѣ крестьянскаго съѣзда, типъ русскаго мужика, какимъ онъ мнѣ рисовался по плохимъ фотографіямъ петроградскихъ еженедѣльниковъ, а увидѣлъ я типич-

наго франтоватаго интеллигента, подсунутаго крестьянамъ изъ партійнаго кабинета.

Авксентьевъ полюбопытствовалъ, гдѣ и какъ онъ можетъ повидать Вологодскаго, но дѣловое свиданіе съ послѣднимъ удалось ему не сразу. Послѣдній, послѣ долгаго отсутствія изъ Омска, занялся на нѣкоторое время личными дѣлами. У него это выходило удивительно мило. Здоровая уравновѣшенность его натуры выражалась въ поразительномъ спокойствіи. Онъ никогда не проявлялъ ни торопливости, ни раздраженія, ни страха. Своимъ спокойствіемъ и выдержкой онъ иногда обезоруживалъ, а иногда обезкураживалъ горячія головы.

Директорія была увѣрена, что Вологодскій хитритъ, готовится, комбинируетъ, а онъ просто не спѣшилъ...

Формированіе Совѣта министровъ.

Въ сущности, два вопроса заставили биться пятнадцать дней надъ рѣшеніемъ проблемы организаціи Совѣта министровъ Всероссійскаго Правительства и упраздненіемъ Сибирскаго Правительства—это были вопросъ объ Областной Думѣ и вопросъ о лицахъ.

Сибирское Правительство упраздняется, а Дума? Она, послѣ всѣхъ событій, послѣ явнаго мятежа, сопровождавшагося избраніемъ исполнительнаго комитета, хочетъ продолжать свое существованіе. Она упорно требуетъ возобновленія сессіи; Сибирское Правительство настаиваетъ на ея роспускѣ, Директорія соглашается на „самороспускъ“ Думы. „Если Дума изъ политическаго самолюбія добивается самоупраздненія, то почему, собственно, не согласиться на это—тоже изъ политическаго самолюбія?“ спрашивали члены Директоріи.

Авксентьевъ убѣждаетъ Административный Совѣтъ не противодѣйствовать созыву Думы, при *гарантіи*, что она ограничится только самороспускомъ. Мы уже потеряли довѣріе къ гарантіямъ, когда онѣ исходятъ отъ Думы, мы предупреждаемъ, что заигрываніе съ Думою только *подрываетъ престижъ Директоріи*. Объ этомъ говорилось въ совмѣстномъ засѣданіи Административнаго Совѣта съ Директоріей, гдѣ настойчиво рекомендовались рѣшительные шаги въ отношеніи Думы.

Но Директорія не вѣритъ нашей искренности. Она думаетъ, что выпадъ противъ Думы—результатъ озлобленности и политической истеричности. Мы уступаемъ. Пусть Дума сама себя распускаетъ. Дѣло не въ Думѣ. Плохо то, что политическое недовѣріе

къ Директоріи все усиливается. На Западѣ—съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія, на Востокѣ—Областная Дума, въ Омскѣ — Авксентьевъ и Зензиновъ; все это соціалисты-революціонеры, все это, въ глазахъ многихъ—одна партія, одно цѣлое.

За областниковъ или противъ нихъ.

Сибирское Правительство идетъ на уступки, оно готово самоупразднитьсл. Но что же будетъ съ бѣлозеленымъ флагомъ, символомъ сибирской автономіи? Какъ быть съ декларацiями и обѣщаніями, съ увѣреніями и надеждами, которыя сопровождали дѣятельность „Сибирскаго“ Правительства, правительства областниковъ?

Очевидно, что-то серьезное было въ самомъ этомъ движеніи областниковъ, если оно умѣло вызвать энтузіазмъ, создать армію и административный аппаратъ, найти идеологовъ и исполнителей.

Я думаю, что было бы несомнѣннымъ преувеличеніемъ приписывать успѣхи Сибирскаго Правительства исключительно областническимъ его тенденціямъ. Не онѣ, а ненависть къ большевизму вызвали переворотъ, не онѣ, а жажда порядка заставили населеніе подчиниться призыву. Не областническіе круги, а бѣженцы дали силы для административнаго аппарата.

Но областничество было все же здоровымъ явленіемъ. Даже въ нормальныхъ условіяхъ централизованное управленіе Россіей приводило къ общественному маразму, къ гибели самодѣятельности, къ развитію центростремительныхъ тенденцій интеллигенціи, покидавшей „дикія“, заброшенныя окраины. Нынѣ, послѣ тѣхъ тяжелыхъ потрясеній, которыя пережила Россія, ея возрожденіе можетъ произойти только при условіи самаго широкаго развитія мѣстной самодѣятельности. А для этого необходимо областничество, сущность котораго составляетъ „мѣстный“ патріотизмъ.

Областниками были, однако, не только люди, выносившіе въ себѣ любовь къ „мѣсту“. Не одни сибиряки были областниками въ періодъ созданія сибирской власти. Господа Дерберы, Линдберги, Гольдберги, эти „навозные“ люди Сибири („навознымъ“ людомъ называютъ въ Сибири всѣхъ пріѣхавшихъ въ нее со стороны)—тоже стали подъ областническое знамя. Но въ этомъ не было ничего искренняго. Здѣсь заключалась только тактика: эсеры укрѣпились въ Сибири, чтобы идти на большевистскую

Русь. Они избрали тѣ лозунги, то знамя, которое могло быть популярнѣе. Отказаться отъ этого знамени для нихъ ничего не стоило. Противились этому лишь тѣ, кто на областничествѣ устроилъ свою судьбу, создалъ свое благополучіе, но такихъ было немного.

Я тоже былъ областникомъ и тоже по разсчету. Я нисколько не скрывалъ этого. Будучи „навознымъ“ человѣкомъ въ Сибири, связаннымъ съ нею только по предыдущей службѣ въ переселенческомъ вѣдомствѣ и по литературнымъ работамъ надъ вопросами колонизаціи, я не могъ быть „сибирскимъ“ патріотомъ. Я былъ и оставался патріотомъ „россійскимъ“. Но, задумываясь надъ страшнымъ вопросомъ будущаго, вопросомъ о путяхъ возстановленія могущественной Россіи, я еще въ Петроградѣ пришелъ къ убѣжденію, что это возстановленіе надо производить по частямъ, начиная съ окраинъ. Я сталъ „областникомъ“ тактическимъ, и, когда всталъ вопросъ объ упраздненіи Сибирскаго Правительства и о централизаціи власти въ рукахъ Директоріи, я не могъ разстаться со своими представленіями и примкнулъ къ тѣмъ, кто старался гарантировать сибирскую автономію для будущаго.

Условія Сибирскаго Правительства.

Совмѣстно съ Административнымъ Совѣтомъ, Сибирское Правительство выработало и предъявило Директоріи основные тезисы по вопросу объ упраздненіи и возстановленіи областныхъ правительствъ. Эти тезисы-условія преслѣдовали различныя цѣли: 1) безслѣднаго уничтоженія нежизнеспособныхъ искусственныхъ правительствъ, 2) обезпеченія сибирской автономіи въ будущемъ, 3) установленія гарантій, что съ упраздненіемъ Сибирскаго Правительства не измѣнится политическій курсъ (вопросъ о порядкѣ формированія Совѣта министровъ).

Вотъ эти тезисы.

1. Съ созданіемъ всероссійской власти всѣ, безъ исключенія, областныя правительства и областныя представительныя учрежденія на ближайшій періодъ времени прекращаютъ свое существованіе.

2. Возсозданіе областныхъ управленій, являясь результатомъ признанія Всероссійскимъ Правительствомъ правъ нѣкоторыхъ областей Россіи на автономное управленіе, должно предполагать предварительное, строгое и опредѣленное ограниченіе верховной

государственной властью компетенціи областныхъ управленій предѣлами областного значенія.

3. Временное Всероссійское Правительство, въ цѣляхъ скорѣйшей организаціи управленія всероссійскаго, принимаетъ правительственный аппаратъ Временнаго Сибирскаго Правительства.

4. Первый составъ Совѣта министровъ Временнаго Всероссійскаго Правительства, какъ преемственно связанный съ Правительствомъ Сибирскимъ, образуется Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ по соглашенію съ Сибирскимъ Правительствомъ.

5. Организуемый аппаратъ центральнаго всероссійскаго управленія и является Совѣтомъ министровъ, каждый членъ коего персонально отвѣтственъ передъ Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ.

6. Предсѣдатель Совѣта министровъ Временнаго Всероссійскаго Правительства назначается Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ изъ числа его членовъ. Временное Всероссійское Правительство назначаетъ Предсѣдателемъ Совѣта министровъ Петра Васильевича Вологодскаго. Замѣститель Предсѣдателя Совѣта министровъ избирается изъ числа членовъ Совѣта министровъ. На время длительнаго отсутствія Предсѣдателя Совѣта министровъ, Временное Всероссійское Правительство назначаетъ Предсѣдательствующаго.

7. Принимая на себя управленіе всѣми частями и областями Россіи, включая и Сибирь, Временное Всероссійское Правительство декларируетъ непреклонность его воли къ обезпеченію за сибирскимъ населеніемъ правъ на областной представительный органъ.

8. Для разработки положенія о выборахъ въ сибирскій представительный органъ, создается спеціальная комиссія, въ составъ коей должны быть включены члены Сибирской Областной Думы настоящаго состава.

9. Разработанное означенной въ п. 8 комиссіей Положеніе о выборахъ въ областной сибирскій представительный органъ пріобрѣтаетъ силу избирательнаго закона по одобреніи его Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ, какъ верховной властью.

10. Принимая на себя всю совокупность правъ по управленію, осуществлявшихся мѣстными правительствами, Правительство Всероссійское сохраняетъ дѣйствіе законодательныхъ актовъ областныхъ правительствъ. Отмѣна и измѣненіе этихъ законодательныхъ актовъ производятся Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ въ общемъ порядкѣ.

11. Устанавливая единство всей россійской арміи, подчиненной (во всѣхъ оперативныхъ и организаціонныхъ вопросахъ) единому Верховному командованію, Временное Всероссійское Правительство сохраняетъ территоріальный способъ комплектованія частей, допуститъ территоріальныя наименованія, а при наличіи общенаціональнаго—и областные территоріальные отличительные цвѣта (напр., бѣлозеленый для сибиряковъ).

По поводу этихъ тезисовъ, среди представителей омской общественности, почти цѣликомъ стоявшей на платформѣ единой Россіи и усматривавшей въ областничествѣ скрытый сепаратизмъ, разгорѣлся споръ. Нуженъ ли сибирскій представительный органъ? Даже это названіе, избранное взамѣнъ употреблявшагося обычно: „Сибирское Учредительное Собраніе“, которое какъ будто предрѣшало возможность и полной государственной независимости Сибири—все же пугало воображеніе многихъ. Но, въ концѣ концовъ, тезисы были одобрены всѣми. Безболѣзненно прошли они и въ Директоріи, въ засѣданіи которой я присутствовалъ при ихъ разсмотрѣніи. Директорія внесла лишь то исправленіе, что какъ Предсѣдатель Совѣта министровъ, такъ и замѣститель его избираются изъ членовъ Директоріи.

Въ этомъ была—результатъ недовѣрія къ исполнительному аппарату—политическая цѣль: воспрепятствовать слишкомъ обособленному существованію Совѣта министровъ. Но, съ точки зрѣнія устойчивости верховной власти, принятое Директоріей рѣшеніе было неправильно и вредно. Директорія была бы въ большей степени недосягаема, если бы она не вмѣшивалась непосредственно въ исполнительныя функціи. По сравненію съ Сибирскимъ Правительствомъ, уже былъ достигнутъ успѣхъ. Члены Директоріи не были министрами, но нужно было не возлагать на членовъ Директоріи ни функцій предсѣдателя Совѣта министровъ, какъ это было сдѣлано въ отношеніи Вологодскаго, ни функцій главнокомандующаго, какъ это было сдѣлано въ отношеніи Болдырева. Каждый членъ Директоріи, по словамъ Зензинова (въ дневникѣ), былъ, въ сущности, „Ваше однопятое величество“, а, по обстоятельствамъ времени, было бы лучше, если бы каждый членъ Директоріи былъ „однопятой президента“.

Непрошенная охрана.

Омская обстановка, въ моментъ формированія правительства Директоріи, была насыщена электричествомъ бунтарства. На

парадныхъ обѣдахъ происходили скандалы. Къ концу обѣда офицеры требовали обычно „гимна“, и музыка играла „Боже, царя храни“. Представители Правительства тщетно протестовали и должны были уходить съ обѣдовъ. Масла въ огонь подлилъ англійскій полковникъ Воордъ, депутатъ рабочей партіи въ парламентѣ. Талантливый ораторъ, онъ красочно описывалъ свои впечатлѣнія, искренне возмущался, что русскіе боятся своего *національнаго* флага и своего *національнаго* гимна. Вѣдь музыка его такъ хороша, да и содержаніе не плохо: почему бы русскимъ не ввести у себя такой строй, какъ въ Англіи?

Я самъ присутствовалъ при одной такой рѣчи. Это было въ Иркутскѣ, на парадномъ обѣдѣ гарнизона. Я говорилъ на этомъ обѣдѣ, что Правительство мечтаетъ о томъ времени, когда ему возможно будетъ не прибѣгать къ услугамъ арміи для охраны порядка въ Россіи, потому что подобныя функціи развращаютъ армію, а Воордъ говорилъ о томъ, что офицерство должно взять на себя охрану внутренняго порядка.

Но гимнами дѣло не ограничивалось. Гдѣ-то въ глубинѣ расталъ глухой ропотъ, чувствовался протестъ противъ соціалистическихъ учрежденій, соціалистической власти.

Однажды ночью Вологодскаго разбудилъ звонокъ телефона.

— Кто говоритъ?

— Изъ Совѣта министровъ. Васъ ищутъ офицеры, повидимому, хотятъ арестовать, спрашивали адресъ.

Черезъ нѣкоторое время послышался топотъ лошадей. Къ квартирѣ Вологодскаго подъѣхалъ отрядъ казаковъ.

Вологодскій не спалъ всю ночь.

Утромъ онъ открылъ окно и спросилъ: „Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?“

— Охранять присланы.

— Можете ѣхать. Вы мнѣ не нужны.

— Покорнѣйше благодаримъ! И уѣхали.

Сибирскіе казаки пріѣхали охранять главу Сибирскаго Правительства отъ якобы готовившагося покушенія со стороны Директоріи.

Поводомъ для этого служили какъ свѣдѣнія развѣдки объ активности соціалистовъ-революціонеровъ, такъ и наличность у Директоріи особой охраны, доставшейся ей въ наслѣдство отъ Самары.

Въ тотъ же день вечеромъ происходило совмѣстное засѣданіе Директоріи и Сибирскаго Правительства. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и я. Вдругъ меня вызываютъ къ телефону.

— Говорятъ изъ штаба второго корпуса. Есть свѣдѣнія, что Сибирское Правительство будетъ сегодня арестовано въ помѣщеніи Директоріи; разрѣшите прислать охрану.

— Я думаю, это вздоръ. Никакой охраны не надо.

Говорилъ солидный, лично мнѣ извѣстный полковникъ.

Въ концѣ концовъ, я побоялся взять на себя отвѣтственность, отказавшись отъ охраны, и согласился.

Засѣданіе продолжалось. Черезъ нѣкоторое время вызвали ген. Болдырева.

Онъ вернулся взволнованнымъ.

— Господа! прибыли казаки, охранять Сибирское Правительство. Я ихъ отправилъ обратно. Чортъ знаетъ, что за безобразіе!

Тогда я разсказалъ о своихъ переговорахъ по телефону.

Болдыревъ взялъ на себя доставить членовъ Сибирскаго Правительства на квартиры и самъ развезъ насъ.

Когда мы подъѣхали къ квартирѣ Вологодскаго, тамъ стоялъ пикетъ.

„Опять охрана!“

Надо замѣтить, что до той поры Сибирское Правительство не знало охраны. У зданія Совѣта министровъ стоялъ обыкновенно одинъ человѣкъ. У квартиръ министровъ не было никого, и сами министры обычно возвращались домой пѣшкомъ даже по ночамъ, не чувствуя никакой опасности.

Помѣщеніе же Директоріи было набито солдатами.

Вся эта исторія показываетъ, какъ непопулярна была въ военной средѣ Директорія, и какъ, наоборотъ, прочно укрѣпился авторитетъ Сибирскаго Правительства.

Вопросъ о портфеляхъ.

Горячая борьба разгоралась изъ-за лицъ. Кто войдетъ въ составъ перваго Совѣта министровъ? На этомъ вопросѣ страсти разгорѣлись сильнѣе, чѣмъ по поводу „самороспуска“ Думы.

Вся омская общественность, объединившаяся въ блокъ, горячо обсуждала каждую кандидатуру. Днемъ и вечеромъ происходили совѣщанія, на которыя приглашались и представители Сибирскаго Правительства; на одномъ изъ засѣданій былъ даже Вологодскій. Блокъ насѣдалъ на него, добиваясь его настойчивости и рѣшительности въ отстаиваніи кандидатуръ.

Не обширенъ былъ кругъ лицъ, среди которыхъ можно было вербовать кандидатовъ въ министры. Промелькнули случайныя

лица, какъ, напримѣръ, Савинковъ, пробравшійся въ это время въ Сибирь и показавшійся подходящимъ человѣкомъ для завѣдыванія иностранной политикою, но сейчасъ же устраненный изъ числа кандидатовъ энергичными возраженіями Авксентьева. Савинковъ какъ разъ въ это время разоблачалъ его въ газетахъ, какъ министра кабинета Керенскаго, виновнаго въ попустительствѣ большевикамъ. Появился и сразу былъ признанъ, какъ безспорный и не имѣющій конкурентовъ кандидатъ въ военно-морскіе министры, адмиралъ Колчакъ. Онъ прибылъ съ Востока въ намѣреніи проѣхать затѣмъ къ Деникину, но въ Омскѣ ему устроили радушный пріемъ и уговорили остаться для работы въ правительствѣ Директоріи. Въ большинствѣ случаевъ выбирать приходилось, однако, либо „сибирскихъ“, либо „самарскихъ“ министровъ. Омскъ энергично отстаивалъ своихъ, Директорія заявляла отводы.

Со стороны Директоріи были предложены въ министры: Колчакъ (военный и морской), Ключниковъ (по иностраннымъ дѣламъ), Сапожниковъ (народное просвѣщеніе), Старынкевичъ (юстиція), Уструговъ (пути сообщенія), Роговскій (внутрен. дѣла), Майскій (вѣд. труда).

Сибирское Правительство возражало противъ Роговскаго и Майскаго, выдвигая, вмѣсто перваго, Михайлова, вмѣсто второго— Шумиловскаго. Омскій блокъ общественныхъ организацій рѣзко выступилъ противъ Старынкевича, но скоро весь споръ свелся къ личности Михайлова.

Тайное совѣщаніе.

Въ дневникѣ Зензинова внесена по этому вопросу спеціальная замѣтка.

„29 октября. Вчера было одно изъ самыхъ тягостныхъ засѣданій Всероссійскаго Правительства. По вопросу о Думѣ Административный Совѣтъ уступилъ, но продолжалъ настаивать на вхожденіи въ министерство Михайлова, въ качествѣ министра финансовъ. Авксентьевъ и я заявили о своей готовности уйти въ отставку, благодаря чему, Всероссійское Правительство разсыпается. Но гибель Всероссійскаго Правительства есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гибель Россіи; ибо потерпитъ крахъ послѣдняя попытка созданія единой центральной власти, и неизбѣжно будетъ гражданская война. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при вхожденіи Михайлова, этого символа и дѣйствительнаго руководителя всей „сибирщи-

ны“—какой смыслъ имѣетъ нахожденіе въ составѣ Всероссійской власти представителей демократіи? Вотъ трагическій вопросъ, изъ котораго необходимо найти выходъ.

Сегодня утромъ состоялось у Н. Д. Авксентьева засѣданіе, посвященное этому вопросу. Якушевъ, Колосовъ и Павловъ высказались противъ принятія Михайлова, и, слѣдовательно, за нашъ выходъ изъ состава Правительства. Аргуновъ, Раковъ, Роговскій, Кругликовъ, Мазинъ (секретарь президіума Думы), Лозовой, Пумпянскій, Архангельскій соглашались на вхожденіе Михайлова, лишь бы только не распадалась Всероссійская власть. Н. Д. Авксентьевъ и я согласились съ послѣдними и приготовились сдѣлать объ этомъ заявленіе на засѣданіи Правительства, хотя и понимали прекрасно, *что Михайловъ окажется для Всероссійскаго Правительства роковымъ человѣкомъ, что онъ погубитъ Всероссійскую власть*“.

Какъ видно изъ дневника Зензинова, Михайловъ казался Директоріи наиболѣе опаснымъ человѣкомъ; съ другой стороны, Сибирское Правительство съ такою же нетерпимостью и предвзятостью относилось къ кандидатурѣ Роговскаго. Формированіе правительства затормазилось на недѣлю исключительно изъ-за этихъ двухъ лицъ.

Омскій блокъ.

Въ это время на общій ходъ переговоровъ оказалъ большое вліяніе омскій блокъ. Въ него входили представители группы „Единство“, правыхъ эсеровъ, народныхъ соціалистовъ, кадетъ, кооператоровъ, торговопромышленнаго класса. Блокъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ казакамъ и, по старой памяти, со временъ подпольной противобольшевистской работы, многіе дѣятели его пользовались большимъ вліяніемъ въ военныхъ кругахъ.

Блокъ представлялъ изъ себя поэтому большую силу. Единодушныя дѣйствія и заявленія блока, отражавшаго взгляды и настроенія очень разнообразныхъ группъ, не могли не импонировать, и Директорія невольно прислушивалась къ нимъ. Реальная сила блока была недостаточно ясна, но увѣренность и, я сказалъ бы, рѣзкость, съ которою нѣкоторые члены блока разговаривали съ Директоріей, заставляла думать, что блокъ чувствуетъ за собой силу.

„Вагоны прицѣпляются къ поѣздамъ, которые ходятъ и сюда и обратно“, сказалъ, напримѣръ, одинъ изъ членовъ блока Авксентьеву, намекая на возможность „вывоза“ Директоріи.

Исторія легенды о Колчакѣ и Ноксѣ.

Помимо блока, солидарность дѣйствій проявилъ и Совѣтъ министровъ. Лица, еще не назначенныя министрами, выставленныя только кандидатами, молчаливо условились не принимать назначеній, или отказаться отъ нихъ, если не будутъ приняты общія требованія. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ намѣченныхъ кандидатовъ представлялись незамѣнимыми. Такимъ былъ, напримѣръ, адмиралъ Колчакъ. Кто могъ соперничать съ нимъ по извѣстности, по авторитету? Когда военный представитель Англіи, ген. Ноксъ, узналъ о кандидатурѣ Колчака, онъ горячо привѣтствовалъ ее и сказалъ, что назначеніе Колчака обезпечиваетъ помощь со стороны Англіи. Отсюда пошла легенда о томъ, что Колчакъ, какъ Верховный Правитель, былъ созданъ ген. Ноксомъ.

Адмиралъ, видимо, тяготился всѣми перипетіями борьбы за кабинетъ. Онъ сказалъ опредѣленно, что не будетъ работать съ соціалистами, и поэтому присоединился къ общему возраженію противъ Роговскаго, какъ министра внутр. дѣлъ, но затяжка кризиса и вынужденная бездѣятельность его тяготили. Онъ замкнулся у себя въ квартирѣ, выходилъ мало и на засѣданіяхъ Сибирскаго Правительства, когда его приглашали, довольно угрюмо молчалъ. Политика была ему явно не по вкусу. Это былъ человѣкъ *военный* прежде всего.

Тѣмъ не менѣе, имя адмирала фигурировало въ числѣ противниковъ Роговскаго и защитниковъ Михайлова, и это не могло не играть роли.

Компромиссъ.

Соглашеніе, наконецъ, приблизилось. Михайлова принимали, какъ министра финансовъ, Роговскаго, какъ товарища министра внутр. дѣлъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначался тотъ самый томскій губернаторъ Гаттенбергеръ (французская фамилія его предковъ была испорчена на нѣмецкій ладъ), который былъ грозою Сибирской Думы, блюстителемъ авторитета сибирской власти передъ покушеніями „брата“ Глосса и др.

Остался вопросъ объ управляющемъ дѣлами. Моя кандидатура, какъ мнѣ передавалъ Вологодскій, принималась безъ возраженій, но я категорически отказался. Я настаивалъ на освобожденіи меня отъ участія въ работахъ Правительства вообще и предложилъ, вмѣсто себя, проф. Тельберга. Послѣдній считался монархистомъ, и его принимали неохотно. Вопросъ разрѣшился,

наконецъ, тѣмъ, что функціи управленія дѣлами раздѣлили. Создано было управленіе дѣлами Директоріи, во главѣ котораго всталъ Кругликовъ, и управленіе дѣлами Совѣта министровъ, во главѣ котораго былъ поставленъ Тельбергъ. Выставлена была моя кандидатура въ министры труда, но я предупредилъ Вологодскаго, что не займу этого поста, а потому по поводу моей кандидатуры никакихъ раздоровъ не могло быть. Кажется, кто-то изъ членовъ Директоріи предложилъ назначеніе мое товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ правами замѣстителя министра, избравшаго резиденціей Томскъ. Сапожниковъ одобрилъ мою кандидатуру. Считая для себя необременительною эту должность, я согласился. Всѣ препятствія къ разрѣшенію кризиса устранились.

Самарскіе документы.

Въ послѣднихъ числахъ октября, у одной изъ служащихъ Самарскаго „Комуча“ г-жи Рерихъ былъ произведенъ обыскъ. У нея нашли документы, относившіеся къ дѣятельности Самарскаго Правительства, и такъ какъ наиболѣе пикантные изъ нихъ относились къ политикѣ въ отношеніи къ Омску, то изученіемъ этихъ документовъ занялся товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Головачевъ.

Онъ не фигурировалъ ни въ какомъ спискѣ. Его карьера была окончена, и послѣднимъ его дебютомъ въ Совѣтѣ министровъ было выступленіе противъ эсеровъ и Директоріи, иллюстрированное цитатами изъ захваченныхъ документовъ, характеризовавшихъ враждебность Самары къ Омску и ея заговорщическія дѣйствія.

Но это все уже давно было извѣстно, и Головачева не захотѣли слушать. Его планъ сорвать соглашеніе съ Директоріей не удался, и онъ подалъ въ отставку, предупредивъ неизбѣжное увольненіе.

Надгробное слово.

Бурная работа Сибирскаго Правительства подошла къ концу. Пять мѣсяцевъ его существованія промчались быстро, но не безслѣдно. Въ нихъ было много содержанія и много идейной безкорыстной работы. Сколько приходило привѣтствій на имя Сибирскаго Правительства, кто только не выражалъ ему преданности, кто не свидѣтельствовалъ уваженія! Сколько приговоровъ сельскихъ сходовъ, сколько постановленій земствъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя впослѣдствіи стали ярыми врагами омской власти.

Сибирское Правительство было подлинно демократическимъ и въ то же время твердымъ. Оно не сдѣлало ни одного шага, противнаго интересамъ народа, оставаясь на почвѣ реальной политики. Это чувствовалось и понималось, и оттого страницы оффиціальнаго „Сибирскаго Вѣстника“ пестрѣли неоффиціальными, искренними и теплыми обращеніями къ власти.

Но Правительство еще не успѣло развернуться, какъ уже должно было сложить съ себя власть. Искусственная политическая борьба отрывала его отъ практической реальной работы; гражданская война, требовавшая единства власти, заставила Сибирское Правительство отказаться отъ своего самостоятельнаго существованія. Но оно все же успѣло себя выявить. Я уже упоминалъ ранѣе, какъ безхитростные мужички, послѣ сверженія большевиковъ, привозя въ городъ связанныхъ ими коммунистовъ, говорили: „Опять у васъ соціалисты, опять вязать придется“.

Такъ было въ періодъ организаціи власти Западно-Сибирскимъ Комиссаріатомъ. Но Комиссаріатъ скоро ушелъ, и у руля власти остались соціалисты по симпатіямъ, но не по программѣ, остались демократы, которые дали политикѣ реальное направленіе. Крестьянинъ увидѣлъ, что его хлѣбъ закупается по цѣнѣ, не разоряющей его, онъ увидѣлъ, что власть на мѣстахъ близка ему, и онъ былъ доволенъ. Честный рабочій нашелъ выгодной сдѣльную плату, потому что она обезпечивала его потребности, и деньги пріобрѣли реальное значеніе, такъ какъ вмѣстѣ со свободою торговли появился на рынкѣ товаръ.

Иначе было въ Самарѣ. Безпристрастный изслѣдователь отмѣтитъ потомъ, что правы были агенты Сибирскаго Правительства, когда они доносили, что крестьянство приволжскаго района не поддерживаетъ ни Учредительнаго Собранія ни Самарскаго Правительства, потому что оно не видитъ принципіальной разницы между большевиками и эсерами. И тѣ и другіе—соціалисты, и одни и другіе не признаютъ собственности. Реальная перемѣна незамѣтна, а измѣненіе конструкціи власти для крестьянства безразлично. Если бы Самарскій Комитетъ далъ крестьянамъ собственность на землю, то отступленія отъ Волги, вѣроятно, не было бы: крестьянство стало бы заинтересовано въ побѣдѣ.

Послѣдніе акты.

Вологодскій выдалъ обязательства на Востокѣ. Ихъ надо было выполнить.

Сибирское Правительство ихъ не забыло и незадолго до своего упраздненія провело законъ объ учрежденіи „верховнаго уполномоченнаго“ на Дальнемъ Востокѣ и указъ о назначеніи на эту должность генерала Хорвата.

Сибирскому Правительству нужно было исполнить и свое общее обязательство въ отношеніи всей Сибири. Рѣшаясь на добровольное прекращеніе своей дѣятельности, оно должно было оставить открытымъ путь къ будущему возсозданію сибирской автономіи. Утвержденныя журналомъ Директоріи условія прекращенія дѣятельности Сибирскаго Правительства, о которыхъ я уже говорилъ, содержали въ себѣ опредѣленное указаніе на право Сибири получить автономію. Кромѣ того, въ дополненіе къ этимъ условіямъ, Сибирское Правительство 3-го ноября приняло постановленіе „Объ учрежденіи комиссіи по выработкѣ Положенія о выборахъ въ всесибирскій представительный органъ“ и даже объ отпускѣ средствъ на созывъ этой комиссіи и обезпеченіе ея работъ. Желаніе создать посредствомъ этого послѣдняго акта преемство со всѣмъ предыдущимъ заставило Правительство, не считаясь съ недавнимъ прошлымъ, включить въ комиссію четырехъ представителей Сибирской Областной Думы. Долгъ областничеству, какъ законному и разумному стремленію къ самоуправленію, былъ уплаченъ.

Остался еще одинъ послѣдній долгъ: отмѣтить заслуги Предсѣдателя Сибирскаго Правительства, Петра Васильевича Вологодскаго.

Второй почетный гражданинъ Сибири.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности Сибирское Правительство присвоило званіе почетнаго гражданина Сибири ея колоритному старцу, юному и въ сѣдинахъ, чуткому и зоркому, даже при старческой глухотѣ и слѣпотѣ—Г. Н. Потанину.

Теперь, передавая власть Директоріи, Административный Совѣтъ постановилъ дать то же званіе П. В. Вологодскому.

Сколько страстей разгоралось вокругъ Сибирскаго Правительства—кто ихъ тушилъ своимъ спокойствіемъ и объективностью? Сколько вліяній было вокругъ—кто умѣлъ остановиться на среднемъ пути? Сколько ошибокъ было допущено—кто проявлялъ рѣдкое благородство ихъ открытаго признанія? П. В. Вологодскій.

Вологодскій, какъ глава Сибирскаго Правительства, проявилъ рѣдкія качества искренности и честной послѣдовательности. Сво-

ею безупречной репутаціей и извѣстностью во всей Сибири онъ помогъ Правительству, состоявшему изъ случайныхъ людей, завоевать себѣ уваженіе и признаніе.

Человѣкъ, душевно измотанный за время большевизма, опытный юристъ-практикъ, изъ состоятельнаго адвоката превратившійся въ провинціальнаго редактора—онъ не погнался послѣ сверженія большевиковъ за адвокатскими гонорарами и акціонерными барышами, которые ему сулили, а взялъ на себя тяжелую обузу главы Правительства.

Въ дни смѣщенія Гришина-Алмазова, когда обычно добрыя отношенія между Сибирскимъ Правительствомъ и его ближайшими сотрудниками омрачились, Вологодскій открыто на общемъ засѣданіи заявилъ: „Я чувствую себя виновнымъ въ томъ, что принялъ рѣшеніе, не посовѣтовавшись съ вами, и, если бы сейчасъ возможно было, я счелъ бы себя обязаннымъ уйти въ отставку".

Рѣдкое знаніе Сибири и всѣхъ ея дѣятелей выдѣляло Вологодскаго изъ всѣхъ прочихъ еще и потому, что онъ, въ отличіе отъ прочихъ сибиряковъ, напримѣръ, почтеннаго и умнаго, но самовлюбленнаго Крутовскаго, умѣлъ оцѣнить людей съ безпристрастіемъ и спокойствіемъ, привычными для него, какъ стараго судебнаго дѣятеля. И всѣ обращались къ Вологодскому, при выборѣ сотрудниковъ, за совѣтомъ, какъ къ ходячей энциклопедіи.

Я думаю поэтому, что будущій историкъ признаетъ справедливымъ рѣшеніе Административнаго Совѣта, выраженное въ слѣдующихъ словахъ:

„Въ ознаменованіе выдающихся заслугъ Предсѣдателя Совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ Временнаго Сибирскаго Правительства Петра Васильевича Вологодскаго по возсозданію государственности и правопорядка въ Сибири и по возстановленію мирнаго теченія жизни въ краѣ, а также во вниманіе къ многолѣтнимъ плодотворнымъ, на разныхъ поприщахъ, трудамъ П. В. Вологодскаго на благо и преуспѣяніе Сибири—Административный Совѣтъ Временнаго Сибирскаго Правительства третьяго ноября тысяча девятьсотъ девятнадцатаго года, въ день передачи Временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ Верховной власти на территоріи Сибири Правительству Всероссійскому, постановилъ:

Предсѣдателю Совѣта министровъ и министру иностранныхъ дѣлъ Временнаго Сибирскаго Правительства и члену Временнаго Всероссійскаго Правительства Петру Васильевичу Вологодскому *присвоить званіе Почетнаго Гражданина Сибири*".

Я считаю себя въ значительной степени виновнымъ въ томъ, что убѣждалъ П. В. Вологодскаго остаться на своемъ посту и послѣ. Въ роли подчиненнаго лица, когда ему нужно было проявлять настойчивость и твердость въ отстаиваніи опредѣленной политической линіи, онъ оказался, какъ призналъ и самъ, лицомъ менѣе удачнымъ. Это былъ бы подходящій сибирскій президентъ, но неудачный руководитель кабинета. Но уменьшаемое все же больше вычитаемаго, и, я думаю, будущій историкъ опредѣлитъ разность въ пользу Вологодскаго, а Сибирь не помянетъ лихомъ своего второго почетнаго гражданина, горячо любящаго родину.

Передача власти.

Торжественно, но не дѣланно, а искренне написана послѣдняя Грамата Сибирскаго Правительства о сложеніи имъ съ себя верховной власти:

„Принявъ на себя верховную власть послѣ сверженія большевиковъ въ Западной Сибири, Временное Сибирское Правительство съ величайшимъ напряженіемъ силъ осуществляло свою трудную задачу дальнѣйшаго освобожденія всей Сибири и укрѣпленія въ ней началъ законности и порядка.

Тяжкое бремя выпало на долю Сибирскаго Правительства: ему досталось народное достояніе разграбленное, промышленность разрушенная, желѣзнодорожное сообщеніе разстроенное. Заново приходилось строить власть, заново созидать порядокъ, въ условіяхъ не прекращавшейся борьбы. Славное русское офицерство и казачество и самоотверженные отряды добровольцевъ, опираясь на братскую помощь доблестныхъ чеховъ и словаковъ, героически боролись за освобожденіе страны.

Нынѣ на всемъ пространствѣ Сибири дѣйствуетъ единая власть. Вновь создана молодая, но сильная духомъ армія. Учреждено подзаконное управленіе.

Работы по укрѣпленію новой государственной власти въ Сибири еще далеко не закончены, но, въ помыслахъ о благѣ сибирскаго населенія, не могутъ быть забыты интересы истерзанной Россіи.

Наша родина истекаетъ кровью. Она отдана большевиками на потокъ и разграбленіе нѣмецкимъ плѣннымъ и разнузданнымъ бандамъ русскихъ преступниковъ.

Приближается конецъ міровой войны. Народы будутъ рѣшать свои судьбы, а Великая раньше Россія, въ этотъ исключительно важный моментъ, можетъ остаться разрозненной и заполоненной,

Безъ Великой Россіи не можетъ существовать Сибирь.

Въ часъ величайшей опасности всѣ силы и всѣ средства должны быть отданы на служеніе одной самой важной задачѣ — возсозданію единаго и сильнаго Государства Россійскаго.

Эту отвѣтственную задачу приняло на себя Временное Всероссійское Правительство, на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ избранное и верховною властью облеченное. Единой волѣ этого Правительства должны быть подчинены всѣ силы и средства управленія, и дальнѣйшее существованіе нѣсколькихъ областныхъ правительствъ представляется нынѣ недопустимымъ.

Въ сознаніи священнаго для всѣхъ народовъ и частей Россіи патріотическаго долга, Сибирское Правительство, получивъ гарантіи, что начала автономіи Сибири будутъ возстановлены и укрѣплены, какъ только минуютъ трудности политическаго положенія Россіи, нынѣ, во имя интересовъ общегосударственныхъ, постановило: въ отмѣну декларація 4-го іюля 1918 года „О государственной самостоятельности Сибири“, сложить съ себя верховное управленіе и всю полноту власти на территоріи Сибири передать Временному Правительству Всероссійскому. Подписали: Предсѣдатель Совѣта министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Петръ Вологодскій, министръ снабженія И. Серебренниковъ, министръ финансовъ И. Михайловъ, управляющій дѣлами Совѣта министровъ Г. Гинсъ.“

Засѣданіе 5 ноября.

Въ зданіе Совѣта министровъ прибыла Директорія въ полномъ составѣ. Былъ зачитанъ указъ о назначеніяхъ.

Всероссійское Правительство составили: Колчакъ, Ключниковъ, Гаттенбергеръ, Серебренниковъ, Михайловъ, Зефировъ, Старынкевичъ, Уструговъ, Сапожниковъ, Шумиловскій, Петровъ, Щукинъ и Красновъ. Предсѣдателемъ остался членъ Директоріи Вологодскій.

Авксентьевъ произноситъ краткую привѣтственную рѣчь. Члены Директоріи и члены Правительства обмѣниваются рукопожатіями.

Начинается новая эра.

Прежнее зданіе Совѣта министровъ; почти всѣ прежніе дѣятели; девять изъ четырнадцати членовъ Совѣта министровъ вошли въ него изъ прежняго состава; прежняя простота... Зданіе всегда и для всѣхъ открыто, въ то время, какъ Директорія и

снаружи и внутри охраняется караулами, а, между тѣмъ, повѣяло что-то новое, и въ засѣданіи Совѣта министровъ впервые почувствовался осенній холодъ.

Банкетъ.

6 ноября въ газетахъ была опубликована Грамата Всероссійскаго Правительства. Въ ней декларировались всѣ тѣ „условія", которыя были предложены Директоріи при переговорахъ въ Омскѣ: прекращеніе дѣятельности *всѣхъ* областныхъ правительствъ и областныхъ представительныхъ учрежденій, допустимость ихъ возсозданія въ будущемъ только при условіи точнаго ограниченія предѣловъ областной автономіи, преемство власти и законодательства, единство арміи, но сохраненіе областныхъ наименованій и областныхъ отличительныхъ знаковъ.

Въ тотъ же день состоялся банкетъ. Присутствовали многочисленные представители союзныхъ державъ, уже успѣвшіе къ тому времени съѣхаться въ Омскъ, было много военныхъ, много приглашенныхъ дамъ и корреспондентовъ.

На правой сторонѣ стола, почти въ углу его, сидѣлъ одиноко адмиралъ Колчакъ. Его сосѣди не пришли, назначенныя имъ мѣста пустовали. Казалось, адмирала выдѣлили изъ всѣхъ прочихъ и въ то же время покинули.

Его проницательные черные глаза иногда озарялись ласковымъ и горячимъ блескомъ. Они становились тогда лучистыми и обаятельными. Адмираломъ интересовались, за нимъ слѣдили, онъ былъ слишкомъ яркою фигурой на сибирскомъ горизонтѣ, его имя стояло рядомъ съ именами Алексѣева, Корнилова, Деникина.

Но часто адмиралъ опускалъ глаза, его длинныя вѣки скрывали ихъ, лицо становилось непроницаемымъ и угрюмо-мрачнымъ.

И вотъ раздается тостъ: „предлагаю выпить за наше блестящее прошлое и, надѣюсь, ближайшее будущее—адмирала Колчака".

Это сказалъ Авксентьевъ.

Простая случайность. Каждый русскій человѣкъ сказалъ бы то же. Но тостъ оказался вѣщимъ, и кто знаетъ—не шевельнулось ли въ душѣ нѣкоторыхъ лицъ заранѣе обдуманное намѣреніе, и не созрѣло ли тогда же въ этомъ намѣреніи твердое зерно скораго рѣшенія?

Глава X.

Переворотъ 18 ноября.

Идея диктатуры носилась въ воздухѣ. Ее культивировалъ національный центръ, ее призналъ и пропагандировалъ торгово-промышленный классъ.

Въ этой идеѣ было здоровое начало. Единоличная власть упрощаетъ отношенія, вноситъ большую опредѣленность и ясность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большую устойчивость. Мѣняются министры, мѣняется политика, а глава остается тѣмъ же, и государство не испытываетъ тяжелыхъ потрясеній, не переживаетъ судороги, охватывающей обыкновенно всю экономическую жизнь при каждомъ революціонномъ переворотѣ, ставящемъ страну передъ неизвѣстностью и загадочностью будущаго.

Германія избрала послѣ революціи президента Эберта, который пережилъ и Національное Собраніе и Каппа, Чехо-Славія избрала президента Массарика, который остается на своемъ посту, въ то время, какъ кабинетъ мѣняется уже третій разъ.

Во главѣ Россійскаго государства, послѣ февральской революціи, встало Временное Правительство—коллективная верховная власть. Каждая перемѣна его состава—а ихъ было много съ февраля по октябрь—была новою революціей, была перемѣною самой верховной власти, и это расшатывало престижъ власти, авторитетъ которой основывается на ея незыблемости, недосягаемости.

Сибирское Правительство было тоже коллективнымъ носителемъ верховной власти—и сколько непріятностей причиняло это и самому Правительству и его сотрудникамъ, какъ благопріятна была почва для личныхъ интригъ и авантюръ.

Политическая программа торгово-промышленнаго класса.

Я не знаю болѣе яснаго изложенія политической программы, построенной на началахъ единовластія, чѣмъ тѣ положенія, которыя были приняты на состоявшемся осенью 1918 г. съѣздѣ торговопромышленниковъ въ Уфѣ. Они построены были, съ внѣшней

стороны, на началѣ устойчиваго центра, съ внутренней—на идеѣ устраненія политики.

Вотъ эта политическая программа.

I. Центральное управленіе.

1) Вся власть военная и гражданская, до Учредительнаго Собранія новаго созыва, вручается верховному главнокомандующему, отвѣтственному передъ этимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

2) Министерство военное и морское, а также государственный контроль надъ обще-государственными и мѣстными финансами находятся въ исключительномъ единоличномъ вѣдѣніи верховнаго главнокомандующаго.

Управляющіе министерствами военнымъ и морскимъ, а также государственный контроль надъ обще-государственными и мѣстными финансами назначаются верховнымъ главнокомандующимъ и въ совѣтъ министровъ не входятъ.

Законодательныя мѣры по вѣдомствамъ военному и морскому издаются единоличной властью верховнаго главнокомандующаго.

3) Верховному главнокомандующему принадлежитъ единоличное право объявлять мѣстность на военномъ или осадномъ положеніи.

Въ случаѣ объявленія города или мѣстности въ прифронтовой полосѣ или, вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ, внутри какой-либо области или даже цѣлой области на осадномъ положеніи—мѣсто это изъемлется изъ-подъ управленія областного правительства на все время осаднаго положенія, и верховный главнокомандующій назначаетъ туда генералъ-губернатора, къ которому переходитъ вся власть въ данномъ мѣстѣ.

II. Совѣтъ министровъ.

4) При верховномъ главнокомандующемъ учреждается совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ. Въ случаѣ присутствія въ совѣтѣ министровъ верховнаго главнокомандующаго, предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ верховный главнокомандующій.

5) Совѣтъ министровъ составляется однимъ изъ министровъ, которому верховный главнокомандующій поручаетъ образовать кабинетъ. Министръ, коему поручено образованіе кабинета, предлагаетъ списокъ членовъ совѣта министровъ на утвержденіе вер-

ховнаго главнокомандующаго и входитъ въ совѣтъ министровъ, въ качествѣ его предсѣдателя.

6) Совѣтъ министровъ отвѣтственъ передъ верховнымъ главнокомандующимъ. Въ случаѣ конфликта предсѣдателя совѣта министровъ съ верховнымъ главнокомандующимъ, весь кабинетъ подаетъ въ отставку, и верховный главнокомандующій поручаетъ составленіе кабинета иному лицу.

7) Совѣтъ министровъ состоитъ изъ слѣдующихъ министровъ, каждый во главѣ отдѣльнаго вѣдомства: 1) министръ военнаго снабженія и продовольствія арміи, 2) министръ иностранныхъ дѣлъ, 3) министръ общегосударственныхъ финансовъ, 4) министръ путей сообщенія, 5) министръ почтъ и телеграфовъ и государственныхъ шоссейныхъ путей, 6) министръ торговли и промышленности, 7) министръ внутреннихъ дѣлъ и 8) министръ юстиціи.

8) Вышеперечисленныя вѣдомства входятъ въ исключительное управленіе совѣта министровъ.

9) Совѣтъ министровъ издаетъ законодательныя мѣры общегосударственнаго характера, предварительно испросивъ утвержденіе верховнаго главнокомандующаго.

10) Въ случаѣ возникновенія конфликта между предсѣдателемъ совѣта министровъ и однимъ изъ министровъ, послѣдній обязанъ подать въ отставку. Предсѣдатель совѣта министровъ на вакантное мѣсто представляетъ верховному главнокомандующему кандидата на его утвержденіе.

III. Областныя правительства.

11) По дѣламъ мѣстнаго характера учреждаются областныя правительства, съ согласія верховнаго главнокомандующаго.

12) Областныя правительства состоятъ изъ предсѣдателя и членовъ правительства, вѣдающихъ различныя отрасли управленія мѣстнаго характера.

13) Каждое областное правительство отвѣтственно передъ верховнымъ главнокомандующимъ. Верховный главнокомандующій поручаетъ составленіе областного правительства одному лицу, которое и входитъ въ областное правительство, въ качествѣ его предсѣдателя. Списокъ всѣхъ членовъ областного правительства предлагается предсѣдателемъ правительства на утвержденіе верховнаго главнокомандующаго.

14) Въ случаѣ конфликта областного правительства съ верховнымъ главнокомандующимъ, все правительство подаетъ въ от-

ставку, и верховный главнокомандующій предлагаетъ иному лицу образовать областное правительство.

15) Въ случаѣ конфликта предсѣдателя областного правительства съ однимъ изъ членовъ правительства, послѣдній обязанъ подать въ отставку. Предсѣдатель областного правительства на вакантное мѣсто представляетъ верховному главнокомандующему кандидата на его утвержденіе.

16) Областныя правительства сорганизовываютъ управленіе по своему усмотрѣнію.

17) Областныя правительства издаютъ законодательныя мѣры мѣстнаго характера съ утвержденія ихъ верховнымъ главнокомандующимъ.

18) Взаимоотношенія центральнаго и областного управленія въ области законодательства должны быть выработаны и опредѣлены временнымъ закономъ.

19) Въ сферѣ областного управленія должно находиться городское и земское самоуправленіе.

IV.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ областныхъ управленій, таковыя подчиняются общему государственному управленію черезъ мѣстныя вѣдомства соотвѣтствующихъ министерствъ.

Основная идея военной диктатуры.

Все—для арміи. Политики не должно быть. Совѣтъ министровъ—организація административно-хозяйственнаго управленія, выражающаяся въ наиболѣе упрощенныхъ формахъ, рѣшающая вопросы текущей жизни, ничего не преобразующая, никакихъ реформъ не преслѣдующая.

Создается ли этой программой устойчивая власть? Я не сказалъ бы этого. Главнокомандующій, принявшій на себя всю отвѣтственность за ходъ дѣлъ, проченъ только при наличности успѣха. Удобство программы въ другомъ: въ практичности политики. Политическія партіи должны сложить оружіе, политическія притязанія должны улечься—правительство занимается только вопросами снабженія, вопросами элементарнаго порядка.

Но это—идиллія, пригодная не для революціоннаго періода, когда пробудившіеся интересы и острое недовольство прошлымъ заставляетъ искать реформъ. Къ тому же дѣятельность центральнаго правительства, даже ограниченная узкимъ кругомъ текущихъ вопросовъ, все же не избѣгнетъ политическихъ проблемъ, когда

будетъ сталкиваться съ разнородными классовыми интересами. Не наступитъ же самъ по себѣ Burgfrieden. А иностранная политика? Устранима ли она? Возможно ли существованіе изолированнаго государства?

Пороки „Директоріи“, какъ системы.

Что же представляла изъ себя Директорія? Была ли она „коллективнымъ президентомъ“, властью, которая могла бы быть устойчивой? Или это, какъ указалъ Зензиновъ въ своемъ дневникѣ, былъ коллективный монархъ?

Въ Уфѣ конструкція власти не была продумана, и результаты этого не замедлили сказаться. Членъ Директоріи Авксентьевъ принялъ на себя непосредственное руководство иностранною политикой, членъ Директоріи Болдыревъ сталъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, членъ Директоріи Вологодскій—Предсѣдателемъ Совѣта министровъ, т. е. высшимъ руководителемъ всей внутренней политики. Замѣститель члена Директоріи Сапожниковъ—въ то же время министръ народнаго просвѣщенія. Не противоестественно ли такое совмѣстительство?

Можно ли быть хорошимъ главнокомандующимъ, если приходится одновременно активно участвовать въ постоянныхъ засѣданіяхъ верховной коллегіи, гдѣ каждый голосъ на счету? Можно ли руководить дѣятельностью Совѣта министровъ и въ то же время работать въ Директоріи? Одна изъ различныхъ функцій должна была пострадать.

Винить Директорію въ неправильномъ конструированіи власти нельзя. Правда, Сибирское Правительство стремилось создать не совѣтъ, а кабинетъ министровъ, а члены Директоріи, въ особенности Виноградовъ, рѣзко возражали противъ этого, но *тогда еще не вполнѣ ясно* представлялись всѣ неудобства намѣчавшагося порядка, а главное, къ конструкціи власти подходили съ точки зрѣнія борьбы двухъ сторонъ, а не съ принципіальной оцѣнкой de lege ferenda. Вопросы эти надо было разрѣшить предварительно, а не предоставлять соотношенію силъ.

Неопредѣленность конструкціи сказалась въ отношеніи законодательства. Обязательно ли прохожденіе законовъ черезъ Совѣтъ министровъ, или Директорія можетъ издавать ихъ самостоятельно? Директорія, считая себя преемницею власти Временнаго Всероссійскаго Правительства, разрѣшила вопросъ во второмъ смыслѣ.

Одновременно съ изданіемъ акта о принятіи всей полноты власти и упраздненіи областныхъ правительствъ, Директорія создала свое особое управленіе дѣлами, на которое возложила дѣлопроизводство „по всѣмъ дѣламъ, отнесеннымъ существующими законоположеніями къ вѣдѣнію Временнаго Всероссійскаго Правительства, какъ верховной государственной власти“ (см. „Вѣстникъ Времен. Всеросс. Пр-ва“ № 1). Объ управляющемъ дѣлами сказано, что онъ „скрѣпляетъ своею подписью законодательные акты, *издаваемые* Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ“ (ст. 7). Это положеніе слѣдуетъ понимать, какъ утвержденіе Директоріей и своихъ законодательныхъ правъ. Дѣйствительно, въ первомъ же номерѣ „Вѣстника Всероссійскаго Правительства“ помѣщено было постановленіе „объ отдѣлѣ печати“, которое было принято безъ вѣдома Совѣта министровъ и даже главы вѣдомства, въ составѣ котораго этотъ отдѣлъ раньше находился.

Всѣ эти пороки организаціи власти сразу парализовали дѣятельность Совѣта министровъ. Члены его приглашались въ Директорію для докладовъ и изложенія программы еще до того, какъ они излагали свои программы въ Совѣтѣ: неизвѣстно было, кто дастъ имъ руководящія указанія, и какъ будетъ объединяться дѣятельность вѣдомствъ.

Программа Совѣта министровъ.

На основаніи предположеній отдѣльныхъ министровъ и, главнымъ образомъ, министра земледѣлія Петрова, была составлена примѣрная программа Правительства, которую П. В. Вологодскій изложилъ въ своемъ интервью.

На первомъ мѣстѣ была поставлена деревня.

„Занимаясь до сихъ поръ, главнымъ образомъ, подготовительной работой по созданію Всероссійской власти, ея дѣлового аппарата и органовъ центральнаго управленія“, сказалъ Вологодскій, „мы не имѣли времени и возможности удѣлить должнаго вниманія служенію деревнѣ.

Въ большинствѣ случаевъ, деревня управляется самыми разнообразными самочинными организаціями. Въ однѣхъ деревняхъ существуютъ общественные комитеты, въ другихъ—они называются сельскими комитетами порядка, третьи деревни управляются особыми выборными органами, коллегіально или единолично. Я знаю случай, когда въ одномъ большомъ селѣ для управленія избрано 24 человѣка, изъ среды которыхъ выдѣленъ особый упра-

витель села; каждый вопросъ этотъ управитель передавалъ на разрѣшеніе шести лицъ изъ указанныхъ 24-хъ, причемъ эти шесть назначались по жребію и засѣдали тайно. Они выносили рѣшеніе, имѣвшее характеръ приговора суда, а мѣрой воздѣйствія, по большей части, служило тѣлесное наказаніе. Тайно и не въ полномъ составѣ управители засѣдали изъ тѣхъ соображеній, чтобы не подвергаться мести осужденныхъ, такъ какъ, при отсутствіи суда, самосуды и самочинныя расправы развиты крайне широко.

Второй заботой Всероссійскаго Правительства должно быть созданіе суда для деревни. Въ деревнѣ царитъ полное безсудье. Въ одномъ только округѣ Омской судебной палаты остаются незамѣщенными 80 вакансій мировыхъ судей. Престижъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ совершенно утраченъ.

Несмотря на пониженныя требованія, которыя сейчасъ предъявляются къ мировымъ судьямъ, даже голодающіе бѣженцы изъ Западной Россіи не идутъ на должности судей въ села, боясь дикихъ расправъ, которыя имѣли тамъ мѣсто не только въ эпоху большевизма, но даже и послѣ очищенія деревни отъ большевиковъ.

Деревня сейчасъ страдаетъ отъ крайняго безтоварья. Вопросъ въ томъ, гдѣ взять товары. Тутъ на помощь должна придти кооперація, съ одной стороны, и кустарные комитеты—съ другой. Кооперація должна помочь не столько доставкой товаровъ, сколько организаціей мелкихъ производительныхъ, хотя бы и кустарныхъ предпріятій. Деревня собственными средствами должна производить все, что ей необходимо. Съ этой точки зрѣнія, развитіе кустарныхъ промысловъ, подъ руководствомъ кустарныхъ комитетовъ и инструкторовъ, должно сыграть большую роль.

Далѣе должно быть обращено серьезное вниманіе на рабочую политику.

Рабочіе еще далеко не изжили навыковъ и настроеній большевизма.

Всероссійское Правительство должно гарантировать пролетаріату всѣ его законныя права въ рамкахъ демократическаго режима, принимая рядъ соціальныхъ реформъ въ области рабочаго вопроса, но, конечно, при этомъ мы будемъ требовать отъ рабочихъ хорошей и добросовѣстной работы. Я считаю, что здѣсь вполнѣ возможна совмѣстная работа съ рабочими организаціями. Я всецѣло держусь того взгляда, что необходимо всѣми силами охранять профессіональныя рабочія организаціи отъ посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны; за послѣднее время, въ

частности, жалобы на такія посягательства нерѣдко касаются воинскихъ частей. Но и здѣсь отъ рабочихъ необходимо требовать соблюденія тѣхъ рамокъ, въ которыхъ только и могутъ существовать профессіональныя организаціи.

Вопросъ объ образованіи долженъ крайне занимать правительство, но теперь это дѣло полностью въ рукахъ земствъ—волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ.

Безъ матеріальной помощи союзниковъ намъ не обойтись. Ежедневно на территоріи одной только Сибири расходуется 15 милліоновъ рублей на содержаніе войскъ, а предпріятія стоятъ, или мало работаютъ, и поступленіе доходовъ ничтожно.

Въ городахъ чувствуется усталость интеллигентныхъ силъ. Послѣдніе выборы въ городскія самоуправленія показали высокую индифферентность избирателя. Работы для городовъ много, и работы сложной, а раздаются общія жалобы на то, что нѣтъ людей. Думаю, что это—переходное состояніе, усталость пройдетъ, и съ новыми, бодрыми, отдохнувшими силами городскія и земскія самоуправленія встанутъ на ноги".

Въ этомъ интервью фактическія данныя объ анархіи деревенскаго управленія, о нежеланіи и боязни интеллигенціи идти въ деревню, объ индифферентности населенія къ выборамъ въ самоуправленія—интереснѣе программныхъ указаній.

Упраздненіе Сибирской Думы.

Первымъ политическимъ актомъ Директоріи было закрытіе Сибирской Областной Думы. Оно прошло безболѣзненно и съ овапіями по адресу Всероссійскаго Правительства. Авксентьевъ самъ выѣзжалъ въ Томскъ, произнесъ тамъ рѣчь на тему о жертвахъ для блага родины, и Сибирская Дума, большинствомъ 66 противъ 22 воздержавшихся, приняла резолюцію о самороспускѣ.

Выпадовъ по адресу Правительства не было, если не считать заявленія одного соціалъ-демократа, что Всероссійское Правительство должно „разсѣять тотъ туманъ, который напустило Сибирское Правительство".

Смыслъ другой рѣчи былъ тотъ, что бояться самороспуска не слѣдуетъ, потому что 1-го января соберется полномочное эсеровское Учредительное Собраніе, и „мы" будемъ работать.

Весь этотъ обрядъ самороспуска былъ политической комедіей. Будь Дума органомъ дѣйствительно „народнаго", а не партійнаго представительства, объясненіе передъ нею цѣлей упразд-

ненія областныхъ правительствъ имѣло бы смыслъ. Въ дѣйствительности же все отъ начала до конца было сплошнымъ лицемѣріемъ. Роспускъ Думы былъ предрѣшенъ, и Авксентьевъ огласилъ указъ о роспускѣ, заготовленный еще въ Омскѣ. Убѣждать никого ни въ чемъ не нужно было, а политическимъ эффектомъ всей этой въ существѣ безобидной исторіи было только то, что во враждебныхъ Директоріи кругахъ усилилось впечатлѣніе объ Авксентьевѣ, какъ ширмѣ, за которой будетъ дѣйствовать „полномочное“, какъ сказалъ членъ Думы Гольдбергъ, Учредительное Собраніе.

— „Не бойтесь, товарищи, мы 1-го января опять появимся“, звучало въ рѣчи Гольдберга.

— „Слышу!“ раздался глухой и злобный отвѣтъ.

Приговоръ Потанина.

Много было потрачено времени на то, чтобы убѣдить Директорію въ необходимости упраздненія Думы безъ бутафорскаго засѣданія. Доводамъ членовъ Сибирскаго Правительства Авксентьевъ не вѣрилъ. Но онъ не внялъ и всегда честному и трезвому совѣту Потанина. Въ разгаръ споровъ о судьбѣ Думы сѣдой старецъ, членъ Думы и первый предсѣдатель перваго правительства, Областного Совѣта, опубликовалъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ большую и полную живого интереса записку, представляющую изъ себя обоснованный обвинительный актъ противъ Думы и соціалистовъ-революціонеровъ.

Авторитетъ Г. Н. Потанина и нѣкоторыя интимныя подробности о дѣятельности Якушева, сообщенныя въ запискѣ, дѣлаютъ небезполезнымъ приведеніе изъ нея нѣкоторыхъ цитатъ.

„При самомъ незначительномъ государственномъ пониманіи“, говорится въ запискѣ; „Сиб. Обл. Дума должна была бы не оспаривать у Совѣта министровъ верховныхъ правъ и безъ шума сойти съ политической сцены. Но большинство Думы отнеслось къ этому иначе.

Вся обстановка внѣшней и внутренней работы Думы вела къ государственному перевороту.

Послѣ указа о перерывѣ занятій Думы и принудительнаго возвращенія думской делегаціи изъ Иркутска, президіумъ Думы принялъ мѣры къ информаціи томскаго представителя чехо-словаковъ, доктора Глосса. Съ другой стороны, находившійся въ Омскѣ И. А. Якушевъ по прямому проводу также просилъ док-

тора Глосса вмѣшаться въ конфликтъ Думы съ Правительствомъ. Такія же мѣры были приняты для освѣдомленія чешскаго генерала Сырового. Ко времени арестовъ И. А. Якушева, В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова, чехо-словацкія войска были достаточно информированы президіумомъ Думы, и притомъ въ томъ невѣрномъ смыслѣ, что иниціатива государственнаго переворота исходитъ отъ министра финансовъ И. А. Михайлова и товарища министра А. А. Граціанова. Вслѣдствіе такой информаціи, чехословацкими военными властями былъ отданъ приказъ объ арестѣ И. А. Михайлова и А. А. Граціанова. Получивъ свободу, предсѣдатель Сибирской Областной Думы И. А. Якушевъ, по его собственному заявленію, „поставилъ себя подъ защиту чеховъ“.

Большинство Думы представлено партіей эсеровъ. Въ программѣ этой партіи областничество занимаетъ второстепенное мѣсто агитаціоннаго значенія. Самое главное, такъ сказать, сердцевина программы эсеровъ, выходитъ за предѣлы мѣстныхъ интересовъ. Партія эсеровъ дѣйствуетъ во всероссійскомъ масштабѣ. Какъ таковая, она стремится къ захвату центральной государственной власти для осуществленія своей программы въ предѣлахъ всего государства.

Съ самаго начала великой февральской революціи партія эсеровъ захватила въ свои руки и центральную власть и мѣстныя самоуправленія. Интеллигенцію привлекалъ къ этой партіи благородный боевой пафосъ, проявленный ею въ борьбѣ съ царскимъ самодержавіемъ. Многомилліонное крестьянство шло за этой партіей, соблазняемое аграрнымъ большевизмомъ, котораго такъ преступно много въ тактикѣ ея вождей, вродѣ В. Чернова.

Мѣстные эсеры съ первыхъ шаговъ дѣятельности Вр. Сиб. Правительства стремились подорвать его авторитетъ. Краевой органъ партіи ежедневно подвергалъ безпощадному бичеванію дѣятельность Правительства, не брезгая даже явнымъ натравливаніемъ на него населенія. Изъ этой же среды мѣстныхъ эсеровъ въ оффиціальный органъ Самарскаго Комитета членовъ Учредительнаго Собранія была передана информація о томъ, что Вр. Сиб. Правительство ведетъ реакціонную политику, что оно оставлено демократическими элементами, и т. д. Одинъ изъ видныхъ представителей этой партіи, находясь на высокомъ посту, информировалъ Самарскій Комитетъ по прямому проводу, надо полагать, настолько неблагопріятно для Вр. Сиб. Правительства, что, на требованія послѣдняго предъявить ленту разговора, отвѣтилъ уничтоженіемъ ея.

Борьба большинства думы съ Вр. Сиб. Правительствомъ есть не что иное, какъ стремленіе черезъ его голову соединиться съ Самарскимъ Комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія и образовать единую всероссійскую власть, находящуюся подъ контролемъ названной партіи. Теперь это достигнуто.

Съ болью приходится отмѣтить слова предсѣдателя Думы И. А. Якушева: „Нѣтъ худа безъ добра. Конфликтъ Вр. Сиб. Правительства съ Обл. Думой ускорилъ образованіе всероссійской власти и ослабилъ позицію Вр. Сиб. Правительства на Уфимскомъ Совѣщаніи.

Дѣятельность президіума Сибир. Обл. Думы и ея большинства мы считаемъ противо-правительственною, противо-государственною и преступною.

Она противо-правительственна потому, что сводилась къ устраненію сложившейся верховной власти Совѣта министровъ.

Она противо-государственна потому, что въ исключительныхъ условіяхъ борьбы съ большевизмомъ и германцами, вмѣсто созданія единой, дѣйствительно всенародной власти, стремилась установить партійную диктатуру.

Она преступна потому, что отсутствіе дѣйствительно всенародной власти поведетъ къ анархіи и откроетъ широкое поле для иностранной оккупаціи.

Сиб. Обл. Дума настоящаго состава, заявившая себя противоправительственною, противо-государственною и преступною дѣятельностью, должна быть распущена. Она не является оплотомъ сибирской автономіи и не имѣетъ права на дальнѣйшее существованіе.

Подписали: почетный предсѣдатель фракціи областниковъ и безпартійныхъ Сиб. Обл. Думы Г. Н. Потанинъ. Предсѣдатель фракціи А. В. Адріановъ. Товарищъ предсѣдателя проф. Новомбергскій. Членъ Сибирской Областной Думы В. М. Поповъ.“

Таковъ былъ судъ людей, дѣйствительно близкихъ Сибири и чуждыхъ партійности. Какое же впечатлѣніе должно было произвести послѣ этого возобновленіе работъ Думы, хотя бы на одинъ день, расшаркиванія Авксентьева и „утѣшенія“ Гольдберга?

Заслуги Директоріи.

Благодаря Директоріи, ускорилось объединеніе всѣхъ областныхъ правительствъ на территоріи Сибири и Урала.

На Д. Востокѣ дольше всѣхъ держались амурскіе сепаратисты, во главѣ съ Алексѣевскимъ. Когда делегація Сибирскаго Правительства была во Владивостокѣ, она мало интересовалась этимъ оригинальнымъ государствомъ. Ясно было, что оно неминуемо сольется съ остальною территоріею, изъ-за невозможности наладить свою финансовую и экономическую независимость. Созданіе Директоріи и примѣръ прочихъ правительствъ ускорили это сліяніе.

Директорія положила конецъ и существованію Алашъ-Орды, киргизской правительственной организаціи, замѣнивъ ее главноуполномоченнымъ Правительства по дѣламъ киргизъ-кайсаковъ, съ подчиненіемъ ему мѣстныхъ органовъ Алашъ-Орды („В. Всер. Пр.“ № 10). Едва ли кто-либо изъ членовъ Директоріи отдавалъ себѣ ясный отчетъ, что такое сама Алашъ Орда и ея органы. Надо знать киргизъ, ихъ родовой бытъ, значеніе, которое имѣютъ у нихъ султаны и аксакалы (старѣйшины), чтобы ясно представить себѣ, какъ много опасности для бѣдныхъ массъ киргизскаго населенія таила въ себѣ эта Алашская автономія, не опредѣленная точными юридическими рамками. Къ счастью, мѣстные органы Алаша были, по большей части, чистымъ мифомъ, и организація исчезла, какъ будто испарившись.

При этомъ общемъ соотношеніи силъ, которое сложилось на восточномъ антибольшевистскомъ фронтѣ, объединеніе власти въ рукахъ Омскаго Правительства было неизбѣжно. Но *самарская группа* добровольно ее едва-ли передала бы, и весь смыслъ существованія Директоріи, въ концѣ концовъ, свелся къ тому, чтобы безболѣзненно слить двѣ непримиримыхъ власти: омскую и самарскую.

Однако, Директорія понимала свои задачи шире.

Интервью Авксентьева.

„Добровольное раствореніе областныхъ правительствъ въ единой всероссійской власти дастъ ярче всякихъ словъ понять нашимъ союзникамъ, что русская власть является реально-познаваемой силой и авторитетомъ. Калейдоскопическая пестрота различныхъ правительственныхъ образованій, въ особенности на Востокѣ, гдѣ въ одномъ Владивостокѣ существовало чуть не до восьми правительствъ, заставляла даже тѣхъ изъ нашихъ союзниковъ, которые съ глубокой симпатіей относятся къ русскому народу и судьбамъ Россіи, нѣсколько не довѣрять способности рус-

скаго народа создать въ настоящій моментъ власть авторитетную и признаваемую всѣми. Такое положеніе не могло не отражаться и на готовности со стороны ихъ оказать реальную дружескую помощь Россіи—помощь, въ которой мы нуждаемся, и которую мы примемъ отъ нашихъ искреннихъ друзей съ такимъ же довѣріемъ, съ какимъ мы сами приходили въ прошломъ имъ на помощь. Благодаря этому, я надѣюсь, наши отношенія съ союзниками, которыя и теперь носятъ дружескій характеръ, еще болѣе упрочатся и оформятся. Намъ это необходимо не только во время устроенія нашей внутренней жизни, но и во имя тѣхъ задачъ, которыя должны стоять передъ Россіей на будущемъ мирномъ конгрессѣ".

Какъ видно изъ этихъ словъ, Авксентьевымъ руководила соблазнительная перспектива признанія Директоріи союзниками, какъ *дѣйствительно Всероссійской* власти. Онъ мечталъ даже о представительствѣ на конференціи.

Я помню, какъ взволновался Авксентьевъ, когда въ концѣ октября пришло извѣстіе, что Германія капитулируетъ.

— Вотъ тебѣ и на! только и могъ проговорить онъ.

Я вполнѣ его понимаю. Продержись Германія нѣсколько больше, союзная помощь Россіи вылилась бы въ иныя формы. Какъ только вѣсть о перемиріи дошла до фронта, какъ „братья" чехи попросились въ тылъ.

Чешская помощь „до конца".

На банкетѣ 6-го ноября, многорѣчивый генералъ Болдыревъ сообщилъ, что на фронтѣ дерутся уже только русскія части. Это было не вполнѣ, но почти точно. Почти всѣ чешскія части уже ушли на отдыхъ, и активную борьбу стали вести только русскія силы, что не мѣшало, однако, чехамъ еще долго рекламировать себя въ Америкѣ, какъ единственную силу, выносившую на своихъ плечахъ всю борьбу.

Еще 15 сентября, по поводу паденія Казани, чехо-словаки опубликовали воззваніе, въ которомъ краснорѣчиво убѣждали бороться противъ „соціалистической власти—совѣта народныхъ комиссаровъ", которая, какъ говорится въ воззваніи, „къ сожалѣнію, все-таки пользуется у многихъ изъ васъ непонятными для насъ симпатіями".

„Не забывайте", говорится дальше, „что несутъ вамъ на штыкахъ своихъ подходящія совѣтско-германскія войска. Горе

русскимъ рабочимъ, горе русскимъ крестьянамъ, горе русской независимости.

Неужели мы должны сомнѣваться—желаетъ ли русскій народъ дѣйствительно у себя порядка, народовластія, свободы и союза съ остальными демократическими и культурными народами, или предпочитаетъ совѣтскую власть, которая является отдѣломъ берлинскаго правительства, съ которымъ они заключили позорный союзъ.

Мы съ вами братья, и мы васъ въ эти тяжелыя минуты, когда многое должно рѣшаться, не оставимъ.

Мы заявляемъ вамъ, граждане, что Казань и Симбирскъ въ скоромъ времени будутъ взяты обратно и опять будутъ въ вашихъ рукахъ, но на этотъ разъ уже навсегда, потому что на этотъ разъ Казань будетъ взята по приказу чехо-словацкаго командованія.

На этотъ разъ мы не остановимся передъ Казанью и пойдемъ дальше и принесемъ на штыкахъ своихъ матушкѣ-Москвѣ привѣтствія отъ всѣхъ васъ, граждане, отъ всей уже освобожденной Россіи.“

Подписано было это воззваніе капитаномъ Медекъ, докторомъ Власакъ и генералъ-майоромъ Чечекъ.

Такъ разсуждали чехи тогда, когда еще неизвѣстна была побѣда союзниковъ. Они обращались къ русскому народу, они обѣщали ему освобожденіе—и въ тотъ моментъ, когда сформировалась, при ихъ еще участіи, народная власть Директоріи, они первые оставили эту власть на произволъ судьбы, забывъ свое обѣщаніе: „мы не остановимся.“ Они, дѣйствительно, не остановились, но только не на томъ пути, на которомъ ихъ ожидали видѣть.

Обращеніе къ Америкѣ.

Если бы союзникамъ *нужно* было Россійское правительство, они, конечно, признали бы любое изъ антибольшевистскихъ. Но уже поведеніе чеховъ, отвернувшихся отъ того самаго правительства, которое они старались создать, какъ только имъ стало безразлично, какъ обстоитъ дѣло съ Россіей, достаточно ясно показало, насколько мало можно было положиться на союзную помощь.

Директорія рѣшила обратиться къ меценату освобождающихся народовъ, президенту Вильсону. Обращеніе это интересно и въ томъ отношеніи, что въ немъ устами демократической власти

произносится то безпощадное обвиненіе большевизма, о которомъ потомъ многіе позабыли. Привожу поэтому его полностью.

„Временное Всероссійское Правительство считаетъ своевременнымъ довести до свѣдѣнія президента Вильсона слѣдующее, касательно положенія Россіи.

Воспользовавшись неудачами войны, усталостью отъ нея русской арміи и революціей, большевики путемъ обманчивыхъ обѣщаній и насилій захватили власть надъ русской землей. Начался самый ужасный терроръ.

Подъ видомъ защиты интересовъ рабочихъ и крестьянъ, новые хозяева страны принялись за варварское истребленіе всѣхъ ея культурныхъ цѣнностей, за уничтоженіе ея интеллигенціи, за разрушеніе ея промышленности и торговли.

Закрыты всѣ газеты, кромѣ оффиціально большевистскихъ, предаются огню и разрушенію лучшія библіотеки и музеи, множество виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, врачей, адвокатовъ, священниковъ, не говоря уже о представителяхъ крупной и средней буржуазіи, схвачены и, какъ заложники, посажены въ тюрьмы или разстрѣляны. Нѣтъ пощады ни старцамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ.

Большевистская власть, исповѣдывающая на словахъ демократическіе принципы, на дѣлѣ попираетъ ихъ ногами и осуществляетъ лишь партійную диктатуру. Всеобщее избирательное право, основа истиннаго демократизма, уничтожено. Разогнано избранное на основаніи этого права Учредительное Собраніе, а также городскія и земскія самоуправленія.

Въ совѣты допускаются лишь члены господствующей партіи, и выборы въ совѣты обставляются такимъ образомъ, чтобы обезпечить желательный для существующей власти результатъ. Рабочіе, не желающіе склоняться подъ большевистское иго и стремящіеся къ установленію господства демократическихъ принциповъ въ жизни страны, безпощадно разстрѣливаются, какъ то имѣло мѣсто въ Петроградѣ, Москвѣ, Ярославлѣ, Колпинѣ, Сормовѣ и многихъ другихъ городахъ.

Населеніе, доведенное до отчаянія тираніей и несправедливостями большевистской власти, стало въ различныхъ частяхъ страны возставать противъ большевиковъ, чтобы свергнуть ихъ ненавистный режимъ, и всюду паденіе этого режима неизмѣнно вызывало искреннее и всеобщее ликованіе. Вся Россія, всѣ слои и классы русскаго народа теперь противъ большевиковъ; большевизма давно уже не осталось бы въ Россіи, если бы у него не

Похороны жертвъ большевиковъ.

нашлось сильныхъ и услужливыхъ иноземныхъ друзей. Друзья эти— всѣ тѣ, кому выгоденъ развалъ Россіи, и кто хочетъ хищнически обогатиться на ея счетъ, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ народамъ. Первые среди нихъ—германцы.

Искусно пользуясь крайностями большевистской пропаганды, широко помогая большевикамъ деньгами, военно-плѣнными солдатами и офицерами, грозя имъ и приказывая, Германія уже успѣла разрушить всю экономическую жизнь Европейской Россіи обезсиленіемъ русскаго рабочаго класса и подготовить полное господство своей промышленности на русскомъ рынкѣ.

Каждому ясно, что выходъ Россіи изъ войны и распадъ ея оказываютъ глубочайшее вліяніе на судьбы всѣхъ остальныхъ государствъ. Но этого мало: вопросъ о будущемъ Россіи правительства и народы вселенной по справедливости должны разсматривать, какъ вопросъ объ ихъ собственномъ будущемъ.

Россія не погибнетъ. Она больна, но не мертва.

Процессъ возстановленія ея національныхъ силъ идетъ съ необычайной быстротой, и она до тѣхъ поръ не перестанетъ стремиться къ возвращенію своего единства, пока вполнѣ не добьется этой великой цѣли. Безъ возсозданія великой и крѣпко спаянной въ своихъ частяхъ Россіи не можетъ быть прочнаго международнаго равновѣсія и порядка.

Въ этомъ сознаніи Временное Всероссійское Правительство, принявшее отъ народовъ Россіи, областныхъ ея правительствъ, отъ Съѣзда и Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, земствъ и городовъ и пр. всю полноту верховной государственной власти, обращаетъ нынѣ взоры свои на союзныя державы. Оно ждетъ отъ нихъ помощи и считаетъ себя вправѣ просить о ней со всей настойчивостью.

Къ президенту Великой Сѣверо-Американской республики, признанному безкорыстному апостолу мира и братства среди народовъ, обращенъ его первый призывъ. Вся прежняя помощь Россіи со стороны ея союзниковъ окажется напрасной, если новая помощь придетъ слишкомъ поздно и въ недостаточно широкихъ размѣрахъ. Каждый часъ промедленія грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для Россіи, для самихъ союзниковъ и для всего міра.“

Щедрыя обѣщанія Жанена.

Какъ бы отзвукомъ на горячій призывъ Авксентьева явилось, нѣсколько спустя, не жалѣвшее обѣщаній интервью фран-

цузскаго генерала Жанена. Этотъ столь „блестяще“ закончившій свою карьеру въ Сибири генералъ тогда только что прибылъ во Владивостокъ. Когда ему задали вопросъ—будутъ ли союзники активно помогать Россіи въ борьбѣ съ большевизмомъ, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ утвердительно.

„*Въ теченіе ближайшихъ 15 дней вся совѣтская Россія будетъ окружена со всѣхъ сторонъ и будетъ вынуждена капитулировать.*“

Какъ жаль, что у насъ не принято вести для политическихъ дѣятелей особый „dossier“.

Вмѣстѣ съ Жаненомъ въ Сибирь пріѣхалъ чешскій военный министръ Стефанекъ. Онъ былъ осторожнѣе въ своихъ обѣщаніяхъ. „Мы имѣемъ задачей,“ сказалъ онъ, „вернуть чехо-словацкое войско домой. Но мы бы дѣйствовали противъ традицій нашихъ предковъ, если бы не согласовали поступковъ съ честью солдата и совѣстью славянина.“

Русскимъ генераламъ Стефанекъ, однако, заявилъ, что онъ умретъ въ Сибири, но заставитъ чеховъ помочь борьбѣ съ большевиками. Въ это время деморализація чешскихъ частей, при благосклонномъ участіи членовъ Учредительнаго Собранія, убѣждавшихъ чехо-войско въ „недемократичности“ антибольшевистскаго правительства, шла полнымъ ходомъ. Сѣмена упали на благодатную почву.

Но я не буду сейчасъ говорить о внѣшней политикѣ Омска: она развернулась при адмиралѣ Колчакѣ, и къ эпохѣ его появленія я и пріурочу свои воспоминанія въ этой области.

Объективная дѣйствительность.

16 ноября, наканунѣ переворота, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Ключниковъ подалъ Авксентьеву записку, въ которой старался освободить Директорію отъ излишняго оптимизма.

„Какъ самостоятельная политическая сила, Россія сумѣетъ отстоять свои жизненные интересы только въ томъ случаѣ, если будетъ отстаивать ихъ вся цѣликомъ“. Союзники тоже будутъ стремиться найти линію поведенія по отношенію къ Россіи въ цѣломъ. Можетъ ли Директорія разсчитывать на признаніе ея Всероссійскимъ Правительствомъ?

Ключниковъ высказываетъ по этому вопросу большія сомнѣнія.

„Союзники или отсрочатъ признаніе Временнаго Всероссійскаго Правительства, или вовсе откажутъ ему въ признаніи, въ виду

притязательности его претензій и несоотвѣтствія ихъ съ реальной политической обстановкой. Врядъ ли союзники въ состояніи считать теперь территорію Временнаго Всероссійскаго Правительства единственнымъ политическимъ центромъ, къ которому должно направляться дѣло всероссійскаго объединенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическія настроенія на территоріи Временнаго Всероссійскаго Правительства таковы, что Правительству нельзя не считаться съ весьма сильными противодѣйствіями какъ справа, такъ и слѣва. Благодаря этому, заграницей могутъ придти къ убѣжденію, что Временное Всероссійское Правительство не вполнѣ отражаетъ политическій обликъ даже и той части Россіи, на которую распространяется его верховенство. Въ представленіи иностранцевъ можетъ получиться, что Временное Правительство держится лишь на равнодѣйствіи борющихся противоположныхъ силъ, не имѣя за собой самостоятельной реальной силы, и что оно окажется не въ состояніи охранять себя, когда одна изъ двухъ силъ получитъ рѣзкій перевѣсъ надъ другой. Наконецъ, именно теперь будетъ особенно настойчиво обращать на себя вниманіе тотъ компромиссный по существу характеръ директоріальной власти, который воплощаетъ въ себѣ Временное Всероссійское Правительство.

При наличіи всѣхъ перечисленныхъ условій, для Временнаго Всероссійскаго Правительства становится чрезвычайно труднымъ и можетъ оказаться несправедливымъ по отношенію ко всей остальной Россіи:

а) настаивать на признаніи себя подлинно всероссійской властью,

б) заставлять подчиниться себѣ остальныя части Россіи,

в) осуществить обѣщаніе собрать Учредительное Собраніе въ составѣ 250 или 170 членовъ къ 1 января или 1 февраля и заставлять Россію подчиниться ему. Быть можетъ, даже болѣе: вообще теперь нельзя ставить вопросъ объ Учредительномъ Собраніи такимъ образомъ, какъ онъ ставился раньше, потому что первой задачей теперь должно явиться не Учредительное Собраніе, а объединеніе отдѣльныхъ правительствъ въ Россіи.“

Ключниковъ, человѣкъ въ Омскѣ совершенно новый, пришелъ къ тому же выводу, которымъ руководилось Сибирское Правительство: сначала оздоровлять окраины, потомъ объединить ихъ правительства и уже затѣмъ притязать на признаніе.

Ключниковъ указалъ и самое больное мѣсто новой власти: искусственность ея созданія, компромиссный характеръ существованія, несоотвѣтствіе ея стремленій общей обстановкѣ (незначи-

тельности освобожденной территоріи, отсутствію правильнаго представительства русскаго національнаго настроенія, оторванности и неавторитетности для другихъ государственныхъ центровъ). Онъ отмѣтилъ и противоестественную зависимость Правительства отъ случайной группы членовъ Учредительнаго Собранія, которая претендуетъ на признаніе ея полномочнымъ вершителемъ судебъ Россіи.

Черновская грамата.

Въ срединѣ ноября членамъ Правительства раздавались и сообщались различныя данныя, свидѣтельствовавшія о томъ нажимѣ на Директорію, который производили пріѣхавшіе члены Учредительнаго Собранія, во главѣ съ Черновымъ. Послѣдній велъ себя особенно вызывающе, причемъ не скрывалъ, что онъ считаетъ день своего коронованія весьма близкимъ.

Центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ опубликовалъ прокламацію, которая напомнила печальные дни революціоннаго Петрограда. Она произвела крайне тяжелое впечатлѣніе рѣшительно на всѣхъ здравомыслящихъ людей и особенно военныхъ, какъ русскихъ, какъ и иностранныхъ. Это было началомъ разложенія арміи. Министръ юстиціи Старынкевичъ поручилъ оберъ-прокурору разсмотрѣть прокламацію съ точки зрѣнія ея уголовно наказуемаго содержанія.

Черновъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался недоволенъ результатами Уфимскаго Совѣщанія, и его прокламація бросила открытый вызовъ Директоріи.

„Удовлетворительнаго рѣшенія задачи организаціи власти на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ достигнуто не было“.

Далѣе прокламація ставитъ въ вину Директоріи „выборъ резиденціи, территоріальное разлученіе со съѣздомъ членовъ Учредительнаго Собранія, передачу важнѣйшихъ общегосударственныхъ функцій соотвѣтствующимъ министрамъ Сибирскаго Правительства, подтвержденіе временнаго роспуска Сибирской Областной Думы, длящуюся безнаказанность вдохновителей и руководителей омскаго контръ-революціоннаго заговора, возстановленіе погонъ и дисциплины стараго типа, попытку ликвидаціи агитаціонно-культурно-просвѣтительной работы въ арміи и цѣлый рядъ различныхъ начинаній, отдающихъ армію въ руки реакціонныхъ генераловъ и атамановъ“...

„...Въ предвидѣніи возможностей политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контръ-революціи, *всѣ*

силы партіи въ настоящій моментъ должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены, съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовыми выдержать удары контръреволюціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противъ большевистскаго фронта.

Работа по собиранію, сплачиванію, всестороннему политическому инструктированію и чисто военная мобилизація силъ партіи должна явиться основой дѣятельности центральнаго комитета, давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія".

Экстренная телеграмма.

Возмутительная прокламація осталась какъ бы незамѣченной со стороны Директоріи. Это произвело крайне тягостное впечатлѣніе. Между тѣмъ, изъ Екатеринбурга пришла слѣдующая телеграмма:

„Омскъ, Зензинову, экстренная. Данное вами 23 сентября (день избранія Директоріи) обязательство остается не выполненнымъ, напротивъ, осуществлено назначеніе, противорѣчащее въ корнѣ его духу. Создавшееся положеніе вынуждаетъ меня задать вамъ двоимъ (Зензинову и Авксентьеву) прямой вопросъ о срокѣ реализаціи обязательства. Недача вами немедленнаго исчерпывающаго отвѣта общественно обяжетъ меня обратиться къ тремъ членамъ Директоріи съ соотвѣтствующимъ открытымъ письмомъ, учесть характеръ вашего обращенія 23 сентября и смыслъ принятаго мною на себя посредничества. Въ частности на васъ, Владимиръ Михайловичъ; я возлагаю личную отвѣтственность за поведеніе въ данномъ вопросѣ третьяго члена Директоріи, завѣренія котораго вы гарантировали мнѣ, *предварительно* полученія, вашимъ честнымъ словомъ. Мой адресъ: гостиница Атаманова. Вадимъ Чайкинъ".

Здѣсь начинался уже шантажъ. Чайкинъ, одинъ изъ членовъ Учредительнаго Собранія, черновецъ, угрожаетъ Зензинову раскрыть какія-то закулисныя тайны Уфимскаго Совѣщанія.

Предчувствіе Зензинова.

Въ дневникѣ Зензинова имѣется, между прочимъ, мѣсто, гдѣ онъ сознается, что временами испытываетъ тревожное безпокойство. Услышитъ шумъ, стукъ—и ему кажется, что уже идутъ „арестовать".

Онъ чувствовалъ вездѣ враговъ, переворотъ казался ему неизбѣжнымъ. Съ другой стороны, въ Омскѣ упорно говорили, что переворотъ готовитъ Роговскій, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, который привезъ съ собою изъ Самары особую стражу, свою развѣдку и деньги.

Кто изъ двухъ раньше?

18 ноября.

Рано утромъ меня разбудилъ секретарь Вологодскаго.

— Вы ничего не знаете?

— Нѣтъ.

— Директорія арестована! Сейчасъ экстренное засѣданіе Совѣта министровъ.

Ѣду въ Совѣтъ министровъ. По дорогѣ встрѣчаю Вологодскаго, въ сопровожденіи только что прибывшаго изъ Томска Гаттенбергера и большого конвоя. Въ зданіи Совѣта еще не всѣ министры, многіе взволнованы. Никто ничего не знаетъ, Вологодскій не освѣдомляетъ. „Подождите," говоритъ, „сразу скажу."

Приходитъ Колчакъ. Онъ только что прибылъ съ фронта, куда поѣхалъ сейчасъ же по назначеніи его министромъ. Разсказываетъ о теплой встрѣчѣ, которая ему была оказана, о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ на фронтѣ солдаты. Всѣ стараются говорить о постороннихъ вещахъ.

Позже другихъ является Михайловъ. Его разыскивали. Наконецъ, всѣ въ сборѣ.

Вологодскій открываетъ засѣданіе; рядомъ съ нимъ Виноградовъ. Вологодскій сообщаетъ объ арестѣ Авксентьева, Зензинова, Аргунова и Роговскаго, о томъ, что уже обнаружились очевидцы того, какъ полк. Красильниковъ, одинъ изъ организаторовъ противобольшевистскихъ казачьихъ отрядовъ, ночью на улицѣ спрашивалъ своихъ офицеровъ: „ну, что, готово?" Видѣли какой-то грузовикъ, набитый солдатами.

Что же дальше?

Воцарилось тягостное молчаніе. Я могу утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что для подавляющаго большинства переворотъ былъ совершенно неожиданнымъ. Я, напримѣръ, только догадывался о подготовляющемся заговорѣ, потому что слышалъ какъ-то отъ одного офицера, что всѣ военные были бы рады видѣть, вмѣсто Директоріи, одно лицо. И когда я спросилъ, есть ли такое лицо, которое пользовалось бы общимъ авторитетомъ, то онъ сказалъ: „да, теперь есть".

Могу также съ увѣренностью сказать, что о переворотѣ ничего не зналъ и Колчакъ. Мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ участниковъ переворота, покойный нынѣ В. Н. Пепеляевъ, какъ происходили совѣщанія въ вагонѣ на вѣткѣ омскаго вокзала, какъ рѣшено было предварительно показать адмирала Колчака на фронтѣ, гдѣ заранѣе подготовлена была ему встрѣча, какъ адмиралу внушили мысль поѣхать и выполнили весь планъ, въ разсчетѣ, что, подъ вліяніемъ выслушаннаго тамъ и подъ впечатлѣніемъ встрѣчи, онъ не уклонится принять на себя роль диктатора.

Совѣтъ министровъ былъ застигнутъ врасплохъ. Нѣкоторое время въ засѣданіи царило тягостное молчаніе.

Первымъ взялъ слово министръ продовольствія Зефировъ. „Я думаю о политикѣ“, сказалъ онъ, „прежде всего съ точки зрѣнія рубля, которымъ оперирую, какъ покупатель. Въ интересахъ этого рубля я желалъ бы, чтобъ сейчасъ же было выяснено, кому же принадлежитъ теперь власть“.

Послѣ этого пренія пошли по пути исканія формъ власти. Фактъ сверженія Директоріи былъ признанъ. Возстановленіе Авксентіева и Зензинова казалось немыслимымъ. Власть могла перейти къ тремъ оставшимся членамъ Директоріи, но это былъ бы суррогатъ директоріи, идея которой, какъ коалиціи, умирала вмѣстѣ съ выходомъ лѣвой половины. Принятіе власти всѣмъ составомъ Совѣта министровъ было бы повтореніемъ неудачнаго опыта Временнаго Россійскаго Правительства князя Львова и Керенскаго. Казалось невозможнымъ и созданіе новой директоріи, послѣ того, какъ эта форма оказалась скомпрометированной примѣрами только что пережитой эпохи Сибирской Директоріи, какою, по существу, было Правительство Вологодскаго, разлагавшееся отъ внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ партійныхъ воздѣйствій, и еще болѣе кратковременной и безотрадной дѣятельности Директоріи.

—Значитъ, диктатура? окончательно формулировалъ въ формѣ вопроса Виноградовъ.

Признаюсь, когда этотъ вопросъ былъ заданъ, я пережилъ минуты тяжкаго волненія.

Подготовляя декларацію Вологодскаго для Сибирской Областной Думы, я съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностью вставилъ въ нее фразу о диктатурѣ, „заранѣе обреченной на неудачу“. Я былъ убѣжденъ въ этомъ, потому что только исключительно выдающійся и удачливый диктаторъ могъ бы примирить

съ собою стихію революціи, не выносящей никакого ,,навязаннаго" ей порядка, признающей только то, что сохраняетъ ея свободу.

Кто можетъ быть диктаторомъ? Послѣ теоретическихъ разсужденій о формѣ власти надо было поставить и этотъ роковой вопросъ. Тогда взоры всѣхъ обратились на адмирала Колчака.

—Кто? спросилъ Вологодскій.

—Ген. Болдыревъ! отвѣтилъ Розановъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Болдыревъ, который уже сейчасъ состоитъ Верховнымъ вождемъ арміи, не можетъ быть въ настоящее время смѣщенъ безъ ущерба для дѣла. Въ этомъ смыслѣ высказался и адмиралъ Колчакъ.

—Адмиралъ Колчакъ, назвали другіе.

Генералъ Хорватъ! почему-то не сказалъ, а написалъ мнѣ министръ путей Устуговъ.

Генералъ Хорватъ былъ популяренъ, главнымъ образомъ, на Д. Востокѣ, да и тамъ, благодаря тому, что онъ возглавлялъ одно изъ правительствъ, вокругъ его имени создались слишкомъ ожесточенная борьба и озлобленность. Ген. Болдыревъ былъ мало популяренъ въ арміи. Это былъ ,,новый человѣкъ", онъ не могъ конкурировать съ адмираломъ Колчакомъ.

Но зналъ ли кто-нибудь близко адмирала Колчака? Въ Совѣтѣ министровъ—никто.

Съ Д. Востока были привезены кое-какія свѣдѣнія о неуравновѣшенности его характера, но здѣсь, въ Омскѣ, его видѣли всегда сосредоточеннымъ и спокойнымъ. Устуговъ могъ разсказать больше, но онъ этого не сдѣлалъ.

Колчакъ не отказался баллотироваться. За него были поданы всѣ голоса, кромѣ одного. Одинъ былъ данъ за Болдырева.

Любопытно, что изъ состава Совѣта противъ диктатуры возражалъ только Шумиловскій. Всѣ министры, ставленники Директоріи, оказались сторонниками единовластія.

Такъ совершился переходъ къ диктатурѣ. Былъ ли другой выходъ изъ положенія, сложившагося къ 18 ноября, я затрудняюсь сказать. Для меня ясно лишь то, что избраніе Верховнаго Правителя оказалось актомъ *вынужденнымъ*, послѣдствіемъ партійной борьбы и военнаго заговора. Исторія знаетъ диктатуру, сила которой покоилась на *народномъ* избраніи—этого въ Омскѣ не было. Идея диктатуры была выдвинута малочисленною группою населенія. Адмиралу Колчаку предстояло завоевать себѣ всеобщее признаніе. Если бы диктатура создалась сама собою, по мѣ-

рѣ роста вліянія и укрѣпленія авторитета одного лица, то общее преклоненіе замѣнило бы тогда оффиціальное признаніе. У адмирала Колчака было славное имя, оно помогло ему укрѣпиться, но имя его было чуждо широкимъ народнымъ кругамъ, и ему предстояло создать себѣ народную популярность.

Адмиралъ принялъ избраніе; но онъ еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какъ широка будетъ его власть. Это обнаружилось при установленіи титула. Онъ былъ смущенъ предложеннымъ званіемъ „Верховнаго Правителя", ему казалось достаточнымъ званіе Верховнаго Главнокомандующаго, съ полномочіями въ области охраны внутренняго порядка. Между тѣмъ, членамъ Правительства казалось, наоборотъ, что адмиралъ не долженъ быть Верховнымъ Главнокомандующимъ. Въ его лицѣ разсчитывали видѣть устойчивую верховную власть, свободную отъ функцій исполнительныхъ, не зависящую отъ какихъ-либо партійныхъ вліяній и одинаково авторитетную какъ для гражданскихъ, такъ и для военныхъ властей.

Однако, адмиралъ настаивалъ, что именно Верховнымъ Главнокомандующимъ онъ и долженъ быть, такъ какъ не имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ военныхъ дѣлъ—значило, по его мнѣнію, не имѣть вообще ни силы ни значенія.

Совѣтъ министровъ согласился, не продумавъ значенія и послѣдствій своего рѣшенія. На этотъ разъ ошибка оказалась несомнѣнной, но обнаружилась она позднѣе, когда выяснилось, что адмиралъ фактически не былъ и не могъ быть Главнокомандующимъ, такъ какъ онъ былъ силенъ на морѣ, а не на сушѣ.

Роковая неожиданность переворота поставила Совѣтъ министровъ передъ фактомъ, заставила его принять рѣшеніе безъ подготовки, избрать диктатора, недостаточно оцѣнивъ его качества, опредѣлить его права, не выяснивъ твердо политическихъ цѣлей. Я никогда не былъ революціонеромъ, и опытъ пережитаго лишь укрѣпилъ меня въ убѣжденіи, что всякій переворотъ приноситъ больше несчастья, чѣмъ выгодъ. Тѣ, кто свергнулъ Директорію, приняли на себя тяжкую отвѣтственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущаго, сговорившись лишь на замѣнѣ Директоріи Колчакомъ.

Вологодскій остается.

Послѣ избранія Верховнаго Правителя, Вологодскій и Виноградовъ заявили объ оставленіи ими должностей Предсѣдателя

Совѣта министровъ и замѣстителя Предсѣдателя. Виноградовъ при этомъ добавилъ, что онъ остался бы, если бы вѣрилъ, что происшедшее принесетъ благо странѣ, но онъ въ это не вѣритъ.

Попытка уговорить его остаться, чтобъ усилить преемственность власти, не увѣнчалась успѣхомъ. Иначе отнесся къ этимъ просьбамъ Вологодскій. Онъ расплакался въ засѣданіи — до такой степени былъ взволнованъ всѣмъ происшедшимъ. Со свойственною ему искренностью онъ заявилъ, что ни совѣсть ни разсудокъ не позволяютъ ему остаться, и что онъ не видитъ въ себѣ надобности. Но общая единодушная просьба, поддержанная и Колчакомъ, остаться во главѣ Совѣта министровъ, чтобы Сибирь, привыкшая къ имени Вологодскаго, знала о томъ, что у власти остались прежніе люди, повліяла на мягкаго и уступчиваго Предсѣдателя, и онъ остался.

Конструкція власти.

Значитъ, диктаторъ? спросилъ Виноградовъ. По существу, это было такъ. Но Совѣтъ министровъ, не стремившійся къ установленію диктатуры, искалъ какого-то средняго выхода, и, когда Старынкевичу, Тельбергу и мнѣ предложено было выработать основной законъ, опредѣляющій права Верховнаго Правителя и права Совѣта министровъ, мы остановились на мысли, что *Россійское Правительство составляютъ Верховный Правитель и Совѣтъ министровъ.* Законодательная власть Верховнаго Правителя была ограничена, онъ сталъ „диктаторомъ конституціоннымъ“.

На актѣ 18 ноября отразились какъ спѣшность его составленія, такъ и двойственность настроенія его авторовъ, и я, одинъ изъ трехъ авторовъ, сознаю, что актъ этотъ былъ не вполнѣ удаченъ. Мы разсчитывали на восполненіе его новымъ Положеніемъ о Совѣтѣ министровъ, которое было поручено разработать новому управляющему дѣлами, проф. Тельбергу. Но онъ не сдѣлалъ этого, а практика пошла путемъ зигзаговъ, которые, въ результатѣ, исказили сущность ноябрьской конституціи.

Совѣтъ министровъ превратился въ *законодательный* органъ, не отвѣтственный за внутреннюю и внѣшнюю политику. Вся тяжесть политической отвѣтственности пала на плечи адмирала и его ближайшихъ совѣтниковъ.

Причины переворота.

Что послужило причиною переворота?

Я думаю, основная причина — это общая неудовлетворенность уфимскимъ компромиссомъ. Директорія—креатура лѣвыхъ—утратила свой престижъ у эсеровъ, какъ только тамъ появился Черновъ.

Изъ оставшихся послѣ Директоріи матеріаловъ выяснилось, что на засѣданіяхъ эсеровъ, происходившихъ въ Самарѣ съ конца августа по начало сентября 1918 г., когда поставленъ былъ вопросъ объ „отвѣтственности власти въ ультимативной формѣ, большинство высказалось за возможность, въ *крайнемъ случаѣ*, признать безотвѣтственную власть—такое рѣшеніе принято было большинствомъ 35 голосовъ противъ 7. Затѣмъ, когда этотъ вопросъ былъ поставленъ не въ ультимативной формѣ, отвѣтственность Временнаго Правительства передъ съѣздомъ членовъ Учредительнаго Собранія была принята большинствомъ 19 противъ 14 при двухъ воздержавшихся, а вся резолюція принята была 25 противъ 13 при 1 воздержавшемся, на собраніи фракціи 4 октября.“

Первое голосованіе явно свидѣтельствовало о готовности партіи принести партійные интересы въ жертву государственной необходимости создать всероссійскую власть. Но стоило Чернову взять въ свои руки бразды правленія—и всѣ эсеры-максималисты закусили удила. Второй партійный съѣздъ, состоявшійся уже послѣ избранія Директоріи, постановилъ, что члены партіи, участвующіе въ правительствѣ, должны нести отвѣтственность за свою политику *передъ центральнымъ комитетомъ партіи*. Это рѣшеніе окончательно скомпрометировало Авксентьева, Зензинова и Роговскаго въ глазахъ военныхъ и буржуазныхъ круговъ.

Лѣвыя и правыя группы были настроены враждебно къ Директоріи. Центръ еще не успѣлъ сложиться. Онъ еще связанъ былъ съ эпигонами Сибирскаго Правительства, которое имѣло реальную жизненную опору въ умѣренныхъ элементахъ. Директорія висѣла въ воздухѣ—некому было придти ей на помощь.

Неизбѣжность рѣшенія.

Что могъ сдѣлать въ такой обстановкѣ Совѣтъ министровъ? Мыслимо ли было возсозданіе Директоріи? Каковъ былъ бы ея удѣльный вѣсъ послѣ вынужденнаго путешествія главы Директоріи на грузовомъ автомобилѣ въ загородныя казачьи казармы? Ка-

кими средствами можно было бы предотвратить новыя самоуправства отдѣльныхъ воинскихъ отрядовъ?

Совѣтъ министровъ вынужденъ былъ всѣмъ ходомъ событій сосредоточить верховную власть въ рукахъ одного лица, одинаково авторитетнаго и для гражданскихъ и для военныхъ круговъ.

Совѣтъ министровъ не закрывалъ глазъ на ту грозную опасность военнаго самоуправства, которая создавалась справа. Онъ одинаково осуждалъ и разрушительную работу черновцевъ и укрѣплявшуюся атаманщину.

Эти мотивы указаны въ опубликованномъ 20 ноября правительственномъ сообщеніи о переворотѣ:

„Сосредоточеніе власти, отвѣчающее общественнымъ настроеніямъ, остановитъ, наконецъ, не прекращающіяся покушенія справа и слѣва на неокрѣпшій еще государственный строй Россіи— покушенія, глубоко потрясающія государство въ его внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи и подвергающія опасности политическую свободу и основныя начала демократическаго строя.

Сосредоточеніе власти необходимо, какъ для дѣятельной борьбы противъ разрушительной работы противогосударственныхъ партій, такъ и для прекращенія самоуправныхъ дѣйствій отдѣльныхъ воинскихъ отрядовъ, вносящихъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь страны и въ общественный порядокъ и спокойствіе.“

Процессъ борьбы съ большевизмомъ, ея подпольный періодъ и безсистемность сверженія большевиковъ, созданная чешскими выступленіями въ различныхъ мѣстахъ, привели къ неожиданнымъ и крайне уродливымъ явленіямъ.

Бывшіе руководители антибольшевистскихъ офицерскихъ организацій въ главныхъ городахъ Сибири какъ будто подѣлили ее между собой, учредивъ военные округа и ставъ во главѣ этихъ круговъ. Они ввели территоріальную систему, при которой каждый округъ автономенъ, т. е. онъ формируетъ у себя корпусъ войскъ изъ мѣстныхъ людей и на мѣстныя средства. Поэтому каждый округъ считаетъ своей собственностью все войсковое имущество, находящееся на складахъ въ округѣ, и не дѣлится имъ съ другими.

Это и было нарожденіе „атаманщины“, превращеніе государства въ какое-то феодальное средневѣковое сожительство васcаловъ, мало считающихся съ сюзереномъ.

Пока Самара съ Томскомъ сочиняли заговоры и отвлекали вниманіе Омскаго Правительства отъ дѣловой работы, эти уродливыя явленія становились все прочнѣе.

Адмиралъ Колчакъ.

Кто, кромѣ авторитетнаго военнаго человѣка, казалось Совѣту министровъ, могъ справиться съ этими мѣстными царьками?

Былъ ли другой выходъ?

Можно было повернуть обратно—созвать Сибирское Собраніе и возсоздать Сибирское Правительство. Но жребій былъ брошенъ; провозгласивъ лозунгъ объединенія, возвращаться къ областничеству казалось уже безуміемъ. Страна вновь распалась бы, и мучительный процессъ ея собиранія могъ бы оказаться болѣе труднымъ. Въ моментъ собиранія страны, при попыткѣ созданія общегосударственнаго центра, областничество можетъ быть только вредно. Оно хорошо, какъ средство, при освобожденіи окраинъ и, какъ цѣль второй очереди, послѣ объединенія государства.

Вина Директоріи.

Можно ли упрекать слабыхъ волею, недальновидныхъ людей за то, что они не обладаютъ характеромъ и прозорливостью? У Директоріи не было другой вины передъ Россіей. Всѣ вымыслы о якобы имѣвшихъ мѣсто сношеніяхъ Авксентьева съ большевиками, никѣмъ никогда не подтверждавшіеся, искаженно передававшіеся отзывы его объ арміи—все это тѣнь злобы и раздраженія нападавшихъ. Неумѣніе показать независимость отъ эсеровъ, постоянныя совѣщанія съ партійными дѣятелями, многословіе и отсутствіе реальности въ политикѣ—вотъ истинная вина Директоріи. Но, если всмотрѣться въ обстановку ея работы, то приходится признаться, что Директорія съ первыхъ же дней не владѣла событіями. Жизнь шла мимо нея: слишкомъ искусственно было ея созданіе, слишкомъ далеко она стояла отъ реальныхъ политическихъ силъ.

Акты государственнаго переворота.

18 ноября по телеграфу во всѣ концы Сибири были переданы слѣдующія сообщенія:

„Вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій, прервавшихъ дѣятельность Временнаго Всероссійскаго Правительства, Совѣтъ министровъ, съ согласія наличныхъ членовъ Временнаго Всероссійскаго Правительства, постановилъ принять на себя полноту верховной государственной власти.“

„Постановленіе Совѣта министровъ отъ 18 ноября 1918 г. Въ виду тяжкаго положенія государства и необходимости сосре-

доточить всю полноту верховной власти въ однѣхъ рукáхъ, Совѣтъ министровъ постановилъ передать временно осуществленіе верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоивъ ему наименованіе Верховнаго Правителя.“

Крестъ власти.

Адмиралъ Колчакъ, со своей стороны, обратился къ населенію со слѣдующимъ воззваніемъ:

„Всероссійское Временное Правительство распалось. Совѣтъ министровъ принялъ всю полноту власти и передалъ ее мнѣ, адмиралу Александру Колчаку.

Принявъ крестъ этой власти въ исключительно трудныхъ условіяхъ гражданской войны и полнаго разстройства государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакціи ни по гибельному пути партійности.

Главной своей цѣлью ставлю созданіе боеспособной арміи, побѣду надъ большевизмомъ и установленіе законности и правопорядка, дабы народъ могъ безпрепятственно избрать себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ, и осуществить великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру.

Призываю васъ, граждане, къ единенію, къ борьбѣ съ большевизмомъ, къ труду и жертвамъ“.

Верховный Правитель, адмиралъ Колчакъ.

18 ноября 1918 года. Городъ Омскъ.“

Конецъ 1-й части.

Приложеніе 1 къ главѣ VI.

Списокъ

Членовъ Сибирской Областной Думы

къ 15-му августа 1918 года.

1) *Потанинъ* Григорій Николаевичъ, отъ Чрезвычайнаго Сибирскаго Съѣзда.

2) *Малаховъ*, отъ Исполнительнаго Комитета Алтайскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.

3) *Борисовъ* Сергѣй Степановичъ, отъ Алтайской Губернской Земской Управы.

4) *Саіевъ* Юсуфъ Раадовичъ, отъ Томской Губернской Земской Управы.

5) *Карповъ* Нурилла Мухамеджановичъ, отъ татаръ.

6) *Никоновъ* Сергѣй Павловичъ, отъ Томскаго Университета.

7) *Шатиловъ* Михаилъ Бонифатьевичъ, членъ Учредительнаго Собранія.

8) *Адріановъ* Александръ Васильевичъ, кооператоръ.

9) *Сотниковъ* Александръ Александровичъ, Минус. каз. войска.

10) *Еверовъ* Александръ Мануэлевичъ, отъ Западно-Сибирскаго района Сіонистской организ.

11) *Гайсинъ* Зарифъ Савичъ, отъ татаръ.

12) *Шкундинъ* Зиновій Исааковичъ, Вост.-Сибир. района Сіонист. организаціи.

13) *Вейнбергъ* Борисъ Петровичъ, Сибирск. Высш. женск. курсовъ.

14) *Романовъ* Александръ Дмитріевичъ, отъ союза служащихъ и рабоч. Юго-Зап. п. Румынск. фронта.

15) *Скуратовъ* Иванъ Ивановичъ, Всеросс. Исполн. Комит. крестьянъ-депутатовъ.

16) *Рудаковъ* Михаилъ Петровичъ, Губернск. Земск. Управы.

17) *Нагорный* Иванъ Емельяновичъ, Акмолинской Украин. Рады.

18) *Неслуховскій* Сергѣй Константиновичъ, отъ студенчества.

19) *Черемныхъ* Иванъ Агѣевичъ, Всесибирск. к-та крестьянск. депут.

20) *Никитинъ* Валерьянъ Евгеньевичъ, Всесибирск. к-та крест. депут.

21) *Мраморновъ* Викторъ Васильевичъ, Технологич. Института.

22) *Куксманъ* Рудольфъ Яновичъ, отъ объединен. Эстл.

23) *Устьяровъ*, отъ фронта.

24) *Якушевъ* Иванъ Александровичъ, Иркутской городской думы.

25) *Усыгевъ* Павелъ Петровичъ, Алтайскаго Исполнит. К-та Сов. крест. депут.

26) *Обуховъ* Павелъ Яковлевичъ, отъ фронта.
27) *Адмурскій* Мееръ Калмановичъ, Сіонист. организ. Средн. Сибири.
28) *Монетовъ* Александръ Дмитріевичъ, отъ фронта.
29) *Барабанщиковъ* Ефимъ Васильевичъ, отъ фронта.
30) *Соболевъ* Афанасій Гавриловичъ, Нов.-Николаевск. кооперат.
31) *Романовскій* Михаилъ Александровичъ, Томскій. кооперат.
32) *Токмашевъ* Георгій Маркеловичъ, Каракорумск. Окр. Упр.
33) *Мазанъ* Борисъ Петровичъ, Главн. К-та Томск. ж. д.
34) *Магницкій* Алексѣй Андреевичъ, Главн. К-та Томск. ж. д.
35) *Лозовой* Тимофей Сергѣевичъ. Омск. город. думы.
36) *Марковъ* Борисъ Димитріевичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
37) *Сухановъ* Павелъ Степановичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
38) *Евдокимовъ* Кузьма Афанасьевичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
39) *Лозовой* Федоръ Сергѣевичъ, 4-го Омск. Крест Област. Съѣзда.
40) *Кобушко* Георгій Васильевичъ, 4-го Омск. Крест. Съѣзда.
41) *Баранцевъ* Трофимъ Владимировичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
42) *Шапошниковъ* Акединъ Ивановичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
43) *Мельниковъ* Федоръ Ефимовичъ, Исполнит. К-та старообряд.
44) *Линдбергъ* Михаилъ Яковлевичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
45) *Строканъ* Владиміръ Антоновичъ, Алтайск. Губ. Рады.
46) *Дѣевъ* Константинъ Степановичъ. Съѣзда Сибир. въ Кіевѣ.
47) *Реннеръ* Іоганнъ Готфридовичъ, Славгород. Район. К-та нѣмец. нац.
48) *Шварцъ* Густавъ Ивановичъ, Омск. Район. К-та нѣмец. нац
49) *Омельковъ* Михаилъ Федоровичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
50) *Любимовъ* Николай Михайловичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
51) *Капустинъ* Александръ Михайловичъ, Главн. К-та Омской ж д.
52) *Плюхинъ* Константинъ Трофимовичъ, отъ Главн. К-та Омск. ж. д.
53) *Шевелевъ* Яковъ Яковлевичъ, Главн. К-та Ачин.-Минус. ж. д.
54) *Величанскій* Григорій Семеновичъ, Главн. К-та Ачин.-Минус. ж. д.
55) *Красевъ* Николай Гавриловичъ, Главн. К-та Кольчуг. ж. д.
56) *Околовичъ* Степанъ Ивановичъ, Н.-Николаев. гор. управ.
57) *Ефимовъ* Вячеславъ Васильевичъ, Главн. К-та Южн.-Сиб. ж. д.
58) *Тобоковъ* Даніилъ Михайловичъ, Каракор. Зем. Упр. отъ инор.
59) *Якушевъ* Георгій Васильевичъ, Главн. К-та Южно-Сибирск. ж. д.
60) *Гридинъ* Иванъ Максимовичъ, Союза Сибири.
61) *Мелентьевъ* Семенъ Матвѣевичъ, Войсков. Круга Ирк. казач. войска.
62) *Неупокоевъ* Вячеславъ Павловичъ, Ирк. Губ. Совѣта крест. депут.
63) *Куликовскій* Петръ Александровичъ, отъ Якутскихъ крест. депут.
64) *Фрезе* Францъ Францевичъ, Ц. К-та нѣмец. нац.

65) *Больтъ* Петръ Ивановичъ, Ц. К-та нѣмец. нац.
66) *Эверстовъ* Иванъ Николаевичъ, Якут. Гор. Народ. Управы.
67) *Больтъ* Генрихъ Генриховичъ, К-та нѣмец. нац. Павл. уѣзда.
68) *Бланковъ* Иванъ Моисеевичъ, Якут. Совѣт. крест. деп.
69) *Мосеенокъ* Кириллъ Емельяновичъ, Томск. гор. думы.
70) *Бахта* Козьма Филипповичъ, 4-го Омскаго Крест. Съѣзда.
71) *Поповъ* Василій Михайловичъ, Якутск. крест. волост. деп.
72) *Сабунаевъ* Михаилъ Васильевичъ, Якут. инородч. упр.
73) *Путинцевъ* Сергѣй Александровичъ, 20 Сибир. стрѣлк. дивизіи Сѣв. фронта.
74) *Бедро* Иванъ Прохоровичъ, Кредит. Коопер. Минус. уѣз. и 2-го Всесиб. Съѣзда кооперат.
75) *Ивановъ* Николай Ивановичъ, Главн. Испол. К-та пост. Кольч. ж. д.
76) *Сѣнниковъ* Николай Константиновичъ, Прав. Союза союзовъ троиц. ж. д.
77) *Стуловъ* Петръ Лукьяновичъ, Прав. Союза союзовъ троиц ж. д.
78) *Клинкгофъ* Леонидъ Федоровичъ, Главн. Дор. Комит. Кольч. ж. д.
79) *Сапожниковъ* Василій Тихоновичъ, Профес. Союза Забайк. ж. д.
80) *Перевѣренко* И. А., Профес. Союза Забайк. ж. д.
81) *Плахинъ* Александръ Тимофеевичъ, Губ. Крест. Съѣзда.
82) *Шкабинъ* Константинъ Алексѣевичъ, Главн. Комит. Алт. ж. д.
83) *Гороховъ* Михаилъ Гавриловичъ, Семипалат. Союза коопер.
84) *Кроль* Моисей Ааронович, членъ Учредительнаго Собранія.
85) *Соколовъ* Кузьма Васильевичъ, Семипалат. Союза кооперат.
86) *Чертовскихъ* Николай Петровичъ, Ирк. Союза коопер.
87) *Занозинъ* Василій Степановичъ, Главн. Дор. К-та Союза служ. и раб. Алт. ж. д.
88) *Иныревъ* Денисъ Ивановичъ, членъ Учредительнаго Собранія.
89) *Гольдбергъ* Исаакъ Григорьевичъ, Томск. Губ. Крест. Съѣзда.
90) *Яновицкій* Вячеславъ Авксентьевичъ, Главной Рады Сибири.
91) *Потапенко* Петръ Николаевичъ, Омск. Украинск. Главной Рады.
92) *Котельниковъ* Дмитрій Павловичъ, членъ Учредительн. Собр.
93) *Ходукинъ* Яковъ Николаевичъ, Ирк. Губ. Земск. Собр.
94) *Буровъ* Козьма Семеновичъ, членъ Учредит. Собран.
95) *Солсвьевъ* Петръ Николаевичъ, Семипалат. Областн. Земск. Упр.
96) *Алановъ* Иннокентій Ивановичъ, Минус. туземн. племенъ.
97) *Яницкій* Евгеній Ивановичъ, Центр. Исполн. К-та Всесибирск. Сов. Крест. Деп.
98) *Воронинъ* Николай Михайловичъ, Ирк. Отд. Всерос. почт.-телегр. союза.
99) *Добряновъ* Матвѣй Петровичъ, 11 Сиб. стрѣлк. дивизіи.
100) *Дишлеръ* Карлъ Германовичъ, Омскаго Коммерч. Институт.
101) *Хомутовъ* Порфирій Михайловичъ, отъ 3-го Томск. Губ. Крест. Съѣзда.
102) *Дурхисановъ* Илья Серафимовичъ, Ирк. Губ. Земск. Упр.

103) *Емельяновъ* Александръ Степановичъ, Ирк. союза кред. и сберег. т-ва.
104) *Девизоровъ* Алексѣй Алексѣевичъ, членъ Учредит. Собранія.
105) *Ломшаковъ* Валентинъ Александровичъ, членъ Учред. Собр.
106) *Шендриковъ* Степанъ Никифоровичъ, членъ Учред. Собр.
107) *Коганъ* Александръ Григорьевичъ, отъ студенч. старост. высш. учебн. зав. гор. Томска.
108) *Талановъ* Павелъ Николаевичъ, отъ 23—24 Сибирск. полковъ.
109) *Кубасовъ* Анатолій Никитьевичъ, отъ Верхнеуд. и Читинск. кооперат. объедин.
110) *Дивидовичъ* Николай Ивановичъ, Барнаульск. гор. управы.
111) *Грингофъ* Христофоръ Самуиловичъ, Томск. латышск. націон. Совѣта.
112) *Новомбергскій* Николай Яковлевичъ, 2-го Всесиб. Кооперат. Съѣзда.
113) *Фоминъ* Николай Валерьяновичъ, 2-го Всесиб. Кооперат. Съѣзда.
114) *Колосовъ* Евгеній Евгеньевичъ, членъ Учредит. Собран.
115) *Солдатовъ* Леонидъ Константиновичъ, Губ. Сов. крест. деп.
116) *Мерхалевъ* Владимиръ Николаевичъ, Губ. Сов. крест. деп.
117) *Станкеевъ* Александръ Гавриловичъ, отъ Союза Сиб. маслодѣл. артелей.
118) *Патушинскій* Григорій Борисовичъ, отъ Якутск. Губ. Сов. крест. деп.
119) *Алексѣевъ* Александръ Константиновичъ, отъ Омск. Окружн. почт.-телегр. Союза.
120) *Дистлеръ* Александръ Григорьевичъ, отъ Томск. гор. думы.
121) *Семеновъ* Федоръ Федоровичъ, онъ же *Лисіенко* Арсеній Павловичъ, членъ Всерос. Учредит. Собранія.
122) *Михайловъ* Павелъ Яковлевичъ, членъ Всерос. Учред. Собран.
123) *Анкудиновъ* Сергѣй Ивановичъ, отъ Омск. Окружн. Комит. почт.-телегр. Союза.
124) *Майнагашевъ* Степанъ Дмитріевичъ, отъ Минус. туземн. плем.
125) *Филашевъ* Н. А. отъ Акмолинск. Област. Земства.
126) *Сошниковъ* Иванъ Александровичъ, отъ Главн. Комит. постр. Кольчуг. дор.
127) *Мухинъ* Александръ Федоровичъ, членъ Всерос. Учред. Собр.

Приложеніе II къ главѣ VI.

Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Списокъ

членовъ Учредительнаго Собранія, вошедшихъ въ Комитетъ до 13 августа 1918 года.

1) *Вольскій* Владиміръ Казимировичъ (Тверской губ.).
2) *Брушвитъ* Иванъ Михайловичъ (Самарской губ.).
3) *Климушкинъ* Прокопій Діомидовичъ (Самарской губ.).
4) *Нестеровъ* Иванъ Петровичъ (Минской губ.).
5) *Фортунатовъ* Борисъ Константиновичъ (Самарской губ.).
6) *Масловъ* Петръ Григорьевичъ (Самарской губ.).
7) *Бѣлозеровъ* Петръ Гавриловичъ (Самарской губ.).
8) *Абрамовъ* Василій Семеновичъ (Румынскій фронтъ).
9) *Шмелевъ* Николай Андреевичъ (Румынскій фронтъ).
10) *Былинкинъ* Арсеній Сергѣевичъ (Румынскій фронтъ).
11) *Богословъ* Яковъ Аркадьевичъ (Самарской губ.).
12) *Дутовъ* Александръ Ильичъ (Оренбургской губ.).
13) *Буревой* Константинъ Степановичъ (Воронежской губ.).
14) *Лазаревъ* Егоръ Егоровичъ (Самарской губ.).
15) *Терегуловъ* Гумеръ Хабибра-Хмановъ (Уфимской губ.).
16) *Подвицкій* Викторъ Владимировичъ (Смоленской губ.).
17) *Кривощековъ* Александръ Ивановичъ (Оренбургской губ.).
18) *Алмазовъ* Валентинъ Ивановичъ (Симбирской губ.).
19) *Николаевъ* Семенъ Николаевичъ (Казанской губ.).
20) *Матушкинъ* Вячеславъ Александровичъ (Оренбургской губ.).
21) *Здобновъ* Николай Васильевичъ (Пермской губ.).
22) *Тухватулинъ* Фатыхъ Наборовичъ (Пермской губ.).
23) *Филипповскій* Василій Николаевичъ (Юго-Западный фронтъ).
24) *Роговскій* Евгеній Францевичъ (Алтайской обл.).
25) *Филатовъ* Василій Александровичъ (Уфимской губ.).
26) *Мининъ* Александръ Аркадьевичъ (Саратовской губ.).
27) *Гендельманъ* Михаилъ Яковлевичъ (Рязанской губ.).
28) *Раковъ* Дмитрій Федоровичъ (Нижегородской губ.).
29) *Зензиновъ* Владиміръ Михайловичъ (Петроградской губ.).
30) *Марковъ* Борисъ Дмитріевичъ (Томской губ.).
31) *Ахмеровъ* Мухитдинъ Гайнетдиновичъ (Уфимской губ.).
32) *Почекуевъ* Кириллъ Тихоновичъ (Симбирской губ.).
33) *Фахретдиновъ* Габдулъ-Ахадъ-Резегдиновичъ (Оренбургской губ.).
34) *Кондратенковъ* Георгій Николаевичъ (Тамбовской губ.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Адмиралъ Колчакъ.-Краткая біографія.-Его политическія стремленія и судьба ихъ . . . . . стр. 1-11

ЧАСТЬ I.

Сибирское Правительство.

Глава I.

Большевизмъ въ началѣ 1918 года.-Большевики и меньшевики.-Большевики и департаментъ полиціи.-Большевики и Германія.-Большевики застигаютъ русскую интеллигенцію врасплохъ. -Большевистскіе комиссары. -Народный судъ.-Совнархозъ.-Отношенія къ деревнѣ.-„Звонить не давай".-Продовольственные походы.-Декретъ о землѣ.-Результаты декрета о землѣ.-Большевизмъ и сибирское крестьянство.-Старожилы и новоселы.-Большевизмъ въ городѣ.-Городской плебсъ.-Законы о наслѣдствѣ и семьѣ.-Соціализмъ изъ-подъ палки.-Походъ на церковь.-Брестскій миръ.-„Бѣсы." -Большевики-разрушители.-Англія и Америка на очереди. -„Большевизмъ" и коммунизмъ". 15-46

Глава II.

Антибольшевизмъ и его подпольная работа.-Большевики ограбили эсеровъ.-Соціалисты въ станѣ противниковъ большевизма.-Враги со всѣхъ сторонъ.-Ненавистные „богатѣи".-Настроеніе сибирскаго крестьянства.-Враги среди рабочихъ.-Горнозаводскіе рабочіе.-Буржуазные враги.-Руководящій центръ.-Дѣятельность эсеровъ и кооперація.-Шансы антибольшевизма въ Сибири къ лѣту 1918 года.-Красная армія.-Неожиданные враги.-Русскія военныя силы.-Бѣлозеленый флагъ.-Быстрота, единеніе, вѣрность. 47-68

Глава III.

Сибирское Правительство.-Дѣло о „сибирскомъ сепаратизмѣ".-Созывъ Сибирской Областной Думы.-Отношеніе общественныхъ круговъ къ Думѣ.-Дѣятельность Областного

Совѣта.-Г. Н. Потанинъ.-П. Я. Дербер̀ъ.-Январьскія засѣданія Думы.-Избраніе Правительства.-Результатъ „выборовъ".-Разгонъ Думы.-Декларація Сибирской Думы.-Переѣздъ Сибирскаго Правительства на Дальній Востокъ.-Дальневосточные политическіе центры.-Союзники.-Семеновщина. . . 69-85

Глава IV.

Западно-Сибирскій Комиссаріатъ.-Декларація новой власти.-Формированіе центральныхъ учрежденій.-Составъ дѣлового управленія.-Двойственность политики Комиссаріата.-Идея Административнаго Совѣта.-Письмо эсеровъ.-Причины смѣщенія Комиссаріата.-Заслуги Комиссаріата.-Переворотъ или преемство. 86-101

Глава V.

Совѣтъ министровъ Сибирскаго Правительства.-Политическое направленіе группы Омскаго Правительства.-П. В. Вологодскій.-В. М. Крутовскій.-Г. Б. Патушинскій.-И. А. Михайловъ.-И. И. Серебренниковъ.-М. Б. Шатиловъ.-Общая характеристика.-Первыя декларації.-Внутренняя политика.-Государственная независимость Сибири.-Вопросъ о созывѣ Думы.-Протестъ противъ созыва Думы. Борьба за власть.-Правительство „царствуетъ, но не управляетъ".-Экономическая политика.-Сибирская армія. 102-131

Глава VI.

Періодъ многовластія и гегемонія Омска.-Самарскій „Комучъ".-Первое Челябинское совѣщаніе.-Уральское Правительство. -Урало-Сибирская дружба.-Западныя границы автономной Сибири.-Самара начинаетъ кампанію.-Эсеръ-сановникъ.-Якушевъ мобилизуетъ членовъ Думы.-Конфликты Омска съ Самарой.-Переговоры объ открытіи Думы.-Наканунѣ открытія Думы.-Открытіе Сибирской Областной Думы.-Аттестатъ незрѣлости.-Декларація Сибирскаго Правительства.-Основная идея момента.-Гроза съ Востока.-Гвоздь сессіи.-Вопросъ о делегаціи въ Челябинскъ.-Законъ о пополненіи Думы.-Резиденція Правительства.-Перерывъ сессій. 132-180

Глава VII.

На пути къ объединенію власти.-За чашкой чая.-Интервью Авксентьева.-Второе Челябинское совѣщаніе.-Делегація эсеровъ у Вологодскаго.-Административный Совѣтъ.-Нѣсколько характеристикъ.-Pro domo sua.-Увольненіе Гри-

шина-Алмазова.-Расширеніе правъ Административнаго Совѣта.-Послѣдняя ночь власти Гришина.-Первые шаги Иванова-Ринова.-Отставка Патушинскаго.-Возобновленіе работъ Думы.-Делегація на Востокъ.-Делегація въ Уфу. 181-206

Глава VIII.

Уфимское Совѣщаніе.-Совѣтъ старѣйшинъ.-Декларації правительствъ и партій.-Пикантное противорѣчіе.-Миссія Вологодскаго на Востокъ.-Секретныя инструкціи въ Уфу. -Остановка въ Иркутскѣ.-Чехи-герои.-Рѣшеніе Массарика и союзниковъ.-Чехи требуютъ всероссійской власти.-Встрѣча съ Семеновымъ. -Японцы. -Дальневосточная неразбериха. -Областная Дума „поддерживаетъ“ Правительство.-Ходъ работъ въ Уфѣ.-Вологодскій во Владивостокѣ.-Краткій обзоръ дѣятельности Правительства автономной Сибири.-Генералъ Гайда.-Омскія событія.-Попытки переворота и содѣйствіе чеховъ.-Несчастная жертва.-Компромиссная Директорія. -23 сентября.-Рѣшеніе судьбы Сибирскаго Правительства.-Якушевъ въ Каноссѣ.-Генералъ Хорватъ.-Завершеніе дальневосточной миссіи. 207-255

Глава IX.

Директорія.-Н. Д. Авксентьевъ.-Генералъ В. Г. Болдыревъ.-В. А. Виноградовъ.-В. М. Зензиновъ.-Первые шаги новой власти. -Призывъ чиновниковъ. -Резиденція. -Иллюзорная власть.-Дѣятельность Административнаго Совѣта. И. А. Михайловъ.-Борьба съ Административнымъ Совѣтомъ. -Дневникъ Зензинова.-Возвращеніе Вологодскаго.-Формированіе Совѣта министровъ.-За областниковъ или противъ нихъ.-Условія Сибирскаго Правительства.-Непрошенная охрана.-Вопросъ о портфеляхъ.-Тайное совѣщаніе.-Омскій блокъ.-Исторія легенды о Колчакѣ и Ноксѣ.-Компромиссъ. -Самарскіе документы.-Надгробное слово.-Послѣдніе акты. -Второй почетный гражданинъ Сибири.-Передача власти. -Засѣданіе 5 ноября.-Банкетъ. 256-283

Глава X.

Переворотъ 18 ноября.-Политическая программа торгово-промышленнаго класса.-Основная идея военной диктатуры.-Пороки „Директоріи“, какъ системы.-Программа Совѣта министровъ.-Упраздненіе Сибирской Думы.-Приговоръ Потанина.-Заслуги Директоріи.-Интервью Авксентьева.-Чешская помощь „до конца“.-Обращеніе къ Америкѣ.-Щедрыя обѣщанія Жанена.-Объективная дѣйствительность.-Черновская грамата.-Экстренная телеграмма.-Предчувствія Зензи-

нова.-18 ноября.-Вологодскій остается.-Конструкція власти.-Причины переворота.-Неизбѣжность рѣшенія.-Вина Директоріи.-Акты государственнаго переворота.-Крестъ власти. 284-316

Приложенія къ главѣ VI.

1. Списокъ членовъ Сиб. Обл. Думы. 2. Комитетъ членовъ Всероссійскаго Учред. Собранія. 317-321

Содержаніе II-го тома.

Часть II.

Адмиралъ Колчакъ.

Глава XI. *Первые дни власти.*
Глава XII. *Интервенція.*
Глава XIII. *Интервенція (продолженіе).*
Глава XIV. *Успѣхи.*
Глава XV. *За кулисами.*
Глава XVI. *Россійскій масштабъ.*
Глава XVII. *На Уралѣ.*
Глава XVIII. *Надежды и обѣщанія.*
Глава XIX *Рецепты спасенія.*

Часть III.

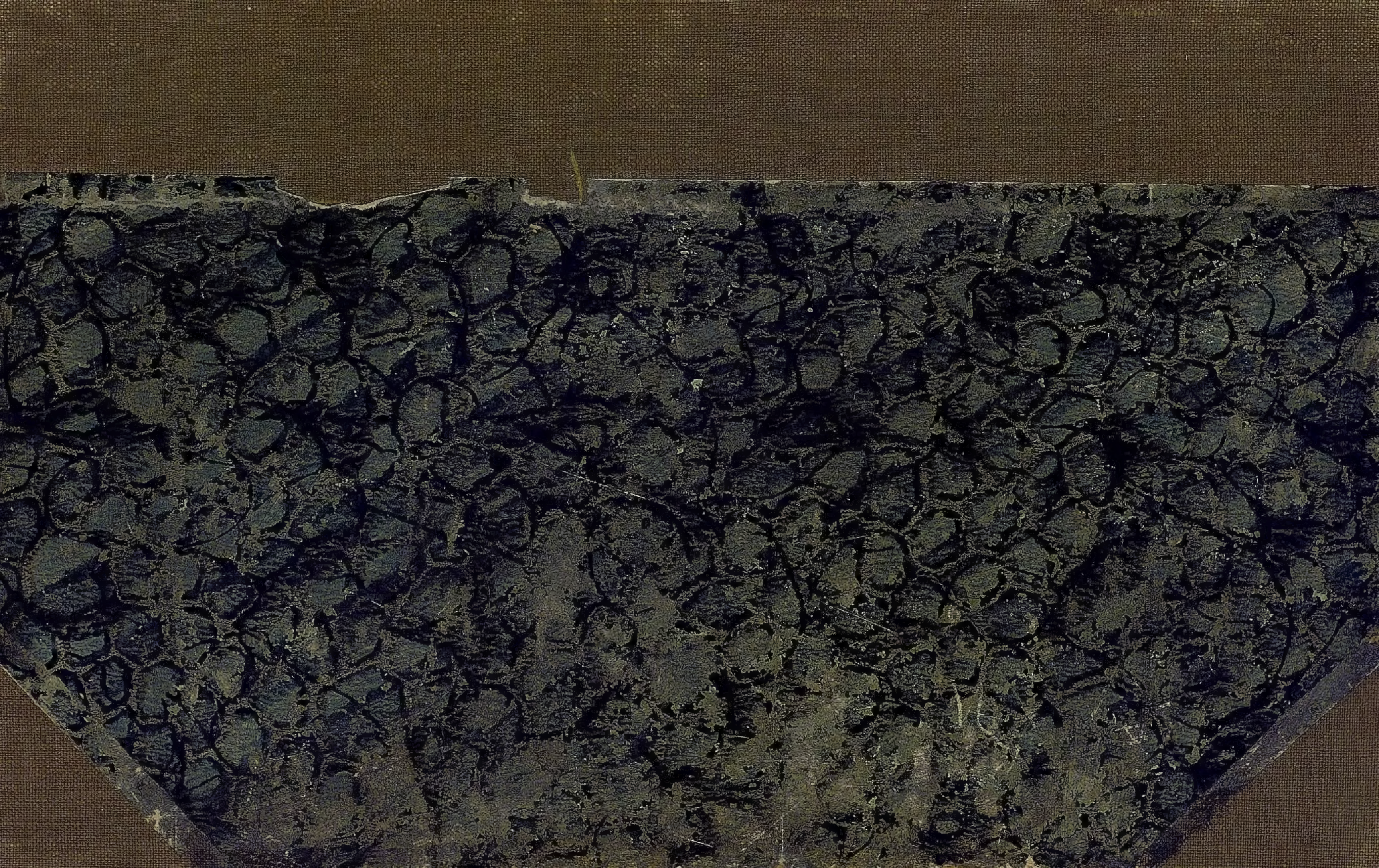
Катастрофа.

Глава XX. *Дружная работа.*
Глава XXI. *Иронія судьбы.*
Глава XXII. *Поѣздка въ Тобольскъ.*
Глава XXIII. *Послѣдняя ставка.*
Глава XXIV. *Побѣждающій большевизмъ.*
Глава XXV. *Въ Иркутскѣ.*
Глава XXVI. *Агонія власти.*
Глава XXVII. *Предательство.*
Глава XXVIII. *Уроки интервенціи.*
Глава XXIX. *Послѣ переворота.*

Заключеніе.

Чему научилъ Омскъ. Поворотный моментъ русской исторіи.

Списокъ опечатокъ и погрѣшностей.

Напечатано:	Страница	Строка	Слѣдуетъ читать:
запальчиность	5	6 снизу	запальчивость
произвшло	7	1 сверху	произошло
о вѣтить	„	8 „	отвѣтить
экономичекое	46	15 снизу	экономическое
Б. М. Шатиловъ	115	3 „	М. Б. Шатиловъ
amico	200	11 „	amica
считался монархистомъ	276	2 „	считался, однако, монархистомъ
объ учрежденіи верховнаго	279	2 сверху	объ учрежденіи должности верховнаго

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ГОРСКОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №.....